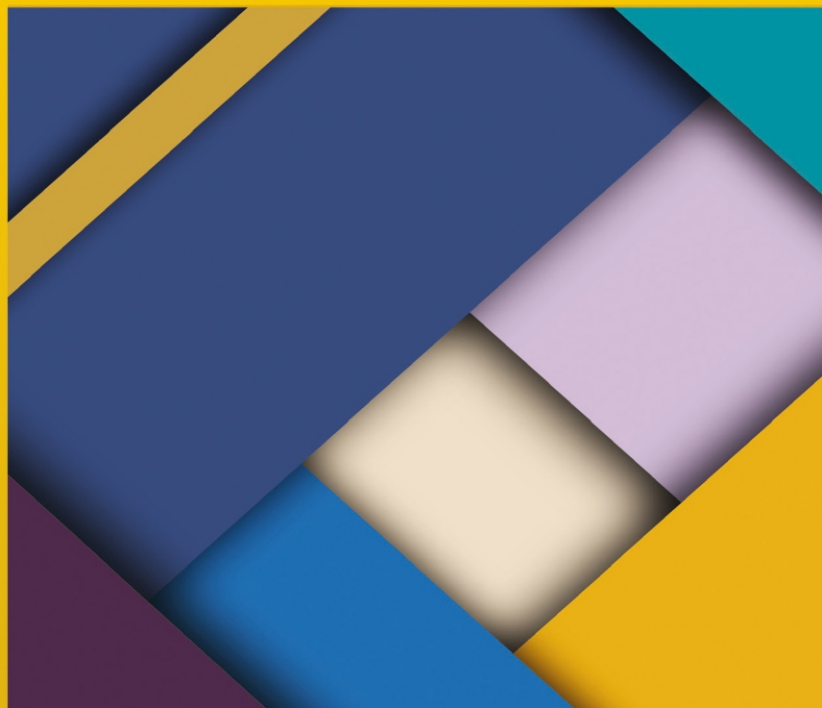

ISSN 2077-1770

СОВРЕМЕННЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ СОЦИАЛЬНЫХ ПРОБЛЕМ

MODERN STUDIES OF SOCIAL ISSUES

Volume 16, Number 4
2024

Современные исследования социальных проблем

Том 16, № 4
2024

Modern Studies of Social Issues

Volume 16, Number 4
2024

Главный редактор

Т.А. Марсумов доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры педагогики им. З.Т. Шарафутдинова ФГБОУ ВО «Набережночелнинский государственный педагогический университет», Набережные Челны, Российская Федерация

Заместители главного редактора

Н.П. Копцева доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой культурологии и искусствоведения ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», Красноярск, Российская Федерация

С.И. Дегтярев доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры конституционного права, теории и истории государства и права Сумской государственный университет, Сумы, Украина

Ф.Х. Тарасова доктор филологических наук, доцент, декан факультета института филологии и межкультурной коммуникации ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский) федеральный университет», Казань, Российская Федерация

Шеф-редактор – Максимов Я.А.

Выпускающие редакторы – Доценко Д.В., Максимова Н.А.

Корректор – Зливко С.Д.

Компьютерная верстка, дизайн – Орлов Р.В.

Технический редактор, администратор сайта – Бяков Ю.В.

Ответственный секретарь – Коробцева К.А.

Красноярск 2024

**Современные исследования социальных проблем /
Modern Studies of Social Issues**

Специализированный академический рецензируемый журнал
Peer-reviewed specialized academic journal

Периодичность. 4 номера в год / Periodicity. 4 issues per year

Том 16, № 4, 2024 / Vol. 16, No 4, 2024

Учредитель и издатель:
ООО Научно-инновационный
центр

Журнал основан в 2009 году
Зарегистрирован в Федеральной службе
по надзору в сфере связи, информационных
технологий и массовых коммуникаций
Свидетельство регистрации
ПИ № ФС 77-39176 от 17.03.2010 г.

Журнал **входит** в Перечень ведущих
рецензируемых научных журналов
и изданий, выпускаемых в РФ, в которых
должны быть опубликованы основные
научные результаты диссертаций
на соискание ученой степени доктора
и кандидата наук

Индексирование и реферирование:

РИНЦ
Ulrich's Periodicals Directory
Cyberleninka
Google Scholar
DOAJ
BASE
EBSCO
WorldCat
OpenAIRE
ЭБС IPRbooks
ЭБС Znanium
ЭБС Лань

**Адрес редакции, издателя
и для корреспонденции:**
Россия, 660127, Красноярский край,
г. Красноярск, ул. 9 Мая, 5 к. 192
E-mail: editor@soc-journal.ru
<http://soc-journal.ru/>
+7 (995) 080-90-42

Founder and publisher:
Science and Innovation Center
Publishing House

Founded 2009
The edition is registered by the Federal
Service of Intercommunication and Mass
Media Control
Mass media registration certificate
PI № FS 77-39176,
issued March 17, 2010.

Modern Studies of Social Issues is **included**
in the List of leading peer-reviewed scientific
journals and publications issued
in the Russian Federation, which should
publish main scientific results of doctor's
and candidate's theses

Indexing and Abstracting:

RSCI
Ulrich's Periodicals Directory
Cyberleninka
Google Scholar
DOAJ
BASE
EBSCO
WorldCat
OpenAIRE
IPRbooks
Znanium
Lan'

Editorial Board Office:
9 Maya St., 5/192, Krasnoyarsk,
660127, Russian Federation
E-mail: editor@soc-journal.ru
<http://soc-journal.ru/>
+7 (995) 080-90-42

Члены редакционной коллегии

Gian Luca Bonora – Archaeologist, Director of the Italian Archaeological Expedition in Kazakhstan, Professor of Central and Middle Archaeology, International Association of Mediterranean and Oriental Studies (Rome, Italy); Professor, Professor of Cultural Anthropology, Pontifical University Antonianum (Rome, Italy)

Абрамов Валерий Петрович – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русского языка как иностранного, заслуженный деятель науки РФ, Кубанский государственный университет (Краснодар, Российская Федерация)

Абросимов Виктор Николаевич – кандидат педагогических наук, ректор и профессор ПОО-ЧУ «Высшая школа социальных отношений» (Минусинск, Российская Федерация)

Алефиренко Николай Федорович – доктор филологических наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ, Почетный работник профессионального образования РФ, Белгородский государственный национальный исследовательский университет (Белгород, Российская Федерация)

Алферов Александр Владимирович – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры французской филологии и межкультурной коммуникации, Пятигорский государственный университет (Пятигорск, Российская Федерация)

Балашова Любовь Викторовна – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры теории, истории языка и прикладной лингвистики, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского (Саратов, Российская Федерация)

Беляева Лариса Николаевна – доктор филологических наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ, профессор кафедры образовательных технологий в филологии, Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена (Санкт-Петербург, Российская Федерация)

Богданович Галина Юрьевна – доктор филологических наук, профессор, декан факультета славянской филологии и журналистики, зав.кафедрой межкультурных коммуникаций и журналистики, Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского (Таврическая академия) (Симферополь, Российская Федерация)

Бочкова Ольга Сергеевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры «Иностранные языки и профессиональная коммуникация», ФГБОУ ВО «Саратовский государственный технический университет имени Гагарина Ю.А.» (Саратов, Российская Федерация)

Валеев Наиль Мансурович – доктор филологических наук, профессор, академик Академии наук Республики Татарстан (АН РТ), Академик-секретарь Отделения гуманитарных наук ГНБУ «Академия наук Республики Татарстан» (Казань, Российская Федерация)

Воркачев Сергей Григорьевич – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры иностранных языков, Кубанский государственный технологический университет (Краснодар, Российская Федерация)

Галиева Фарида Габдулхаевна – доктор филологических наук, кандидат исторических наук, заведующий отделом этнографии ФГБУН «Институт этнологических исследований им. Р.Г. Кузеева» Уфимского научного центра РАН, доцент Филиала МГПУ им. М.А. Шолохова в г. Уфе (Уфа, Российская Федерация)

Гапоненков Алексей Алексеевич, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русской и зарубежной литературы, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского (Саратов, Российская Федерация)

Гасанов Магомед Магомедович – доктор исторических наук, профессор, проректор по учебной работе, заведующий кафедрой истории России с древнейших времен до конца XIX в., Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Дагестанский государственный университет» (Махачкала, Российская Федерация)

Готовцева Анастасия Геннадьевна – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры журналистики и телевизионных технологий, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Российского государственного университета им. А.Н. Косыгина (Технологии. Дизайн. Искусство)» (Москва, Российская Федерация)

Григорьева Татьяна Михайловна – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русского языка, литературы и речевой коммуникации, Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Сибирский

федеральный университет» (Красноярск, Российская Федерация)

Гриценко Галина Дмитриевна – доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник, Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Южный научный центр Российской академии наук (Ростов-на-Дону, Российская Федерация)

Доценко Дмитрий Васильевич – кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных и русского языков, Санкт-Петербургский государственный университет телекоммуникаций им. проф. М.А.Бонч-Бруевича (Санкт-Петербург, Российская Федерация)

Зубова Яна Валерьевна – доктор социологических наук, профессор, заместитель директора по учебной работе, Филиал ФГБОУ ВО «Ухтинский государственный технический университет» в г. Усинске (Усинск, Российская Федерация)

Зуляр Юрий Анатольевич – доктор исторических наук, доцент, декан исторического факультета, заведующий кафедрой политологии, истории и регионоведения ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет» (Иркутск, Российская Федерация)

Иванова Елизавета Васильевна – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры английской филологии и перевода, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Российская Федерация)

Иванюшина Ирина Юрьевна, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русской и зарубежной литературы, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского (Саратов, Российская Федерация)

Катермина Вероника Викторовна – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры английской филологии, ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет» (Краснодар, Российская Федерация)

Колмогорова Анастасия Владимировна – доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой романских языков и прикладной лингвистики, профессор кафедры, Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Сибирский федеральный университет» (Красноярск, Российская Федерация)

Корниенко Алла Алексеевна – доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой французской филологии и межкультурной коммуникации ИРГЯИИГТ Пятигорский государственный университет (Пятигорск, Российская Федерация)

Куприева Ирина Анатольевна – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры английской филологии и межкультурной коммуникации, Белгородский государственный национальный исследовательский университет (Белгород, Российская Федерация)

Литвин Александр Алтерович – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой отечественной истории Высшей школы исторических наук и всемирного культурного наследия Института международных отношений, истории и востоковедения, ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский) федеральный университет» (Казань, Российская Федерация)

Марусенко Михаил Александрович – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой романской филологии, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Российская Федерация)

Матвеева Галина Григорьевна – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры «Мировые языки и культуры», Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Донской государственный технический университет» (Ростов-на-Дону, Российская Федерация)

Мациевский Герман Олегович – доктор исторических наук, доцент, ФГБОУ ВО «Краснодарский государственный институт культуры» (Краснодар, Российская Федерация)

Минченко Татьяна Петровна – доктор философских наук, профессор, профессор кафедры философии и социальных наук, Томский государственный педагогический университет (Томск, Российская Федерация)

Мостицкая Наталья Дмитриевна – кандидат культурологии, доцент, заведующая аспирантурой, Государственный институт искусствознания (Москва, Российская Федерация)

Наумов Владимир Викторович – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации, Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого (Санкт-Петербург, Российская Федерация)

Новиков Николай Сергеевич – кандидат философских наук, профессор кафедры гуманитарных и социальных наук ФГКВОО ВО «Новосибирский военный ордена Жукова институт имени генерала армии И.К. Яковлева войск национальной гвардии Российской Федерации» (Новосибирск, Российская Федерация)

Патюкова Регина Валерьевна – доктор филологических наук, профессор, и.о. зав.

кафедрой рекламы и связей с общественностью, ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет» (Краснодар, Российская Федерация)

Покришук Дмитрий Владимирович – кандидат политических наук, преподаватель кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Российский государственный гуманитарный университет» (Москва, Российская Федерация)

Поповкин Андрей Владимирович – кандидат философских наук, заведующий кафедрой философии ДВО РАН ФГБУН Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока Дальневосточного отделения Российской академии наук (Владивосток, Российская Федерация)

Поповкина Галина Сергеевна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела этнографии, этнологии и антропологии ДВО РАН ФГБУН Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока Дальневосточного отделения Российской академии наук (Владивосток, Российская Федерация)

Прозоров Валерий Владимирович – доктор филологических наук, профессор, научный руководитель Института филологии и журналистики, заведующий кафедрой общего литературоведения и журналистики, Саратовский национальный исследовательский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского (Саратов, Российская Федерация)

Пулькин Максим Викторович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник сектора истории ФГБУН Институт языка, литературы и истории Карельского научного центра Российской академии наук (Петрозаводск, Российская Федерация)

Рядчикова Елена Николаевна – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры общего и славяно-русского языкознания, ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет» (Краснодар, Российская Федерация)

Саенко Наталья Рязиковна – доктор философских наук, кандидат филологических наук, профессор, профессор кафедры «Центр гуманитарного образования», федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Московский политехнический университет» (Москва, Российская Федерация)

Серикалueva Ажар Ермековна – доктор философии (PhD) по специальности «Востоковедение», зам. декана факультета востоковедения по научно-инновационной деятельности и международному сотрудничеству, Казахский национальный университет имени Аль-Фараби (Алматы, Республика Казахстан)

Серов Николай Викторович – доктор культурологии, профессор, Оптическое общество имени Д.С. Рождественского (Санкт-Петербург, Российская Федерация)

Склярова Наталья Геннадиевна – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры теории и практики английского языка, ФГАОУ ВО «Южный федеральный университет» (Ростов-на Дону, Российская Федерация)

Страусов Виктор Никитович – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры лингвокоммуникативистики и прикладных иностранных языков, Пятигорский государственный университет (Пятигорск, Российская Федерация)

Судовиков Михаил Сергеевич – доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры отечественной истории и этнологии, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Вятский государственный университет», директор Кировского областного государственного бюджетного учреждения культуры «Кировский областной краеведческий музей», руководитель научно-исследовательского Центра регионоведения Кировского областного государственного бюджетного учреждения культуры «Кировская ордена Почета государственная универсальная областная научная библиотека имени А.И. Герцена» (Киров, Российская Федерация)

Султангалиева Гульмира Салимжановна – доктор исторических наук, профессор кафедры истории, Казахский национальный университет имени Аль-Фараби (Алматы, Республика Казахстан)

Темирболат Алуа Берикбайкызы – доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой казахской литературы и теории литературы, Казахский национальный университет имени Аль-Фараби (Алматы, Республика Казахстан)

Тетюев Леонид Иванович – доктор философских наук, доцент, профессор кафедры этики и эстетики философского факультета, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского (Саратов, Российская Федерация)

Филимонова Ольга Федоровна – доктор философских наук, доцент, профессор кафедры «Философия», Саратовский государственный технический университет имени Гагарина Ю.А. (Саратов, Российская Федерация)

Фриауф Василий Александрович – доктор философских наук, профессор, профессор кафедры теологии и религиоведения, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского (Саратов, Российская Федерация)

Хошимова Хуршеда Абдуманоновна – кандидат филологических наук, научный секретарь, Институт языка и литературы им. Рудаки Академии наук Республики Таджикистан (Душанбе, Республика Таджикистан)

Шалекенов Мурат Уахитович – доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры археологии, этнологии и музеелогии, Казахский национальный университет имени Аль-Фараби (Алматы, Республика Казахстан)

Широкалова Галина Сергеевна – доктор социологических наук, кандидат философских наук, профессор, ведущий научный сотрудник Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН, Приволжский филиал (Нижний Новгород, Российская Федерация)

Editorial Board Members

Gian Luca Bonora – Archaeologist, Director of the Italian Archaeological Expedition in Kazakhstan, Professor of Central and Middle Archaeology, International Association of Mediterranean and Oriental Studies (Rome, Italy); Professor, Professor of Cultural Anthropology, Pontifical University Antonianum (Rome, Italy)

Valery P. Abramov – Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of Russian as a Foreign Language, Honored Scientist of the Russian Federation, Kuban State University (Krasnodar, Russian Federation)

Viktor N. Abrosimov – Candidate of Pedagogy (Ph.D. in Pedagogy), Rector and Professor of the PEO-PI “Higher school of social relationships” (Minusinsk, Russian Federation)

Nikolay F. Alefirenko – Doctor of Philology, Professor, Honored Worker of Science of the Russian Federation, Honored Worker of Professional Education of the Russian Federation, Belgorod State National Research University (Belgorod, Russian Federation)

Alexander V. Alferov – Doctor of Philology, Professor, Professor of the Department of French Philology and Intercultural Communication, Pyatigorsk State University (Pyatigorsk, Russian Federation)

Lyubov V. Balashova – Doctor of Philology, Professor, Professor of the Department of Theory, History of Language and Applied Linguistics, Saratov National Research University named after N.G. Chernyshevsky (Saratov, Russian Federation)

Larisa N. Belyaeva – Doctor of Philology, Professor, Honored Scientist of Russia, Professor of the Department of Educational Technology in Philology, Russian State Pedagogical University named after A.I. Herzen (St. Petersburg, Russian Federation)

Galina Yu. Bogdanovich – Doctor of Philology, Professor, Dean of the Faculty of Slavic Philology and Journalism, Head of the Inter-Language Communications and Journalism Department, Vernadsky Crimean Federal University (Tavricheskaya Academy) (Simferopol, Russian Federation)

Olga S. Bochkova – Candidate of Philology, Associate Professor of the Department “Foreign Languages and Professional Communication”, Saratov State Technical University named after Gagarin Y.A. (Saratov, Russian Federation)

Nail M. Valeev – Doctor of Philology, Professor, Academician of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, Academician-Secretary of the Department of Humanitarian Sciences, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan (Kazan, Russian Federation)

Sergey G. Vorkachev – Doctor of Philology, Professor, Professor of the Department of Foreign Languages, Kuban State Technological University (Krasnodar, Russian Federation)

Farida G. Galiyeva – Doctor of Philology, Candidate of Historical Sciences, Head of the Department of Ethnography, Institute of Ethnological Research named after R.G. Kuzeev, Ufa Science Center, RAS (Ufa, Russian Federation)

Aleksey A. Gaponenkov, Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of the Department of Russian and Foreign Literature, Saratov National Research University named after N.G. Chernyshevsky (Saratov, Russian Federation)

Magomed M. Gasanov – Doctor of History, Professor, Pro-Rector for Academic Affairs, Head of the Department of Russian History from ancient times until the end of the 19th century, Dagestan State University (Makhachkala, Russian Federation)

Anastasia G. Gotovtseva – Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of the Department of Journalism and Television Technologies, Russian State University named after A.N. Kosygin (Moscow, Russian Federation)

Tatyana M. Grigorieva – Doctor of Philology, Professor, Professor of the Department of Russian Language, Literature and Speech Communication, Siberian Federal University (Krasnoyarsk, Russian Federation)

Galina D. Gritsenko – Doctor of Philosophy, Professor, Chief Researcher, Southern Scientific Center of Russian Academy of Sciences (Rostov-on-Don, Russian Federation)

Dmitry V. Dotsenko – Candidate of Philology (Ph.D. in Philology), Assistant Professor of the Department of Foreign and Russian Languages, The Bonch-Bruевич Saint-Petersburg state university of communication (St. Petersburg, Russian Federation)

Yana V. Zubova – Doctor of Sociology, Professor, Deputy Director for Academic Affairs, Branch of the State Educational Establishment of the Ukhta State Technical University in Usinsk (Usinsk, Russian Federation)

Yury A. Zulyar – Doctor of History, Associate Professor, Dean of the Faculty of History, Head of the Department of Political Science, History and Regional Studies, Irkutsk State University (Irkutsk, Russian Federation)

Elizaveta V. Ivanova – Doctor of Philology, Professor, Professor of the Department of English Philology and Translation, St. Petersburg State University (St. Petersburg, Russian Federation)

Irina Yu. Ivanyushina, Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of the Department of Russian and Foreign Literature, Saratov National Research University named after N.G. Chernyshevsky (Saratov, Russian Federation)

Veronika V. Katermina – Doctor of Philology, Professor, Professor of the Department of English Philology, Kuban State University (Krasnodar, Russian Federation)

Anastasia V. Kolmogorova – Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of Romance Languages and Applied Linguistics, Professor of the Department, Siberian Federal University (Krasnoyarsk, Russian Federation)

Alla A. Kornienko – Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of French Philology and Intercultural Communication, Pyatigorsk State University (Pyatigorsk, Russian Federation)

Alexander A. Litvin – Doctor of History, Professor, Head of the Department of National History of the Higher School of Historical Sciences and World Cultural Heritage of the Institute of International Relations, History and Oriental Studies, Kazan Federal University (Kazan, Russian Federation)

Irina A. Kupriyeva – Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of the Department of English Philology and Intercultural Communication, Belgorod State National Research University (Belgorod, Russian Federation)

Mikhail A. Marusenko – Doctor of Philology, Professor, Head of the Chair of Romance Philology, St. Petersburg State University (St. Petersburg, Russian Federation)

Galina G. Matveeva – Doctor of Philology, Professor, Professor of the Chair “World Languages and Cultures”, Don State Technical University (Rostov-on-Don, Russian Federation)

German O. Matsievsky – Doctor of History, Associate Professor, Krasnodar State Institute of Culture (Krasnodar, Russian Federation)

Tatyana P. Minchenko – Doctor of Philosophy, Professor, Professor of the Department of Philosophy and Social Sciences, Tomsk State Pedagogical University (Tomsk, Russian Federation)

Natalia D. Mostitskaya – Candidate of Culturology (Ph.D. in Culturology), Associate Professor, Head of the graduate school, State Institute for Art Studies (Moscow, Russian Federation)

Vladimir V. Naumov – Doctor of Philology, Professor, Professor of the Chair of Linguistics and Intercultural Communication, St. Petersburg Polytechnic University (St. Petersburg, Russian Federation)

Nikolai S. Novikov – Candidate of Philosophy (Ph.D. in Philosophy), Professor of the Department of Humanities and Social Sciences, Novosibirsk Military Order of Zhukov Institute named after General of the Army I.K. Yakovlev of the National Guard Troops of the Russian Federation (Novosibirsk, Russian Federation)

Regina V. Patyukova – Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of Advertising and Public Relations, Kuban State University (Krasnodar, Russian Federation)

Dmitry V. Pokrishchuk – Candidate of Political Sciences (Ph.D. in Political Sciences), Lecturer of the Department of Humanitarian and Social and Economic Disciplines, Russian State Humanitarian University (Moscow, Russian Federation)

Andrey V. Popovkin – Candidate of Philosophy (Ph.D. in Philosophy), Head of the Department of Philosophy, Institute of History, Archeology and Ethnography of Peoples of the Far East of the Far-Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences (Vladivostok, Russian Federation)

Galina S. Popovkina – Candidate of History (Ph.D. in History), Senior Researcher, Department of Ethnography, Ethnology and Anthropology Institute of History, Archeology and Ethnography of Peoples of the Far East of the Far-Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences (Vladivostok, Russian Federation)

Valery V. Prozorov – Doctor of Philology, Professor, Scientific Director of the Institute of Philology and Journalism, Head of the Department of General Literature and Journalism, Saratov State University (Saratov, Russian Federation)

Maksim V. Pulkín – Candidate of History (Ph.D. in History), Senior Fellow of the History Sector, Institute of Language, Literature and History of the Karelian Research Center of the Russian Academy of Sciences (Petrozavodsk, Russian Federation)

Natalia R. Sayenko – Doctor of Philosophy, Candidate of Philology, Professor, Professor of the Center for Humanitarian Education, Moscow Polytechnic University (Moscow, Russian Federation)

Azhar E. Serikkalieva – PhD, Deputy Dean of the Faculty of Oriental Studies in Science and Innovation and International Cooperation, Al-Farabi Kazakh National University (Almaty, Republic of Kazakhstan)

Elena N. Ryadchikova – Doctor of Philology, Professor, Professor of the Department of General and Slavic-Russian Linguistics, Kuban State University (Krasnodar, Russian Federation)

Nikolay V. Serov – Doctor of Culturology, Professor, D. Rozhdestvensky Optical Society (St. Petersburg, Russian Federation)

Natalia G. Sklyarova – Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of the Department of Theory and Practice of English, Southern Federal University (Rostov-on-Don, Russian Federation)

Victor N. Strausov – Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of the Chair of Linguistic Communication and Applied Foreign Languages, Pyatigorsk State University (Pyatigorsk, Russian Federation)

Mikhail S. Sudovikov – Doctor of History, Professor, Professor of the Department of National History and Ethnology, Vyatka State University, Director of the Kirov Regional State Budgetary Cultural Institution “Kirov Regional Museum of Local Lore”, Head of the Research Center for Regional Studies of the Kirov Regional State Budget cultural institutions “Kirov Order of Honor State Universal Scientific Library named after A.I. Herzen” (Kirov, Russian Federation)

Gulmira S. Sultangalieva – Doctor of History, Professor of the Department of History, Al-Farabi Kazakh National University (Almaty, Republic of Kazakhstan)

Alua B. Temirbolat – Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of Kazakh Literature and Theory of Literature, Al-Farabi Kazakh National University (Almaty, Republic of Kazakhstan)

Leonid I. Tetyuyev – Doctor of Philosophy, Associate Professor, Professor of the Department of Ethics and Aesthetics of the Faculty of Philosophy, Saratov National Research University named after N.G. Chernyshevsky (Saratov, Russian Federation)

Olga F. Filimonova – Doctor of Philosophy, Associate Professor, Professor of the Philosophy Department, Saratov State Technical University named after Gagarin Yu.A. (Saratov, Russian Federation)

Vasily A. Friauf – Doctor of Philosophy, Professor, Professor of the Department of Theology and Religious Studies, Saratov National Research University named after N.G. Chernyshevsky (Saratov, Russian Federation)

Khurshida A. Khoshimova – Candidate of Philology (Ph.D. in Philology), Scientific Secretary, Institute of Language and Literature named after Rudaki of the Academy of Sciences of the Republic of Tajikistan (Dushanbe, Republic of Tajikistan)

Murat U. Shalekenov – Doctor of History, Professor, Professor of the Department of Archaeology, Ethnology and Museology, Al-Farabi Kazakh National University (Almaty, Republic of Kazakhstan)

Galina S. Shirokalova – Doctor of Sociology, Candidate of Philosophy (Ph.D.), Professor, Leading Researcher, Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (Nizhny Novgorod, Russian Federation)

ЯЗЫКОЗНАНИЕ И ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

LANGUAGE AND LITERATURE STUDIES

DOI: 10.12731/2077-1770-2024-16-4-440

УДК 811.1/.9

Научная статья |

Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика

ЯЗЫКОВОЕ ПРОСТРАНСТВО НЕЙРОСЕТЕЙ: ОСОБЕННОСТИ И ОТЛИЧИЯ ОТ ЕСТЕСТВЕННОГО ЯЗЫКА

Н.Б. Егорченкова, О.В. Коробова

Обоснование. Современное общество развивается в условиях информационной перегрузки и повсеместной цифровизации всех социальных сфер, что определяет необходимость применения искусственного интеллекта в целях оптимизации анализа и обработки информации. Большинство моделей искусственного интеллекта связаны с использованием естественного языка. Авторы доказывают, что искусственный интеллект способен искусно имитировать человеческую речь, однако, генерируя тексты строго по шаблонам, заданным человеком, создает собственное языковое онлайн-пространство с характерными для него особенностями, обусловленными замкнутостью искусственного интеллекта на самом себе.

Цель – анализ лексико-грамматических особенностей языка искусственного интеллекта и выявление его отличий от естественного языка.

Материалы и методы. Для решения поставленных в работе задач использовались различные методы анализа: наблюдение, описание, сравнительно – сопоставительный метод. Статья базируется на анализе текстов, созданных по запросам авторов такими нейросетями, как ChatGPT, Rytr, Smodin и ChatSonic.

Результаты. *Функционирование искусственного интеллекта основано на симуляции мыслительных процессов, свойственных человеческому разуму. Такая имитация становится возможной благодаря разработке специалистами по искусственным интеллекту языковых модулей, используемых нейросетями при обработке естественного языка. Ограниченное вводными данными модулей языковое пространство искусственного интеллекта способно генерировать тексты, практически не отличающиеся от естественного языка, но имеющие особенности, определенные условиями их создания. К таким особенностям относятся привязанность к ключевым словам задания, возможности потери основной мысли или несоответствия необходимому стилю изложения, однотипные идеи, отсутствие конкретных фактов, личных переживаний, ограниченный лексический запас, шаблонность языковых средств и грамматических конструкций. Актуальная на сегодня невозможность выхода искусственного интеллекта за пределы своего языкового пространства обусловлена отсутствием у нейросетей такой категории, как сознание, позволяющей накапливать опыт и мыслить инсайтами.*

Ключевые слова: искусственный интеллект; мышление; сознание; нейросеть; чат-бот; обработка естественного языка; типы текстов; языковое пространство

Для цитирования. Егорченкова Н.Б., Коробова О.В. Языковое пространство нейросетей: особенности и отличия от естественного языка // Современные исследования социальных проблем. 2024. Т. 16, № 4. С. 10-26. DOI: 10.12731/2077-1770-2024-16-4-440

Original article | Theoretical, Applied and Comparative Linguistics

LANGUAGE SPACE OF NEURAL NETWORKS: FEATURES AND DIFFERENCES FROM NATURAL LANGUAGE

N.B. Egorchenkova, O.V. Korobova

Background. *Modern society is developing in a world of information overload and digitalization, which has led to a need for artificial intelli-*

gence (AI) to help analyze and process information more efficiently. Most AI models use natural language processing, and while they can imitate human speech, they generate texts based on templates set by humans. This creates an online language space that is unique to AI, with its own characteristics due to its isolation from human interaction.

Purpose – analysis of lexical and grammatical features of artificial intelligence language and comparison with human language.

Materials and methods. To solve the tasks set in the research, we used various methods of analysis: observation, description, and the comparative method. The article is based on an analysis of texts generated by neural networks such as ChatGPT, Rytr, Smodin, and ChatSonic, which were created at the request of the authors.

Results. The functioning of artificial intelligence (AI) is based on simulating the thought processes that are inherent in the human mind. This imitation is made possible by the development of language modules by AI specialists for use by neural networks in natural language processing (NLP). The language space of AI, limited by the input data from these modules, can generate texts that are practically indistinguishable from natural language, although they have features that are determined by the conditions under which they are created. These features include attachment to keywords in the task, potential loss of the main idea, inconsistency with required style, repetition of similar ideas, lack of specific facts or personal experiences, and limitations in vocabulary, linguistic patterns, and grammatical structures. The current inability of artificial intelligence (AI) to go beyond its current linguistic capabilities is due to a lack of a concept such as consciousness in neural networks. This allows for the accumulation of experience and the ability to think with insights, which are essential for AI to progress beyond its current limitations.

Keywords: artificial intelligence; thinking; consciousness; neural network; chatbot; natural language processing; text types; language space

For citation. Egorchenkova N.B., Korobova O.V. Language Space of Neural Networks: Features and Differences from Natural Language. *Sovremennye Issledovaniya Sotsialnykh Problem [Modern Studies of Social Issues]*, 2024, vol. 16, no. 4, pp. 10-26. DOI: 10.12731/2077-1770-2024-16-4-440

Введение

В современном мире технологии искусственного интеллекта стали неотъемлемой частью нашей жизни, проникая во все сферы деятельности человека. Они выступают одновременно и как помощники, и как соперники человеческого разума. В распоряжении пользователя находится большое количество моделей искусственного интеллекта, выполняющих разные функции, которые, однако, всегда связаны с владением и использованием естественного языка. Нейросети создают любые типы текстов по запросу человека, что создает видимость присутствия мышления по ту сторону экрана компьютера. Но не стоит забывать, что мы имеем дело всего лишь с языковыми моделями, безупречно применяющими правила естественного языка, что создает, на наш взгляд, новое языковое пространство, принадлежащее искусственному интеллекту.

В современной науке существует два основных направления в теории искусственного интеллекта: слабый и сильный. Слабый подход, представленный работами Дж. Серля, исходит из того, что интеллектуальные возможности машин ограничены уровнем логических связей. Согласно этой концепции, компьютерная модель сознания представляет собой программу, а компьютер – лишь инструмент для её реализации [8, с. 78, 186]. Сильный искусственный интеллект, напротив, предполагает создание машины, способной не только мыслить, но и понимать, осознавать и испытывать эмоции [7, с. 6]. Сторонники этой концепции считают, что интеллект вычислительной машины может превзойти человеческий, а также что возможно воссоздание биологического мозга по образцу человеческого [4, с. 84]. Однако вне зависимости от того, какой вариант искусственного интеллекта будет со временем признан наиболее эффективным, можно с уверенностью сказать, что разработка подходов к пониманию искусственного интеллекта пробудила интерес к изучению мышления и ментальных процессов [2, с. 18].

Симулируемые машиной интеллектуальные процессы в целом повторяют этапы человеческого мышления в ходе обработки информации [1, с. 15]. Как отмечает А. Л. Шамис, один из ведущих

российских специалистов в области искусственного интеллекта, «мышлением можно назвать все процессы, происходящие в мозге и связанные с осознанной обработкой информации» [9, с. 228-229]. Поэтому в контексте искусственного интеллекта понятие мышления стоит рассматривать с функциональной точки зрения на нескольких уровнях: перцептивное мышление, когнитивное мышление, практическое мышление и креативное мышление.

При этом все эти аспекты мыслительного процесса, который считается высшей формой человеческой деятельности, не могут быть реализованы без вербализации на естественном языке. Язык служит не только средством передачи мыслей, но и «ключевым элементом сложной системы сознания, без которого невозможна не только речевое общение, но и любая другая деятельность человека, связанная с сознанием или опирающаяся на него» [3, с. 404]. В соответствии с этим одним из самых перспективных направлений искусственного интеллекта является обработка естественного языка, процесс, который включает в себя интерпретацию и логическое понимание высказываний на естественных языках, а также создание новых высказываний. Сложность обработки естественного языка заключается в необходимости адаптировать возможности искусственного интеллекта к пониманию семантики слов и предложений, которые часто имеют множество значений. Это требует значительных ресурсов и высокой вычислительной мощности для анализа высказываний [5, с. 19].

Процесс обработки естественных языков включает в себя несколько важных этапов анализа: морфологический, лексический, синтаксический, семантический и прагматический [12, р. 334].

Морфологический анализ – это процесс, в ходе которого слова разбиваются на составляющие части и отделяются от других лексем, таких как знаки препинания. Этот этап позволяет изучить внутреннюю структуру слова и интерпретировать его значение, выделяя морфемы – минимальные значимые единицы языка [11, р. 625].

Лексический анализ, в свою очередь, занимается выявлением и анализом структуры слов. Он представляет собой совокупность

фраз и словосочетаний, которые составляют словарный запас языка [10, p. 1695]. Этот этап включает в себя разделение данных на отдельные слова, предложения и абзацы.

Синтаксический модуль отвечает за анализ грамматических особенностей текста. Он преобразует последовательность слов в структуры, которые наглядно показывают логическую связь между ними [13, p. 112]. Таким образом, грамматика становится инструментом, позволяющим определить правильность предложений. Алгоритм синтаксического анализа применяет грамматические правила для создания структурного представления текста.

В процессе семантического анализа структуры, созданные синтаксическим анализатором, наполняются смыслом. После тщательного изучения предложений и слов становится понятно, что означают фразы и словосочетания, а также какие последствия и цели они преследуют [15, p. 396]. Если структура не может быть интерпретирована, она отклоняется.

Прагматический анализ начинается с объединения дискурса: значение каждого предложения зависит от смысла предыдущего и может оказывать влияние на последующие. Кроме того, структура, созданная на основе ранее сказанного, подвергается повторной интерпретации, чтобы установить истинный смысл [14, p. 16].

Материалы и методы

Описанные выше модули лежат в основе функционирования большого количества современных платных и бесплатных нейросетей, умеющих генерировать по ключевым словам и вопросам тексты, картинки, музыку. Для нашего исследования мы выбрали четыре из таких нейросетей: ChatGPT, Rytr, Smodin, Chatsonic. Критериями для отбора послужили отсутствие сложностей при регистрации и работе с чат-ботом, богатый лексический запас, высокая скорость выполнения запросов, широкий спектр и адекватность выдаваемой информации.

Мы предположили, что каждая из этих нейросетей характеризуется определенными особенностями генерации текстов по за-

просам. В качестве второй гипотезы мы выдвинули идею, что на особенности генерации текста может влиять его типовая принадлежность. В соответствии с этим мы провели лингвистический эксперимент, предложив разным чат-ботам создать тексты разных типов, а именно описание, рассуждение и повествование, по одинаковым запросам: ключевым словам или заданиям. Под описанием мы понимаем тип текста, в котором рассказывается об особенностях предмета, места или человека. Характерным признаком описания является обилие прилагательных. В качестве рассуждения мы рассматривали тип текста, в котором выдвигается и подробно разбирается какой-либо тезис. Маркерами рассуждения являются вводные слова и слова-связки. Повествование представляет собой тип текста, в котором речь идет о событиях и действиях, что выражается в присутствии большого количества глаголов [6, с. 15-17].

Результаты и обсуждение

Для создания текстов-описаний мы предложили четырем нейросетям следующее задание, основанное на материале тем, изучаемых на уроках английского языка в школе:

Write monologue about health and safety using keywords: problem of health and safety, quality of food, fast food, accessibility, artificial additives, organic goods, fresh produce. Use 120 words B2 level

Анализ текстов-описаний, сгенерированных нейросетями по единому заданию, показал, что нейросети используют при описании одни и те же прилагательные:

important

It is especially important to pay attention to the quality of the food we eat. (Rytr)

It is important to address the problems associated with it. (Smodin)
essential

... but they also provide essential nutrients that our bodies need. (ChatGPT)

Fresh produce is also an excellent option as it not only provides essential nutrients but also ensures hygiene and safety. (Smodin)

To address this, it is essential for us to embrace organic goods and prioritize fresh produce. (Chatsonic)

Для текстов-описаний характерно обилие прилагательных, но некоторые нейросети не характеризуются лексическим разнообразием и не подбирают синонимы:

Smodin

One of the major concerns is the quality of food we consume.

With the increasing popularity of fast food, accessibility has become a major issue, and the use of artificial additives is another major concern.

Chatsonic

To address this, it is essential for us to embrace organic goods and prioritize fresh produce.

we can ensure that our bodies receive essential nutrients without the harmful chemicals found in processed foods.

Помимо повторяющихся в текстах разных нейросетях прилагательных мы обнаружили ряд существительных и прилагательных, используемых каждой нейросетью для описания предложенной темы:

take care

so you need to take care of the quality of the food you eat. (Rytr)

we can ensure that we are taking care of our bodies and living a healthy life. (Smodin)

Не повторяются слова в текстах ChatGPT, что говорит о большом лексическом запасе в этой системе. Кроме того, для текстов ChatGPT характерен более официальный стиль, о чем может свидетельствовать следующая грамматическая конструкция, используемая, согласно Cambridge Dictionary, в формальном контексте:

Not only are they free from harmful chemicals, but they also provide essential nutrients that our bodies need.

Что касается структуры описания заданной темы, то все нейросети строго соблюдают последовательность ключевых слов, представленных в задании. При этом, несмотря на заданную тему задания, почти во всех текстах повторяются только два последних ключевых слова, в соответствии с чем акцент в описании темы де-

ляется именно на этих ключевых словах. Только ChatGPT позволяет себе не следовать порядку ключевых слов в задании. При этом ChatGPT логично закольцовывает текст, правильно акцентируя его тему согласно заданию.

Однако, даже для этого более сильного по сравнению с другими нейросетями чат-бота недоступно приведение конкретных примеров и жизни или личного опыта, что мы могли бы наблюдать в тексте, созданном человеком.

Для создания текстов-рассуждений мы предложили четырем нейросетям задание, которое мы взяли с сайта ФИПИ для ЕГЭ по английскому прошлых лет:

Comment on the following statement.

Some people think that to get a good education one should go abroad.

Удивительно, но все четыре нейросети предпочли не согласиться с утверждением, предложенным в качестве темы рассуждения, противопоставив свое мнение мнению других или большинства. Только Smodin упростил абзац с введением темы, используя утверждение из задания как цитату и не упоминая возможности других мнений.

Что касается структуры текста, то Rytr и Chatsonic поделили текст на озаглавленные части:

Rytr: Introduction/Personal opinion/Refutation/Conclusion

Chatsonic: Introduction/Personal Opinion/Opposing Opinion/Why I Disagree/ Conclusion

ChatGPT изменил порядок следования абзацев, рассмотрев сначала противоположное мнение, а потом выразив свою точку зрения, а также опустил пункт, в котором следовало объяснить несогласие с противоположной точкой зрения.

Что касается лексической составляющей текстов, сгенерированных нейросетями, то здесь мы тоже нашли некоторые особенности. Отличительным признаком текстов-рассуждений являются вводные слова и слова-связки. Мы обнаружили, что больше всех вводных слов и слов-связок используют ChatGPT и Rytr, а также Smodin.

Меньше всего вводных слов в тексте, сгенерированном Chatsonic. Самыми употребимыми вводными словами являются

however:

However, it is essential to note that a good education does not solely depend on studying abroad. (ChatGPT)

However, there is an opposing opinion...(Smodin)

However, some argue that studying abroad provides exposure to diverse cultures...(Chatsonic)

и in conclusion:

In conclusion, I firmly stand by the belief that a good education can be obtained both domestically and internationally. (Chatsonic)

In conclusion, while studying abroad may have its benefits, I do not believe that it is necessary to go abroad to receive a good education. (Smodin)

In conclusion, I disagree with the statement that you need to go abroad to get a good education. (Rytr)

In conclusion, while studying abroad can certainly provide valuable experiences and opportunities, I do not believe that it is a prerequisite for receiving a good education. (ChatGPT)

Самыми редкими являются такие вводные слова как *furthermore, therefore, ultimately*:

Furthermore, studying abroad may not be financially feasible for many individuals. (ChatGPT)

Therefore, it is important to recognize that a good education can be obtained locally...(Rytr)

Ultimately, the quality of education should be assessed on the basis of reputation, curriculum and opportunities for personal growth, and not on the geographical location of the study. (Rytr)

Анализируя тексты, мы также обнаружили, что каждая нейросеть употребляет для выражения мнения глагол *believe*:

Some individuals believe that in order to receive a good education, one must go abroad for their studies. (ChatGPT)

I personally believe that it is not a requirement. (Rytr)

It is believed that studying abroad helps in building a global network...(Smodin)

I believe that the increasing globalization has made it possible to gain cross-cultural understanding through various means...(Chatsonic)

а для противопоставления использует придаточное предложение с *while*:

While this view may hold some merit in certain cases, I personally disagree with this statement. (ChatGPT)

While it is true that studying abroad offers cultural immersion, it is not the only means to gain such an experience. (Rytr)

In conclusion, while studying abroad may have its benefits, I do not believe that it is necessary to go abroad to receive a good education. (Smodin)

While some argue for the merits of international education, I believe that a good education can be acquired both domestically and internationally. (Chatsonic)

Тексты-рассуждения, сгенерированные нейросетями, следуют шаблону задания, но не имеют, на наш взгляд, конкретики, дают общие суждения, без статистики и личного опыта.

Для создания текстов-повествований мы предложили четырем нейросетям следующее задание:

Write a story about a boy who travelled around the world in a sailing ship. Use keywords: a terrible storm, an island, build a house, two months, survive, hunt, fish, see a ship, be lucky to come back home. 170 words.

Самым интересным и необычным фактом, обнаруженным нами при анализе текстов-повествований, сгенерированных нейросетями, стало повторение в текстах двух имен. Героем историй у Chatsonic и Rytr стал Алекс, а в историях Smodin и ChatGPT фигурирует Джек.

Структура повествования основана на ключевых словах, которые обычно идут в том же порядке, что и в задании.

Несмотря на то, что повествование должно представлять собой развивающееся действие, динамичность которого опирается на большое количество глаголов, в текстах нейросетей мы обнаружили большую долю описаний чувств и ощущений героев, вербализуемых существительными:

He promised himself that he would never forget the lessons he learned during his journey and would always cherish the memories of his time at sea. (ChatGPT)

From that day forward, Jack realized that even in the face of adversity, determination, resourcefulness, and a stroke of luck can lead us back to the embrace of our loved ones. (Smodin)

Однако, в текстах присутствует очень много форм активных причастий, которые разгоняют действие:

For two months, Alex managed to survive by hunting, fishing, and adapting to the island's challenges. (Chatsonic)

One fateful day, while gazing at the horizon, Jack spotted a ship passing by. (Smodin)

After surviving the ordeal, fate prompted him to discover a secluded island. (Rytr)

При описании истории нейросети часто используют одинаковые шаблонные фразы:

Determined to survive, he used his resourcefulness to build a sturdy house from local materials. (Chatsonic)

Determined to survive, Jack utilized his resourcefulness to build a humble house and made the island his home. (Smodin)

With a mixture of relief and excitement, he lit a signal fire and was lucky enough to catch the attention of the passing ship. (Chatsonic)

With a mixture of excitement and relief, he was soon rescued and returned home. (Rytr)

Проведенный анализ позволил нам прийти к следующим выводам, очерчивающим возможности и особенности языкового пространства искусственного интеллекта:

При создании текстов разного типа нейросети следуют правилам создания этих типов текстов. В описаниях мы наблюдали большое количество прилагательных, в рассуждениях – вводные слова, в повествовании – глаголы.

Тексты, сгенерированные нейросетями, соблюдают последовательность ключевых слов задания. Только ChatGPT позволяет себе не следовать этому плану и развивать мысль по своему сценарию.

Кроме того, большинство нейросетей, кроме ChatGPT, не всегда следуют теме задания, переключаясь на второстепенные вопросы.

В текстах разных нейросетей мы обнаружили одни и те же слова и шаблонные фразы при выполнении единого запроса. Более того, некоторые нейросети не используют синонимы в рамках одного текста. Лексическое разнообразие отличает тексты ChatGPT.

Тексты, сгенерированные чат-ботами, не содержат конкретных примеров в силу отсутствия реального жизненного опыта.

Тексты-рассуждения и тексты описания разных нейросетей содержат одинаковые идеи. В текстах-повествованиях мы обнаружили использование одинаковых имен героев историй.

Из четырех нейросетей только ChatGPT выделяется богатым лексическим запасом, способностью логически следовать теме и составлять свой сценарий ее развертывания, а также меньшей степенью шаблонности изложения.

Заключение

Исследование показало, что искусственный интеллект способен имитировать речевую деятельность человека, следуя определенному алгоритму: текст планируется на основе извлечения из базы данных необходимой информации, затем структурируются и лексически наполняются предложения. Тем же путем идет мыслительный процесс у человека. Кроме того, для генерации текста используется ряд модулей, позволяющих следовать правилам естественного языка и строить правильные предложения, что опять же является необходимым условием для речепроизводства у человека.

Однако человек и искусственный интеллект находятся в неравных условиях. С одной стороны, на стороне ИИ быстрота реакции и функционирования, а также потенциально больший объем доступной информации. С другой стороны, в основе человеческого мышления лежит сознание. Это категория пока недоступна искусственному интеллекту. Кроме того, на стороне человека личный опыт проживания жизненных ситуаций, эмоциональное восприятие жизненного опыта и способность к инсайту. Искусственный интел-

лект на данный момент обречен имитировать речевую деятельность в заданных ему рамках, что выражается в шаблонности предлагаемых им идей и текстов.

Список литературы

1. Воронович В.В. Машинный перевод. Минск: Изд. центр БГУ, 2013. 39 с.
2. Гаскаров Д.В. Интеллектуальные информационные системы: Учебник для вузов. Москва: Высш. шк., 2003. 430 с.
3. Кацнельсон С.Д. Категории языка и мышления: Из научного наследия. Москва: Языки славянской культуры, 2001. 864 с.
4. Кубрякова Е.С., Демьянков В.З., Панкрац Ю.Г., Лузина Л.Г. Краткий словарь когнитивных терминов / Под общ. ред. Е.С. Кубряковой. Москва: Филол. фак. МГУ, 1996. 245 с.
5. Муромцев Д.И. Введение в технологию экспертных систем. Санкт-Петербург: СПбГУ ИТМО, 2005. 93 с.
6. Нечаева О.А. Функционально-смысловые типы речи (описание, повествование, рассуждение). Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1974. 261 с.
7. Пинкер С. Как работает мозг. / Пер. с англ. О. Ю. Сёминой. Москва: Кучково поле, 2017. 672 с.
8. Сёрл Дж. Открывая сознание заново / Пер. с англ. А.Ф. Грязнова. Москва: Идея Пресс, 2002. 256 с.
9. Шамис А.Л. Пути моделирования мышления: Мышление и творчество; формальные модели поведения и «распознавания с пониманием»; целостность, целенаправленность, активность; maxT. Москва: ЛЕНАНД, 2017. 264 с.
10. Calzolari N., Kan M., Hoste V., Lenci A., Sakti S., Xue N. A survey on Natural Language Processing for Programming. Proceedings of the 2024 Joint International Conference on Computational Linguistics, Language Resources and Evaluation (LREC-COLING 2024), ELRA and ICCL, 2024, pp. 1690–1704.
11. Chowdhary K.R. Natural Language Processing. Fundamentals of Artificial Intelligence. Springer, New Delhi. 2020, pp. 603-649. https://doi.org/10.1007/978-81-322-3972-7_19

12. Eisenstein J. Introduction to Natural Language Processing, The MIT Press, 2019, 536 p.
13. Katz D.M., Dolin R., Bommarito M.J. Artificial Intelligence, Machine Learning, Natural Language Processing, and Blockchain. Legal Informatics, 2021, pp. 85-120. <https://doi.org/10.1017/9781316529683>
14. Ramos C., Augusto J.C., Shapiro D. Ambient intelligence – the next step for artificial intelligence. Intelligent Systems, IEEE, 2008, vol.23, no. 2, pp 15-18.
15. Rich E., Knight K. Artificial intelligence. Tata McGraw Hill Education Pvt. Ltd., 2010, 588 p. <https://doi.org/10.1109/MIS.2008.19>

References

1. Voronovich V. V. *Machine translation*. Minsk: BSU Center Publ., 2013, 39 p.
2. Gaskarov D.V. *Intelligent information systems*. Moscow: Vyssh. shk. Publ., 2003, 430 p.
3. Katsnelson S.D. *Categories of language and thinking: From the scientific heritage*. Moscow: Yazyki slavyanskoi kultury Publ., 2001, 864 p.
4. Kubryakova E.S., Demyankov V.Z., Pankrats Yu.G., Luzina L.G. *A concise dictionary of cognitive terms*. Moscow: MSU Faculty of Philology, 1996, 245 p.
5. Muromtsev D.I. *Introduction to the technology of expert systems*. St. Petersburg: ITMO Publ., 2005, 93 p.
6. Nechaeva O.A. *Functional and semantic types of speech (description, narration, reasoning)*. Ulan-Ude: Buryat. Publ., 1974, 261 p.
7. Pinker S. *How the brain works*. Moscow: Kuchkovo pole Publ., 2017, 672 p.
8. Searle J. *Rediscovering consciousness*. Moscow: Idea Press Publ., 2002, 256 p.
9. Shamis A.L. *Ways of modeling thinking: Thinking and creativity; formal models of behavior and “recognition with understanding”; integrity, purposefulness, activity; maxT*. Moscow: LENAND Publ., 2017, 264 p.
10. Calzolari N., Kan M., Hoste V., Lenci A., Sakti S., Xue N. A survey on Natural Language Processing for Programming. *Proceedings of the 2024 Joint International Conference on Computational Linguistics, Language*

- Resources and Evaluation (LREC-COLING 2024), ELRA and ICCL*, 2024, pp. 1690–1704.
11. Chowdhary K.R. Natural Language Processing. *Fundamentals of Artificial Intelligence*. Springer, New Delhi. 2020, pp. 603-649. https://doi.org/10.1007/978-81-322-3972-7_19
 12. Eisenstein J. *Introduction to Natural Language Processing*, The MIT Press, 2019, 536 p.
 13. Katz D.M., Dolin R., Bommarito M.J. Artificial Intelligence, Machine Learning, Natural Language Processing, and Blockchain. *Legal Informatics*, 2021, pp. 85-120. <https://doi.org/10.1017/9781316529683>
 14. Ramos C., Augusto J.C., Shapiro D. Ambient intelligence – the next step for artificial intelligence. *Intelligent Systems, IEEE*, 2008, vol.23, no. 2, pp 15-18. <https://doi.org/10.1109/MIS.2008.19>
 15. Rich E., Knight K. *Artificial intelligence*. Tata McGraw Hill Education Pvt. Ltd., 2010, 588 p.

ДАННЫЕ ОБ АВТОРАХ

Егорченкова Наталья Борисовна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры иноязычной коммуникации и лингводидактики

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Волгоградский государственный университет»

просп. Университетский, 100, г. Волгоград, Волгоградская область, 400062, Российская Федерация

natalia.egorchenkova@volsu.ru

Коробова Ольга Валерьевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры иноязычной коммуникации и лингводидактики
Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Волгоградский государственный университет»

просп. Университетский, 100, г. Волгоград, Волгоградская область, 400062, Российская Федерация

ov.korobova@volsu.ru

DATA ABOUT THE AUTHORS

Natalia B. Egorchenkova, PhD of Philology, Associate Professor, Senior Lecturer in Department of Foreign Language Communication and Language Education

Volgograd State University

100, Universitetski Prospekt, Volgograd, 400062, Russian Federation

natalia.egorchenkova@volsu.ru

SPIN-code: 1317-9823

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7418-5720>

Researcher ID: G-6521-2015

Scopus Author ID: 57208151905

Academia.edu: https://independent.academia.edu/Нталя_Егорченкова

ResearchGate: <https://www.researchgate.net/profile/Natalia-Egorchenkova>

Olga V. Korobova, PhD in Philology, Senior Lecturer in Department of Foreign Language Communication and Language Education

Volgograd State University

100, Universitetski Prospekt, Volgograd, 400062, Russian Federation

ov.korobova@volsu.ru

SPIN-code: 5092-3155

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1055-4675>

WOS ResearcherID: AAH-1652-2019

Scopus Author ID: 57193768847

Academia.edu: <https://volsu.academia.edu/OlgaKorobova>

ResearchGate: <https://www.researchgate.net/profile/Olga-Korobova-3>

Поступила 07.11.2024

После рецензирования 25.11.2024

Принята 01.12.2024

Received 07.11.2024

Revised 25.11.2024

Accepted 01.12.2024

DOI: 10.12731/2077-1770-2024-16-4-455

УДК 811.133.1

Научная статья | Языки народов зарубежных стран

СПЕЦИФИКА ПЕРЕВОДА ВЫМЫШЛЕННОГО ЯЗЫКА «НАДСАТ» НА ФРАНЦУЗСКИЙ ЯЗЫК

М.Н. Садовникова

Обоснование. Одним из наиболее ярких примеров использования вымышленного языка в художественной литературе является роман Энтони Бёрджесса «Заводной апельсин», в котором автор создает уникальный «конланг», известный как «надсат». Актуальность исследования обусловлена необходимостью более углубленного анализа способов передачи лексики и структуры языка «надсат» на французский язык и влияние особенностей его перевода на восприятие текста.

Цель исследования заключается в выявлении, анализе и описании лексических и стилистических особенностей перевода языка «надсат» на французский язык в романе Э. Берджесса «Заводной апельсин».

Материалы и методы. Материалом исследования послужили оригинальный текст романа «Заводной апельсин» Э. Берджесса и его перевод на французский язык. В работе использованы следующие методы исследования: сравнительный и стилистический анализ текста, переводческий анализ, структурный метод.

Результаты. В работе были рассмотрены различные лексические и стилистические трансформации, а также приемы культурной адаптации и локализации текста. Было установлено, что стратегия частичной форенизации, при которой сохраняются отдельные лексические единицы из «надсата» в их исходной форме, способствует воссозданию уникального стилистического колорита произведения и подчеркивает его инокультурный характер, а локализация антропонимов адаптирует имена и прозвища персона-

жей к принимающей культуре. Особую сложность представляет передача ономастических, обладающих ярко выраженной национально-культурной спецификой.

При переводе авторских окказионализмов Берджесса переводчики демонстрируют разнообразие применяемых стратегий, создавая новые слова на французском языке, используя словосочетания и сравнения. При передаче детской речи, являющейся важным элементом поэтики «надсата», переводчики проявляют творческий подход, используя разнообразные средства французского языка. Вместе с тем они приняли решение не включать в «надсат» на французском языке аналогичные архаичные элементы и элементы рифмованного сленга, которые играли важную роль в формировании лексики «надсата» в оригинальном произведении.

Ключевые слова: вымышленный язык; надсат; художественный перевод; культурная адаптация; локализация

Для цитирования. Садовникова М.Н. Специфика перевода вымышленного языка «надсат» на французский язык // Современные исследования социальных проблем. 2024. Т. 16, № 4. С. 27-48. DOI: 10.12731/2077-1770-2024-16-4-455

Original article | Languages of Peoples of Foreign Countries

THE SPECIFICS OF TRANSLATING THE FICTIONAL LANGUAGE “NADSAT” INTO FRENCH

M.N. Sadovnikova

Background. One of the most striking examples of the use of a fictional language in fiction is Anthony Burgess's novel *A Clockwork Orange*, in which the author creates a unique “conlang” known as “nadsat”. The relevance of the study is due to the need for a more in-depth analysis of the methods of transferring the vocabulary and structure of the “nadsat” language into French and the impact of its translation features on the perception of the text.

The **purpose** of the study is to identify, analyze and describe the lexical and stylistic features of the translation of the language “nadsat” into French in A. Burgess’s novel *A Clockwork Orange*.

Materials and methods. The original text of the novel “*A Clockwork Orange*” by A. Burgess and its translation into French served as the material for the study. The following research methods were used in the work: comparative and stylistic analysis of the text, translation analysis, structural method.

Results. The paper examines various lexical and stylistic transformations, as well as techniques of cultural adaptation and localization of the text. It was found that the strategy of partial foreignization, which preserves individual lexical units from the “nadsat” in their original form, helps to recreate the unique stylistic coloring of the work and emphasizes its foreign cultural character, while the localization of anthroponyms adapts the names and nicknames of the characters to the host culture. Particularly difficult is the transfer of onomatopoeias, which have a clearly expressed national and cultural specificity. When translating Burgess’s occasionalisms, the translators demonstrate the diversity of the strategies used, creating new words in French, using phrases and comparisons. When transferring children’s speech, which is an important element of the poetics of the “nadsat”, the translators show a creative approach, using a variety of means of the French language. At the same time, they decided not to include in the French “nadsat” similar archaic elements and elements of rhymed slang, which played an important role in the formation of the vocabulary of “nadsat” in the original work.

Keywords: fictional language; nadsat; literary translation; cultural adaptation; localization

For citation. Sadovnikova M.N. The Specifics of Translating the Fictional Language “Nadsat” into French. *Sovremennye Issledovaniya Sotsialnykh Problem [Modern Studies of Social Issues]*, 2024, vol. 16, no. 4, pp. 27-48. DOI: 10.12731/2077-1770-2024-16-4-455

Введение

Вымышленные языки, созданные писателями и авторами, всегда играли важную роль в литературе. Они служат не только для кон-

струирования полностью оригинальных вымышленных миров, но и для придания дополнительной глубины и аутентичности персонажам, культурам и цивилизациям, описанным в произведениях [8].

Роман Энтони Берджесса «Заводной апельсин» является одним из ключевых произведений английской литературы XX в. Впервые он был опубликован в 1962 г. и сразу привлек к себе пристальное внимание критиков и читателей.

Публикация романа в Великобритании была встречена в целом негативно. Критики упрекали Бёрджесса в излишней вычурности языка и стиля. Рецензенты назвали роман «вязким словоблудием» и «шутовским плодом вырождения», обвинив автора в деградации английского языка [10].

Критики не сумели увидеть символическое значение использования Бёрджессом выдуманного языка «надсат», который изображает и передает промывание мозгов главного героя Алекса. Они восприняли «надсат» лишь как неуклюжую языковую игру. Берджесс хотел показать, что с помощью вымышленных и повторяющихся слов можно воздействовать на умы читателей. Более того, в контексте того времени «надсат» ассоциировался с русским языком, на котором говорили представители «враждебного» режима – коммунисты.

О двух переводчиках, которые работали над переводом романа Э. Берджесса «Заводной апельсин» на французский язык известно немного.

Жорж Бельмон переводил произведения своих друзей-писателей, таких как Генри Миллер, Грэм Грин и Мэрилин Френч. Помимо перевода Бельмон также занимался собственным творчеством, но его литературное наследие невелико. Он был известен во Франции как человек, основавший журнал «Jours de France» и увеличивший тираж журнала «Marie-Claire» до более миллиона экземпляров.

Имя Гортензии Шабрие неразрывно связано с именем Жоржа Бельмона, вместе с которым они переводили произведения. В 1981 г. они получили премию Бодлера за перевод на французский язык романа Энтони Берджесса «Сила земли». Согласно воспоминаниям самого Берджесса, Шабрие выросла в замке, ее воспитывала ир-

ландская няня, и она владела английским и французским в равной степени, так как была билингом [9, с. 350].

Материалы и методы

Материалом исследования послужили оригинальный текст романа «Заводной апельсин» Э. Берджесса и его перевод на французский язык. Основу исследования образуют методы сравнительного и стилистического анализа текста, переводческий анализ, структурный метод, а также метод контент-анализа научных и учебных источников. Результаты исследования могут быть применены в сфере перевождения.

Результаты и обсуждение

Прежде чем приступить к непосредственному анализу лексики, использованной во французском переводе «надсата», следует обратить внимание на некоторые особенности адаптации этого перевода, которые удалось выявить.

В первую очередь необходимо отметить, что переводчики сохранили некоторые слова и выражения из «надсата» в их оригинальном написании. Переводчики оставили без изменений такие лексические единицы, как «bitva», «biblio», «brat», «cantora», «kleb», «kпорка» и т.д., тем самым демонстрируя их иностранное происхождение и сохраняя авторский слог.

Однако таких орфографически неизменённых слов в тексте меньшинство, так как переводчики сохраняли оригинальное написание лишь в том случае, если оно соответствовало правилам произношения французского языка. Например, слово «odin» было заменено на «odine» с целью адаптации к носовому произношению гласных во французском языке.

Данная стратегия переводчиков, заключающаяся в сохранении отдельных лексических единиц в их исходной форме, позволяет максимально приблизить французский вариант к оригинальному тексту, воссоздавая тем самым уникальный авторский стиль Э. Бёрджесса.

Кроме того, подобный подход способствует созданию эффекта «остранения» и выполняет важную стилистическую функцию, подчёркивая инокультурный характер описываемого в произведении мира.

Одной из наиболее примечательных особенностей французского перевода романа «Заводной апельсин» также является адаптация антропонимов – личных имен и фамилий персонажей. Данная стратегия переводчиков заслуживает пристального внимания, поскольку она непосредственно связана с проблемой передачи культурно-специфических элементов оригинального текста [2, с. 81].

Уже с первых страниц перевода обнаруживается тенденция к франкоязычной локализации повествования: «*Il y avait moi, autrement dit Alex, et mes trois drougs, autrement dit Pierrot, Jo et Momo, vraiment momo le Momo...*» [пер. G. Belmont и H. Chabrier, 1972]. Так, Главный протагонист Alex и его друзья из преступной группировки получают французские имена Pierrot, Jo и Momo, в то время как в оригинальном тексте они именуются Alex, Pete, Georgie и Dim соответственно [3, с. 139].

Необходимо отметить, что имя Dim в данном контексте является элементом «надсата», и может быть переведено как «тупой, бестолковый» [1]. Французский вариант Мото, избранный переводчиками, на первый взгляд представляется менее удачным решением, поскольку в современном французском языке оно ассоциируется прежде всего с именем Mohamed. Однако в прошлом Мото функционировало как уменьшительно-ласкательная форма от имени Maurice, которое в 1950-1960-х гг. было гораздо более распространенным, нежели в настоящее время. В 1970-х гг. прозвище «Морис» нередко использовалось по отношению к членам преступных группировок, причем зачастую малообразованным и неинтеллектуальным личностям [13]. Таким образом, выбор переводчиков может быть продиктован стремлением передать коннотации глупости и инфантильности, изначально заложенные в имени Dim.

Следует отметить, что и сама уменьшительно-ласкательная форма имени Мото способствует созданию образа незрелой, недораз-

витой личности, к которой относятся несерьезно, не воспринимая как полноценного взрослого человека. Подобная стратегия номинации позволяет переводчикам сохранить прагматический потенциал оригинального антропонима, компенсируя утрату его формальных характеристик.

Большинство встречающихся в романе имен собственных подвергается подобной трансформации.

Переводчики явно стремились приблизить текст к принимающей культуре, сделав его более понятным и близким для французского читателя.

Однако, фамилии персонажей остаются нетронутыми, сохраняя свое оригинальное англоязычное написание. Это порождает некоторую стилистическую неоднородность, поскольку ряд фамилий (Slouse, Branom, Brodsky) выглядит несколько инородно на фоне франкоязычных имен. Подобный переводческий выбор может быть продиктован стремлением сохранить определенный элемент «чужеродности» в тексте, напоминая читателю об инокультурном происхождении произведения.

Важно отметить, что адаптация антропонимов является одной из наиболее распространенных стратегий передачи безэквивалентной лексики при художественном переводе. Она позволяет снизить культурный барьер между оригинальным и переводным текстами, сделав повествование более органичным и близким для реципиента. Однако чрезмерная адаптация также может привести к утрате культурного колорита исходного произведения. Поэтому переводчикам приходится искать разумный баланс между адаптацией и сохранением инокультурных элементов оригинала.

Вместе с тем стоит обратить внимание на топонимы, упоминаемые во французском тексте (avenue Boothby, avenue Attlee, place Priestly, avenue Kingsley, avenue Wilsonsway, place Taylor, boulevard Marghanita, rue Gagarine). Они никак не изменяются в переводе, сохраняя свое англоязычное звучание. Два последних топонима (boulevard Marghanita и rue Gagarine) не вызывают особых вопросов, поскольку могут быть восприняты как вполне органичные

тексту. Однако остальные упомянутые названия улиц, площадей и бульваров резко диссонируют с общим франкоязычным контекстом, использованием французских антропонимов и лексических единиц из «надсата» с русским оттенком.

Подобный переводческий выбор представляется недостаточно последовательным и целостным. С одной стороны, переводчики прибегают к локализационной стратегии, адаптируя имена главных героев к принимающей культуре и создавая франкоязычную среду. С другой стороны, они оставляют без изменений топонимы, которые явно отсылают к англоязычному культурному пространству и разрушают ощущение полной доместикации текста [3, с. 137].

Возможно, более удачным решением было бы либо полностью локализовать топонимический пласт, подобрав соответствующие французские эквиваленты, либо, напротив, сохранить все антропонимы в их оригинальном англоязычном виде, дополнительно форенизируя текст. Промежуточный вариант, реализованный переводчиками, порождает некоторую неоднородность и стилистический диссонанс, ослабляя целостность художественного мира произведения [2, с. 82].

Кроме того, следует отметить, что топонимы в данном романе несут существенную культурно-специфическую нагрузку, отсылая к реалиям британского общества 1960-х гг. Имена Boothby, Attlee, Priestly, Kingsley отсылают к известным британским политикам, писателям и общественным деятелям того времени. Передача без каких-либо трансформаций позволяет сохранить этот важный культурный подтекст в переводе. Однако в сочетании с антропонимами главных героев подобный контраст может показаться избыточным и вызвать у читателя ощущение стилистической неоднородности текста.

Одной из ключевых особенностей перевода «надсата» на французский язык является использование звукоподражательных слов (ономатопей). Э. Бёрджесс сознательно насыщал свой роман многочисленными ономатопеями с целью погрузить читателя в атмосферу повествования и придать тексту особую звуковую окраску. Ономатопея, по определению лингвистического энциклопедиче-

ского словаря, представляет собой «закономерную не произвольную фонетически мотивированную связь между фонемами слова и лежащим в основе номинации звуковым (акустическим) признаком денотата (мотивом). Звукоподражание также определяют как условную имитацию звучаний окружающей действительности фонетическими средствами данного языка» [4].

При переводе на французский язык перед Бельмоном и Шабрие встала непростая задача – найти адекватные эквиваленты англоязычным ониматопеям Бёрджесса. Как известно, ониматопеи носят ярко выраженный национально-культурный характер: так, во французском языке петух кукарекает «сосогисо», в английском – «cockadoodledo». Таким образом, переводчики были вынуждены искать во французском языке звукоподражательные слова, соответствующие по смыслу и звучанию английским оригиналам.

Во многих случаях использованные ими ониматопеи показались нам не совсем привычными и естественными для французского языка. Очевидно, что такие ониматопеи, как «crack crack», «le clink clank» и «tinkle tankle», не являются типичными французскими звукоподражаниями и, скорее всего, представляют собой попытку переводчиков найти эквиваленты английским оригиналам. Подобные случаи встречаются на протяжении всего романа.

Кроме того, нельзя исключать, что некоторые ониматопеи, использованные Бельмоном и Шабрие, были продиктованы стремлением максимально точно передать ритмику и мелодичность оригинального текста Бёрджесса. Как отмечал сам автор, «Заводной апельсин» был для него в первую очередь упражнением в стилистике, и он уделял большое внимание звуковой организации повествования. Возможно, переводчики пытались воссоздать эту звуковую партитуру средствами французского языка, даже если это вынуждало использовать несколько необычных ониматопеических конструкций.

Чтобы более точно понять, каким образом был осуществлен перевод «надсата» на французский язык, нужно изучить особенности лексики оригинального текста. Приступив к анализу лексического

пласта «надсата» в романе Берджесса, мы выявили разные типы лексики, использованной Берджессом в оригинале:

1. Лексемы, в которых используются корни русского происхождения

Слова с русским корнем занимают значительную часть «надсата» в оригинальном тексте Берджесса. Анализ показывает, что переводчики Шабрие и Бельмон также сохранили эту особенность в своем переводе на французский язык.

Берджесс черпал вдохновение из русского языка, чтобы создать уникальный лексикон для своего романа. Его задумка заключалась в том, чтобы не просто транслитерировать русские слова на английский, но и тщательно адаптировать их, чтобы они соответствовали фонетике и правописанию английского языка. Например, слово «человек» Берджесс передает в «надсате» как «chelloveck», добавляя двойную согласную «ll», чтобы приблизить произношение к английскому. Аналогично, «девочка» в русском – «девочка» (devochka), а в «надсате» – «devotchka». Берджесс не только транскрибировал русские слова, но и применял английские правила словообразования, например, добавляя окончание множественного числа «-s» к существительным. Это делало «надсат» более органичным для англоязычного читателя.

Кроме того, Берджесс не просто переносил русские слова, но и творчески переосмыслил их значение. Так, лексема «бабушка» («baboochka») в «надсате» имеет более общее значение – «старуха». А «часовой» («chasso») – «тюремный охранник».

Берджесс создавал уникальный «русифицированный» лексикон, который, с одной стороны, отсылал к русскому языку, а с другой – был адаптирован для английского читателя. Это позволяло ему достичь желаемого эффекта отчужденности и инаковости, характерного для мира его романа.

Представляется весьма интересным рассмотреть некоторые переводческие трансформации. Так, глагол «lubbilub» был заменен на «ñiqueuníqueuníque». В оригинале Берджесс объединяет два слова «любить» и «люблю», а переводчики использовали пейоративный

глагол «niquer», имеющий негативные коннотации. Мы считаем, что применение данного глагола здесь излишне, так как оно выбивается из общей сцены: «*Ensuite on a vu un jeune maltchick avec sa gironde niqueuniqueuniquant sous un arbre...*» [пер. G. Belmont и H. Chabrier, 1972]. В оригинале: «*Then we saw one young malchick with his sharp, lubbilubbing under a tree...*» [Burgess, 1986]. Глагол lubbilub в этом контексте скорее означает «заниматься любовью», поэтому использование глагола «niquer» переводчиками неуместно.

Слово «oddy knocky» в оригинале является интересным примером объединения двух слов на английском языке, которые вместе звучат как «одинокий». Они представляют собой авторские окказионализмы, образованные от слов «odd» и «knock», и сами по себе ничего не означают, приобретая смысл только при совместном использовании. Во французском переводе данное словосочетание было полностью заменено на «solî solo», что придало большей понятности тексту, поскольку слово «solo» означает «в одиночку». Слово «solî» является формой множественного числа от слова «solo», поэтому мы видим пример того, как переводчики интересным образом совместили единственное и множественное число одного слова, однако они утратили акустическую форму исходного слова.

В слове «platties», которое образовано от русского «платья», переводчики также решили помочь читателям понять значение этого слова. Они объединили «plat» и «frusques», которое является разговорным словом и переводится как «тряпки, шмотки» [5].

Вместо слова «skorpy», образованного от русского слова «ско-рый», переводчики использовали слово «zoom». Это разговорное французское слово, происходящее от английского «zoom», что означает увеличение изображения в объективе или быстрое движение. Кроме того, переводчики прибегли к англицизму при переводе глагола «пить», используя слово «drinker», образованное от английского глагола «drink». Можно предположить, что им не понравилось звучание оригинальных глаголов при транскрипции их на французский язык.

Слово «shilarny» образовано от русского слова «желание» и имеет такое же значение в тексте. Однако на французский язык это слово было переведено как «vava». Оно также является неологизмом, придуманным переводчиками, и можно предположить, что оно является производным от французского глагола «aller», обозначая нечто, побуждающее к действию: *«Qu'est-ce que c'est que ce vava qui vous prend de devenir des gros bouffis de capitalistes?»* [пер. G. Belmont и H. Chabrier, 1972].

2. Авторские окказионализмы

Кроме использования «руссифицированных» слов, Берджесс проявил большую изобретательность в создании неологизмов для своего вымышленного языка. Авторские окказионализмы занимают вторую по важности часть лексики «надсата». Переводчики Шабрье и Бельмон создавали новые слова на французском языке, следуя тому же принципу, что и Берджесс в оригинале. Однако многие английские неологизмы Берджесса, образованные путем переосмысления значения слов, не были сохранены во французском переводе.

Их можно разделить на 3 группы:

А. Слова, полностью изобретенные автором. К таким словам относятся: «to crark», «gorgeosity», «to crunk», и т.д. Берджесс создавал эти слова, вероятно, руководствуясь их звуковой выразительностью и способностью передавать нужные ему смыслы, которые не могли бы быть выражены обычными английскими словами.

Во-первых, можно заметить, что Шабрие и Бельмон действительно пренебрегли некоторыми неологизмами и использовали эквивалент из узуса французского языка. Глаголы «to crark» (от «crow» (ворона) + «bark» (лай)) и «to crunk» (от «to crack» (раскалывать) + «to chunk» (нарезать крупными кусками)) были заменены простыми «miaouler» и «dévorer».

Во-вторых, неологизм «howly» (воюющий) был переведен как «japper», а «clowny» (дурацкий) был преобразован в обычное наречие «à la clown». Окказионализм «globby» вообще потерял свое значение (сальный) и был переведен как «de glaviot au rabais», что можно перевести как «никудышный, никуда не годный».

Однако такие окказионализмы, как «*appétitiche*», «*boumboum*», «*splendité*», «*syphilisées*», «*faire tihiihii*» и «*vibrato*», были переведены практически дословно.

Интересно, что глагол «*egg away*», что означает «есть яйцо», перевели как «*gobeloter*», что является устаревшим разговорным словом, означающим «пить медленно, не торопясь», что изменило смысл изначального слова.

Существительное «*pusspot*» перевели как «*potronminet*», что имеет привычное значение «с рассветом, чуть свет», однако здесь имеет значение «кот» (*minet* – котенок).

В целом можно сделать вывод, что переводчики в некоторых случаях пренебрегли авторскими неологизмами, заменив их общеупотребительными словами французского языка, а в других случаях постарались максимально точно передать смысл окказионализмов, используя дословный перевод или подбирая близкие по звучанию слова.

Б. Составные слова. К таким словам относятся: «*afterlunch*», «*toast-crunch*», «*tick-tocker*», «*ultra-violence*» и тому подобное. Здесь Берджесс использует различные словообразовательные приемы, чтобы создать новые слова, зачастую соединяя части существующих английских слов.

Небольшое количество слов сохранило свою составную форму при переводе на французский язык. Многие слова были переведены с помощью словосочетаний, например: «*bagnole en somme*», «*vomi biéreux*», «*rigoler par en dedans*», «*musique de lèvres*». Однако для нескольких слов были найдены подходящие эквиваленты: «*l'après-bouffe*», «*dedans-dehors*», «*tic-tocard*», «*ultra-violent*». Выражение «*do the cat-stalk*» удалось передать только через сравнение «*se guetter comme deux vieux matous*». Для неологизма «*skitebird*» (*skite* (хвастун) + *bird* (птица)) не было найдено эквивалента, и переводчики использовали обычное слово «*cochon*». Кроме того, они не смогли найти эквивалент слову «*in-the-lander*» (человек, находящийся под воздействием наркотиков) и переводили его подходящими по контексту словами (*plouk, en orbite, défoncé*).

Между тем, перевод слова «firegold» можно считать удачным, поскольку окказионализм «spoutnik» лучше вписывается в контекст произведения. Также слово «Prita» (Prison d'État) можно считать удачным эквивалентом слову Staja (State jail). Наконец, глагол «croquemeuler» (croque (разг. еда) + meuler (шлифовать)) можно считать удачным, поскольку он хорошо передает образность глагола «toast-crunch» (toast (ломтик хлеба) + crunch (грызть)).

Таким образом, при переводе составных окказионализмов с английского языка на французский переводчики использовали различные стратегии, такие как создание новых слов, использование словосочетаний и сравнений. Некоторые переводы можно считать удачными, поскольку они сохраняют образность и вписываются в контекст произведения, в то время как другие переводы являются менее удачными и не передают полностью значение исходного слова.

В. Третьим видом неологизмов являются сокращения, например «stetho», «decrep», «рее», «guff» и т.д. Тем самым Берджесс демонстрирует тяготение главного героя к усечению обычных слов, что является признаком сленга [12].

Итак, можно отметить «Ème» (мама) и «Pé» (папа), а также «stétho» (стетоскоп), которые были переведены без потери усечения. Слово «guff» (сокращение от guffaw (сильный смех)) было переведено неологизмом «esclaffe», образованным от глагола «s'esclaffer». Для перевода слова «rozz» (от rozzet (полицейский)) было выбрано похожее «gosse» (кляча, стерва, скотина), что придает слову негативную коннотацию. Для образования нового прилагательного «sophisto» (утонченный) используется пейоративный суффикс -oque.

В остальных случаях для перевода были использованы слова из общеупотребительного лексического фонда французского языка.

При переводе неологизмов-усечений на французский язык переводчики стремились сохранить лаконичность и экспрессивность выражений, однако в большинстве случаев прибегали к описательному переводу, используя слова из узкого лексического фонда.

3. *Детская речь*

Когда Э. Берджесс создавал свой выдуманный язык «надсат» для романа «Заводной апельсин», он использовал детскую речь как один из ключевых элементов. Хотя и в «надсате» слов, образованных таким образом, всего 10, этот прием позволял ему подчеркнуть, что главные герои-подростки, совершающие насилие и преступления, на самом деле еще дети. Детская речь в «надсате» вносила дополнительный диссонанс и шок для читателя.

При переводе романа на французский язык Шабрие и Бельмон столкнулись с непростой задачей – как передать этот аспект «надсата».

Одним из распространенных приемов Берджесса было создание слов с помощью редупликации, что характерно для детской речи. Переводчики попытались воссоздать подобную структуру во французском языке: «eggiweg» – «neuneuf», «jammiwam» – «conficonfiotte», «punchipunch» – «boxiboxiboxer». Такие неологизмы, построенные по принципу детской речи, удачно передают ту же стилистическую функцию, что и в оригинале. Интересно, что в некоторых случаях Шабрие и Бельмон пошли дальше простого воспроизведения детской речи и использовали элементы французского сленга. Так, «tripouille» и «conficonfiotte» содержат суффиксы, характерные для фамильярной лексики. Этот прием позволяет не только передать детскую интонацию, но и добавить грубоватый, вульгарный оттенок, что также соответствует общему стилю «надсата».

Интересен пример перевода выражения «apru polly loggies», которое герои используют в качестве извинения. На французский оно было переведено выражением «exqui cucuses usées», которое было образовано с помощью звукоподражания, и напоминает французское «excuses».

В примерах «escoliose», «malinfrat», «se bâfremeuler» и «guiliguilivice» мы также видим приемы словообразования. Слово «escoliose» образовано от «école», «malinfrat» от «malin» и «fraternité», «se bâfremeuler» от «bâfre» (разг. еда) и «meuler» (перемалывать). Слово «guiliguilivice» образовано от «faire guili-guili» (щекотать) и «vice» (порок).

В переводе слова «purplewurple» переводчики отошли от использования детской речи и перевели как «couperosé de Provence», что является скорее литературным выражением.

Таким образом, переводчики продемонстрировали творческий подход к передаче детской речи в «надсате». Они использовали разнообразные средства французского языка – неологизмы, повторы, сленговые элементы, – чтобы воссоздать ту же стилистическую функцию, что и в оригинале. Конечно, не все примеры детской речи удалось передать одинаково удачно, но в целом переводчикам удалось сохранить этот важный аспект поэтики Берджесса.

4. Архаизмы

Архаизмы и сленг кокни сыграли значительную роль в формировании лексики «надсата» в оригинальном произведении. Однако анализ французского перевода демонстрирует, что переводчики приняли решение не включать в «надсат» на французском языке аналогичные архаичные элементы и элементы рифмованного сленга. В отличие от оригинального «надсата», французский вариант практически полностью лишен архаизмов. Для замены архаизмов переводчики использовали две стратегии:

1. Применение архаического стиля повествования

Например, сравним два отрывка

Оригинал: «*Well, if it isn't fat stinking billygoat Billyboy in poison. How art thou, thou globby bottle of cheap stinking chip-oil? Come and get one in the yarbles, if you have any yarbles, you eunuch jelly, thou*» [Burgess, 1986].

Французский вариант: «*Ma parole, mais c'est ce gros bouc puant de Willaid en personne. Comment vas-tu, Ô toi, espèce de fiole puante d'huile de glaviot au rabais? Amène-toi que je t'en colle un dans les yarbilles, pour peu que t'en aies, Ô toi, espèce de gelée d'eunuque* » [пер. G. Belmont и H. Chabrier, 1972].

Везде, где автор использовал архаизмы в оригинальном тексте, переводчики вставляли архаическое выражение «Ô toi» [9, с. 359].

2. Перевод архаичных слов неологизмами

Так, для архаизма «cutter» (деньги) был создан неологизм «mouizka» (от слова «mouise» – нищета с добавлением суффикса),

а слово «shive» (ломтик) было переведено как «coutelée» (от устаревшего «couteler» – резать).

Тем не менее, архаизмы и рифмованный сленг составляют минимальную часть «надсата», и можно констатировать, что их опущение не сказывается существенно на качестве перевода.

5. Рифмующийся сленг

Наконец, при создании своего вымышленного языка Берджесс прибег к использованию рифмующегося сленга. Этот сленг традиционно ассоциируется с рабочим классом Лондона и включает в себя фразы, в которых одно слово заменяется другим, рифмующимся с ним, часто с пропуском рифмующегося слова.

Что касается рифмованного сленга, Шабрие и Бельмон решили перевести только одну лексическую единицу из этого сленга: «pretty polly», где «polly» образовано от «lolly» (деньги). Это выражение было переведено как «joli lollypop», где «lollypop» является англицизмом и передает особенности оригинала [11, с. 645].

Использование рифмующегося сленга кокни также подчеркивает социальные и культурные корни персонажей романа. Это показывает их связь с определенными слоями общества и придает их речи особый колорит.

Заключение

Проведенный анализ перевода романа Э. Берджесса «Заводной апельсин» на французский язык позволяет сделать ряд значимых выводов относительно особенностей адаптации авторского идиолекта и передачи культурно-специфических элементов оригинального текста.

1. Исследование демонстрирует, что переводчики Ж. Бельмон и Г. Шабрие применяют стратегию частичной форенизации, сохраняя отдельные лексические единицы из вымышленного языка «надсат» в их исходной форме. Данный подход способствует воссозданию уникального стилистического колорита произведения и подчеркивает его инокультурный характер. Вместе с тем переводчики прибегают к локализации антропонимов, адаптируя имена и прозвища

персонажей к принимающей культуре. Такая стратегия номинации позволяет компенсировать утрату формальных характеристик оригинальных имен и сохранить их прагматический потенциал.

2. Особую сложность для переводчиков представляет передача ониматопей, обладающих ярко выраженной национально-культурной спецификой. Анализ показывает, что не всегда им удается найти адекватные французские эквиваленты англоязычным звукоподражаниям Берджесса, что может приводить к стилистической неоднородности текста. Вместе с тем данная особенность перевода может быть обусловлена стремлением переводчиков воссоздать ритмику и мелодичность оригинального повествования.

3. При переводе авторских окказионализмов Берджесса переводчики демонстрируют разнообразие применяемых стратегий. Они создают новые слова на французском языке, используют словосочетания и сравнения. Некоторые переводы можно считать удачными, поскольку они сохраняют образность и вписываются в контекст произведения, в то время как другие переводы являются менее удачными и не передают полностью значение исходного слова.

4. При передаче детской речи, являющейся важным элементом поэтики «надсата», переводчики проявляют творческий подход, используя разнообразные средства французского языка: неологизмы, повторы, сленговые элементы. Это позволяет им воссоздать ту же стилистическую функцию, что и в оригинале.

5. Проведенный анализ показывает, что переводчики приняли решение не включать в «надсат» на французском языке аналогичные архаичные элементы и элементы рифмованного сленга, которые играли значительную роль в формировании лексики «надсата» в оригинальном произведении. Вместо этого они применяют другие стратегии, такие как использование архаического стиля повествования и создание неологизмов.

Французский перевод «Заводного апельсина» в целом демонстрирует стремление переводчиков к достижению баланса между форенизацией и доместикацией, что находит отражение в неоднородности используемых стратегий. Данный подход, с одной

стороны, способствует сохранению культурного колорита и идиостилистических особенностей оригинального произведения, а с другой – порождает определенные стилистические диссонансы в тексте перевода.

Список литературы

1. Англо-русский словарь Мюллера. URL: https://gufo.me/dict/enru_muller# (дата обращения: 31.05.2024).
2. Базылев В.Н., Войнич И.В. Foreignizing strategies in translation (стратегии перевода форенизации, аутентичный перевод, антиассимилятивный перевод) // Основные понятия англоязычного переводоведения: терминологический словарь-справочник. 2011. С. 80-83. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/foreignizing-strategies-in-translation-strategii-perevoda-forenizatsii-autentichnyy-perevod-antiassimilyativnyy-perevod/viewer> (дата обращения: 30.07.2024).
3. Батчаева А.М. Понятие локализации и чем она отличается от перевода // Вестник науки. 2023. № 9 (66). Т. 2. С. 137-140. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-lokalizatsii-i-chem-ona-otlichaetsya-ot-perevoda> (дата обращения: 04.08.2024).
4. Лингвистический энциклопедический словарь. URL: <https://les.academic.ru/369/Звукоподражание> (дата обращения: 04.08.2024).
5. Французско-русский универсальный словарь. URL: <https://french-russian.academic.ru/> (дата обращения: 05.10.2024).
6. Burgess A. Clockwork orange. W.W. Norton & Company, 1986, 112 p.
7. Burgess A. L'Orange mécanique, traduit de l'anglais par Georges Belmont et Hortense Chabrier. Paris : Éditions Robert Laffont, 1972, 326 p.
8. Kennaway R. Artificial Languages. The Linguistics Encyclopedia. 3rd ed. London, New York: Routledge, 2010, 824 p.
9. Meteva-Rousseva E. Les jeux de mots dans le nadsat d'Anthony Burgess – comment ses traducteurs français ont relevé le défi // *Jeux de mots, textes et contextes*. Berlin/Boston: De Gruyter, pp. 339-362. <https://doi.org/10.1515/9783110586459-017>
10. Pochon J. Analyse de la traduction française de l'Orange mécanique : comment traduire la création lexicale? Maîtrise: Univ. Genève, 2010.

- URL: <https://docplayer.fr/17823185-Master-reference-analyse-de-la-traduction-francaise-de-l-orange-mecanique-comment-traduire-la-creation-lexicale-pochon-jean.html> (дата обращения: 30.10.2024).
11. Vincent B., Clarke J. Nadsat in translation: A Clockwork Orange and L'Orange Mécanique // *Meta*, 2020, 65(3), pp. 643-664. <https://doi.org/10.7202/1077407ar>
 12. Vincent B., Clarke J. The language of A Clockwork Orange: A corpus stylistic approach to Nadsat // *Language and Literature: International Journal of Stylistic*, 2017, 26(3), pp. 247-264. <https://dx.doi.org/10.1177/0963947017706625>
 13. WordReference. URL: <https://forum.wordreference.com/threads/momo.1800803/> (дата обращения: 30.09.2024).

References

1. *Müller's English-Russian Dictionary*. URL: https://gufo.me/dict/enru_muller# (accessed May 31, 2024)
2. Bazylev V.N., Voynich I.V. Foreignizing strategies in translation (foreignization translation strategies, authentic translation, anti-assimilative translation) *Osnovnye ponyatiya angloyazchnogo perevodovedeniya: terminologicheskoy slovar-spravochnik* [Basic Concepts of English Translation Studies: Terminological Dictionary], 2011, pp. 80-84. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/foreignizing-strategies-in-translation-strategii-perevoda-forenizatsii-autentichnyy-perevod-antiassimilyativnyy-perevod/viewer> (accessed July 30, 2024)
3. Batchaeva A.M. The Concept of Localization and How it Differs from translation. *Vestnik nauki* [Bulletin of Science], 2023, no. 9(66), vol. 2, pp. 137-140. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-lokalizatsii-i-chem-ona-otlichaetsya-ot-perevoda> (accessed August 04, 2024)
4. *Linguistic Encyclopedic Dictionary*. URL: <https://les.academic.ru/369/Zvukopodrazhaniye> (accessed August 04, 2024)
5. *French-Russian Universal Dictionary*. URL: https://french_russian.academic.ru/ (accessed October 05, 2024)

6. Burgess A. *Clockwork Orange*. W. W. Norton & Company, 1986, 112 p.
7. Burgess A. *A Clockwork Orange*. Translated from the English by Georges Belmont and Hortense Chabrier. Paris: Editions Robert Laffont, 1972, 326 p.
8. Kennaway R. *Artificial Languages. The Linguistics Encyclopedia*. London, New York: Routledge, 2010, 824 p.
9. Meteva-Rousseva E. Anthony Burgess's puns in nadsat – how his French translators rose to the challenge. *Puns, texts and contexts*. Berlin/Boston: De Gruyter, pp. 339–362. <https://doi.org/10.1515/9783110586459-017>
10. Pochon J. *Analysis of the French translation of A Clockwork orange: how to translate lexical creation?* Master's degree: Univ. of Geneva, 2010. URL: <https://docplayer.fr/17823185-Master-reference-analyse-de-la-traduction-francaise-de-l-orange-mecanique-comment-traduire-la-creation-lexicale-pochon-jean.html> (accessed October 30, 2024)
11. Vincent B., Clarke J. Nadsat in translation: A Clockwork Orange and L'Orange Mécanique. *Meta*, 2020, vol. 65, no. 3, pp. 643–664. <https://doi.org/10.7202/1077407ar>
12. Vincent B., Clarke J. The language of A Clockwork Orange: A corpus stylistic approach to Nadsat. *Language and Literature: International Journal of Stylistic*, vol. 26, no. 3, pp. 247–264. <https://dx.doi.org/10.1177/0963947017706625>
13. *WordReference*. URL: <https://forum.wordreference.com/threads/momo.1800803/> (accessed September 30, 2024)

ДААННЫЕ ОБ АВТОРЕ

Садовникова Маргарита Николаевна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры романской филологии Института филологии, журналистики и межкультурной коммуникации Южный федеральный университет
ул. Большая Садовая, 105/42, г. Ростов-на-Дону, 344006, Российская Федерация
mnsadovnikova@sfedu.ru

DATA ABOUT THE AUTHOR

Margarita N. Sadovnikova, PhD in Philology, Associate Professor,
Associate Professor of the Department of Romance Philology of
Institute of Philology, Journalism and Cross-cultural Communi-
cation

Southern Federal University

*105/42, Bolshaya Sadovaya Str., Rostov-on-Don, 344006, Russian
Federation*

mnsadovnikova@sfedu.ru

SPIN-code: 7047-8821

ORCID: <https://orcid.org/0009-0004-4650-3276>

Поступила 04.12.2024

После рецензирования 15.12.2024

Принята 22.12.2024

Received 04.12.2024

Revised 15.12.2024

Accepted 22.12.2024

DOI: 10.12731/2077-1770-2024-16-4-456

УДК 811.111

Научная статья |

Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика

ЛИНГВОСТИЛИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ СОЦИАЛЬНОЙ РЕКЛАМЫ В ОБЛАСТИ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ КАК ОТРАЖЕНИЕ ОБЩЕСТВЕННЫХ ИЗМЕНЕНИЙ

Н.П. Чикунова, Л.К. Халитова

Обоснование. Исследование лингвостилистических особенностей социальной рекламы представляет значительный интерес с точки зрения анализа изменения языковых и стилистических средств, отражающих общественные преобразования. Социальная реклама реагирует на изменения в обществе, отражает культурные и политические перемены и тем самым дает исследователю благодатную почву для изучения и сравнения особенностей языка в разные исторические периоды. Изучение таких текстов дает возможность более глубокого понимания как языковой системы, так и социокультурного контекста, в котором функционирует реклама, а также динамики изменения общественных ценностей и приоритетов.

Цель – выявление и анализ лингвистических и стилистических особенностей социальной рекламы в области здравоохранения в контексте общественных изменений.

Материалы и методы. Был применён описательный метод на основе анализа и синтеза теоретического материала, а также метод контекстуального анализа практического материала, представленного в текстах социальной рекламы. Материалы исследования были получены методом сплошной выборки текстов социальной рекламы (30 текстов) за период 2005-2024 гг., отражающие

значительные общественные изменения в системе здравоохранения. Количественные показатели использовались для иллюстрации динамики языковых изменений в текстах социальной рекламы.

Результаты. В результате анализа лингвостилистических особенностей текстов социальной рекламы на русском и английском языках можно сделать вывод, что различия в использовании языковых средств обусловлены в первую очередь культурно-историческим контекстом и особенностями языковой системы каждого из исследуемых языков. Русская социальная реклама чаще использует эмоционально насыщенные метафоры, риторические вопросы и обращение к коллективным ценностям. Англоязычная реклама, напротив, характеризуется преобладанием четких и лаконичных формулировок, использованием рациональных аргументов и индивидуалистских посылов.

Несмотря на различия, анализ показал наличие значительного сходства в применении универсальных лингвостилистических приемов, таких как метафоры, эпитеты и повторы, что свидетельствует об общности базовых механизмов воздействия на аудиторию. Тексты социальной рекламы обеих языковых культур демонстрируют адаптацию стилистических приемов под конкретные задачи, будь то призыв к действиям, информирование или изменение общественного поведения.

Область применения. Результаты исследования применимы в области изучения языка массовой коммуникации, преподавания лингвистики и стилистики, а также в практике создания социальной рекламы. Полученные данные могут быть полезны для лингвистов, переводчиков, а также специалистов в области маркетинга, рекламы и медиакоммуникаций при разработке эффективных стратегий воздействия на аудиторию.

Ключевые слова: социальная реклама; лингвостилистические особенности; массовая коммуникация; культура; общественные изменения

Для цитирования. Чикунова Н.П., Халитова Л.К. Лингвостилистические особенности социальной рекламы в области здравоохранения как отражение общественных изменений // Современные

исследования социальных проблем. 2024. Т. 16, № 4. С. 49-63. DOI:
10.12731/2077-1770-2024-16-4-456

Original article | Theoretical, Applied and Comparative Linguistics

PUBLIC SERVICE ANNOUNCEMENT IN HEALTHCARE: LINGUISTIC AND STYLISTIC FEATURES AS A REFLECTION OF SOCIETAL CHANGE

N.P. Chikunova, L.K. Khalitova

Background. *The study of the linguistic and stylistic features of public service announcement (PSA) is of considerable interest from the point of view of analyzing the changes in linguistic and stylistic means reflecting social transformations. Social advertising, being a means of mass communication, is sensitive to current social demands and cultural changes, which allows one to identify the features of its linguistic design in different historical periods. The study of such texts provides an opportunity for a deeper understanding of both the language system and the sociocultural context in which PSA functions, as well as the dynamics of changes in social values and priorities.*

Purpose. *To analyze the linguistic and stylistic features as a reflection of societal change in the texts of healthcare public service announcement.*

Materials and methods. *The authors used a descriptive method and a method of contextual analysis of the texts of healthcare public service announcement. The research materials were obtained through the method of continuous sampling of healthcare public service announcement texts (N=30) for the period 2005-2024. Quantitative indicators were used to illustrate the dynamics of linguistic and stylistic changes in the texts.*

Results. *Differences in the use of linguistic means are determined by the cultural and historical context and the peculiarities of the language system of each of the languages studied. Russian public service announcement more often uses emotionally charged metaphors, rhetorical questions and appeals to Russian national values. English-language announcement,*

on the contrary, is characterized by the prevalence of clear and concise formulations, the use of rational arguments and individualistic messages.

Despite the differences, the analysis showed significant similarities in the use of universal linguistic stylistic techniques such as metaphors, epithets and repetitions, which indicates the commonality of the basic mechanisms of influence on the audience.

Practical implications. *The materials and research results can be used in the field of mass and media communication, marketing, lexicography, linguistics and stylistics and in the development of research methodology on related topics.*

Keywords: *public service announcement; linguistic and stylistic features; mass communication; culture; societal change*

For citation. *Chikunova N.P., Khalitova L.K. Public Service Announcement in Healthcare: Linguistic and Stylistic Features as a Reflection of Societal Change. Sovremennye Issledovaniya Sotsialnykh Problem [Modern Studies of Social Issues], 2024, vol. 16, no. 4, pp. 49-63. DOI: 10.12731/2077-1770-2024-16-4-456*

Введение

Реклама в целом и социальная реклама в частности играет большую роль в формировании общественного мнения и поведения человека в обществе, являясь инструментом массовой коммуникации, цель которой – актуализация социальных проблем. В разное время изучением вопроса рекламы занимались многие зарубежные и отечественные деятели, например, А.А. Потебня, Л.Н. Федотова, Г.Г. Николайшвили, Т.Ю. Глазкова, Е.С. Кара-Мурза, У. Уэллс, Г.К. Гималетинова, М. Baig, R.T. Lakoff и др.

Известно, что «реклама является феноменом современного социума, специфической информацией, производимой определенными общественными структурами для воздействия на массовое сознание» [11, с. 7]. Следует подчеркнуть, что понятие «социальная реклама» используется преимущественно в России, тогда как в международной практике используют термины «некоммерческая реклама» и «общественная реклама» [1; 2; 3; 15].

Социальная реклама представляет собой особый вид коммуникации, который направлен на привлечение внимания к самым актуальным проблемам общества и к его нравственным ценностям [6, с. 9]. За рубежом такая реклама называется *некоммерческой* (public service announcement (PSA)), целью которой является подтолкнуть людей к сбору пожертвований, мотивировать поддержку актуальных на тот момент инициатив или привлечь общественное внимание к социально значимым вопросам [1, с. 10]. Согласно У. Уэллс и др., «*общественная реклама*, в свою очередь, представляет собой сообщение, содержащее пропаганду позитивных социальных явлений. Ее создание осуществляется на безвозмездной основе профессионалами, которые следуют принципам отказа от получения прибыли, а средства массовой информации предоставляют эфирное время или место без оплаты» [10, с. 11].

По мнению многих исследователей, социальной рекламе, связанной со здравоохранением, несвойственна двусмысленность и провокация, а следовательно, создатели стараются избегать таких лингвостилистических приемов, как метафора, каламбуры, языковая игра и другие: «им свойственна краткость, в них крайне редко используются каламбуры, тропы и прочие стилистические приемы, что, скорее всего, связано с серьезностью тематики» [3, с. 59]. Реклама, транслирующая меры предосторожности в связи с заболеванием Covid-19, носит максимально нейтральный, «информационный, практически безэмоциональный характер», язык направлен на сохранение спокойствия во время пандемии [7, с. 67].

Лингвостилистический анализ текстов социальной рекламы представляет собой перспективное направление исследований, так как позволяет выявить механизмы языкового воздействия, которые адаптируются под изменения общественного восприятия. Важно отметить, что язык социальной рекламы не только отражает, но и формирует общественные установки. Исследование данных текстов дает возможность глубже понять связь между языковыми средствами, культурным контекстом и изменениями в ценностных ориентациях общества.

Материалы и методы

Материалы исследования были получены методом сплошной выборки текстов социальной рекламы с акцентом на временные периоды, отражающие значительные общественные изменения. Был применен описательный метод на основе анализа и синтеза теоретического материала, а также метод контекстуального анализа практических материалов, представленных текстами социальной рекламы.

Для анализа были выбраны тексты социальной рекламы, отражающие наиболее значимые события в области здравоохранения за 20 лет на русском и английском языках (15 англоязычных и 15 русскоязычных социальных реклам) на следующих платформах: Google Scholar, Academia.edu, YouTube, VKvideo. Одним из примеров является реклама, проводящая параллели между эпидемией свиного гриппа (H1N1) 2009 г. и пандемией COVID-19 2020 г. Этот выбор обусловлен актуальностью и важностью темы общественного здоровья, на чем неоднократно фокусировалась социальная реклама.

Результаты и обсуждение

В рамках общественного дискурса социальная реклама выполняет две основные роли: она одновременно информирует о социальных проблемах и побуждает к их решению, создавая основу для общественного диалога. Например, через медиаплатформы, такие как телевидение и социальные сети, реклама способна не только повышать осведомленность, но и инициировать широкие общественные обсуждения. Социальная реклама становится неотъемлемой частью дискурсивного пространства, соединяющего общественные идеалы, актуальные проблемы и общественные усилия по их преодолению.

Она выполняет несколько ключевых функций: информативную, мотивирующую, профилактическую, воздействующую, воспитательную и эмоционально-вовлекающую [4; 5; 12]. В отличие от публицистических текстов, где информативная и воздействующая функции равнозначны, социальная реклама акцентирует воздей-

ствующую функцию, так как её цель – не только информировать, но и побуждать к действию.

Социальная реклама, посвящённая эпидемии свиного гриппа, носила в основном информативный характер с использованием аналоговых средств (флаеры, плакаты), акцентируя внимание на необходимости вакцинации, соблюдения гигиены и минимизации контактов. В случае с COVID-19 произошли значительные изменения: фокус с аналоговых сместился к цифровым форматам, и это позволило охватить аудиторию глобально при помощи Интернета и социальных сетей. Социальные кампании были нацелены не только проинформировать людей, но и призывали к сочувствию и ответственности.

Сравнительный анализ этих текстов позволяет выявить изменения в риторике и используемых призывах. Например, если в 2009 г. акцент делался на медицинских рекомендациях в повелительном наклонении: «Мойте руки, чтобы защитить себя», «Wash your hands. Help prevent the spread of Swine Flu», то в 2020 г. тексты часто носили более эмоциональный и солидарный характер: «Мы справимся вместе», «We're all in this together».

В анализе социальной рекламы в области здравоохранения во время свиного гриппа и ковида можно отметить значительные различия в подходах и языке. Реклама в период свиного гриппа, например, использовала прямые и четкие призывы, такие как знаменитый слоган «Catch it, Bin it, Kill it!» (Поймать, выбросить, уничтожить!), который акцентировал внимание на важности гигиены и уничтожении вируса. Этот подход был скорее информативным и ориентированным на конкретные действия для предотвращения распространения болезни.

В отличие от этого, реклама в период ковида была гораздо более эмоционально насыщенной и ориентированной на коллективную ответственность. Например, слоган «I wash my hands to protect my colleagues. I wear a face covering to protect strangers. I make space to protect you» (Я мою руки, чтобы защитить коллег. Я ношу маску, чтобы защитить незнакомцев. Я оставляю пространство, чтобы за-

щитить тебя) акцентировал внимание на социальной ответственности и важности соблюдения мер ради благополучия других. Это подчеркивает изменения в восприятии угрозы, когда стало важно не только заботиться о собственном здоровье, но и о безопасности окружающих. В это же время появились лозунги вроде «Look them in the eyes», которые призывали к более персонализированному и человечному восприятию ситуации.

В контексте ковидной рекламы в России можно выделить также социально значимые фразы, такие как «вирус Паника 20» и «вирус Пофиг 21» в качестве метафоры, авторского неологизма, созданного по модели официальных названий вирусов которые, с одной стороны, подчеркивали реальность ситуации, а с другой – использовали элементы юмора и сарказма для создания контраста между различными подходами к пандемии. Эти фразы также отражают проблему игнорирования пандемии некоторыми слоями общества.

Другим интересным моментом является реклама с элементами гиперболы, например, «Эта экскурсия прилагается к покупке фальшивых сертификатов» и «Не вакцинировался – ждем тебя!», которые использовались в контексте борьбы с фальсификацией документов и стереотипами вокруг вакцинации. Термин «экскурсия» является эвфемизмом в этом предложении и используется как смягченное обозначение для мрачной и пугающей реальности пребывания в больнице. Фраза «Не вакцинировался – ждем тебя!» иллюстрирует эмоциональное давление, апеллирующее к страху перед смертью. Такой призыв к вакцинации был оформлен в стиле рекламы похоронной службы на рекламном щите (г. Иваново) с указанием номера диспетчерской службы города. Эти фразы направлены на снижение уровня доверия к противникам вакцинации и продвижение социальной ответственности.

Кроме того, можно отметить использование такого риторического приема, как «палочный» довод (лат. *argumentum ad baculum*), который напрямую апеллирует к страху зрителя. Например, фраза «Не нравится носить маску?» сопровождается игрой на чувствах аудитории и ответом «Твоим близким понравится кутя». Это элемент

манипуляции, где воздействие направлено на пробуждение чувства вины или ответственности, особенно в моменты, когда реакция на кампанию останавливается на уровне личных предпочтений.

Таким образом, социальная реклама против свиного гриппа и ковида отличается не только в использовании терминов, но и в акцентах на личной и коллективной ответственности, эмоциональных призывах и социальной ответственности. Рекламные слоганы адаптируются к времени, ситуации и общественным настроениям, что делает их значимым инструментом в борьбе с эпидемиями и кризисами.

Анализ динамики использования лингвистических средств в социальной рекламе показывает, что в последние годы наблюдается рост применения эмоционально насыщенных приемов, таких как метафоры, императивы и ирония. На графике (Рис. 1) показана динамика использования лингвистических средств в англоязычных и русскоязычных кампаниях социальной рекламы в области здравоохранения, целью которых является профилактика и/или предотвращение свиного гриппа и ковида.

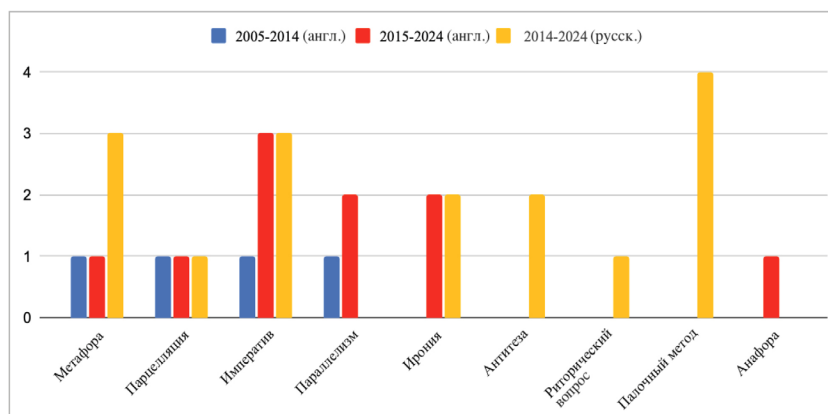

Рис. 1. Динамика использования лингвистических средств в англоязычных и русскоязычных кампаниях социальной рекламы в области здравоохранения

В обеих языковых группах наблюдается значительное увеличение использования метафор в период 2014-2024 гг. Полагаем,

что это свидетельствует о растущей роли метафор в создании эмоциональной связи с аудиторией. Также заметен рост применения таких средств, как парцелляция и императив, что подтверждает тенденцию к упрощению языка и стремлению к прямым призывам в социальной рекламе. Ирония и антитеза становятся все более популярными в англоязычных кампаниях, что может быть связано с необходимостью усилить воздействие на эмоции и убеждения аудитории. В то время как в русскоязычных кампаниях периода 2014-2024 гг. наблюдается использование анафоры, что подчеркивает склонность к использованию повторяющихся структур для усиления воздействия. В целом график демонстрирует эволюцию лингвистических инструментов создания социальной рекламы, когда акцент смещается с непосредственной информации на эмоции при помощи ярких, эмоционально насыщенных и запоминающихся лингвистических средств.

Ранее в текстах социальной рекламы тон был официальным, инструктивным, направленным на передачу знаний. Сейчас реклама часто принимает разговорный или даже провокационный тон, приближая текст к повседневной речи аудитории. Современные рекламные кампании вместо логического объяснения и рекомендаций воздействуют через психологическое давление или провокацию. Из анализа приведенных выше примеров можно сделать вывод, что лингвостилистические приемы социальной рекламы в области здравоохранения сместились от объективно-информативных к эмоционально-провокационным.

Заключение

За последние десятилетия социальная реклама в области здравоохранения претерпела значительные изменения. В начале 2000-х гг. она была ориентирована в основном на информирование, акцент делался на нейтральное представление фактов. Однако с развитием технологий и изменением общественных интересов стилистика социальной рекламы изменилась, и реклама начала включать экспрессивные и образные элементы, ориентированные на вовлеченность

аудитории. Лингвостилистические приемы, такие как метафора, анафора, антитеза, риторический вопрос, ирония и другие, стали важными инструментами для создания более ярких и запоминающихся посланий.

В англоязычной социальной рекламе с 2014 по 2024 гг. использование парцелляции выросло в 2 раза, императива – в 3,5 раза, а параллелизма – в 5 раз. Ирония начала применяться только во второй половине указанного периода. Анафора приобрела популярность в последние годы.

В русскоязычной социальной рекламе в 2005–2014 гг. использовались ограниченные средства, такие как метафоры, антитеза и риторические вопросы. После 2015 г. частота метафор увеличилась в 4 раза, императива – в 6 раз, риторических вопросов – в 4 раза, а противопоставлений – в 3 раза. Также появились случаи употребления гиперболы, анафоры и аллюзии. В условиях кризисов, таких как COVID-19, применение «палочного довода» также увеличилось. Эти данные указывают на тенденцию к усложнению и увеличению стилистических приемов в социальной рекламе в области здравоохранения, что безусловно направлено на усиление эмоционального воздействия.

Список литературы

1. Бове К.Л., Аренс У.Ф. Современная реклама. Тольятти: Довгань, 1995. 704 с.
2. Дедюрина Е.Ю. Социальная реклама как жанр медиатекста // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2022. № 9(864). С. 49-53. https://doi.org/10.52070/2542-2197_2022_9_864_49
3. Глазкова Т.Ю. Лингвистические особенности англоязычной, немецкоязычной и русскоязычной социальной рекламы во время пандемии // Вестник Челябинского государственного университета. 2023. № 6(476). С. 59-66. <https://doi.org/10.47475/1994-2796-2023-476-6-59-66>
4. Кара-Мурза Е.С. Культура русской речи в рекламной деятельности // Журналистика и культура русской речи. 1996. Вып. 4. С. 63-74.

5. Кузнецова Н.В. Лингвистические приемы пропаганды норм поведения в социальной рекламе США // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. 2012. № 3. С. 115-121.
6. Николайшвили Г.Г. Социальная реклама: теория и практика: учеб. пособие для студентов вузов. М.: Аспект Пресс, 2008. 191 с.
7. Потапчук Е.Ю., Лабзина Ю.Е., Маркова М.А., Мамаева Д.М. Специфика социальной рекламы в условиях пандемии COVID-19: международный контекст // Общество: социология, психология, педагогика. 2021. № 8. С. 59-67. <https://doi.org/10.24158/spp.2021.8.7>
8. Попов Ю.А. Функциональные особенности социальной рекламы и специфика применения критериев оценки её эффективности // Экономические исследования и разработки. 2023. URL: <http://edrj.ru/article/02-02-23> (дата обращения: 12.09.2024).
9. Потебня А.А. Мысль и язык. М.: Лабиринт, 1999. 300 с.
10. Уэллс У., Бернет Дж., Мориарти С. Реклама: Принципы и практика: пер. с англ. СПб.: Питер, 2003. 797 с.
11. Федотова Л.Н. Реклама в коммуникационном пространстве: учебник. М.: Изд. дом Камерон, 2005. 464 с.
12. Baig M. Analyzing the Advertising Discourse – A Journey from Sight to Mind // International Journal of Applied Linguistics and English Literature. Lahore: AIAC. 2013. Vol. 2(1). P. 126-135. <https://doi.org/10.7575/ijalel.v2n.1p.126>
13. Gimaletdinova G.K., Khalitova L.K. Participatory News Article: Genre Clarification // Современная лингвистика: ключ к диалогу: труды и материалы IV Казанского международного лингвистического саммита (Казань, 13-15 декабря 2023 г.): в 3 т. / под общ. ред. И.Э. Ярмакеева, Ф.Х. Тарасовой. Казань: Изд-во Казанского ун-та, 2024. Т. 1. С. 173-176.
14. Lakoff R.T. Persuasive discourse and ordinary conversation, with examples of advertising // Analyzing discourse: text and talk. Georgetown University Press, 1982. P. 25-42.
15. Lynn J.R. Effects of persuasive appeals in public service advertising // Journalism and Mass Communication Quarterly. 1974. Vol. 51(4). P. 622-630. <https://doi.org/10.1177/107769907405100406>

16. Longman Dictionary of American English. Harlow: Pearson Education Ltd., 2009. 934 p.

References

1. Bove K.L., Arens W.F. *Modern advertising*. Togliatti: Dovgan Publ., 1995, 704 p.
2. Dedyurina E.Yu. Social advertising as a genre of media text. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta* [Bulletin of the Moscow State Linguistic University. Humanities], 2022, no. 9(864), pp. 49-53. https://doi.org/10.52070/2542-2197_2022_9_864_49
3. Glazkova T.Yu. Linguistic features of English-language, German-language and Russian-language social advertising during the pandemic. *Vestnik Cheljabinskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of the Chelyabinsk State University], 2023, no. 6(476), pp. 59-66. <https://doi.org/10.47475/1994-2796-2023-476-6-59-66>
4. Kara-Murza E.S. Culture of Russian speech in advertising activities. *Zhurnalistika i kul'tura russkoy rechi* [Journalism and Culture of Russian Speech], 1996, issue 4, pp. 63-74.
5. Kuznetsova N.V. Linguistic techniques of propaganda of norms of behavior in social advertising of the USA. *Vestnik Irkutskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta* [Bulletin of the Irkutsk State Linguistic University], 2012, no. 3, pp. 115-121.
6. Nikolaishvili G.G. *Social advertising: theory and practice: textbook for university students*. Moscow: Aspect Press Publ., 2008, 191 p.
7. Potapchuk E.Yu., Labzina Yu.E., Markova M.A., Mamaeva D.M. Specifics of social advertising in the context of the COVID-19 pandemic: international context. *Obshchestvo: sociologiya, psikhologiya, pedagogika* [Society: Sociology, Psychology, Pedagogy], 2021, no. 8, pp. 59-67.
8. Popov Yu.A. Functional features of social advertising and the specifics of applying criteria for assessing its effectiveness. *Economic research and development*, 2023. URL: <http://edrj.ru/article/02-02-23> (accessed October 15, 2024)
9. Potebnya A.A. *Thought and language*. Moscow: Labyrinth Publ., 1999. 300 p.

10. Wells W., Burnett J., Moriarty S. *Advertising: Principles and Practice*. (trans. from English). St. Petersburg: Piter Publ., 2003, 797 p.
11. Fedotova L.N. *Advertising in the communication space: textbook*. Moscow: Cameron Publ., 2005, 464 p.
12. Baig M. Analyzing the Advertising Discourse – A Journey from Sight to Mind. *International Journal of Applied Linguistics and English Literature*. Lahore: AIAC, 2013, vol. 2(1), pp. 126-135. <https://doi.org/10.7575/ijalel.v.2n.1p.126>
13. Gimaletdinova G.K., Khalitova L.K. Participatory News Article: Genre Clarification. *Sovremennaja lingvistika: ključ k dialogu: trudy i materialy IV Kazanskogo mezhdunarodnogo lingvisticheskogo sammita* [Modern Linguistics: The Key to Dialogue: Works and Materials of the IV Kazan International Linguistic Summit]. Kazan: Kazan University Publ., 2024, vol. 1, pp. 173-176.
14. Lakoff R.T. Persuasive discourse and ordinary conversation, with examples of advertising. *Analyzing discourse: text and talk*. Georgetown University Press, 1982, pp. 25-42.
15. Lynn J.R. Effects of persuasive appeals in public service advertising. *Journalism and Mass Communication Quarterly*, 1974, vol. 51(4), pp. 622-630. <https://doi.org/10.1177/107769907405100406>
16. *Longman Dictionary of American English*. Harlow: Pearson Education Ltd., 2009, 934 p.

ДАННЫЕ ОБ АВТОРАХ

Чикунова Наталья Павловна, магистрант 3-го года обучения, направление «Филология», профиль «Романо-германская филология»
Казанский федеральный университет
ул. Кремлевская, 18, г. Казань, 420008, Российская Федерация
n.p.chikunova@yandex.ru

Халитова Лилия Камилевна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры романо-германской филологии
Казанский федеральный университет

*ул. Кремлевская, 18, г. Казань, 420008, Российская Федерация
lilia_khalitova@mail.ru*

DATA ABOUT THE AUTHORS

Natalia P. Chikunova, 3d year Master student in Philology (Romance and Germanic Philology)
*Kazan Federal University
18, Kremlyovskaya Str., Kazan, 420008, Russian Federation
n.p.chikunova@yandex.ru*

Liliia K. Khalitova, PhD in Philology, Associate Professor, Associate Professor of Department of Romance and Germanic Philology
*Kazan Federal University
18, Kremlyovskaya Str., Kazan, 420008, Russian Federation
lilia_khalitova@mail.ru
SPIN-code: 5222-8389
ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-9107-7684>
Researcher ID: E-1431-2015
Scopus Author ID: 57190305737
Academia.edu: <https://kpfu.academia.edu/LiliaKhalitova>
ResearchGate: <https://www.researchgate.net/profile/Liliia-Khalitova>*

Поступила 24.11.2024
После рецензирования 15.12.2024
Принята 22.12.2024

Received 24.11.2024
Revised 15.12.2024
Accepted 22.12.2024

DOI: 10.12731/2077-1770-2024-16-4-458

УДК 81'42

Научная статья | Русский язык. Языки народов России

СЛОВО *СООТВЕТСТВЕННО* В УСТНОМ ДИСКУРСЕ: СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ, ДИСКУРСИВНЫЕ ФУНКЦИИ, ПРОСОДИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ

А.А. Айсанова, Д.Д. Марченяк

Обоснование. В современной лингвистике активно изучаются явления, характерные для естественной устной речи. В рамках этой формы речи ряд незнаменательных лексических единиц развивает новые значения / функции. Описание подобных трансформаций позволяет увидеть, с одной стороны, семантический и дискурсивный потенциал анализируемых языковых элементов, а с другой – общие для разных слов особенности функционирования в данной форме речи.

Цель статьи заключается в описании новых – характерных для устной речи – функций единицы *соответственно*, выявлении контекстуальных и просодических показателей, позволяющих квалифицировать различные типы употреблений *соответственно* в естественной устной речи.

Материалы и методы. Материал для анализа извлечён из устного и мультимедийного корпусов «Национального корпуса русского языка». Проанализировано 150 употреблений единицы *соответственно*. В качестве методов исследования использованы дискурсивный анализ, контекстуальный анализ, сравнительный и количественный методы.

Результаты. Результаты исследования показали, что, во-первых, сформулированные в лексикографических источниках толкования *соответственно* неполны и неточны: в ряде случаев предлагаемые авторами словарей примеры не соответствуют приводимым дефинициям. Во-вторых, в естественной устной речи единица *соответственно* не используется в значениях, описываемых тол-

ковыми словарями. В рамках данной формы речи соответственно функционирует как дискурсивный маркер: указывает на отношения следствия, вывода, обеспечивает связность дискурса, используется как показатель речевого затруднения.

С помощью программы «Praat» проанализированы просодические характеристики единицы соответственно в описанных выше функциях. В результате анализа выявлены и описаны различия в просодическом оформлении единицы соответственно, выполняющей различные функции.

Область применения результатов. Результаты исследования могут быть использованы для уточнения лексикографического описания данной единицы.

Ключевые слова: дискурсивные маркеры; дискурсивные функции; средства связи; служебные слова; речевой сбой; устный дискурс; устная речь

Для цитирования. Айсанова А.А., Марченяк Д.Д. Слово соответственно в устном дискурсе: семантические особенности, дискурсивные функции, просодические характеристики // Современные исследования социальных проблем. 2024. Т. 16, № 4. С. 64-84. DOI: 10.12731/2077-1770-2024-16-4-458

Original article | Russian Language. Languages of the Peoples of Russia

THE WORD *SOOTVETSTVENNO* IN ORAL DISCOURSE: SEMANTIC FEATURES, DISCOURSE FUNCTIONS, AND PROSODIC CHARACTERISTICS

A.A. Aisanova, D.D. Marchenyak

Background. Phenomena characteristic of natural oral speech are actively studied in modern linguistic. Within this form of speech, a number of non-significant lexical units develop new meanings/functions. The description of such transformations allows to see, on the one hand, the semantic and discursive potential of the analyzed language elements,

and on the other, the features of functioning in this form of speech that are common to different words.

The **purpose** of the article is to describe new functions of the unit *sootvetstvenno* for oral speech, to identify contextual and prosodic indicators that allow us to qualify various types of uses *sootvetstvenno* in natural oral speech.

Materials and methods. The material for the analysis is extracted from the oral and multimedia corpus of the “National Corpus of the Russian Language”. 150 uses of the unit *sootvetstvenno* were analyzed. The research methods used are discourse analysis, contextual analysis, comparative and quantitative methods.

Results. The results of the study showed that, firstly, the interpretations of *sootvetstvenno* formulated in lexicographic sources are correspondingly incomplete and inaccurate: in some cases, the examples proposed by the authors of dictionaries do not correspond to the definitions given. Secondly, in natural oral speech, the unit *sootvetstvenno* is not used in the meanings described by explanatory dictionaries. Within the framework of this form of speech, *sootvetstvenno* functions as a discursive marker are: it indicates the relationship of consequence, conclusion, provides coherence of discourse, and is used as an indicator of speech difficulty.

The prosodic characteristics of the unit *sootvetstvenno* are analyzed for the functions described above using the Praat program. Differences in the prosodic design of the unit *sootvetstvenno* performing various functions, are described.

Scope of application. The results of the study can be used to clarify the lexicographic description of this unit.

Keywords: discourse markers; discourse functions; means of communication; functional words; speech failure; oral discourse; oral speech

For citation. Aisanova A.A., Marchenyak D.D. The Word *Sootvetstvenno* in Oral Discourse: Semantic Features, Discourse Functions, and Prosodic Characteristics. *Sovremennye Issledovaniya Sotsialnykh Problem* [Modern Studies of Social Issues], 2024, vol. 16, no. 4, pp. 64-84. DOI: 10.12731/2077-1770-2024-16-4-458

Введение

В последние десятилетия в лингвистике особое внимание уделяется изучению различных особенностей естественной устной речи: исследователи рассматривают специфику структурной организации устного дискурса [13; 16-18], типичные средства преодоления речевых сбоев [10-12], механизмы функционирования определённых лексических средств в этой форме речи [2; 3; 14; 15]. В рамках решения последней задачи особый интерес представляет выявление и описание новых функций / значений, формирующихся у слов в рамках устного дискурса. Анализ подобных изменений позволяет, во-первых, увидеть семантические и дискурсивные трансформации определённой языковой единицы (что, в свою очередь, обеспечивает возможность дополнения её лексикографического описания, в том числе и в рамках современных дискурсивно ориентированных словарей), а во-вторых, определить, в какой степени подобные изменения универсальны или специфичны для разных лексических единиц.

Данная статья посвящена анализу функционирования слова *соответственно* в устной речи. Исследовательский интерес к специфике употребления *соответственно* в данной форме речи объясняется, во-первых, невозможностью интерпретировать многочисленные её употребления, обнаруженные в устном корпусе НКРЯ (см. подробнее об этом в разделе «Результаты и обсуждение»), с помощью предлагаемых словарями дефиниций, а во-вторых, выявленными в результате анализа неточностями в существующих толкованиях.

Остановимся подробнее на проблеме лексикографического описания *соответственно*. Традиционно словари предлагают для данной единицы следующие дефиниции.

СООТВЕТСТВЕННО (офиц.).

1. *нареч.* Соответствующим образом.

2. *предлог с дат. п.* В соответствии с чем-н., в зависимости от чего-н., на основании чего-н. *Действовать соответственно приказу.*

Соответственно с, *предлог с тв. п.* – то же, что соответственно (во 2 знач.). *Действовать соответственно с обстоятельствами* [9].

Как можно увидеть, толковый словарь фиксирует использование **соответственно** в качестве наречия и предлога, употребляющегося с существительными в формах дательного и творительного падежей. Подобные толкования предложены и в Толковом словаре русского языка С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой [8].

Рассмотрим также дефиниции, предложенные в Большом толковом словаре русского языка [1].

СООТВЕТСТВЕННО.

I. нареч. 1. Равным образом, в равной мере; тоже, также. *Почвы бывают разные, с. различны и способы их обработки. Если ты уедешь завтра, с. уеду и я.* 2. Разг. Так, как следует, требуется; надлежащим образом. *Узнай решение и поступай с. Будь здоров, не грусти и держи себя с.*

II. предлог. чему. Согласно, сообразно чему-л., в зависимости от чего-л. *Поступай с. своим убеждениям.*

III. частица. Разг. Да, конечно. *Брат уезжает завтра, а ты? - С.*

Соответственно с чем, в зн. предлога. Согласно, сообразно чему-л., в зависимости от чего-л. *Поступай соответственно с условиями, с обстоятельствами.*

Большой толковый словарь русского языка [1] отмечает возможность использования данного слова в качестве наречия, предлога, употребляющегося с существительными в дательном и творительном падежах, а также разговорной частицы. Анализируя иллюстративный материал, представленный в словарной статье, можно обнаружить, что значение единицы **соответственно**, описанное в первом толковании, не вполне соответствует значению, реализованному в приводимых примерах.

Так, в контекстах, предложенных в качестве иллюстрации толкования 'равным образом, в равной мере, тоже, также', **соответственно** вряд ли можно интерпретировать заявленным образом, так как в них отсутствует возможность равнозначной замены единицы на предложенные синонимы. См. примеры.

Почвы бывают разные, соответственно различны и способы их обработки. / Почвы бывают разные, равным образом различны и способы их обработки.

*Если ты уедешь завтра, **соответственно** уеду и я. / Если ты уедешь завтра, **также** уеду и я.*

Как представляется, данные контексты нельзя назвать равнозначными: при замене **соответственно** на синонимичные единицы теряется идея причинно-следственной связи, существующая между частями высказываний. Как кажется, в данной ситуации наиболее корректной заменой **соответственно** будет слово **следовательно**. Сравним:

*Почвы бывают разные, **соответственно** различны и способы их обработки. / Почвы бывают разные, **следовательно**, различны и способы их обработки.*

*Если ты уедешь завтра, **соответственно** уеду и я. / Если ты уедешь завтра, **следовательно**, уеду и я.*

Всё вышесказанное позволяет предположить, что в подобных контекстах **соответственно** выполняет функцию маркирования следствия, вывода, а не указания на равную степень проявления какого-либо признака, как отмечено в дефиниции.

Таким образом, в лексикографическом описании значения этой единицы обнаруживаются лакуны, предложенное толкование **соответственно** является неполным и неточным.

Кроме того, как было сказано, в устной речи обнаруживаются употребления **соответственно**, интерпретация которых невозможна с помощью предлагаемых в традиционных словарях толкований. См. примеры.

(1) Первопорация – это такая... **соответственно**, это процесс, грубо говоря, мембранной дистилляции.

(2) Ну, просто почти все щенки выживают, и **соответственно**, темпы роста популяции тоже увеличиваются.

(3) И **соответственно**, для того чтобы как-то решить проблемы, порой животным приходится вступать в драку за эту самую пищу.

В приведенных примерах отсутствует возможность равнозначной замены **соответственно** на единицы **соответствующим** образом, равным образом, в равной мере, тоже, также и т.п.

Таким образом, **цель** данной работы заключается в описании новых – характерных для устной речи – функций единицы *соответственно* и выявлении контекстуальных и просодических показателей, позволяющих квалифицировать различные типы употреблений *соответственно* в естественной устной речи.

Материалы и методы

Для определения функций единицы *соответственно* в устном дискурсе проанализированы 150 контекстов с данным словом, извлечённых из устного корпуса «Национального корпуса русского языка».

Для квалификации выделенных употреблений *соответственно* используются методы дискурсивного и контекстуального анализа. Описание просодических характеристик определённых типов употреблений осуществляется с помощью анализа контекстов в программе Praat. Кроме того, в работе используются сравнительный и количественный методы.

Результаты и обсуждение

В результате проведённого анализа установлено, что во всех примерах, извлечённых из устного корпуса, слово *соответственно* используется в значениях, не зафиксированных в рассмотренных толковых словарях.

Проанализировав имеющиеся контексты, мы обнаружили общие для некоторых групп примеров признаки, которые, как представляется, помогают определить функцию данной единицы в каждом из случаев. Рассмотрим их подробнее.

(4) *И нет её в бюджетном классификаторе, и соответственно, Минфин не понимает, что это такое, это появляются ваши проблемы с отчётностью и с всякими прочими делами.*

(5) *Ну, просто почти все щенки выживают, и соответственно, темпы роста популяции тоже увеличиваются.*

(6) *Потому что если мы сейчас этот контакт наладим, если любой человек сможет напрямую обратиться к чиновнику, пред-*

*ставителю власти, где бы он ни жил, да, тогда он сможет донести свою проблему, проблему поселения и так далее до чиновника, да, **соответственно**, эту проблему будет легче решить.*

В этих контекстах **соответственно** используется для указания на следствие, вывод, так как между частями высказывания существует причинно-следственная связь: левая часть является посылкой, правая – следствием, а **соответственно** занимает положение между этими частями. Единица частотно используется в контекстах с составным союзом *если..., то*. Следовательно, ключевой для **соответственно** становится не идея соответствия, зафиксированная толковыми словарями, а идея причинно-следственной связи.

Таким образом, в данном случае **соответственно** является дискурсивным маркером следствия, вывода, частотно используется в контекстах с составным союзом *если..., то*, соединяющим две части высказывания, между которыми существует причинно-следственная связь.

Перейдём к рассмотрению второй группы примеров. Отметим, что в таких контекстах **соответственно** используется в начале высказывания.

*(7) И **соответственно**, для того чтобы как-то решить проблемы, порой животным приходится вступать в драку за эту самую пищу.*

*(8) И **соответственно**, для того чтобы достигнуть критической массы, [нрзб] уран надо обогатить по двести тридцать пятому изотопу.*

*(9) **Соответственно**, для того чтоб появились планеты, похожие на нашу, чтобы появилась жизнь, нужно чтобы появились тяжёлые элементы.*

*(10) **Соответственно**, когда вы ищете сигнал среди шума, если вы точно знаете, какого вида должен быть сигнал, вам проще его оттуда вычленишь.*

В данных примерах **соответственно** используется в начале порции дискурса. Более объёмных контекстов в рамках поиска в устном корпусе НКРЯ найти не удалось, однако, опираясь на содер-

жание рассматриваемых примеров, можно предположить, что они находятся не в абсолютном начале рассуждения, а на границе между двумя порциями дискурса, при этом они присоединяют часть высказывания, содержательно соотносимую с предшествующей. Для подтверждения этого предположения рассмотрим те же контексты без использования единицы *соответственно*.

(11) И для того чтобы как-то решить проблемы, порой животным приходится вступать в драку за эту самую пищу.

(12) *И для того чтобы достигнуть критической массы, [нрзб] уран надо обогатить по двести тридцать пятому изотопу.*

(13) Для того чтоб появились планеты, похожие на нашу, чтобы появилась жизнь, нужно чтобы появились тяжёлые элементы.

(14) Когда вы ищете сигнал среди шума, если вы точно знаете, какого вида должен быть сигнал, вам проще его оттуда вычленишь.

Сравнив контексты с использованием *соответственно* и без данного дискурсивного слова, можно обнаружить, что примеры отличаются друг от друга: в первой группе говорящий намерен установить связь между порождаемым высказыванием и предшествующей порцией дискурса (на это указывает также наличие присоединительного союза *и*, использующегося в начале фразы, см. примеры (11), (12)), а во второй группе (в контекстах без *соответственно*) эта идея отсутствует. Следовательно, можно говорить о том, что в контекстах такого типа дискурсивный маркер *соответственно* обеспечивает логическую связь между двумя порциями дискурса, маркируя их содержательную соотнесенность.

Перейдём к рассмотрению третьей группы примеров.

(15) *Нет, эти... эти опасения, безусловно, имеют место, да, и они э... соответственно, н... органами, производителями они как-то контролируются, ну кто-то лучше контролирует, кто-то хуже, да.*

(16) *Вот, соответственно, аа задача... всё, что здесь произведено, аа нужно привести в порядок.*

(17) *Если дверь снизу с пластиковой вставкой, то через е... чере... соответственно, через эту пластиковую вставку будет проходить шум.*

(18) *Первопорация – это такая... **соответственно**, это процесс, грубо говоря, мембранной дистилляции.*

(19) *Он пытается с помощью там пояса смертника и матки исламской женщины всех, так сказать, победить. Ээ, **соответственно**, аа против техники... развития науки и техники это не выстоит.*

(20) *Леонид Яковлевич, мы слышали вариант льноводства. Ну может быть, тогда действительно дать деньги медицинской промышленности, чтобы закупала лён, целевыми аа, **соответственно**, аа закупкой.*

В данной группе контекстов **соответственно** употребляется в ситуации речевого сбоя. Об этом свидетельствуют наличие в непосредственной близости от дискурсивного маркера заполненных пауз (например, аа, ээ), разрыв словосочетания, в котором реализуются обязательные синтаксические связи (см. пример (20)), смена грамматического оформления порождаемой конструкции (см. пример (18)), обрыв словоформы (см. пример (17)), которые указывают на речевой сбой. Говорящий не планирует завершать высказывание, он выигрывает время для планирования повествования, формирования следующего фрагмента речи. Следовательно, **соответственно** в этих контекстах употребляется для того, чтобы обозначить, что субъект речи не прерывает начатого, не переходит к новой мысли, а планирует продолжить повествование после речевого затруднения.

Можно сделать вывод, что в приведенных выше контекстах данное дискурсивное слово обеспечивает связь между фрагментами высказывания в ситуациях речевого сбоя, где существует угроза потери связности.

Таким образом, в устной речи обнаружены употребления **соответственно** в значениях, которые не зафиксированы в толковых словарях: маркирования следствия, вывода, обеспечения связности в критических ситуациях речевого сбоя, а также маркирования логической связи между двумя порциями дискурса. В подобных контекстах единица выполняет функции, связанные с организацией дискурсивного потока, и, следовательно, должна рассматриваться как дискурсивный маркер.

Традиционно разные лексико-семантические варианты дискурсивных маркеров имеют различное просодическое оформление [4]. Именно поэтому вторая часть статьи посвящена описанию просодических характеристик единицы *соответственно*, выполняющей описанные выше функции.

С помощью программы «Praat» проанализированы три группы примеров: контексты, в которых *соответственно* используется для маркирования следствия, вывода (группа 1), примеры, где *соответственно* используется в начале порции дискурса, обеспечивая логическую связь с предыдущим фрагментом речи (группа 2), контексты, где данное слово употребляется в ситуации речевого сбоя (группа 3). Рассмотрим подробнее каждую из них.

В результате анализа первой группы примеров установлено, что характерными просодическими особенностями употребления *соответственно* в подобных контекстах являются отсутствие пауз до и после лексемы, находящейся в середине высказывания между посылкой и следствием, и восходяще-нисходящее движение тона при произнесении маркера. Время произнесения *соответственно* в различных примерах составляет от трехсот восьмидесяти трех до пятисот сорока трех миллисекунд (0,383–0,543 с.). См. осциллограммы.

Рис. 1.

Ну, просто почти все щенки выживают, и *соответственно*, темпы роста популяции тоже увеличиваются.

Рис. 2.

*Чем более инициативные жители города, тем быстрее администрация реагирует на это, и **соответственно**, быстрее происходит ревитализация.*

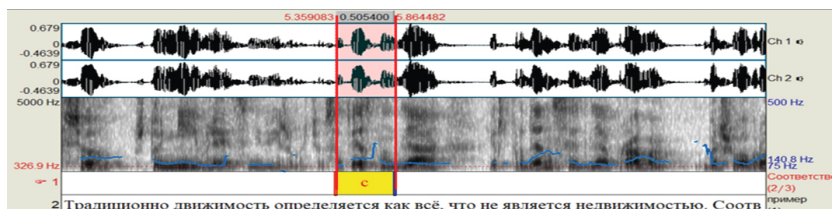

Рис. 3.

*Традиционно подвижность определяется как всё, что не является недвижимостью, **соответственно**, для юриспруденции, для права большой вопрос – это вопрос: а как понять, что такое недвижимое имущество.*

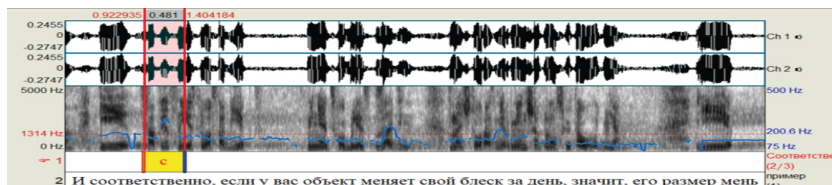

Рис. 4.

*И **соответственно**, если у вас объект меняет свой блеск за день, значит, его размер меньше одного светового дня.*

Анализ просодии позволил установить, что во второй группе примеров **соответственно** произносится с большей интенсивностью, тон повышается. Вероятнее всего, это связано с тем, что **со-**

ответственно находится в начале новой порции дискурса. При произнесении маркера наблюдается восходяще-нисходящее движение тона. Время произнесения маркера составляет от четырехсот двадцати до четырехсот восьмидесяти одной миллисекунды (0,420–0,481 с.). См. осциллограммы.

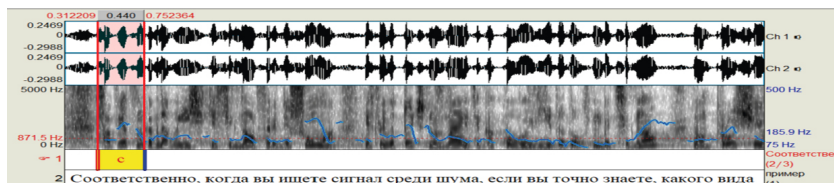

Рис. 5.

Соответственно, когда вы ищете сигнал среди шума, если вы точно знаете, какого вида должен быть сигнал, вам проще его оттуда вычленишь.

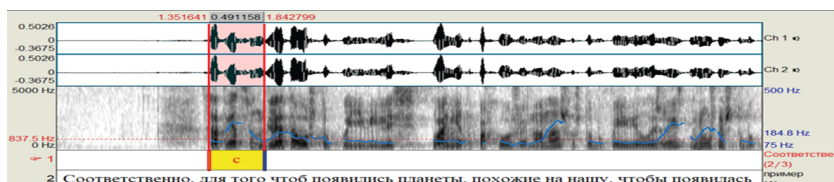

Рис. 6.

Соответственно, для того чтоб появились планеты, похожие на нашу, чтобы появилась жизнь, нужно чтобы появились тяжёлые элементы.

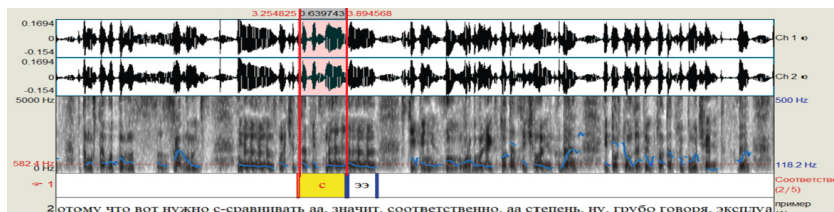

Рис. 7.

Потому что вот нужно с-сравнивать аа, значит, соответственно, аа степень, ну, грубо говоря, эксплуатации человека, да, и то, что он за эту эксплуатацию получает.

В третьей группе примеров *соответственно* употребляется в ситуации речевого сбоя. Как показал анализ материала, основными просодическими характеристиками единицы в этом случае являются ровное движение тона и наличие в непосредственной близости заполненных пауз ээ, аа. Время произнесения маркера составляет от четырехсот тридцати шести до шестисот сорока восьми миллисекунд (0,436–0,648 с.). См. осциллограммы.

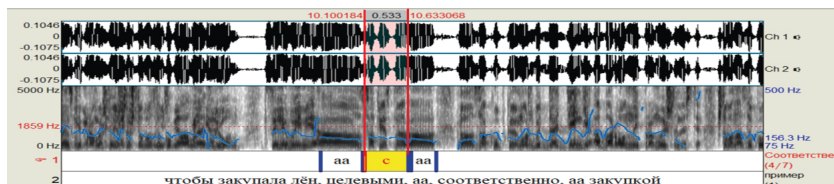

Рис. 8.

Леонид Яковлевич, мы услышали вариант льноводства. Ну может быть, тогда действительно дать деньги медицинской промышленности, чтобы закупала лён, целевыми аа, *соответственно*, аа закупкой.

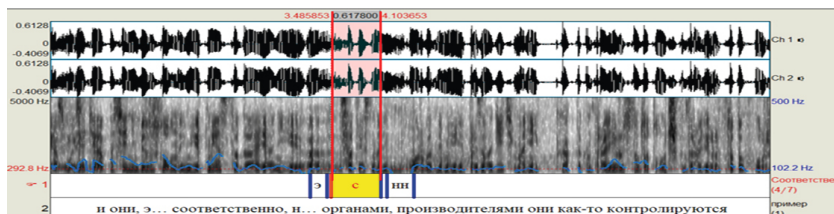

Рис. 9.

Нет, эти... эти опасения, безусловно, имеют место, да, и они э... *соответственно*, н... органами, производителями, они как-то контролируются, ну кто-то лучше контролирует, кто-то хуже, да.

Таким образом, на основании анализа просодических характеристик дискурсивного слова *соответственно* удалось установить, что употребления данной единицы в примерах из трёх групп получают разное просодическое оформление. В контекстах из второй группы *соответственно* произносится короче, чем в примерах из

первой и второй групп. Употребления *соответственно* в примерах из первой и второй групп характеризуются схожим восходяще-нисходящим движением тона и отличаются друг от друга только расположением *соответственно* в высказывании (в первой группе это слово занимает позицию в середине высказывания между посылкой и следствием, во второй – в начале порции дискурса). Как кажется, это объясняется тем, что употребления *соответственно* из первой и второй групп объединены общим намерением говорящего продемонстрировать связь между фрагментами высказывания / дискурса. Можно предположить, что для акцентирования внимания слушающего на этой связи субъект речи повышает тон в начале произнесения дискурсивного маркера, а затем понижает его, продолжая высказывание. *Соответственно*, употребляющееся в ситуации речевого сбоя (третья группа), произносится дольше, чем в примерах из первой и второй групп, отличается ровным движением тона, наличием в непосредственной близости заполненных пауз. Увеличение длительности в этом случае, как представляется, обусловлено тем, что говорящему необходимо время для преодоления речевого затруднения. Субъект речи стремится подобрать варианты продолжения повествования, поэтому он произносит *соответственно* дольше, сохраняя за собой речевую инициативу.

Заключение

В результате анализа 150 контекстов с единицей *соответственно*, извлечённых из устного корпуса «Национального корпуса русского языка», не обнаружено ни одного употребления данной единицы в значениях, зафиксированных в толковых словарях. Следовательно, в устной речи данная единица развивает новые значения.

В результате анализа выявлены следующие функции *соответственно* в устной речи: маркирование следствия, обеспечение связности в ситуации речевого затруднения, маркирование связи между двумя фрагментами дискурса. В таких случаях слово *соответственно* используется как дискурсивный маркер.

Слово *соответственно* в описанных выше функциях частотно используется говорящими в разных ситуациях общения: в рамках политических дебатов, на лекциях. Это значит, что такие употребления *соответственно* активно функционируют не только в сфере бытового общения, но и в областях, предполагающих использование кодифицированной формы литературного языка.

Анализ просодических характеристик употреблений *соответственно* позволил установить, что данная единица получает разное просодическое оформление в зависимости от выполняемой ею функции.

Таким образом, мы наблюдаем процесс изменения значения *соответственно* в естественной устной речи: ключевой для этого слова становится не идея соответствия, а идея следствия, причинно-следственной связи, а также связности в целом.

Как представляется, подобные семантические и дискурсивные трансформации единицы схожи с изменениями, происходящими в устной речи и с другими незначительными единицами (см. описание развития новых функций у слов *итак*, *получается*, *значит* в [5; 6; 7]). По всей видимости, развитие у них новых функций обусловлено прежде всего свойствами устной (в первую очередь разговорной) речи: её неподготовленность, спонтанность, динамический характер способствуют появлению новых употреблений лексических единиц, которые в большинстве случаев актуализируют потенциальные свойства слов.

Информация о спонсорстве. Публикация подготовлена в рамках научной темы 111-21-301 «Устный корпус как инструмент лингвистических и междисциплинарных исследований» при поддержке ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет».

Список литературы

1. Большой толковый словарь русского языка / гл. ред. С.А. Кузнецов. СПб: Норинт; 2008. 1534 с.
2. Дараган Ю.В. Функции слов-«паразитов» в спонтанной речи // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: по мате-

- риалам ежегодной международной конференции «Диалог 2000». URL: <https://www.dialog-21.ru/digest/2000/articles/daragan> (дата обращения: 22.11.2024)
3. Кибрик А.А., Подлесская В.И. Дискурсивные маркеры в структуре устного рассказа: опыт корпусного исследования // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: по материалам ежегодной международной конференции «Диалог 2009». М.: Изд-во РГГУ, 2009. С. 390-395.
 4. Кобозева И.М., Захаров Л.М. Для чего нужен звучащий словарь дискурсивных слов русского языка // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: по материалам ежегодной международной конференции «Диалог 2005». М.: Изд-во РГГУ, 2004. С. 292-297.
 5. Марченок Д.Д., Рачёва А.А. Трансформация значения дискурсивных маркеров итак, получается, значит в устном дискурсе // Язык, культура, ментальность: проблемы и перспективы филологических исследований: сборник II Международной научной конференции (28–29 апреля 2020 года). Курск, Юго-Зап. гос. ун-т. 2020. С. 232.
 6. Марченок Д.Д., Рачёва А.А. Трансформация значения дискурсивного маркера «получается» в устном дискурсе // Современные исследования социальных проблем. 2021. Т. 13. № 1-3. С. 140-150.
 7. Марченок Д.Д., Айсанова А.А. Формирование новых функций дискурсивного маркера значит в устном дискурсе // Современные исследования социальных проблем. 202. Т. 16(1). С. 14-27.
 8. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М.: Азъ, 1992. 908 с.
 9. Словарь русского языка: в 4 т. / под ред А.П. Евгеньевой. 2-е изд., испр. и доп. М.: Русский язык, 1981-1984.
 10. Подлесская В.И. О грамматикализации и «прагматизации» маркёров речевого затруднения: феномен препаративной подстановки // Материалы Третьей конференции по типологии и грамматике для молодых исследователей. СПб: Нестор-История, 2006. С. 189-210.
 11. Подлесская В.И. О лексических маркёрах хезитации в спонтанной речи: уроки армянского // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: по материалам ежегодной международной конференции «Диалог 2006». М.: Изд-во РГГУ, 2006. С. 429-440.

12. Подлесская В.И., Коротаев Н.А. «Эту... как ее... переписку Энгельса с этим... как его, дьявола... с Каутским» – об одном маркере речевого затруднения в русском языке // *Русская речь*, 2022. 5. С. 64-78. <https://doi.org/10.31857/S013161170022855-9>
13. Рассказы о сновидениях: корпусное исследование устного русского дискурса / под ред. А.А. Кибрика и В.И. Подлесской. М.: Языки славянских культур, 2009. 736 с.
14. Bogdanova-Beglarian N., Blinova O., Martynenko G., Sherstinova T., Zaides K. Pragmatic markers in Russian spoken speech: an experience of systematization and annotation for the improvement of NLP tasks // *Proceedings of the FRUCT'23*. Bologna, Italy, 13–16 November 2018, pp. 69-77. <https://doi.org/10.23919/FRUCT.2018.8588101>
15. Bogdanova-Beglarian N., Blinova O., Sherstinova T., Sulimova T. Pragmatic Markers of Russian Everyday Speech: Invariants in Dialogue and Monologue / Karpov A., Potapova R. (eds) // *Speech and Computer. SPECOM 2021. Lecture Notes in Computer Science*, 2021, vol. 12997. Springer, Cham. https://doi.org/10.1007/978-3-030-87802-3_8
16. Kibrik A.A., Korotaev N.A., & Podlesskaya V.I. Russian spoken discourse: Local structure and prosody // *Studies in Corpus Linguistics*, vol. 94. John Benjamins Publ., 2020, pp. 36-76. <https://doi.org/10.1075/scl.94.01kib>
17. Kibrik A.A., Korotaev N.A., & Podlesskaya V.I. The Moscow approach to local discourse structure: An application to English // *Studies in Corpus Linguistics*, vol 94. John Benjamins Publishing Company, 2020, pp. 368-382. <https://doi.org/10.1075/scl.94.15kib>
18. Kibrik A.A. Clause structure in Upper Kuskokwim conversational discourse // *Abstracts of the 18th International Pragmatics Conference*. Brussels, 9-14 July 2023, pp. 873.

References

1. *Large explanatory dictionary of the Russian language*. St. Petersburg: Norint Publ., 2008, 1534 p.
2. Daragan Ju.V. Functions of “parasite” words in spontaneous speech. *Komp'yuternaja lingvistika i intellektual'nye tehnologii: po materialam ezhegodnoj mezhdunarodnoj konferencii «Dialog 2000»* [Computer Lin-

- guistics and Intellectual Technologies: Based on the Materials of the Annual International Conference “Dialogue 2000”]. URL: <https://www.dialog-21.ru/digest/2000/articles/daragan/> (accessed November 11, 2024).
3. Kibrik A.A., Podlesskaja V.I. Discourse markers in the structure of an oral story: the experience of corpus research. *Komp'juternaja lingvi-stika i intellektual'nye tehnologii: po materialam ezhegodnoj mezhduna-rodnoj konferencii «Dialog 2009»* [Computer Linguistics and Intellectual Technologies: Based on the Materials of the Annual International Conference “Dialogue 2009”]. Moscow: RGSU Publ., 2009, pp. 390-395.
 4. Kobozeva I.M., Zaharov L.M. Why one needs a sounding dictionary of discursive words in the Russian language. *Komp'juternaja lingvistika i intellektual'nye tehnologii: po materialam ezhegodnoj mezhdunarodnoj konferencii «Dialog 2005»* [Computer Linguistics and Intellectual Technologies: Based on the Materials of the Annual International Conference “Dialogue 2005”]. Moscow: RGSU Publ., 2004, pp. 292-297.
 5. Marchenjak D.D., Rachjova A.A. Transformation of the meaning of discourse markers *itak*, *poluchaetsya*, *znachit* in oral discourse. *Jazyk, kul'tura, men-tal'nost': problemy i perspektivy filologicheskikh issledovanij: sbornik II Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii (28–29 aprlja 2020 goda)* [Language, Culture, Mentality: Problems and Prospects of Philological Research: Collection of the II International Scientific Conference (April 28–29, 2020)]. Kursk: SWSU Publ., 2020, pp. 232-237.
 6. Marchenjak D.D., Rachjova A.A. Transformation of the meaning of a discourse marker *poluchaetsja* in oral discourse. *Sovremennye issledovaniya sotsial'nykh problem* [Contemporary Research on Social Issues], 2021, vol. 13, no. 1-3, pp. 140-150.
 7. Marchenyak D.D., Aisanova A.A. The forming of new functions of a discourse marker *znachit* in spoken discourse. *Sovremennye issledovaniya sotsial'nykh problem* [Contemporary Research on Social Issues], 2023, vol. 16(1), pp. 14-27.
 8. Ozhegov S.I., Shvedova N.Ju. *Explanatory dictionary of the Russian language*. Moscow: Az Publ., 1992, 908 p.
 9. *Dictionary of the Russian language in 4 volumes*. Moscow: Russkij jazyk Publ., 1981-1984.

-
10. Podlesskaya V.I. On the grammaticalization and “pragmatization” of markers of speech difficulty: the phenomenon of preparative substitution. *Materialy Tret'ey konferentsii po tipologii i grammatike dlya molodykh issledovateley* [Proceedings of the Third Conference on Typology and Grammar for young researchers], St. Petersburg: Nestor-Istoriya Publ., 2006, pp. 189-210.
 11. Podlesskaya V.I. On lexical markers of hesitation in spontaneous speech: Armenian lessons. *Komp'yuternaya lingvistika i intellektual'nye tekhnologii: po materialam ezhegodnoy mezhdunarodnoy konferentsii «Dialog 2006»* [Computational linguistics and intellectual technologies: based on the materials of the annual international conference «Dialogue 2006»], Moscow: RGGU Publ., 2006, pp. 429-440.
 12. Podlesskaya V.I., Korotaev N.A. «This one... like her... Engels' correspondence with this... What's his name, the devil... with Kautsky» –on one marker of speech difficulty in the Russian language. *Russkaya rech'* [Russian Speech], 2022, no. 5, pp. 64-78. <https://doi.org/10.31857/S013161170022855-9>
 13. *Stories about Dreams: a corpus study of oral Russian Discourse*. Moscow: Yazyki slavyanskikh kul'tur Publ., 2009, 736 p.
 14. Bogdanova-Beglarian N., Blinova O., Martynenko G., Sherstinova T., Zaides K. Pragmatic markers in Russian spoken speech: an experience of systematization and annotation for the improvement of NLP tasks. *Proceedings of the FRUCT'23*. Bologna, Italy, 13–16 November 2018, pp. 69-77. <https://doi.org/10.23919/FRUCT.2018.8588101>
 15. Bogdanova-Beglarian N., Blinova O., Sherstinova T., Sulimova T. Pragmatic Markers of Russian Everyday Speech: Invariants in Dialogue and Monologue / Karpov A., Potapova R. (eds). *Speech and Computer. SPECOM 2021. Lecture Notes in Computer Science*, 2021, vol. 12997. Springer, Cham. https://doi.org/10.1007/978-3-030-87802-3_8
 16. Kibrik A.A., Korotaev N.A., & Podlesskaya V.I. Russian spoken discourse: Local structure and prosody. *Studies in Corpus Linguistics*, vol 94. John Benjamins Publishing Company, 2020, pp. 36-76. <https://doi.org/10.1075/scl.94.01kib>
 17. Kibrik A.A., Korotaev N.A., & Podlesskaya V.I. The Moscow approach to local discourse structure: An application to English. *Studies in Cor-*

- pus Linguistics, vol 94. John Benjamins Publishing Company, 2020, pp. 368-382. <https://doi.org/10.1075/scl.94.15kib>
18. Kibrik A.A. Clause structure in Upper Kuskokwim conversational discourse. *Abstracts of the 18th International Pragmatics Conference*. Brussels, 9-14 July 2023, pp. 873.

ДАННЫЕ ОБ АВТОРАХ

Айсанова Александра Андреевна, доцент, кандидат филологических наук
ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет»
ул. Карла Маркса, 1, г. Иркутск, 664003, Россия
aleksandracheva@yandex.ru

Марченяк Диана Дмитриевна, студент
ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет»
ул. Карла Маркса, 1, г. Иркутск, 664003, Россия
rshafrik@mail.ru

DATA ABOUT THE AUTHORS

Aleksandra A. Aisanova, Associate Professor, Ph.D. in Philology
Irkutsk State University
1, Karla Marksa Str., Irkutsk, 664003, Russian Federation
aleksandracheva@yandex.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2409-7519>

Diana D. Marchenyak, Student
Irkutsk State University
1, Karla Marksa Str., Irkutsk, 664003, Russian Federation
rshafrik@mail.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5028-920X>

Поступила 24.11.2024

После рецензирования 15.12.2024

Принята 22.12.2024

Received 24.11.2024

Revised 15.12.2024

Accepted 22.12.2024

DOI: 10.12731/2077-1770-2024-16-4-467

UDC 811.111

Scientific Reviews | Languages of Peoples of Foreign Countries

ANIMALS IN ADVERTISING (LITERATURE REVIEW)

Yu. V. Massalskaya, A. V. Nikolaeva

Background. *The article is a review of material on the topic of the reasons for using animals in various kinds of advertising. The animal species are examined in the light of the emotions, stereotypes and symbols they carry with them.*

The purpose is to systematize the reasons why animals are used in advertising. A related aim is to identify which animals (or their images) in advertising texts have a greater ability to attract and hold the reader's attention and to influence them, i.e., to direct their behavior towards making a purchase.

Materials and methods. Materials of scientific articles and experiments of both domestic and foreign scientists were analyzed. The question of using animals in advertising was covered from the position of philology, psychology, culture studies, marketing. The method of discursive and stylistic analysis of the text was used in analyzing the material.

Results. The authors conclude that the reasons for using animals vary. Among them are marketing (increasing sales, saving the budget of the advertising campaign, attracting a new audience), symbolism (the animal is the embodiment of certain qualities), humanism (evoking of a humane attitude to animals), naturalism (animals are shown in their natural habitat), anthropomorphism (the animal is endowed with human characteristics). The difference between the use of domesticated and non-domesticated animals in advertising is also noted, and the animals (mainly insects) whose appearance is considered to be the most unlikely in the advertisement are listed.

Keywords: advertising; commercial; animals; target audience; logo; brand; image; visualization

For citation. *Massalskaya Yu. V., Nikolaeva A. V. Animals in Advertising (Literature Review). Sovremennye Issledovaniya Sotsialnykh Problem [Modern Studies of Social Issues], 2024, vol. 16, no. 4, pp. 85-96. DOI: 10.12731/2077-1770-2024-16-4-467*

Научные обзоры | Языки народов зарубежных стран

ЖИВОТНЫЕ В РЕКЛАМЕ (ОБЗОР ЛИТЕРАТУРЫ)

Ю.В. Массальская, А.В. Николаева

Обоснование. Статья представляет собой обзор материала на тему причин использования животных в разного рода рекламе. Рассматриваются виды животных в свете тех эмоций, стереотипов и символов, которые они несут с собой.

Цель заключается в систематизации причин, по которым животные используются в рекламе. Сопутствующей целью является выявить, какие животные (или их образы) в рекламных текстах обладают большей способностью привлекать и удерживать внимание читателя и оказывать на него воздействие, т.е. направлять его поведение к совершению покупки.

Материалы и методы. Были проанализированы материалы научных статей и экспериментов как отечественных, так и зарубежных ученых. Вопрос использования животных в рекламе был освещен с позиции филологии, психологии, культурологии, маркетинга. При анализе материала был использован метод дискурсивного и стилистического анализа текста.

Результаты. Авторы приходят к выводу, что причины использования животных варьируются. Среди них – маркетинг (увеличение продаж, экономия бюджета рекламной кампании, привлечение новой аудитории), символизм (животное – воплощение определенных качеств), гуманизм (воспитание в человеке гуманного отношения к животным), натурализм (животные показываются в естественной среде обитания), антропоморфизм (животное наделяется че-

ловеческими характеристиками). Также отмечена разница между использованием в рекламе домашних и неодомашненных животных и перечислены животные (главным образом, насекомые), появление которых считается нежелательным в рекламе.

Область применения результатов. Результаты могут быть использованы копирайтерами для написания рекламных текстов и создания новых продуктов.

Ключевые слова: реклама; рекламный текст; животные; целевая аудитория; логотип; бренд; имидж; визуализация

Для цитирования. Массальская Ю.В., Николаева А.В. Животные в рекламе (обзор литературы) // Современные исследования социальных проблем. 2024. Т. 16, № 4. С. 85-96. DOI: 10.12731/2077-1770-2024-16-4-467

Introduction

Animals and the zoomorphic images they carry in advertising have already been studied in the light of culture studies, marketing, philosophy, ethics and religion [1; 3]. Authors continue to survey the nature of exploiting animals in commercial and social advertising. The aim of the article is to analyze the reasons why animals and their images are used in different types of advertising (print, broadcast, digital, outdoor, product placement, influencer marketing).

Materials and methods

Materials of scientific articles and experiments of both domestic and foreign scientists were analyzed. The question of using animals in advertising was covered from the position of philology, psychology, culture studies, marketing. The method of discursive and stylistic analysis of the text was used in analyzing the material. Texts analyzed were taken from the sites and from online articles devoted to the issue.

Discussion

Human attachment to either their beloved pets or animals in general is evident. People are fascinated by them, and they normally cause strong

positive or negative emotions in them. Animals are used to increase the reach of the target audience and to improve the brand image, which contributes to its recognition. For example, in 1972 toilet paper *Andrex* first appeared in an TV advert in the UK with its market share at that time being 23%. By the end of the 1970s, this had increased to 30%, as it is said, thanks to the puppies introduced in it. Due to these emotional links, animals are able to capture audience's attention in adverts or in brand logos more resulting in the fact that consumers make up to 95% of all purchasing decisions subconsciously as they are pushed more by emotions and feelings than by common sense. Another example of TV ad – Subaru cars are advertised by a family of Labradors ("Mum", "Dad" and two puppies) with the slogan "Dog Tested, Dog Approved" labelled as "America's favorite canine family" [12]. Thus, dogs are used to create an image of a happy family life in advertising for commercial success. It's interesting to note that this cuteness of animals can be measured. For example, Keller and Gierl in their research hypothesized that different animals may have different degrees of cuteness. They compared the cuteness through the artificially created chatbots with an image of a penguin and an ostrich and found that participants noticed "higher feeling of entertainment" in the process of communication in the chatbot with a penguin than in the one with an ostrich [8, p. 22].

Due to close emotional bonds between humans and animals, animals in advertising may display "human" behavior: they can talk, walk on two legs, have jobs, etc. The examples are The Laughing Cow (UK brand), Tony The Tiger (US brand) and Matroskin and Sharik (in Russian Dairy Brand *Prostokvashino*). That's why certain animals are chosen to advertise various items due to the characteristics people assign to them [2, p. 155-157]. They, so to say, symbolize the things a company may want to visualize and make you want to require these characteristics, e.g. dogs are loyal, reliable and good companions, cats – independent, lucky and flexible, lions are brave, foxes are cunning, owls are wise, etc. Some famous logos with animals are an alligator (Lacoste), a swan (**Swarovski**), a peacock (**NBC**), an elephant (**Evernote**), etc [3, p. 226]. According to Hramova M.N., all cases of using animals in advertising are divided into 4 groups:

1) animals-etalons that embody certain features that people would like to acquire; 2) animalistic images that combine appearance of an animals and human beings' behaviour which is seen as anthropomorphism (a vivid example is *Chester* – the leopard from Cheetos chips); 3) cute animals which evoke a sense of warmth and care; 4) natural or “ecological” images of magnificent animals and birds are used in social advertising making us admire the world of animals and prepare us to take care of them [3, p. 227].

Some authors call this tendency to use animals in advertising an appeal to our ‘inner Tarzan’. Numerous adverts with animals often become key visuals and main characters of the plot. In an attempt to attract the greatest possible attention and to stick in the consumer’s mind, the advertisements incorporate the animalistic quality of human nature and thus appeal to the one’s natural inner world. Animals embody the fascination of life in harmony with nature. Their instinctive certainty of movement and suppleness, their evolutionary, fixed place in the hierarchy of nature and life in the wild symbolise the utopia of a different life. This image transfer is taken into account by advertisers [13].

Animals are considered to be valuable “marketing tools” (a term by Keller and Gierl) when it comes to advertising goods directly related to them. Companies specialising in various areas, for example, manufacturers of pet food or household goods, have started to use pets in their commercials. Brands of cleaning products can also use pets to emphasize the effectiveness of products that “cope” with any furry family member’s traces at home. The pet’s image allows manufacturers to convey the value of the product better. Moreover, the pet owners are very often guided by emotions. The text below is an example of digital content on the site:

Beneful Dog Food. Beneful chooses to put joy into everything we do so that you can choose joy for your dog at every meal. We believe that the best dog food recipes combine real ingredients with mouthwatering flavor in every nutritious recipe. And with each Purina Beneful dog food recipe, we give your dog a mealtime you can both get excited about. Choose Joy. Choose Beneful [15].

The online shop bugalugspetcare.com advertises a lot of products for “furry friends” using apart from images of cats and dogs entertaining

language: *SIGN UP TO GET A PAWSOME 10% off your first order plus ... Exclusive tail wagging discount / Early access to offers / The latest pup-dates from Bugalugs ...* (*pawsome* = *awesome* [extremely good]; *tail wagging* = the movement of the dog's tail; *pup-dates* = *updates* [a new form of something that existed at an earlier time]). Thus, copywriters use not only stylistically neutral language like in *Beneful Dog Food* but also occasionalisms to attract consumers' attention.

Secondly, animals are viewed as pets, people's companions so they are seen as being capable of the same feelings [4, p. 18-19]. That's why it seems to be reasonable that advertising agencies use them in order to support "against cruelty" projects. Andrea Blyden, a representative of *The Body Shop* commented on it: "It's pretty simple here: who can better talk about the problem of animals and their abuse than the animals themselves?". According to Cruelty Free International the number of animals used in testing every year equals that of 500,000. *The Body Shop* stresses the importance of eliminating animal testing for good. The image of a man holding a note "Forever Against Animal Testing" and a smiling dog holding a note "I'm with him" next to him supports this idea. Thus, the term "animal-friendly" in relation to cosmetics was coined [7].

Animals are used to draw attention to their rights. PETA (which stands for "People for the Ethical Treatment of Animals") is one of the most popular cruelty-free certification programs. In 2014 PETA used an image of a badly injured sheep in their ad which caused the burst of indignation in the society. As it turned out, they used a prop of a bleeding sheep to demonstrate the danger sheep undergo in the process of shearing [14].

Cruelty Free International uses the image of a rabbit on their home page underlying that they work "to create a world where no animals suffer in a laboratory". "The Leaping Bunny Programme" is another world-famous cruelty-free programme which is the globally-recognisable gold standard for cosmetics, personal care and household products. Historically, almost every ingredient (even water!) used in cosmetics has been tested on animals. Under this programme hundreds of brands are approved *cruelty free*. *The Leaping Bunny* is used as a logo on those

brand cosmetic and personal care products which do not use animal testing in their production. The pictures of a few celebrities (Vanessa-Mae, Paul McCartney, Peter Dinklage being among them) with their pets are posted on the site to support the campaign. The animals used to demonstrate the idea are mice, hares, rabbits, monkeys, cats and dogs [16].

Nearly the same idea, i.e. to arise awareness among human beings, is promoted in the article “33 Powerful Animal Advertisement Examples That Tells The Uncomfortable Truth”. Powerful images of different animals’ sufferings are used under the following captions:

“Every 60 Seconds A Species Dies Out. Each Minute Counts. Each Donation Helps”, “Help Us Fight The Effects Of Cosmetic Testing”, “Animals Are Not Clowns”, “Zurich Zoo: More Space For The Big Ones”, etc.

The campaign is aimed not only to prevent the abuse of domestic or circus animals but also their extinction, poaching and over-harvesting of wild-life populations [9].

With the development of the Internet animals have begun to appear on social media. And brands are searching pet influencers market in an effort to find those characters whose images in posts will give a higher level of engagement. This content is better perceived and has a great viral potential. Some pets are amassing huge followings on their own. They are pets which make brands famous, not the other way around. On the other hand, pets not only create a constant stream of new and interesting content for brands, but they are also much cheaper for advertising than celebrities. The cost of the latter’s participation in advertising campaigns can reach up to \$200,000 while pets “request” an average of \$2,000 to \$5,000 per post on social media [6]. Video commercials are much more costly than posts on social media. But no matter how expensive it is to use animals in advertising, it’s worth it. According to the researchers, a 30-second video using horses advertising *Budweidser* products can cost up to 3.8 million dollars, but the emotions it evoked led to bigger sales [10, p. 6].

The usage of animals may produce no effect if they are used in commercials which are they irrelevant to the subject of it. The author of “In-

side A Buyer's Mind" T. Burt comments on the presence of a dog in the advertisement of his local bank in radio ads, billboards, their website and on television. Puppies and kittens, he says, naturally attract more attention, but they can hardly make people switch from their current banks. As it turned out, the golden retriever became a kind of "mascot" of a local bank just because its owner was also the owner of the bank. But dogs have very shaky associations with money and banks, so he advises to keep the pets out of advertising if they have nothing in common with it [5, p. 70]. The secret lies in using animals in comic ways, i.e. depicting them like humans (with anthropomorphic behavior). Thus, they become effective marketing tools [10, p. 7].

Moreover, there are species which are highly unlikely to be used in advertisement: snakes, spiders, vermin. According to Keller and Gierl, if brands aim to increase the credibility of their message, it is very advisable to use pets rather than undomesticated animals. They conclude: "undomesticated animals are perceived as less trustworthy than pets" [8, p. 25].

They also conducted an experiment when they presented an advert with a pet and with a human character in it to a group of test participants. The researchers found out that such emotions as happiness, joy, pleasant surprise are a lot more often caused by the adverts with an animal character rather than with a human character. 'Animal depiction leads to more favorable ad attitudes than depiction of human models' [8, p. 16].

It should be noted that the list of animals used in advertising varies with different cultures. In American society the list goes like this: dogs, cats, horses, bears, and geckos. While dogs were most often portrayed as real, the bear and gecko were depicted as cartoon characters [10, p. 17].

Conclusion

The authors conclude that the reasons for using animals vary. The main reasons for attracting images of animals in advertising texts lie in 1. the emotional connection of human beings with animals, which evoke strong feelings within the audience, especially positive; 2. the direct connection of the advertised product with the animal itself; 3. the

ability of an animal to be a brand image, which contributes to its recognition; 4. saving advertising costs; 5. symbolic meanings many animals bring with themselves to our life; 6. promotion of humane treatment of animals in society.

References

1. Ivanova E.A. The usage of semiotic models and symbols in advertising design. *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Orenburg State University], 2007, no. 5(76), pp. 134-139.
2. Pis'mennyj E.V. Zoomorphic motives as a quasi-archaic element of advertising myth. *Kul'tura i civilizacija* [Culture and civilization], 2020, vol. 10, no. 2A, pp. 154-162. <https://doi.org/10.34670/AR.2020.27.22.018>
3. Hramova M.N. Animal as a brand. Zoomorphic images in the sphere of advertising. *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A.S. Pushkina* [Bulletin of the Pushkin Leningrad State University], 2012, vol. 2, no. 4, pp. 224-231.
4. Hramova M.N. The image of the animal as a victim and object of compassion in the area of modern European culture. *Vestnik Sankt-Petersburgskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv* [Bulletin of St. Petersburg State University of Culture and Arts], 2015, no. 1(22), pp. 17-22.
5. Burt T. *Inside A Buyer's Mind: Moving Your Potential Customer From Short-Term Memory To Long-Term Success*. Kindle Edition, 2018, 89 p.
6. *Everything is pawsome: The rise of pet influencers online*. URL: <https://digiday.com/marketing/everything-pawsome-rise-pet-influencers-online/> (accessed May 06, 2024)
7. *Forever against animal testing*. URL: <https://www.thebodyshop.com/en-sg/about-us/activism/faat/a/a00018> (accessed June 06, 2024)
8. Keller B., Gierl H. Effectiveness of Animal Images in Advertising. *Marketing ZFP*, 2020, vol. 42(1), pp. 3-32. <https://doi.org/10.15358/0344-1369-2020-1-3>
9. Neje J. *Powerful Animal Advertisement Examples That Tells The Uncomfortable Truth*. URL: <https://www.boredpanda.com/powerful-animal-ads/> (accessed May 05, 2024)

10. Stone S.M. *The Psychology of Using Animals in Advertising*. Northwestern Oklahoma State University. 2014, 26 p. URL: https://huichawaii.org/assets/stone_sherril_the_psychology_of_using_animals_in_advertising_ahs2014.pdf (accessed October 13, 2024)
11. *Telly Ads*. URL: <https://www.tellyads.com/items/pet-insurance---fluffy-kins> (accessed July 02, 2024)
12. *The psychology behind using animals in advertising*. URL: <https://www.papirfly.com/uncategorized/the-psychology-behind-using-animals-in-advertising> (accessed June 06, 2024)
13. *Warum Werbung mit Tieren ankommt*. URL: <https://slp-texting.de/2018/09/07/warum-werbung-mit-tieren-ankommt/> (accessed May 03, 2024)
14. *Why do so many people hate PETA?* URL: <https://greenecofriend.co.uk/why-do-people-hate-peta/> (accessed February 03, 2024)
15. *Purina. Beneful*. URL: www.purina.com/beneful (accessed June 13, 2024)
16. *You can create a cruelty-free future*. URL: <https://crueltyfreeinternational.org> (accessed March 03, 2024)

Список литературы

1. Иванова Е.А. Использование семиотических моделей и символов в дизайне рекламы // Вестник Оренбургского государственного университета. 2007. № 5(76). С. 134-139.
2. Письменный Е.В. Зооморфные мотивы как квазиархаический элемент рекламного мифа // Культура и цивилизация. 2020. Т. 10. № 2А. С. 154-162. <https://doi.org/10.34670/AR.2020.27.22.018>
3. Храмова М.Н. Зверь как бренд. Зооморфные образы в сфере рекламы // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. 2012. Т. 2. № 4. С. 224-231.
4. Храмова М.Н. Образ Зверя как жертвы и объекта сострадания в пространстве современной европейской культуры // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств. 2015. № 1(22). С. 17-22.
5. Burt T., *Inside A Buyer's Mind: Moving Your Potential Customer From Short-Term Memory To Long-Term Success*. Kindle Edition, 2018. 89 p.

6. Everything is pawsome: The rise of pet influencers online. URL: <https://digiday.com/marketing/everything-pawsome-rise-pet-influencers-online/> (дата обращения: 06.05.2024)
7. Forever against animal testing. URL: <https://www.thebodyshop.com/en-sg/about-us/activism/faat/a/a00018> (дата обращения: 06.06.2024)
8. Keller B., Gierl H. Effectiveness of Animal Images in Advertising // Marketing ZFP. 2020. Vol. 42(1). P. 3-32. <https://doi.org/10.15358/0344-1369-2020-1-3>
9. Neje J., Powerful Animal Advertisement Examples That Tells The Uncomfortable Truth. URL: <https://www.boredpanda.com/powerful-animal-ads/> (дата обращения: 03.05.2024)
10. Stone S.M. The Psychology of Using Animals in Advertising. Northwestern Oklahoma State University, 2014. 26 p. URL: https://huichawaii.org/assets/stone_sherril_the_psychology_of_using_animals_in_advertising_ahs2014.pdf (дата обращения: 13.10.2024)
11. Telly Ads. URL: <https://www.tellyads.com/items/pet-insurance---fluffy-kins> (дата обращения: 02.07.2024)
12. The psychology behind using animals in advertising. URL: <https://www.papirfly.com/uncategorized/the-psychology-behind-using-animals-in-advertising> (дата обращения: 03.06.2024)
13. Warum Werbung mit Tieren ankommt. URL: <https://slp-texting.de/2018/09/07/warum-werbung-mit-tieren-ankommt/> (дата обращения: 03.05.2024)
14. Why do so many people hate PETA? URL: <https://greenecofriend.co.uk/why-do-people-hate-peta/> (дата обращения: 03.02.2024)
15. Purina. Beneful. URL: www.purina.com/beneful (дата обращения: 13.06.2024)
16. You can create a cruelty-free future. URL: <https://crueltyfreeinternational.org> (дата обращения: 03.05.2024)

DATA ABOUT THE AUTHORS

Yuliya V. Massalskaya, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of the Department of Foreign Languages
Technological University named after twice Hero of the Soviet Union, pilot-cosmonaut A.A. Leonov

42, Gagarina Str., Korolev, 141074, Moscow Region, Russian Federation

jumas80@bk.ru

SPIN-code: 9789-5791

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4258-2304>

Anastasiya V. Nikolaeva, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of the Department of Pre-School Education

Russian University of Education

10A/2, Radio Str., Moscow, 105005, Russian Federation

stasy79@list.ru

SPIN-code: 3576-2224

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9588-427X>

Researcher ID: ACA-8341-2022

ДАННЫЕ ОБ АВТОРАХ

Массальская Юлия Владимировна, канд. филол. наук, доцент

ТУ им. А.А. Леонова

ул. Гагарина, 42, г. Королев, Московская область, 141074,

Российская Федерация

jumas80@bk.ru

Николаева Анастасия Владимировна, канд. филол. наук, доцент кафедры дошкольного образования

Государственный университет просвещения

ул. Радио, 10А, стр. 2, г. Москва, 105005, Российская

Федерация

stasy79@list.ru

Поступила 16.10.2024

После рецензирования 22.11.2024

Принята 29.11.2024

Received 16.10.2024

Revised 22.11.2024

Accepted 29.11.2024

DOI: 10.12731/2077-1770-2024-16-4-464

УДК 81-42

Научная статья | Литературы народов мира

РАДИОПЬЕСЫ КАК ОСОБЫЙ ЖАНР В ТВОРЧЕСТВЕ Э. ЕЛИНЕК

Т.В. Акашева, А.Д. Жаркова

Обоснование. Творчество современной австрийской писательницы, лауреата Нобелевской премии 2004 г. в области литературы Эльфриды Елинек (Elfriede Jelinek) широко изучается в отечественном и зарубежном литературоведении. Однако автор известен не только как талантливый прозаик и драматург, но и как общественный деятель, всегда открыто высказывающий собственную точку зрения по актуальным и противоречивым вопросам и событиям сегодняшней эпохи. Бунтарский характер Э. Елинек не позволяет ей оставаться на уровне описания существующих недостатков и пороков исключительно в литературных текстах. Начиная с 70-х гг. XX в. и до настоящего времени, она активно выступает с жесткой критикой существующих в обществе ценностей на радио, пишет радиопьесы, в которых выражает свою активную гражданскую позицию.

Цель статьи. Проанализировать наиболее известные радиопьесы Э. Елинек раннего периода и выделить их основные темы и стилевые особенности текста, позволяющие реализовать интенцию автора.

Материалы и методы. Основными методами исследования являются анализ научной литературы российских и зарубежных ученых, исследующих особенности художественного мира Э. Елинек, сплошная выборка, контекстуальный анализ, анализ текстовых фрагментов радиопьес.

Результаты исследования. В ходе исследования были проанализированы радиопьесы 1972-78 гг. Основными темами твор-

чества определены деструкция мифов современного общества, сформированных массовой культурой, социальное и гендерное неравенство и угнетение женщины. В пьесах Елинек использует приемы коллажа-монтажа и врезки, игру слов, трансформированные цитаты для создания иронии и абсурдности обыденных ситуаций. Несмотря на то, что творчество Э. Елинек широко изучается литературоведами всего мира уже более пятидесяти лет, ранние радиопьесы без печатного варианта явно не обладают таким потенциалом в связи с тем, что они не переведены на иностранные языки и тесно связаны с культурно-социальным контекстом Австрии 1970-х гг.

Область применения результатов. Полученные результаты могут быть использованы при изучении творчества Э. Елинек, при чтении австрийской художественной литературы для ее более глубокой интерпретации, а также при обучении студентов немецкому языку как иностранному.

Ключевые слова: австрийская литература; Э. Елинек; радиопьеса; техника монтажа-коллажа; игра слов; интенция автора

Для цитирования. Акашева Т.В., Жаркова А.Д. Радиопьесы как особый жанр в творчестве Э. Елинек // Современные исследования социальных проблем. 2024. Т. 16, № 4. С. 97-112. DOI: 10.12731/2077-1770-2024-16-4-464

Original article | Literature of the Peoples of the World

RADIO PLAYS AS A SPECIAL GENRE IN THE WORK OF E. JELINEK

T.V. Akasheva, A.D. Zharkova

Background. The works of the modern Austrian writer, winner of the 2004 Nobel Prize in Literature, Elfriede Jelinek, has been widely studied in domestic and foreign literary studies. However, the author is known not only as a talented novelist and playwright, but also as a public fig-

ure who always openly expresses his own point of view on topical and controversial issues and events of today's era. The rebellious nature of E. Jelinek does not allow her to remain at the level of describing existing flaws and vices exclusively in literary texts. Since the 70s and up to the present, she has been actively criticizing the values existing in society on the radio, writing radio plays, in which she expresses her active civic position.

Purpose. To analyze the most famous radio plays by E. Elinek of the early period and highlight their main themes and stylistic features of the text, allowing to realize the intention of the author.

Materials and methods. The main research methods are the analysis of scientific literature by Russian and foreign scientists investigating the peculiarities of the artistic world of E. Jelinek, contextual analysis of continuous sampling, analysis of text fragments of radio plays.

Research results. In the course of the study, radio plays from 1972-78 were analyzed. The main themes are the destruction of myths of modern society, formed by mass culture, social and gender inequality in society and the oppression of women. In the plays, Jelinek uses collage-editing and inset techniques, wordplay, transformed quotes to create irony and absurdity of everyday situations. Despite the fact that the work of E. Jelinek has been widely studied by literary critics around the world for more than fifty years, early radio plays without a printed version clearly do not have such potential due to the fact that they have not been translated into foreign languages and are closely linked to the cultural and social context of Austria in the 1970s.

Practical implications. The results obtained can be used in the study of E. Jelinek's work, when reading Austrian fiction for its deeper interpretation, as well as when teaching students German as a foreign language.

Keywords: Austrian literature; E. Jelinek; radio plays; collage editing technique; wordplay; author's intention

For citation. Akasheva T.V., Zharkova A.D. Radio Plays as a Special Genre in the Work of E. Jelinek. *Sovremennye Issledovaniya Sotsialnykh Problem [Modern Studies of Social Issues]*, 2024, vol. 16, no. 4, pp. 97-112. DOI: 10.12731/2077-1770-2024-16-4-464

В период с 1972 по 1979 гг. Э. Елинек написала восемь оригинальных радиоспектаклей, один из которых был для детей, и восемь серий семейного сериала. Все они были произведены и транслировались на радиостанциях Австрии и ФРГ. Именно на конец 1960-х гг. приходится новая волна популярности радиопостановок после того, как они утратили свое значение в послевоенный период благодаря появлению телевидения. Молодые радиоведущие, авторы и медиаэксперты выступили с призывом к новому формату радиопостановок, чтобы снова заинтересовать радиослушателей. Вместо звуковых литературно-поэтических постановок старого стиля, тексты которых можно было прочитать, потребовались подходящие для СМИ постановки, которые представляли собой эстетическое и часто политическое действо с сюжетом и персонажами. Э. Елинек как прогрессивный автор и писатель, ищущий новые формы работы с языком, откликнулась на новые веяния: «Это искусство, которое создано из языка, и оно на сегодняшний день заинтересовало меня больше всего» (Здесь и далее перевод наш – Т.А., А.Ж.) [11]. Первая радиопьеса Э. Елинек *Wien-West* (Вена-Запад) выходит в 1972 г., и она становится началом длительного взаимодействия автора с радио и нового этапа ее творчества. В 1979 г. появляется произведение *Die Ausgesperrten* (Перед закрытой дверью) сначала как радиопьеса, а позже выходит одноименный роман. Затем на протяжении многих лет за каждой изданной пьесой следовала радиоверсия [16, с. 68].

Актуальность

Создание Исследовательского центра Э. Елинек в Венском университете в 2004 г. позволило объединить многочисленных исследователей на одной платформе: крупные проекты, научные конференции, регулярное издание ежегодника Э. Елинек, создание исследовательских коллабораций, актуальные публикации, аудиозаписи радиопостановок – все это можно найти на странице центра [12; 13; 14; 15]. В зарубежном литературоведении творчество Э. Елинек рассматривается очень многоаспектно: разрушение мифов современного общества, постмодернизм, социальная несправед-

ливость, гендерные противоречия, языковое мастерство автора [3, с. 14]. В отечественном литературоведении творчество Елинек традиционно исследуют Т.В. Акашева, А.В. Белобратов, Г.В. Кучумова, А.В. Плахина, из новых имен – Э.А. Радаева, изучающая романы автора с точки зрения экспрессионизма [1; 2; 3; 4; 6; 7; 8]. Однако исследований радиопьес Елинек практически нет: в огромных списках публикации есть лишь одна работа Кр. Шпис (Ch. Spiess) и интервью Э. Елинек о своей работе с пьесами журналу о телевидении и радио [16; 11]. Попытка анализа ранних непереведенных на русский язык радиопьес, не всегда имеющих печатные версии, обуславливает актуальность данного исследования.

Целью данной работы является анализ ранних радиопьес, выделение в них основных тем и приемов реализации авторской интенции, а также главных отличий репрезентации радиотекста от печатного.

Результаты исследования и обсуждение

В 1972 г. выходит первая книга Э. Елинек *wir sind lockvögel, baby* (Мы всего лишь приманка, бэби»), и одновременно на радио появляется ее первая радиопьеса „*Wien-West*“. Это своеобразный полилог со слушателями, и написана она не как текст для чтения. Елинек использует стереофонические возможности радио для того, чтобы пространство стало слышимым. Она позволяет своим героям проезжать через это слышимое пространство – слева направо, справа в середину и обратно – на машине, мотоцикле, мопеде или велосипеде. Слушателям приходится следить за происходящим и реагировать на звук так, что можно удариться о велосипед Ханца в правом динамике.

Совершенно иначе автор использует средства радиовещания в радиопьесе „*Für den Funk dramatisierte Ballade von drei wichtigen Männern sowie dem Personenkreis um sie herum*“ (Баллада для радио о трех важных мужчинах и их окружающих). Основные персонажи пьесы – отважный летчик Чарльз Линдберг, перелетевший через океан, Тарзан и великий дирижер. Эти важные мужчины окружены

женщинами – это госпожа Линдберг, Джейн и балерина. Сначала мужчины проявляют себя согласно своим гендерным ролям, они мужественны, наделены правом решающего голоса, своенравны. Затем Елинек начинает использовать прием смешения ролей, и мужчины говорят фразы, хорошо знакомые женщинам: «Нет, выточка здесь шире. Этот цвет точно не делает меня бледной? Цвет абсолютно мой. Если ты будешь носить сини, он точно сделает тебя бледной». Так, в диалоге внезапно возникает напряжение: женщины больше не соответствуют своим женским ролям, которыми наделило их общество, они внезапно говорят мужскими голосами, причем повторяя похожие фразы, сказанные ранее мужчинами, и наоборот. Смешение ролей проявляет абсурдность ситуации, мужественные мужчины теряют свое мужское начало, а женщины начинают повелевать и указывать на необходимость тех или иных действий. Полет летчика Линдберга уже не выглядит так героически, теперь его участь по-женски бояться за исход полета. Этот прием несоответствия описания гендерных ролей характерен для феминистской тематики творчества Елинек.

В своих произведениях Э. Елинек часто обращается к тривиальным романам и узнаваемым сюжетам массовой развлекательной литературы: она пародирует их, помещает известных героев в абсурдные ситуации, тем самым разрушая тривиальные мифы повседневности. Во всех ее ранних романах используется прием врезки и монтажа цитат [4, с. 37]. В радиопьесе „*Untergang eines Tauchers*“ (Закат ныряльщика) также появляются светлые образы детских сериалов от Лэсси до Флиппера, которые благодаря Елинек далеки от узнаваемости: из мнимых, но любимых друзей, они превращаются в кровожадных монстров, мучают детей. Таким образом, наивность и доброта этих сериалов превращается в насилие, тайно присущее обществу. В своей пьесе „*wenn die sonne sinkt, ist für manche schon büroschluß*“ (Когда солнце садится, для многих людей это означает конец рабочего дня) она уже использовала этот прием. Мотив Золушки, часто используемый в телесериалах и романах о любви, предполагает красивую любовь, богатство и исполненную мечту о прекрасном

принце. Но сказка, рассказанная Елинек, иная: маленькая хорошенькая девочка Габи познала с принцем Маркусом не только истинную любовь, но и хорошие рестораны, закаты у моря, приятное безделье. После его смерти от рака она унаследовала все его деньги. «Теперь я могу купить все, что захочу!», – радуется Габи. Но Елинек ставит желания и стремления перед кривым зеркалом: «Эта радиопьеса о желаниях маленьких людей, которые ежедневно кладут их себе в рот, не чувствуют голода и хотят больше чем заслуживают <...> Счастье разжевано, обслюнявлено и, перед тем как его проглотить в качестве мечты о новой мебели для гостиной, на которую так долго копили, его просто выплевывают» [16, S. 74]. Кроме того, любовную историю разрушает специальная повествовательная форма – повтор, удваивание предложения. Этот прием Еленек использует и в других радиопьесах, а затем повторит в романе *Liebhaberinnen* (Любовницы). Подруга Габи говорит: «Он смотрит на тебя так, как будто его молнией ударило», и Маркус в форме внутреннего монолога повторяет: «У меня такое ощущение, что меня молнией ударило». Это повторение речевых клише характерно для любовных романов и телесериалов и делает тривиальные истории более ироничными. Счастливая сериальная жизнь у Елинек прекращает существовать. В радиопьесе „*Bienenkönige*“ (Пчелиные короли) автор использует тривиальную форму социально-художественной литературы, в которой представлены модели общества и образцы поведения, которые не только предписываются, но и контролируются. В пьесе показано развитие общества в неконтролируемой крайности, и слушатели могут узнать себя и свои безответственные поступки. Пьеса появилась в 1976 г. еще до Чернобыля и первых «детей из пробирки». Хлопок в реакторе: мир разрушен, единственные выжившие – ученые в своих подземных лабораториях и их жены. Большинство женщин бесплодны, другие влачат свое существование и постоянно рожают двухмесячных недоношенных детей, исключительно сыновей. Мужчины, хозяева положения, создают свои «пчелиные государства», женщины – «гетеры» и «матери» – заботятся об удовлетворении их потребностей; сыновья, выращенные в инкубаторах, занимаются рабским трудом. Идеаль-

ный мир. Вот только ужасно хотелось иметь дочь. И, наконец, случилось – новые технические исследования сделали это возможным, и она родилась. И тогда «гетеры» соединились с сыновьями и вместе уничтожили «пчелиных королей» и «матерей» и вместе принялись за развитие выжженной земли. Елинек оставляет открытым вопрос, а может ли эта земля им что-нибудь дать.

Тема социального неравенства и стремления во чтобы это ни стало подняться наверх также раскрывается в ранних радиопьесах Елинек. В радиопьесе „*Untergang eines Tauchers*“ Елинек использует метафору *водолаз*: «Водолаз – это мы. Мы все водолазы, которые, в конце концов, хотят наверх. Но нас не пускают и перекрывают нам кислород». Переход из одной социальной группы в другую невозможен, человек, по мнению автора, заложник своего социального и гендерного окружения. В пьесах Елинек нет явных различий между мужчиной и женщиной, но женщина ниже по положению вдвойне: и в постели, и в обществе. Она хочет наверх: при помощи мужчины, иногда переступив через него. Но, конечно, бывает, что и мужчина хочет наверх за счет женщины. В пьесе „*Was geschah, nachdem Nora ihren Mann verlassen hatte...*“ (Что случилось после того, как Нора ушла от мужа...) женщина пытается стать самостоятельной и встать на ноги, она хочет быть субъектом, а не объектом. Эта пьеса Елинек является пародией на популярные в то время любовные романы об эмансипации женщины и о “счастье женщины исключительно в браке”. На самом деле женщина в этих романах представлена как рыночный товар. Тема подъема наверх за счет мужчин или детей станет в дальнейшем основной темой ее прозаических произведений: *Liebhaberinnen* (Любовницы), *Lust* (Похоть) и др.

Отдельным мотивом творчества Елинек является ландшафт. В радиопьесе „*Porträt einer verfilmten Landschaft*“ (Портрет экранизованного ландшафта) природа не просто туристический рай и альпийские пейзажи. Это, прежде всего, источник дохода. Крестьяне рады, что есть канатная дорога, значит, будет работа, а затем и пенсия. Репортер для рекламного фильма хотел услышать что-нибудь хорошее о былых временах, но старая Магд не рассказала ему

ничего хорошего, вспомнив только работу, бедность и побои, от которых она сизмальства пряталась. В этой радиопьесе Э. Елинек показывает уничтожение природы, ее эксплуатацию хозяевами туриндустрии; в тоже время она указывает на то, что картинка красивых горных ландшафтов – всего лишь лживая мечта, в которой люди благополучно устроились.

Говоря о радиопьесах автора, необходимо обратить внимание на ее эксперименты с языком. Елинек в одном из интервью сказала: «Мои радиопьесы очень насыщены языком. Это значит, что персонажи возникают из языка, говорят о жизни, и как только они прекращают говорить, они снова исчезают. Я говорю, значит я есть [11]. Поэтому своих героев Елинек наделяет не индивидуальной и живой речью, а клише, цитатами из рекламы, телесериалов, лозунгов. Так ее героини становятся карикатурными. Например, о мужчинах и женщинах в радиопьесе *Bienenkönige* автор говорит, что: «недостаточно иметь мужчин, подчинивших себе мир, нужны и женщины, делающие этот мир прекраснее и мечтающие, чтобы их подчинили». Привычный расклад в обществе Елинек пародирует так: «То, что нас бьют, утешает мужчин в той степени, что мы не в состоянии их утешить из-за этого». Э. Елинек часто соединяет обрывки рекламы и известные шлягеры, ее героини говорят искусственным языком: Ханс, велосипедист из „*Wien West*“, «высокоактивный как биопена», в „*Untergang eines Tauchers*“ есть «энергия на весь день», в „*Für den Funk dramatisierte Ballade...*“ героини вставляют в свои тексты строчки из шлягеров 1970-х: «Привет, милая фея», «Моя маленькая, любимая проводница», «Я целую вашу ручку, мадам». Особенностью пьес является отсутствие диалогов, хотя они там слышатся. Елинек использует метод кажущегося общения на пике: оба героя разговаривают не друг с другом, а друг за другом. Хотя никто не спрашивает, как у нее дела, Эмили отвечает, что хорошо. Она отвечает на произнесенные вопросы: «Он постоянно спрашивает меня, кто есть человек. Чего он хочет? Где занятый им уголок земли, куда мне не попасть? Пошел вон! Проходи мимо! Я не гниль. Свои проценты я плачу вовремя. В офисе».

Интересную роль в радиопьесах играют диалекты. В „*Wien West*“ также есть местный колорит и игра слов: «*Rotzbua dreckiga*» (грязный сопляк), – сказала хозяйка. Модератор, использующий литературный немецкий, расшифровывает коды для слушателя: «Это была хозяйка. Она спросила Карла, не мог ли он шуметь где-нибудь в другом месте».

Для радиопьесы „*Die Ausgesperrten*“ Э. Елинек хотела пригласить австрийских актеров, которые могли говорить на венском диалекте, т.к. «только в Вене люди говорят на первоклассном языке и знают тонкие языковые особенности» [11, S. 37]. Но для популяризации пьесы понадобилась вторая редакция с немецкими актерами Г. Балтусом и В. Поль в роли семейства. Текст радиопьесы на литературном немецком языке потерял венский колорит, но ее появление на немецком радио позволило увеличить аудиторию радиослушателей.

Э. Елинек, несомненно, является мастером слова. Ее приемы – техника монтажа и коллажа, использование трансформированных цитат, контаминация, игра слов, каламбур – работают на раскрытие ее интенции и характеризуют ее уникальное стилевое своеобразие, которое позже будет отмечено Нобелевским комитетом. Для исследователей, для которых немецкий язык является иностранным, ее произведения – это превосходный материал практики немецкого языка, однако при переводе примеры зачастую теряют смысл. Например, использование рифмовок придает определенный ритм звучанию радиопьесы: *Reim dich oder ich fress dich; goldene Oranschenkerne... als das Fräulein Erne; für wenn ich das alles moß...für die Prinzessin im Schloß*. Использование многозначного слова в одном контексте вызывает двусмысленность фразы: *Beruf ist meine Lebensaufgabe. Ich will aber mein Leben nicht aufgeben*. Шутки у Елинек своеобразны, часто ее героини высказываются о своем сокровенном языковыми штампами, они используют патетические фразы, которые неуместны в обыденной ситуации. Например, Райнер в пьесе „*Die Ausgesperrten*“ говорит лозунгами: «Считается то, что сделал один. Что он сделал, то он и есть».

На что Ханс отвечает: «Я делаю электрические провода, но я не стал проводом». Нора в разговоре со своим шефом в пьесе „*Was geschah, nachdem Nora ihren Mann verlassen hatte*“ восклицает неуместное: «Главное – быть человеком», на что получает в ответ от шефа: «Мы пользуем здесь исключительно людей». Автор может в одном контексте соединить то, что противоречит ситуации или привычной стереотипной картинке, например, у госпожи Витковски в пьесе „*Die Ausgesperrten*“ она соединила философию и абрикосовые кнедлики или порнографию и мысли для семейного обеда: «Пойманная воришка в магазине и личный обыск, либо милый гинеколог и робкая пациентка? У меня мало времени, мне нужно к мяснику, он отложил для меня рульку». Во всех радиопьесах присутствует смех над комичными ситуациями и гротеск, передать который на иностранный язык невозможно.

Судя по успеху радиопьес Э. Елинек и востребованности такого формата текста и взаимодействия со слушателями, ей удалось так организовать свою работу над радиопостановками, что эти пьесы могут оставаться неизданными и существовать самостоятельно. Практически каждую премьеру Елинек предваряла краткой речью, которую нельзя в полной мере назвать объяснением замысла. Это небольшие эссе, помогающие раскрыть тему произведения и считать многочисленные аллюзии, которые так любит использовать Елинек в своих изданных текстах. И напротив, есть радиопьесы, которые могут жить параллельно в печатной форме и иметь такой же успех у читателя. Говоря о радиопьесах, Э. Елинек считает, что «следует отважиться на дальние перспективы: т.к. мы живем в языке (который в моменте является всем, набросок как цель, попытка как результат) одновременно далеко и снова дома» [11, S. 37].

Заключение

Свое сотрудничество с радио Э. Елинек начала в 1972 г. параллельно с изданием своих первых произведений и продолжает до сих пор. Большинство радиопьес не имеют печатных текстов и переводов. Из проанализированных нами издано две.

Анализ ранних радиопьес Э. Елинек показал, что данная форма репрезентации и воздействия текста отличается от печатного благодаря стереофонии радио, возможности режиссерских постановок с профессиональными актерами.

Основными темами радиопьес Э. Елинек, равно как и всего ее творчества, остаются: разрушение мифов современного общества, социальное неравенство, угнетение женщины, влияние массовой культуры на общественное сознание.

Произведения Э. Елинек отличают особые техники монтажа и коллажа узнаваемых образцов тривиальной культуры: романов, телесериалов, рекламы и шлягеров. Кроме того, Елинек является мастером слова: ее тексты включают языковые эксперименты, игру слов, контаминацию и т.д.

Радиопьесы Э. Елинек, написанные специально для радиопостановок, не переведены на русский язык и очень сложны для восприятия исследователями, для которых немецкий язык является иностранным, т.к. имеют четкую привязку к временному и культурному пространству.

Список литературы

1. Акашева Т.В. Жанровая природа ранней прозы Э. Елинек // Актуальные проблемы современной науки, техники и образования: тезисы докладов 76-й международной научно-технической конференции. 2018. С. 347.
2. Акашева Т.В., Песина С.А., Рахимова Н.М., Землянухина Е.В. Когнитивные стратегии интерпретации интертекстуальных включений в художественном дискурсе (на материале произведений Э. Елинек) // Вопросы когнитивной лингвистики. 2016. № 2(47). С. 5-10. <https://doi.org/10.20916/1812-3228-2016-2-5-10>
3. Акашева Т.В., Рахимова Н.М. Постмодернистские тенденции в творчестве Э. Елинек // Современные исследования социальных проблем. 2020. Т. 12, № 5. С. 14-37. <https://doi.org/10.12731/2077-1770-2020-5-14-37>
4. Белобратов А.В. «Эльфрида Елинек – писатель, выстроенный из литературных связей»: беседа с переводчиком романов австрий-

- ской писательницы, Нобелевского лауреата 2004 по литературе Э. Елинек А. Белобратовым // Новое время. 2005. № 4. С. 36-39.
5. Елинек Э. Писательская анкета. URL: <http://noblit.ru/content/category/4/124/33> (дата обращения: 10.10.2024).
 6. Кучумова Г.В. Язык демифологизации в романе Э. Елинек «Дети мертвых» // Филологический класс. 2023. Том 28. №2. С. 186-193.
 7. Плахина А.В. Немецкоязычная, но не немецкая. Некоторые аспекты австрийской прозы 1970-1990-х годов // Вопросы литературы. 2007. № 6. С. 5-37.
 8. Радаева Э.А. Ландшафты современного австрийского экспрессионизма (на примере произведений Э. Елинек и Т. Бернхарда) // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Социальные, гуманитарные, медико-биологические науки. 2017. Т. 19, № 3. С. 101-105. <https://doi.org/10.37313/2413-9645-2017-19-3-101-105>
 9. Унгер К. Эльфрида Елинек [DW-WORLD.DE, 22.07.2002]. URL: <http://noblit.ru/node/1347> (дата обращения: 18.11.2024).
 10. Belobratow A. W. E-Mail-Interview mir Elfriede Jelinek (Mai-Juni 2019) // Jahrbuch der Österreich-Bibliothek in St. Petersburg. St. Petersburg: Verlag „PETERBURG. XXI VEK“, 2019. S. 141-147.
 11. Elfriede Jelinek: „Mit dem Hören spielt man nicht“ // Das Erste. Die Zeitschrift über Fernsehen und Radio, no. 1, Januar 1992. S. 37.
 12. Janz M. Elfriede Jelinek. Stuttgart: Metzler, 1995. 182 S. <https://doi.org/10.1007/978-3-476-03983-5>
 13. Sandler M. Textherstellungsverfahren bei Elfriede Jelinek. Das Beispiel „Totenauberg“. Würzburg: Königshausen&Neumann, 1996. 206 S.
 14. Schlestag U. Sprachspiel als Lebensform. Strukturuntersuchungen zur erzählenden Prosa Elfriede Jelineks. Bielefeld: Aisthesis, 1996. 243 S.
 15. Spannlang E. Elfriede Jelinek. Studien zum Frühwerk. Wien: VWGÖ, 1992. 364 S.
 16. Spiess Ch. Eine Kunst, nur aus Sprache gemacht. Die Hörspiele der Elfriede Jelinek // Elfriede Jelinek. München: Frauke Meyer-Gosau, 1993. S. 68-77.
 17. Forschungsplattform Elfriede Jelinek. URL: <https://fpjelinek.univie.ac.at/home/index.htm> (дата обращения: 15.11.2024).

References

1. Akasheva T.V. Genre nature of E. Jelinek's early prose. *Aktual'nye problemy sovremennoj nauki, tekhniki i obrazovaniya: tezisy dokladov 76-j mezhdunarodnoj nauchno-tekhnicheskoj konferencii* [Current Issues of Modern Science, Technology and Education: Abstracts of Reports of the 76th International Scientific and Technical Conference], 2018, pp. 347.
2. Akasheva T.V., Pesina S.A., Rahimova N.M., Zemljanuhina E.V. Cognitive strategies for interpreting intertextual inclusions in artistic discourse (based on the works of E. Jelinek). *Voprosy kognitivnoj lingvistiki* [Cognitive Linguistics Problems], 2016, no. 2(47), pp. 5-10. <https://doi.org/10.20916/1812-3228-2016-2-5-10>
3. Akasheva T.V., Rahimova N.M. Postmodern trends in the work of E. Jelinek. *Sovremennye issledovanija social'nyh problem* [Modern Studies of Social Issues], 2020, vol. 12, no. 5, pp. 14-37. <https://doi.org/10.12731/2077-1770-2020-5-14-37>
4. Belobratov A.V. "Elfrida Jelinek, a writer built from literary connections": a conversation with A. Belobratov, the translator of the novels of the Austrian writer, 2004 Nobel laureate in literature E. Jelinek. *Novoe vremja* [New Time], 2005, no. 4, pp. 36-39.
5. Elinek Je. Writer's questionnaire. URL: <http://noblit.ru/content/category/4/124/33> (accessed October 10, 2024)
6. Kuchumova G.V. The language of demythologization in E. Jelinek's novel "Children of the Dead". *Filologicheskij klass* [Philological Class], 2023, vol. 28, no. 2, pp. 186-193.
7. Plahina A.V. A German-language one, but not German. Certain aspects of Austrian prose in the 1970s and 1990s. *Voprosy literatury* [Literature Problems], 2007, no. 6, pp. 5-37.
8. Radaeva Je.A. Landscapes of modern Austrian Expressionism (on the example of the works of E. Jelinek and T. Bernhard). *Izvestija Samar-skogo nauchnogo centra Rossijskoj akademii nauk. Social'nye, humanitarnye, mediko-biologicheskie nauki* [News of the Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences. Social, humanitarian, medical and biological sciences], 2017, vol. 19, no. 3, pp. 101-105. <https://doi.org/10.37313/2413-9645-2017-19-3-101-105>

9. Unger K. *Jel'frida Elinek* [DW-WORLD.DE, 22.07.2002]. URL: <http://noblit.ru/node/1347> (accessed November 18, 2024)
10. Belobratow A.W. E-Mail-Interview mit Elfriede Jelinek (Mai-Juni 2019). *Jahrbuch der Österreich-Bibliothek in St. Petersburg*. St. Petersburg: Verlag „PETERBURG. XXI VEK“, 2019, S. 141-147.
11. Elfriede Jelinek: „Mit dem Hören spielt man nicht“. *Das Erste. Die Zeitschrift über Fernsehen und Radio*, no. 1, Januar 1992, S. 37.
12. Janz M. *Elfriede Jelinek*. Stuttgart: Metzler, 1995, 182 S. <https://doi.org/10.1007/978-3-476-03983-5>
13. Sandler M. *Textherstellungsverfahren bei Elfriede Jelinek. Das Beispiel „Totenauerg“*. Würzburg: Königshausen&Neumann, 1996, 206 S.
14. Schlestag U. *Sprachspiel als Lebensform. Strukturuntersuchungen zur erzählenden Prosa Elfriede Jelineks*. Bielefeld: Aisthesis, 1996, 243 S.
15. Spannlang E. *Elfriede Jelinek. Studien zum Frühwerk*. Wien: VWGÖ, 1992, 364 S.
16. Spiess Ch. Eine Kunst, nur aus Sprache gemacht. Die Hörspiele der Elfriede Jelinek. *Elfriede Jelinek*. München: Frauke Meyer-Gosau, 1993. S. 68-77.
17. *Forschungsplattform Elfriede Jelinek*. URL: <https://fpjelinek.univie.ac.at/home/index.htm> (accessed November 15, 2024)

ДАННЫЕ ОБ АВТОРАХ

Акашева Татьяна Валентиновна, заведующая кафедрой лингвистики и перевода, доцент, кандидат филологических наук
ФГБОУ ВО «Магнитогорский государственный технический университет им. Г.И. Носова»
ул. Заветная, 22, г. Магнитогорск, Челябинская область,
455006, Российская Федерация
akasheva.tv@yandex.ru

Жаркова Александра Дмитриевна, студентка 3 курса Института клинической медицины
ФГБОУ ВО Самарский государственный медицинский университет

ул. Гагарина 16а, г. Самара, 443079, Российская Федерация
alex_a_04-04@list.ru

DATA ABOUT THE AUTHORS

Tatiana V. Akasheva, Head of the Department of Linguistics and Translation, Associate Professor, Candidate of Philological Sciences
Nosov Magnitogorsk State Technical University, Magnitogorsk.
22, Zavetnaya Str., Magnitogorsk, Chelyabinsk Region, 455006,
Russian Federation
akasheva.tv@yandex.ru
SPIN-code: 2599-2432
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2695-5070>
Researcher ID: W-6866-2018
Scopus Author ID: 57189625182

Alexandra D. Zharkova, 2nd year Student at the Institute of Clinical Medicine
Samara State Medical University (SamSMU)
16a, Gagarina Str., Samara, 443079, Russian Federation
alex_a_04-04@list.ru
SPIN-code: 8513-9108

Поступила 20.11.2024
После рецензирования 08.12.2024
Принята 15.12.2024

Received 20.11.2024
Revised 08.12.2024
Accepted 15.12.2024

DOI: 10.12731/2077-1770-2024-16-4-454

УДК 81-119

Научная статья |

Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика

ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ВВОДНЫХ КОНСТРУКЦИЙ В СТРУКТУРЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ

С.Н. Михалёва, И.Н. Костина

Обоснование. Исследование посвящено проблеме семантических особенностей вводных конструкций (далее – ВК). В настоящее время рассматривается синтез основного и вводного предложений единой сложной синтаксической конструкцией, в которой вводное предложение связано семантически и грамматически с основным предложением как организующим центром. Так как вводные конструкции имеют дополнительные семантические характеристики и иногда способны влиять на общий смысл вновь образованного с их помощью высказывания, представляется целесообразным рассмотреть их функции и причины использования автором высказывания.

В статье обосновывается своеобразие семантических отношений между компонентами конструкции, характеризующихся специфической функциональной особенностью и особенностью внутренней формы смысловых отношений.

Цель исследования определена как выявление специфических особенностей вводной конструкции, способной нарушить структуру актуализированного высказывания и выразить дополнительные коммуникативные намерения автора.

Материалы и методы. В основе исследования лежат сопоставительный и описательный методы. Материалом исследования послужила сплошная выборка примеров из художественных произведений французских и немецких авторов.

Результаты. В результате наблюдения за вводными конструкциями, сделан вывод о том, что ВК можно рассматривать как попытку автора к уточнению своей информации, стремление к детализации, пояснению, что приводит к усложнению синтаксической структуры. Однако авторская попытка корректировки выражения мысли облегчает восприятие высказывания, что приводит к упрощению семантической структуры высказывания. Модальная специфика ВК, таким образом, может рассматриваться как отражение особых интенций говорящего, его прагматической ориентированности в зависимости от ситуации, созданной новой семантической конструкцией.

Ключевые слова: вводная конструкция; семантико-синтаксические особенности; единая сложная конструкция

Для цитирования. Михалёва С.Н., Костина И.Н. Особенности функционирования вводных конструкций в структуре предложения // Современные исследования социальных проблем. 2024. Т. 16, № 4. С. 113-123. DOI: 10.12731/2077-1770-2024-16-4-454

Original article | Theoretical, Applied and Comparative Linguistics

FEATURES OF INTRODUCTORY CONSTRUCTION FUNCTIONING IN SENTENCE STRUCTURE

S.N. Mihaleva, I.N. Kostina

Background. The study is devoted to the problem of semantic features of introductory constructions (hereinafter referred to as IC). Currently, we are considering the synthesis of the main and introductory sentences with a single complex syntactic construction, in which the introductory sentence is semantically and grammatically connected to the main sentence as an organizing center. Since introductory constructions have additional semantic features and are sometimes able to influence with their help the general meaning of a newly formed utterance, it seems appropriate to consider their functions and the reasons for their use by the author of the utterance.

The article substantiates the uniqueness of semantic relations between the components of the structure, characterized by a specific functional feature and a feature of the internal form of semantic relations.

*The **aim** of the study is defined as the identification of specific features of the introductory construction that can disrupt the structure of the actualized utterance and express additional communicative intentions of the author.*

***Materials and methods.** The research is based on comparative and descriptive methods. The research material was a continuous selection of examples of works of art by French and German authors.*

***Results.** As a result of the observation of introductory constructions, it was concluded that IC can be considered as an attempt by the author to clarify his information, his desire for detail, explanation, which leads to a complication of the syntactic structure. However, the author's attempt to correct the expression of thought facilitates the perception of the utterance, which leads to a simplification of the semantic structure of the utterance. The modal specificity of IC can then be considered as a reflection of the speaker's particular intentions, his pragmatic orientation depending on the situation created by the new semantic construction.*

***Keywords:** introductory construction; semantic-syntactic features; integrated complex construct*

***For citation.** Mihaleva S.N., Kostina I.N. Features of Introductory Construction Functioning in Sentence Structure. *Sovremennyye Issledovaniya Sotsialnykh Problem [Modern Studies of Social Issues]*, 2024, vol. 16, no. 4, pp. 113-123. DOI: 10.12731/2077-1770-2024-16-4-454*

Введение

Современная теория лингвистики обладает значимым опытом изучения вводных конструкций (далее – ВК). Так, на материале русского языка указанная проблема ВК широко освещена в трудах В.В. Виноградова (1939), А.А. Потебни (1977), Ю.В. Ванникова (1966), И.И. Мещанинова (1978), Н. Кузнецова (2021), и на материале французского языка – в исследованиях Л.В. Щербы (1935), Л.И. Илии (1979), В.Г. Гака (1986), Г.М. Костюшкиной (2000), француз-

ских лингвистов О. Мордрюпа (Mordrup, 1976), А. Гусса (Goosse, 1980), К. Гимье (Guimier, 2016), и на материале немецкого языка – Р.Н. Аутина (1973), Е.М. Каргина (2024).

Однако существующие лингвистические исследования, раскрывая природу и механизмы возникновения, указывая на их несомненно значимую роль в коммуникации, не акцентируют внимание на возможности ВК актуализировать особую информацию на фоне высказывания. Под вводными конструкциями понимаются комбинации слов, грамматически не связанные ни с одним из членов включающего предложения, имеющие свою форму и содержание, однако рассматриваемые скорее как неполные знаки, т.к. они обретают свои семантические функции, лишь попадая в определенное синтаксико-семантическое окружение [14]. Это позволяет рассматривать подобные соединения как коммуникативные, выполняющие если не первостепенную, то значимую роль в линеаризации дискурса, организуя авторские речевые стратегии – так называемую авторскую интервенцию. Изучение такого взаимодействия в научном направлении семантического синтаксиса представляет важный теоретический и методологический интерес для теории высказывания [8].

В контексте письменных произведений вводные конструкции структурируют текст и способствуют лучшему пониманию содержания, приобретая особую значимость при переводе и интерпретации текста. Учитывая сказанное, особый интерес представляют и дидактические вопросы, связанные с функционированием и семантикой ВК.

В данной статье делается попытка показать, что простое предложение, претерпевая синтаксические изменения, представляет собой проблему для изучения языка. Мы можем предположить, что вводные конструкции не только усложняют части синтаксической конструкции, но и представляют новую семантическую связность в письменной речи. Данное усложнение представляет значимую сложность при интерпретации и переводе данных конструкций и усложненных ими высказываний. Небезынтересным является сопоставительные характеристики в нескольких аналитических языках.

Методы и результаты

В данном исследовании использовались примеры из современных художественных произведений французских и немецких авторов. В общей сложности было проанализировано 3000 предложений-высказываний с указанными конструкциями. Для достижения поставленной цели, наряду с общенаучными методами (индукция, дедукция, наблюдение, обобщение, абстрагирование и др.), использовался сравнительно-описательный метод.

Учитывая относительную синтаксическую автономность в высказывании, необычную свободу передвижения по пространству высказывания, ВК не могут семантически существовать изолированно и самостоятельно, поэтому высказывание, осложненное ВК, представляет собой сложный лингвистический знак. Однако ВК, обладая знаковой природой, по отношению к включающему предложению является частичным знаком, так как имеет общий или смежный денотат с включающим предложением.

Важным является понимание субъективной авторской модальности, которую возможно обнаружить в ВК. Данные конструкции способны создавать новые модальные оттенки, накрадывающиеся на семантику высказывания, которое до их появления уже имело свое первоначальное модальное значение. ВК, таким образом, образуют второй слой модальных значений в смысловой структуре высказывания.

Модальный аспект, связанный со сложной областью эмоциональной оттеночности, является самым сложным для понимания коммуникативного акта как средства выражения субъективного отношения говорящего к содержанию высказывания или адресату речи.

Опираясь на точку зрения Н. Молинье и О. Дюплатра, которые, исследуя ВК (в частности, обособленное наречие в препозиции), подчеркивали, что вычленение языковой единицы [2] изменяет не только её синтаксическую функцию, но в большей степени ее семантическую и прагматическую функции [7, с. 3]. Возможно предположить, что ВК имеют особые функции в высказывании, обретая особый лингвистический статус. Так, в примере:

(1) Mais celui-ci – pauvre prêtre! – s’il doute, ne doute pas seulement de lui mais de son unique espérance

вводные конструкции нарушают линейность прогрессивного прямого порядка слов французского языка и привносят значимую дополнительную информацию в уже сформированное предложение-высказывание, изменяя его содержательную сторону. Именно данные семантических исследований ВК подвели ученых к заключению, что ВК есть интонационно-смысловая категория, т.е. не просто факт языковой системы, а явление речи. ВК, следовательно, характеризует не формальную структуру предложения, а смысловую структуру коммуникативной единицы речи – высказывания [11, с. 7]. Сравним:

(2) De plus en plus, l’opinion publique est réfléchie et autonome.

В приведенном примере ВК, в форме вводной конструкции, дополняет существующую информацию, оказывая влияние на все высказывание. Однако в трансформациях

(2a) L’opinion publique, de plus en plus, est réfléchie et autonome;

(2b) L’opinion publique est, de plus en plus, réfléchie et autonome;

(2c) L’opinion publique est réfléchie et autonome, de plus en plus [10].

можно наблюдать свободное перемещение конструкции и, в связи с данными перемещениями, изменения ее семантических и функциональных особенностей, которые начинают актуализовать передаваемую информацию и становятся проводниками речевых стратегий говорящего.

(3) Da muss ich dir möglicherweise widersprechen.

В немецком языке, в отличие от французского, ВК встречаются редко, в данном случае немецкий язык ближе русскому языку. Кроме того, в немецком языке подобные конструкции не выделяются знаками препинания, что привносит сложности их синтаксического вычленения [12]. Однако, если мы будем рассматривать причины авторского включения ВК, то и здесь мы отметим попытку дополнительного комментария уже существующей информации. В данном предложении усложнение структуры незначительное, однако благодаря данной конструкции, которая нарушает линейность, возни-

кает необходимость дополнительной интерпретации, чтобы понять сомнения и двойственность появившегося значения.

Н.С. Барбина в своем исследовании отмечает, что в акте коммуникации ВК создают вторую линию повествования: либо дополняя и поясняя основное предложение, или, как в предыдущем примере, лишь часть включающего их предложения, либо служа обращением к читающему, выявляя особое отношение автора к высказыванию, которое он и выражает при помощи ВК [1, с. 15]. Вполне возможно, что ВК предоставляет возможность наблюдения за планированием процесса общения, осознания коммуникативных стратегий и тактик автора [9].

Таким образом, можно рассматривать ВК как наиболее простой и удобный синтез двух противоположных тенденций речи, которые часто проявляются одновременно. С одной стороны, автором принимается попытка уточнения, экспликации логических связей, что приводит к усложнению синтаксической структуры, но с другой стороны, реализуется авторская попытка корректировки выражения своей мысли, облегчающая восприятие высказывания, что приводит к упрощению семантической структуры высказывания. ВК – это синтез развернутости и компактности авторской речи. Таким образом, модальная специфика ВК может рассматриваться как отражение особых интенций говорящего, его прагматической ориентированности в зависимости от ситуации. В этом просматривается связь субъективной модальности ВК с актом номинации, аспектом познавательной деятельности человека, закрепляющей постигнутое в форме языкового знака [5]. В этом случае знаковая особенность указанных конструкций будет проявляться только внутри вновь созданной синтаксико-семантической конструкции [13].

Можно прийти к заключению, что ВК следует рассматривать не столько как выделение некоторых элементов предложения с целью придания им несколько большей значимости, а как особое лингвистическое средство, обладающее прагматической функцией. Понимание и изучение вводных конструкций необходимо для более точной интерпретации коммуникативных намерений автора, для более точного понимания содержания осложненной фразы, а, воз-

можно, и для диалога между автором и читающим, для выявления всех возникающих семантических нюансов. Любое высказывание может рассматриваться как семантический комплекс, построенный по определённому замыслу и с определёнными целями воздействия на адресата [6], однако участники коммуникативного акта находятся в постоянном взаимодействии.

Список литературы

1. Барбина Н.С., Костюшкина Г.М. Аргументация и концептуальная систематика речи и речевой деятельности. М.: ФЛИНТА: Наука, 2016. 70 с. URL: <https://www.labyrinth.ru/books/510052/> (дата обращения: 12.11.2024).
2. Болдырев Н. Н. Языковые категории как формат знания // Вопросы когнитивной лингвистики. 2006. № 2(7). С. 5-22.
3. Ванников Ю.В. Синтаксис речи и синтаксические особенности русской речи. М.: Стереотип, 2019. 296 с. URL: <https://urss.ru/cgi-bin/db.pl?lang= Ru&blang=ru&page=Book&id=250478> (дата обращения: 12.11.2024).
4. Каргина Е.М. Анализ семантико-синтаксических особенностей мотивированных вводных предложений (на материале немецкого языка) // Вестник Челябинского государственного университета. 2023. № 2(472). С. 71-79. URL: <https://journals.csu.ru/index.php/BulletinCSU/article/view/2011> (дата обращения: 13.11.2024)
5. Костюшкина Г.М. Когнитивный механизм речевой коммуникации // Концептуальная систематика речевой коммуникации: колл. монография. Иркутск: Изд-во ИГЛУ, 2014. С. 9-54.
6. Костюшкина Г.М., Пашенко М.А. Системный код коммуникативного акта // Гуманитарный вектор. Серия: Филология, востоковедение. 2013. №4. С. 70-78.
7. Костюшкина Г.М. Семантика и прагматика высказывания / Г.М. Костюшкина, Е.Ч. Дахалаева, С.Н. Михалева. Иркутск: Изд-во ИГЛУ, 2005. 525 с.
8. Костюшкина Г.М. Системный код коммуникативного акта / Г.М. Костюшкина, М.А. Пашенко // Гуманитарный вектор. 2013. № 4(36). С. 70-78.

9. Маслова А.Ю. Введение в прагмалингвистику: учеб. пособие. М.: Флинта: Наука, 2007. 152 с.
10. Михалёва С.Н. Семантико-прагматический аспект вводно-вставочных конструкций во французском языке: дис. ... канд. фил. наук. Иркутск, 2000. 261 с.
11. Duplâtre O. «Peut-on cerner l'adverbe?», Cahiers de praxématique, 2024. <https://doi.org/https://doi.org/10.4000/12evv>
12. Grevisse M. Nouvelle grammaire française. Paris: Duculot, 1978. 352 p.
13. Guimier C. 1001 circonstanciels. Paris: Presses Universitaire de France, 2016. 560 p.
14. Molinier Chr. Description des formes en-ment. Grammaire des adverbes. Genève/Paris, Droz, 2000. 175 p.
15. Mordrupe O. Grammaire et syntaxe française. Paris: Ed. du Seuil, 1976. 245 p.

References

1. Barebina N.S., Kostyushkina G.M. *Argumentation and conceptual taxonomy of speech and speech activity*. Moscow: FLINTA Pobl.: Nauka Publ., 2016, 70 p. URL: <https://www.labirint.ru/books/510052/> (accessed November 12, 2024).
2. Boldyrev N. N. Language categories as a format of knowledge. *Issues of cognitive linguistics*, 2006, no. 2(7), pp. 5-22.
3. Vannikov Yu. V. *Speech syntax and syntactic features of Russian speech*. Moscow: Stereotype Publ., 2019, 296 p. URL: <https://urss.ru/cgi-bin/db.pl?lang=Ru&blang=ru&page=Book&id=250478> (accessed November 12, 2024).
4. Kargina E.M. Analysis of semantic and syntactic features of motivated introductory sentences (based on the German language). *Vestnik Cheljabinskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of the Chelyabinsk State University], 2023, no. 2(472), pp. 71-79. URL: <https://journals.csu.ru/index.php/BulletinCSU/article/view/2011> (accessed November 13, 2024).
5. Kostyushkina G.M. Cognitive mechanism of speech communication. *Konceptual'naja sistematika rechevoj kommunikacii: kollektivnaja*

- monografija* [Conceptual taxonomy of speech communication: Collective monograph]. Irkutsk State Linguistic University Publ., 2014, pp. 9-54.
6. Kostyushkina G.M., Pashchenko M.A. System code of communicative act. *Humanitarian Vector. Series: Philology, Oriental Studies*, 2013, no. 4, pp. 70-78.
 7. Kostyushkina G.M. *Semantics and pragmatics of utterance*. Irkutsk: Irkutsk State Linguistic University Publ. 2005, 525 p.
 8. Kostyushkina G.M., Pashchenko M.A. System code of communicative act. *Humanitarian Vector. Series: Philology, Oriental Studies*, 2013, no. 4, pp. 70-78.
 9. Maslova A.Yu. *Introduction to pragmalinguistics: textbook*. Moscow: Flinta Publ.: Nauka Publ., 2007, 152 p.
 10. Mikhaleva S.N. *Semantic-pragmatic aspect of introductory-insertive constructions in the French language*. PhD dissertation. Irkutsk, 2000, 261 p.
 11. Duplâtre O. «Peut-on cerner l'adverbe?», *Cahiers de praxématique*, 2024. <https://doi.org/10.4000/12evv>
 12. Grevisse M. *Nouvelle grammaire française*. Paris: Duculot, 1978, 352 p.
 13. Guimier C. *1001 circonstanciels*. Paris: Presses Universitaire de France, 2016, 560 p.
 14. Molinier Chr. *Description des formes en-ment. Grammaire des adverbes*. Genève/Paris, Droz, 2000, 175 p.
 15. Mordrupe O. *Grammaire et syntaxe française*. Paris: Ed. du Seuil, 1976, 245 p.

ДАННЫЕ ОБ АВТОРАХ

Михалева Светлана Николаевна, к.ф.н., доцент, доцент кафедры европейских языков и лингводидактики
ЗабГУ
ул. Александро-Заводская, 30, г. Чита, 672039, Российская Федерация
zoja_mihaleva@mail.ru

Костина Ирина Николаевна, канд. культурологии, доцент, заведующая кафедрой европейских языков и лингводидактики
ЗабГУ
ул. Александро-Заводская, 30, г. Чита, 672039, Российская Федерация

DATA ABOUT THE AUTHORS

Svetlana N. Mihaleva, PhD, Associate Professor, Associate Professor of the Department of European Languages and Linguodidactics
Transbaikal State University
30, Alexandrov-Zavodskaya Str., Chita, 672039, Russian Federation
zoza_mihaleva@mail.ru

Irina N. Kostina, PhD, Associate Professor, Head of the Department of European Languages and Linguodidactics
Transbaikal State University
30, Alexandrov-Zavodskaya Str., Chita, 672039, Russian Federation

Поступила 24.11.2024
После рецензирования 15.12.2024
Принята 22.12.2024

Received 24.11.2024
Revised 15.12.2024
Accepted 22.12.2024

DOI: 10.12731/2077-1770-2024-16-4-465

УДК 811.1

Научная статья | Языки народов зарубежных стран

АУДИОВИЗУАЛЬНЫЙ ТЕКСТ И ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА УСТОЙЧИВЫХ ВЫРАЖЕНИЙ

О.А. Кудинова, В.И. Кудинова

Обоснование. *Определение стратегий перевода устойчивых выражений с английского языка на русский поможет эффективно использовать английские идиомы в процессе преподавания/изучения иностранного языка. Исследование также учитывает факт отсутствия консенсуса среди лингвистов относительно терминологии устойчивых выражений, что приводит к широкому разнообразию их классификаций.*

Цель. *Статья посвящена выявлению методов правильного перевода устойчивых выражений с английского языка на русский в аудиовизуальных текстах с учетом их культурологической составляющей.*

Метод и методология проведения работы. *Основу исследования составляют теоретическое изучение и обобщение научно-методической литературы, связанной с темой исследования; используются общенаучные методы: анализ и обобщение.*

Результаты. *Результаты проведенного исследования показали, что стратегии перевода, апробированные на занятиях по переводу, были выбраны в соответствии с объектом перевода, а также с учетом типа устойчивого выражения. Следует отметить, что идиомы всех трех типов устойчивых выражений – словосочетания, идиомы и фразовые глаголы, встречающиеся в аудиовизуальных текстах, являются основными единицами, раскрывающими культурный характер и национальную идентичность.*

В результате анализа научного материала было высказано предположение, что включение в процесс перевода образных выраже-

ний, используемых в любой форме устной речи, особенно в аудиовизуальном контексте, способствует повышению уровня владения языком.

Область применения результатов. Результаты исследования могут быть взяты за основу при выполнении различных заданий, связанных с распознаванием и классификацией устойчивых выражений, могут способствовать расширению лексического запаса, а включение их в речь создаст условия для развития разговорных навыков в процессе преподавания иностранного языка и спецдисциплин по переводу.

Ключевые слова: устойчивые выражения; идиомы; аудиовизуальный контекст; фильмы; преподавание иностранного языка; стратегии перевода

Для цитирования. Кудинова О.А., Кудинова В.И. Аудиовизуальный текст и особенности перевода устойчивых выражений // Современные исследования социальных проблем. 2024. Т. 16, № 4. С. 124-138. DOI: 10.12731/2077-1770-2024-16-4-465

Original article | Languages of Peoples of Foreign Countries

AUDIO-VISUAL TEXT AND FEATURES OF IDIOMATIC EXPRESSIONS TRANSLATION

O.A. Kudinova, V.I. Kudinova

Background. Defining strategies for translating stable expressions from English into Russian will help effectively use English idioms in the process of teaching/learning a foreign language. The research also focuses on the lack of consensus among researchers regarding the terminology of fixed expressions which leads to a wide variety of classifications of them.

Purpose. The aim of the research is to reveal methods for translating fixed expressions correctly from English into Russian in audiovisual texts, taking into account their cultural component.

Materials and methods. *The research is based on the theoretical study and synthesis of scientific and methodological literature, related to the topic under study and general scientific methods, i.e., analysis and generalization are used.*

Results. *The results of the survey reveal that translation strategies tested in translation classes were chosen in accordance with the object of translation, as well as particular reference to the type of fixed expression. Furthermore, it is worth noting that idioms of all three types of fixed expressions, i.e., collocations, idioms and phrasal verbs found in audiovisual texts, are basic units revealing cultural character and national identity.*

As a result of the analysis of the scientific material, it was suggested that the integration in the translation process of figurative expressions used in every form of the spoken discourse, especially in the audiovisual context, contributes to higher language proficiency results.

Practical implications. *The results of the study can be taken as the basis for performing various tasks, related to the recognition and classification of fixed expressions, will contribute to the expansion of the lexical stock, and their inclusion in speech will create conditions for the development of speaking skills in the process of teaching a foreign language and special disciplines in translation.*

Keywords: *idioms; audiovisual context; films; language teaching/learning; translation strategies*

For citation. *Kudinova O.A., Kudinova V.I. Audio-Visual Text and Features of Idiomatic Expressions Translation. Sovremennyye Issledovaniya Sotsialnykh Problem [Modern Studies of Social Issues], 2024, vol. 16, no. 4, pp. 124-138. DOI: 10.12731/2077-1770-2024-16-4-465*

Введение

Устойчивые выражения являются неотъемлемой частью языка; лингвисты, ученые-филологи, а также теоретики перевода и исследователи уделяют большое внимание их изучению, определению терминологии, классификации и внедрению различных стратегий и техник перевода, стремясь преодолеть трудности, возникающие

при переводе устойчивых выражений. Многие психолингвисты предполагают, что восприятие устойчивых выражений занимает меньше времени, чем восприятие отдельных слов, объединенных в различные грамматические структуры. Более того, результаты исследований показывают, что шаблонный язык составляет от трети до половины дискурса [3, р. 46]. В данной статье основное внимание уделяется аудиовизуальному переводу устойчивых выражений с английского на русский. Идиомы, которые являются подкатегорией устойчивых выражений, рассматриваются как одна из важнейших подкатегорий лексического феномена шаблонного языка [12]. Согласно другому исследованию [12], свободное владение иностранным языком зависит от словарного запаса, который включает в себя не только отдельные слова, но и части фраз и более крупные фрагменты. Это означает, что изучающим иностранный язык студентам, которые учат только отдельные слова, потребуется гораздо больше времени и усилий, чтобы научиться выражать свои мысли и чувства.

Анализ устойчивых выражений в процессе аудиовизуального перевода позволит выявить различия и сходства в их употреблении, частоту встречаемости, неясности и трудности при переводе с английского языка на русский. Кроме того, фильмы и видеоролики работают как канал коммуникации, предлагая возможность перенестись в другие культуры и времена [7; 8]. Аудиовизуальный перевод как форма коммуникации должен быть убедительным, неотразимым и звучать естественно. Согласно Х. Готлибу [6], фильм представляет собой многорежимную систему коммуникации, требующую от переводчиков учитывать общую структуру текста. Однако знание переводчиком иностранного языка, его грамматических, лексических или фонетических тонкостей, не гарантирует успеха фильма, поскольку у каждого народа свое особое восприятие мира и окружающих предметов или явлений, которые выражаются средствами языка. Устойчивые выражения, особенно те, что имеют идиоматическое значение, являются специфическими для разных культур языковыми единицами, поскольку разные культуры

по-разному воспринимают мир [9]. Трудности перевода возникают при их переводе с одного языка и культуры на другой из-за противостояния языковым и культурным различиям [2, р. 528; 10]. По мнению авторов, переводчику следует уделять больше внимания следующим факторам: стилистической уместности, культурной адекватности и специфическому жанру текста. Современная теория аудиовизуального перевода предполагает применение глобальных стратегий перевода, которых следует придерживаться на протяжении всего аудиовизуального продукта [13, р. 42]. Ф.М. Федеричи [5] предлагает две макростратегии: стандартизацию и адаптацию. Н. Маткивска [13] объясняет, что, применяя стратегию стандартизации, переводчик использует стандартный вариант языка, не воспроизводящий и не передающий особенности оригинального текста, который соответствует общим правилам грамматики, а также правильному использованию языка. Стратегией, противоположной стандартизации, является адаптация, которая используется чаще и направлена на сохранение формы и содержания оригинального текста и решение лингвистических, социальных и культурных проблем исходного языка (SL). Т. Волкова утверждает, что стратегия перевода не является жесткой программой: “она формируется, но не ограничивается дискурсивной и коммуникативной моделью перевода” [18, р. 303]. Однако П. Ореро [15, р. 29] критикует применение этих стратегий к переводу фильмов и отмечает, что “их явно недостаточно, когда имеешь дело с аудиовизуальным переводом, в котором ценность изображения имеет тенденцию преобладать над словом”. При работе с элементами, специфичными для культуры, Е.Е. Дэвис предложил следующие стратегии перевода: добавление, пропуск, глобализация, локализация, трансформация, создание [4]. Переводческий анализ словосочетаний проводится с использованием типологии, предложенной Й.П. Винеем и Й. Дарбелнетом [17]. Они различают два основных метода перевода: прямой и косвенный, охватывающие семь процедур перевода. Под процедуры прямого перевода подпадают заимствование, калька и буквальный перевод, тогда как косвенный перевод состоит из четырех приемов

или процедур: транспозиции, модуляции, эквивалентности и адаптации [17, р. 41]. П. Ньюмарк [14, р. 75] справедливо указывает на то, что невозможно определить эквивалентность перевода, и что существуют только степени эквивалентности. Следуя терминологии А.Д. Пима [16], анализ перевода идиом должен проводиться с точки зрения направленной эквивалентности ИТ → ПТ (исходный текст и переводной текст), и по этой причине в качестве краеугольного камня этого анализа были использованы стратегии М. Бейкера [1], однако в них было внесено несколько изменений, которые будут представлены в практической части этой работы. В терминах М. Бейкера [1] предполагается, что перевод фразовых глаголов относится к нескольким вариантам. Первый вариант – это попытка найти точный эквивалент или синоним в исходном языке (совпадающий или частично совпадающий с его значением, приведенным в словарях исходного и целевого языка. Второй вариант относится к определенным изменениям в форме и значении слова исходного языка, и последний вариант допускает возможность опустить фразовый глагол, не переводя его на целевой язык. Принимая во внимание важность фиксированных выражений как в устной, так и в письменной речи, а также для изучения языка в целом, основной целью данного исследования является анализ переводческих стратегий, используемых в русской озвученной версии драмы «Картонный домик» / “House of Cards”. Есть надежда, что определение стратегий перевода послужит методом изучения устойчивых выражений и будет способствовать повышению уровня владения языком [11].

Материалы и методы

Группе студентов-переводчиков было дано задание изучить три типа устойчивых английских выражений и определить стратегии перевода, используемые для их выражения на русский язык, чтобы правильно передать их семантическое значение и культурологическую составляющую [9]. Первый этап исследовательской работы состоял в сборе устойчивых выражений из оригинальной версии (на английском языке) политической драмы «Картонный домик». Были

проанализированы три различные категории устойчивых выражений: фразовые глаголы, словосочетания и идиомы. Отобранные устойчивые выражения были сопоставлены с их использованием в русской озвучке. Этапы исследовательской работы включали: а) проверку значений и определений собранных единиц в нескольких словарях английского языка (“Cambridge Dictionary”, “Oxford Learner’s Dictionary”; “Oxford Collocation Dictionary”; “Cambridge Online Dictionary”; “Oxford Dictionary of Idioms”), б) классификация пятисот устойчивых выражений и анализ стратегий перевода по М. Бейкеру [1] с использованием методик перевода Й.П. Винай и Й. Дарбелнет [17] для анализа словосочетаний. Заключительный этап состоял из интерпретации собранных данных с использованием описательного метода.

Результаты и обсуждение

Все устойчивые выражения состоят из фразовых глаголов, составляющих до 18%, словосочетаний – 58%, и идиом, составляющих до 24% всех собранных примеров. Принимая во внимание различия между словосочетаниями, идиомами или фразовыми глаголами, мы подчеркиваем семантическую прозрачность, которая в основном отличает словосочетания от последних двух типов.

Перевод словосочетаний. Собранные словосочетания и их русские эквиваленты анализируются в соответствии с классификацией, предложенной Й. Винай и Й. Дарбелнет [17]. Они утверждают, что существует два основных метода перевода: прямой и косвенный, которые охватывают семь процедур перевода. К процедурам прямого перевода относятся заимствование, калька и буквальный перевод, в то время как косвенный перевод включает в себя четыре метода или процедуры: транспозицию, модуляцию, эквивалентность и адаптацию. Таким образом, словосочетания были сгруппированы в восемь основных категорий в зависимости от синтаксической структуры словосочетания. Количественный анализ показал, что большинство словосочетаний строятся по модели прилагательное + существительное или глагол + предлог/наречие, что составляет

40% и 33% соответственно. Например, *pillow talk* – интимные разговоры; *henchman* – подручный; *in hot water* – иметь неприятности; *turn in* – ложиться спать; *carry-on* – ручная кладь; *fall through* – потерпеть поражение.

Распределение словосочетаний. Анализ выявил наиболее частые изменения как на структурном, так и на семантическом уровне переводимых словосочетаний. Таким образом, результаты примененных процедур перевода следующие: заимствования (включая кальку) – 11%, дословный перевод – 13%, пропуски – 2%, модуляция – 30%, транспозиция – 45%.

Словосочетания: распределение стратегий перевода. Наиболее часто используемой стратегией перевода словосочетаний является транспозиция – 45%, например,

- Английский: “They turned a blind eye to the situation.”

- Русский: «Они закрыли глаза на эту ситуацию.»

Однако модуляция также является доминирующей процедурой перевода, составляя 29%, например,

- Английский: “It’s a blessing in disguise.”

- Русский: «Не было бы счастья, да несчастье помогло.»

- Английская фраза: “He’s in hot water.”

- Перевод: «Он попал в неприятности.» (Смена идиомы на более понятное для русскоязычного собеседника выражение)

Процент буквального перевода достигает 13%, например,

- Английская фраза: “I am on cloud nine.”

- Перевод: «Я на девятом облаке.» (Дословный перевод, хотя привычным в русском будет «Я на седьмом небе от счастья.»);

- “I love that woman. I love her more than sharks love blood.”

- «Я люблю эту женщину. Я люблю ее даже больше, чем акулы обожают кровь.» (Эта фраза и перевод практически идентичны по структуре без потери смысла.)

Перевод идиом. В соответствии с терминологией А.Д. Пима [16], анализ перевода идиом должен проводиться с точки зрения направленной эквивалентности (ИТ → ПТ), и по этой причине в качестве краеугольного камня этого анализа были использованы стратегии

М. Бейкера [1]. Однако было внесено несколько изменений, которые будут представлены в дальнейшем в этой работе. Собранные идиомы и идиоматические выражения были проверены в Оксфордском словаре идиом и Кембриджском онлайн-словаре.

Эквивалентный перевод. Использование идиомы со сходным значением и формой. Эквивалентный перевод относится к переводу, когда идиома целевого языка, имеющая сходное значение и форму, используется вместо идиомы исходного языка. Подводя итог, можно сказать, что 21% переводов выполнены с использованием стратегии эквивалентного перевода, когда идиома английского языка или идиоматическое выражение заменяется эквивалентной идиомой русского языка, имеющей сходную форму и сходное значение, например,

- Английская фраза: "Break the ice."
- Перевод: «Разрушить лед.» (но можно перевести и как «снять напряжение» для сохранения смысла);
- "Friends make the worst enemies."
- «Из друзей получаются самые опасные враги.» (Русский перевод использует эквивалентное выражение, передающее тот же смысл.)

Распределение стратегий «использования сходного значения и формы». Проведенный анализ показал, что наиболее часто используемыми стратегиями при переводе идиом является перевод с помощью перефразирования – 48%, например,

- "It's so refreshing to work with someone who'll throw a saddle on a gift horse rather than look it in the mouth."
- «Это настолько освежающе работать с кем-то, кто начинает седлать дареного коня, а не заглядывать ему в рот.» (Фраза передана с изменением формы, но смысл остался прежним.)

Однако имеется тенденция к применению эквивалента – 27% или почти эквивалента (использование идиомы со сходным значением, но другой формы) - 17%, например,

- Английская фраза: "She turned a blind eye to the problem."
- Перевод: «Она закрыла глаза на проблему.» (Глагол меняется на существительное.)

Всё это демонстрирует общую тенденцию к русифицированию в качестве макростратегии при переводе всего фильма. Было обнаружено только 6% образцов кальки, например,

– “I love her more than sharks love blood.” – “Я люблю её больше, чем акулы обожают кровь”;

– “My husband doesn’t apologize, even to me.” – «Мой муж ни перед кем не извиняется, даже передо мной» (Калькирование дополнено изменением порядка слов)

Эквивалентный перевод. Использование идиомы, имеющей схожее значение, но отличающейся по форме, благодаря решению переводчика использовать местные идиомы и образные выражения, делает весь фильм звучащим и воспринимаемым более естественно и привычно для целевой аудитории. Успех локализации фильма и его восприятие целевыми зрителями во многом зависят от переводчика и его выбора. В целом, при переводе художественных фильмов следует стремиться использовать русифицирование как основную стратегию для всего фильма. Очевидно, что первые две стратегии относятся к эквивалентному переводу.

Исходя из всего вышесказанного можно сделать выводы, что 15% идиом и идиоматических выражений переводятся с использованием идиом, сходных по значению, но отличающихся по форме (перевод с помощью пересказа). Согласно М. Бейкеру [1], это наиболее часто используемая стратегия перевода, когда переводчик не может найти подходящего соответствия в языке перевода. Насколько точно переводчик перефразирует идиому, зависит от того, как четко он интерпретирует образное выражение в английском языке.

Распределение перефразирования. Количество идиом, переведенных с помощью перефразирования, составляет 32% и считается наиболее часто используемой стратегией перевода идиом.

Калькирование. Этот тип перевода относится к прямому переводу или дословному переводу, иногда его называют заимствованным переводом. Очевидно, что перевод с помощью кальки не является частой стратегией при переводе идиом из фильма, поскольку она составляет всего 6% по сравнению с другими стратегиями перевода.

Перевод с пропуском всей идиомы. Предложенная М. Бейкером [1] стратегия “Перевод с пропуском всей идиомы” применяется, когда переводчик не может найти подходящего соответствия в языке оригинала или когда его значение не может быть легко и точно перефразировано. Однако иногда на использование пропусков могут влиять эстетические и стилистические соображения. Перевод с пропуском составляет всего 2% по сравнению с остальными стратегиями, используемыми при переводе идиом.

Подводя итог, можно сказать, что наиболее часто используемой стратегией перевода идиом является перефразирование, отмеченное в 47% случаев. Эквивалентный перевод с использованием идиом со схожим значением и формой и идиом со схожим значением, но разной формой, составляет 28% и 17% соответственно. Перевод с использованием калькирования – 6%, а перевод с пропуском – 2%.

Собранные примеры были сгруппированы в две основные категории: фразовые глаголы, которые были переведены с использованием эквивалента или синонима, и те, которые были переведены с применением определенных изменений в форме и/или значении. К наиболее часто используемым предлогам и наречиям, образующим фразовые глаголы, относятся *out, off, away, down, on, back, up, forward* и т.д.

В заключение отметим, что 83% фразовых глаголов были переведены с использованием русских эквивалентов или очень близких синонимов, которые соответствовали определениям, приведенным в словарях. Только 17% фразовых глаголов переводятся с английского на русский язык путем внесения определенных изменений в форму (фразовый глагол → существительное, например, *to suture* – накладывать шов; фразовый глагол → шаблонное выражение, например, *turn in* – ложиться спать) и/или значение (семантические, стилистические изменения, например, *fall through* – потерпеть поражение).

Заключение

Результаты анализа иллюстрируют обилие словосочетаний, идиом и фразовых глаголов в разговорном английском языке. Сравнительный анализ показал, что словосочетания составляют большую

часть собранного материала – 57%, в то время как идиомы и фразеоматические выражения составляют 26%. Идиоматическое использование языка является важной проблемой, часто встречающейся при изучении языка, хорошее знание идиом поможет студентам лучше понимать беглую речь. При работе с образными выражениями, в частности идиомами, внимание с лексического и грамматического уровней языка было перенесено на более высокий уровень, где в центре внимания находится эквивалентность всего сообщения и его коммуникативных целей. Таким образом, различные задания, связанные с распознаванием и классификацией устойчивых выражений, особенно тех, которые используются в любой форме устной речи, в частности, в аудиовизуальном контексте, могли бы дополнить обычные материалы и способствовать совершенствованию знаний, умений и навыков владения языком. Идиомы могут дополнить словарный запас изучаемого языка, если использовать их при составлении диалогов и коротких историй.

Список литературы / References

1. Baker M. *In Other Words: A Coursebook on Translation*. Oxon: Routledge, 2011, 352 p. <https://doi.org/10.4324/9780203832929>
2. Burmakova E.A., Marugina N.I. Cognitive Approach to Metaphor Translation in Literary Discourse. *The XXV Annual International Academic Conference. Language and Culture. Procedia – Social and Behavioral Sciences*, 2014, vol. 154, pp. 527-533. <https://doi.org/10.1016/j.sbspro.2014.10.180>
3. Conklin K., Schmitt N. The processing of formulaic language. *Annual Review of Applied Linguistics*. Cambridge University Press, 2012, vol. 32, pp. 45-61. <https://doi.org/10.1017/S0267190512000074>
4. Davies E.E. A Goblin or a Dirty Nose? The Treatment of Culture-Specific References in Translations of Harry Potter Book”. *The Translator*, 2003, vol. 9(1), pp. 65-100. <https://doi.org/10.1080/13556509.2003.10799146>
5. Federici F.M. Introduction: Dialects, idiolects, sociolects: Translation problems or creative stimuli?”. *Translating Dialects and Languages of Minorities: Challenges and Solutions*. Peter Lang Publ., 2011, pp. 11.

6. Gottlieb H. *Subtitles, Translation & Idioms*. Copenhagen: Centre for Translation Studies, University of Copenhagen, 1997, 354 p.
7. Kudinova O.A., Kudinova V.I., Kondratenko N.A. Digital humanities as a way of teaching disciplines of philological series. *ICERI2021 Proceedings*. Spain, 2021, pp. 3846-3751. <https://doi.org/10.21125/iceri.2021.0916>
8. Kudinova O.A. Digital storytelling in an educational environment. *International Journal of Advanced Studies in Language and Communication*. St. Louis, Missouri, USA, 2022, no. 2, pp. 25-28.
9. Kudinova I., Shchukina I., Kudinova V., Andreev V., Kondratenko N. English advertising discourse as an authentic educational means to promote students' language skills and cultural awareness. *INTED2020 Proceedings*, Spain, 2020, pp. 5430-5433. <https://doi.org/10.21125/int-ed.2020.1461>
10. Kudinova O.A. ESP lessons: a new approach. *International Journal of Advanced Studies in Language and Communication*. St. Louis, Missouri, USA, 2022, no. 2, pp. 17-24.
11. Kudinova O.A. Linguostylistic analysis of literary text as a way of EFL students' linguistic expertise development. *International Journal of Advanced Studies in Language and Communication*. St. Louis, Missouri, USA, 2020, no. 2, 2020, p. 3-14.
12. Maisa S., Karunakaran T. Idioms and Importance of Teaching Idioms to ESL Students: A Study on Teacher Beliefs. *Asian Journal of Humanities and Social Sciences (AJHSS)*, 2013, vol. 1, no. 1, pp. 110-122.
13. Matkivska N. *Audiovisual Translation: Conception, Types, Characters' Speech and Translation Strategies Applied*. *Studies About Languages*, 2014, vol. 25. <https://doi.org/10.5755/j01.sal.0.25.8516>
14. Newmark P. *About Translation*. Clevedon, Buffalo, Toronto, Sydney: Multilingual Matters LTD, 1991, 292 p.
15. Orero P. *Topics in Audiovisual Translation*. Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins Publ., 2004, 225 p. <https://doi.org/10.1075/btl.56>
16. Pym A.D. *Natural and Directional Equivalence in Theories of Translation*. Tarragona, Spain: Universitat Rovira i Virgili, 2007, pp. 271-294. <https://doi.org/10.1075/target.19.2.07pym>

17. Vinay J.P., Darbelnet J. *Comparative Stylistics of French and English – A Methodology for Translation*. Amsterdam, Philadelphia: John Benjamins Publ., 1995, 342 p. <https://doi.org/10.1075/btl.11>
18. Volkova T. Translation Model, Translation Analysis, Translation Strategy: an Integrated Methodology. *The XXV Annual International Academic Conference, Language and Culture, Procedia – Social and Behavioral Sciences*, 2014, vol. 154, pp. 301-304. <https://doi.org/10.1016/j.sbspro.2014.10.167>

ДАННЫЕ ОБ АВТОРАХ

Кудинова Ольга Андреевна, старший преподаватель кафедры английского языка, магистр, учитель английского языка
Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н. Толстого; ГОУ ТО «Яснополянский комплекс»
пр. Ленина, 125, г. Тула, Тульская область, 300026, Российская Федерация; ул. Школьная, 17, Ясная Поляна, Тульская область, 301214, Российская Федерация
walwow@bk.ru

Кудинова Валентина Иосифовна, доцент кафедры романо-германских языков, кандидат филологических наук
Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н. Толстого
пр. Ленина, 125, г. Тула, Тульская область, 300026, Российская Федерация
walkoud@rambler.ru

DATA ABOUT THE AUTHORS

Olga A. Kudinova, Senior Lecturer of the Department of the English Language, MA, English teacher
Tula State Leo Tolstoy Pedagogical University; L. N. Tolstoy Yasnopolyansky Educational Complex
125, Lenin Ave., Tula, Tula Region, 300026, Russian Federation; 17, Shkolnaya Str., Yasnaya Polyana, Tula Region, 301214, Russian Federation

walwow@bk.ru

SPIN-code: 1297-4253

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9731-8389>

Valentina I. Kudinova, Associate Professor of the Department of German and Romance Language, Candidate of Philological Sciences
Tula State Leo Tolstoy Pedagogical University
125, Lenina Str., Tula, Tula Region, 300026, Russian Federation
walkoud@rambler.ru
SPIN-code: 4411-1630
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8725-7527>
ResearcherID: C-2262-2015

Поступила 24.11.2024

После рецензирования 15.12.2024

Принята 20.12.2024

Received 24.11.2024

Revised 15.12.2024

Accepted 20.12.2024

DOI: 10.12731/2077-1770-2024-16-4-466

УДК 42:61

Научная статья | Языки народов зарубежных стран

ТИПЫ ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКИХ КОЛЛОКАЦИЙ В МЕДИЦИНСКОМ ДИСКУРСЕ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА

О.О. Лямова

Обоснование. Проблема сочетаемости языковых единиц активно изучается западными и отечественными лингвистами с середины XX в. Как известно, любой язык представляет собой живую и постоянно развивающуюся систему, внутри которой складываются определенные речевые шаблоны. По мнению представителей лексического подхода, слова не существуют по отдельности, язык состоит из готовых лексических фрагментов, которые можно легко вызывать из памяти и использовать. К таким готовым фрагментам, в частности, относятся коллокации, идиомы, устойчивые выражения и т.п. Данное исследование посвящено рассмотрению проблем коллокационных сочетаний в медицинском английском языке.

Цель – анализ лексического контента общеизвестных курсов медицинского английского языка, аутентичных словарей и учебников по медицине на предмет выявления и классификации терминологических коллокационных словосочетаний.

Материалы и методы. Учебные курсы медицинского английского: «English in Medicine» (E.H. Glendinning, B.A.S. Holmstrom); «Professional English in Use: Medical» (E.H. Glendinning); «Test Your Professional English: Medical» (A. Pohl); «Check Your English Vocabulary for Medicine» (A&C Black); «Nursing I» (T. Grice), ряд аутентичных словарей (London Dictionary of Medical Terms; Stedman's Medical Dictionary for the Health Professions & Nursing; Illustrated Medical Dictionary – A Dorling Kindersley Book) и учебников по медицине: Anatomy and Physiology for Health Professionals (J. Moyni); Eyewitness. Human Body (R. Walker); How it Works Book of the Human

Body (Imagine Publishing Ltd); The Facts on File Illustrated Guide to the Human Body (The Diagram Group).

Результаты. На основе работ ряда отечественных и зарубежных авторов рассмотрены подходы к определению понятия «коллокация», описываются основные свойства и характеристики данной лексической единицы, представлена классификация терминологических коллокаций, наиболее часто встречающихся в медицинском дискурсе английского языка.

Проведенный анализ показывает, что в разных типах медицинского дискурса с определенной частотностью встречаются различные виды терминологических коллокаций. В медицинском английском можно найти множество специфичных словосочетаний, которые описывают строение и состояние организма человека, медицинский персонал, инструментарий, технологии, методы диагностики и лечения и т.д. Следовательно, при работе с англоязычными медицинскими текстами необходимо обращать на них особое внимание и учитывать особенности их перевода.

Ключевые слова: коллокация; терминологическая коллокация; словосочетание; устойчивое словосочетание; медицинский дискурс; медицинский английский

Для цитирования. Лямова О.О. Типы терминологических коллокаций в медицинском дискурсе английского языка // Современные исследования социальных проблем. 2024. Т. 16, № 4. С. 139-153. DOI: 10.12731/2077-1770-2024-16-4-466

Original article | Languages of Peoples of Foreign Countries

TYPES OF TERMINOLOGICAL COLLOCATIONS IN MEDICAL ENGLISH DISCOURSE

O.O. Lyamova

Background. The problem of word compatibility has been actively studied by Western and Russian researchers since the middle of the XX

century. Any language is known to be a living and constantly developing system, within which certain speech patterns are formed. According to the lexical approach, words do not exist separately, the language consists of ready-made lexical chunks that can be easily recalled from memory and used while speaking. Such ready-made chunks include collocations, idioms, set expressions, etc. This study is devoted to the problems of common collocations in medical English.

Purpose – to analyze the lexical content of well-known courses of medical English, authentic dictionaries and textbooks on medicine for identification and classification of terminological collocations.

Materials and methods. Courses of medical English published by Oxford and Cambridge University press: «English in Medicine» (E.H. Glendinning, B.A.S. Holmstrom); «Professional English in Use: Medical» (E.H. Glendinning, R. Howard); «Test Your Professional English: Medical» (A. Pohl); «Check Your English Vocabulary for Medicine» (A&C Black); «Nursing I» (T. Grice), some authentic medical dictionaries (London Dictionary of Medical Terms; Stedman's Medical Dictionary for the Health Professions & Nursing; Illustrated Medical Dictionary - A Dorling Kindersley Book) and textbooks on medicine: Anatomy and Physiology for Health Professionals (J. Moini); Eyewitness. Human Body (R. Walker); How it Works Book of the Human Body (Imagine Publishing Ltd); The Facts on File Illustrated Guide to the Human Body (The Diagram Group).

Results. The article analyses various definitions of the term “collocation”, describes its main characteristics, presents the classification of the most common terminological collocations used in medical English.

The research shows that various types of terminological collocations are present in different types of medical discourse. These lexical units describe the structure and state of the human body, name medical staff, equipment and technologies, characterize common methods of diagnosis and treatment, etc. Therefore, when working with medical information in English, it is necessary to pay special attention to their structure and use.

Keywords: collocation; terminological collocation; word combination; lexical chunk; medical discourse; medical English

For citation. *Lyamova O.O. Types of Terminological Collocations in Medical English Discourse. Sovremennye Issledovaniya Sotsialnykh Problem [Modern Studies of Social Issues], 2024, vol. 16, no. 4, pp. 139-153. DOI: 10.12731/2077-1770-2024-16-4-466*

Введение

Проблема сочетаемости языковых единиц активно изучается западными и отечественными лингвистами с середины XX в. Как известно, любой язык представляет собой живую и постоянно развивающуюся систему, внутри которой складываются определенные речевые шаблоны. Согласно теории лексического подхода изучение языка – это овладение определенным багажом готовых лексических выражений, в которых закодированы структурные модели языка. По мнению М. Льюиса, слова не существуют по отдельности, язык состоит из готовых лексических фрагментов – «lexical chunks» (англ. «фрагменты, отрезки, куски»), которые можно легко вызывать из памяти и использовать [22]. К таким готовым фрагментам, в частности, относятся коллокации, идиомы, устойчивые выражения и т.п.

Материалы и методы

Термин «коллокация» вошел в широкое употребление в современной лингвистике сравнительно недавно. С точки зрения этимологии коллокация происходит от латинского глагола “collocare” («совмещать»).

Существует немало определений термина «коллокация». Классические словари английского языка определяют ее как: «a regular combination of words» (Oxford Advanced Learners Dictionary); «a frequently recurrent construction» (Longman Modern English Dictionary); «the combination of words formed when two or more words are often used together in a way that sounds correct» (Cambridge Dictionary).

Рассмотрим несколько определений представителей зарубежных лингвистических школ, которые определяют «коллокацию» как:

- «часто встречающееся сочетание слов, появление которых рядом друг с другом основывается на регулярном характере

взаимного ожидания и является семантически обусловленным» (J.R. Firth) [15, p. 192];

- «последовательность двух или более слов, которые должны изучаться как неделимое целое» (H.E. Palmer) [25, p. 5];
- «грамматически правильная последовательность слов, которая встречалась более одного раза» (G.A. Kjellmer) [21, p. 28];
- «совместное использование двух или более слов в тексте на небольшом расстоянии друг от друга» (J.M. Sinclair) [28, p. 51];
- «устойчивые неидиоматические фразы и конструкции, которые состоят исключительно из слов знаменательных частей речи» (M. Benson, E. Benson, R. Ilson) [11, p. 10].

Отечественные учёные дают похожие определения, в частности:

- «синтаксико-семантическое сочетание слов, в котором всегда существуют два компонента: свободный и зависимый» [4, с. 85];

- «характерные, часто встречающиеся сочетания слов, совместное появление которых основывается на регулярном характере взаимного ожидания и задается не грамматическими, а семантическими факторами» [5, с. 19];

- «комбинация двух или более слов, имеющих тенденцию к совместной встречаемости, синтаксически и семантически целостная единица» [3, с. 31];

- «словосочетание, состоящее из двух или более слов, имеющих признаки синтаксически и семантически целостной единицы, в котором выбор одного из компонентов осуществляется по смыслу, а выбор второго зависит от выбора первого» [7, с. 121];

- «сочетания слов, в которых один компонент (опорный, или основной, несвободный) определяется смыслом сообщения, его темой и фразеологизирует сочетание, а другой компонент (свободный) характеризует опорное слово и является семантически ключевым словом» [1, с. 77].

В нашем исследовании мы рассматриваем английскую коллокацию как более или менее устойчивое словосочетание, целостное синтаксически и семантически, которое «заучивается как единое

целое, а не составляется из отдельных компонентов» [8, с. 51]. Главная особенность коллокации – это сохранение лексического значения одним из её компонентов (главного, «ядерного») и переосмысление или ограниченная сочетаемость другого компонента (слабого, зависимого). При этом данное словосочетание «семантически неделимо, значение его не равно сумме значений каждого из компонентов, при переводе они не всегда могут передаваться пословно» [2, с. 223].

В комбинаторной лексикологии английского языка выделяют несколько типов коллокаций: общеупотребительные, экспрессивные, этнокультурные, терминологические, грамматические и окказиональные.

В нашем исследовании наибольший интерес представляют терминологические коллокации медицинского английского языка. Вслед за П. Патино мы рассматриваем терминологическую коллокацию как «тип словосочетания, состоящий как минимум из одного термина, который служит основным компонентом, и одного или более коллокатов («левых» и «правых»), вступающих с ним в прямую синтаксическую связь» [26, р. 126]. Число коллокатов может быть различным, следовательно определенный медицинский термин может образовывать разное количество коллокаций, например: inpatient / outpatient **clinic**; private / state / maternity / antenatal **hospital**; case / present / past / family / social / medical **history**; frontal / parietal / occipital / temporal **lobe**; acute / chronic / contagious / hereditary / congenital / infectious / viral / genetic **disease**; able-bodied / disabled / housebound / bedridden / mobile / immobile, conscious / unconscious **patient** и т.д.

Медицинские терминологические коллокации, как и любой тип словосочетаний, могут обладать разной степенью устойчивости. По степени устойчивости их можно разделить на три основных типа:

- **свободные** – словосочетания, состоящие из двух или более общих слов, элементы которых свободно комбинируются с другими словами, например: good doctor, experienced therapist, medical center, и т.д.

- **рестриктивные** – коллокации, в которых одно слово используется рестриктивно («ограниченно»), а другое варьируется (to ease / relieve pain, to take a medicine / drug, to take temperature / pulse, to make / give injections, to listen to / sound lungs, etc.).

- **идиоматические** – уникальные словосочетания, несущие переносное или небуквальное значение, образованные из слов, элементы которых не могут быть заменены (Adam's apple, fall ill, catch a cold, check-up, to feel under the weather, etc.).

Результаты и обсуждение

Анализ лексического контента общеизвестных курсов медицинского английского [12; 16; 17; 18; 27], учебников по медицине на английском языке [19; 23; 29; 30] и ряда аутентичных толковых медицинских словарей [13; 14; 20] позволил нам выявить наиболее частотные модели употребления коллокаций в английском медицинском дискурсе. По синтаксическому признаку в зависимости от основного компонента мы выделяем следующие типы медицинских терминологических коллокаций:

1. **двухкомпонентные конструкции** с ядерным компонентом «Noun»:

- **Noun + Noun:** doctor's office, doctor's surgery, health center, insurance certificate, medicine cabinet, nurse station, patient's condition, patient's ward, recovery room, referral letter, *ward doctor, etc.* В данном типе коллокаций ядром может выступать как первое, так и второе существительное, которые, соответственно, будут обрамляться «левыми» (internal / hollow / solid / sense organ; adrenal / endocrine / exocrine gland); и «правыми» (emergency room / medicine / ward; examination room / table / couch; hospital bed / department / unit, nerve cell / ending / terminal / fiber / tissue / impulse) коллокатами.
- **Adjective + Noun:** clinical presentation, common cold, general practitioner, harmful habits, marital status, intensive care, occupational hazards, physical examination, primary care, visual inspection, vital signs, etc.;

- **Participle ½ + Noun:** consulting room, informed consent, operating theatre, **operating room**, waiting list, waiting room, etc.

2. **двухкомпонентные конструкции с ядерным компонентом «Adjective»:**

- **Adjective + Noun:** **medical** aid / assistant / care / center / certificate / chart / ethics / examination / history / insurance / intervention / practitioner / profession / record / school / uniform / ward; **clinical** care / medicine / nurse manager / nurse specialist / pathology, psychologist, trial, etc.;

3. **двухкомпонентные конструкции с ядерным компонентом «Verb»:**

- **Verb + Noun:** to administer treatment, to arrange an appointment / admission, to call the ambulance / doctor, to catch a cold, to examine a patient, to make *a diagnosis*, to save a life, etc.;
- **Verb + Adjective:** to fall ill, to feel good / bad, to get better / worse, etc.;
- **Verb + Preposition:** to complain of, to cure of, to follow up, to suffer from, to treat for, to operate on, to vaccinate against, etc.

4. **трехкомпонентные конструкции:**

- с ядерным компонентом «Noun» (**Adj + Noun + Noun**): intensive care unit, allied health professional, clinical nurse manager, clinical nurse specialist, etc.
- с ядерным компонентом «Verb» (**Verb + Preposition + Noun**): to stay in hospital / bed, to be in pain, to be on call / duty, etc.
- с ядерным компонентом «Verb» (**Verb + Noun / Adjective + Noun**): to assess the patient's condition, to be in good / poor health, to do the ward round, to follow doctor's administrations, to provide the first aid, to take a medical history, etc.

5. **аббревиатуры:** Accident & Emergency (A&E), acquired immune deficiency syndrome (AIDS), blood pressure (BP), complete blood count (CBC), chronic obstructive pulmonary disease (COPD), computed tomography (CT), cardiopulmonary resuscitation (CPR), cardiovascular system (CVS), date of birth (DOB), emergency medical technician (EMT), erythrocyte sedimentation rate (ESR), gastrointestinal system

(GIS), general practitioner (GP), genitourinary system (GUS), human immunodeficiency virus (HIV), intensive care unit (ICU), magnetic resonance imaging (MRI), midstream specimen of urine (MSU), nervous system (NS), non-steroidal anti-inflammatory drugs (NSADS), on examination (OE), respiratory system (RS), surgical high dependency unit (HDU), etc.

Проведенный анализ показывает, что в разных видах медицинского дискурса с определенной частотностью встречаются различные типы терминологических коллокаций. Для примера возьмем медицинский дискурс «Anatomy and Physiology of the Human Body», в частности:

- **skeletal-muscular system:** bone marrow, shoulder / pelvic girdle, shoulder blade, upper / lower jaw, spinal / vertebral column, upper / lower extremity, connective tissue, muscle tone, striated / skeletal muscle, etc.
- **cardiovascular system:** aortic / pulmonary valve, bicuspid / tricuspid valve, arterial / venous blood, oxygenated / de-oxygenated blood, blood circulation, blood flow, blood platelet, blood pressure, blood supply, blood vessel, blood volume, cardiac cycle, cardiac muscle, circulatory system, discharge out, general blood circulation, heart chamber, heart rate, heart sound, inferior vena cava, pulmonary blood circulation, pulmonary valve, pulse rate, red blood cell, semilunar valve, superior vena cava, systemic blood circulation, tricuspid valve, vena cava, white blood cell, etc.
- **respiratory system:** alveolar duct, alveolar sac, bronchial tree, bronchial tube, carbon dioxide, chest cavity, exhaled air, gas exchange, inhaled air, mucous membrane, nasal cavity, nasal passage, nasal septum, parietal pleura, respiratory center, respiratory rate, respiratory system, respiratory tract, respiratory volume, rib cage, thoracic cavity, to breathe in / out, visceral pleura, vital capacity of the lungs, vocal cord, voice box, etc.
- **gastrointestinal system:** abdominal / peritoneal cavity, abdominal muscles, hydrochloric / stomach acid, alimentary canal, alimentary tract, biliary system, ascending / descending colon, diges-

tive gland, digestive system, digestive tract, hepatic / cystic / bile duct, gastrointestinal system, gastric juice, large / small intestine, hard / soft palate, salivary gland, to break down food, waste product, etc.

- **nervous system:** cerebral cortex, cerebral hemisphere, cerebrospinal fluid, central / peripheral nervous system, conditioned / unconditioned reflex, sense organ, spinal cord, etc.

Таким образом, мы можем сделать вывод, что в медицинском английском можно найти множество терминологических коллокаций, которые описывают состояние организма, медицинский персонал, инструментарий, лекарственные препараты, технологии, используемые в диагностике и лечении и т.д. Следовательно, при работе с медицинской информацией на английском языке необходимо обращать на них особое внимание и учитывать особенности их перевода. «Корректность перевода подобных сочетаний, несомненно, является значимым фактором для правильного определения и употребления терминологических единиц при переводе аутентичных текстов с целью точной передачи мысли автора» [6].

Список литературы

1. Борисова Е.Г. Слово в тексте. Словарь коллокаций (устойчивых сочетаний) русского языка с англо-русским словарём ключевых слов. М.: Филология, 1995. 148 с.
2. Бялек Э. Коллокация как единица перевода // Cuadernos de Rusistica Espanola. 2004. № 1. С. 223-231.
3. Варламова Е.В., Башкирова К.А. Понятие collocation в зарубежной лингвистике: семантическое наполнение // Филология и культура. 2018. № 1 (51). С. 30-34.
4. Виноградов В.В. Грамматика русского языка: в 2 т. Т. 2. Ч. 1. Синтаксис. М.: Издательство АН СССР, 1960. 702 с.
5. Влавацкая М.В. Понятия коллокации и коллигации в диахроническом рассмотрении // Актуальные проблемы филологии и методики преподавания иностранных языков: материалы междунар. науч.-практ. конф. Новосибирск: НПГУ, 2011. С. 19-26.

6. Довгер О.П., Лопата К.М., Чаплыгина О.В., Кузнецова А.А., Никитина Е.А. Природа терминологических коллокаций (на материале английского медицинского дискурса // Известия Юго-Западного гос. ун-та. 2019. Т. 9. № 1(30). С. 95-102.
7. Некрасова О.А. Лингвистические коллокации английского языка и факторы, влияющие на процесс их образования // Вестник Московского гос. обл. ун-та. 2017. №5. С. 120-132. <https://doi.org/10.18384/2310-712X-2017-5-120-132>
8. Орлова Е.В. Английская коллокация в условиях интерференции: Дис. ... канд. филол. наук. Иваново, 2010. 220 с.
9. Тюрина С.Ю. Иноязычные коллокации в профессиональном дискурсе в техническом вузе: лингводидактический подход // Современные проблемы науки и образования. 2021. № 1. <https://doi.org/10.17513/spno.30500>
10. Черноусова А.О. К вопросу о коллокациях // Вестник Московского государственного областного университета. 2019. № 1. С. 57-64. <https://doi.org/10.18384/2310-712X-2019-1-57-64>
11. Benson M., Benson E., Ilson R. The BBI Combinatory Dictionary of English. Москва: Русский язык, 1990. 286 с. [https://doi.org/10.1075/z.bbi2\(2nd\)](https://doi.org/10.1075/z.bbi2(2nd))
12. Check Your English Vocabulary for Medicine. 3rd ed. London: A&C Black Publishers Ltd, 2006. 64 p.
13. Dictionary of Medical Terms. 4th ed. London: A&C Black Publishers Ltd, 2005. 470 p.
14. Dictionary of Nursing. 2nd ed. London: A&C Black Publishers Ltd, 2007. 353 p.
15. Firth J.R. Modes of Meaning. Papers in Linguistics. Oxford: Oxford University Press, 1957. 233 p.
16. Glendinning E.H., Holmstrom B.A.S. English in Medicine. 3rd ed. Cambridge University Press, 2005. 148 p.
17. Glendinning E.H., Howard R. Professional English in Use. Cambridge University Press, 2012. 167 p.
18. Grice T. Nursing 1. Oxford University Press, 2008. 136 p.
19. How it Works Book of the Human Body. Imagine Publ. Ltd., 180 p.

20. Illustrated Medical Dictionary. A Dorling Kindersley Book. The British Medical Association, 609 p.
21. Kjellmer G.A. Mint of Phrases // *Corpus Linguistics: Studies in Honour of Jan Svartvik*. London: Longman, 1991. P. 27-111.
22. Lewis M. *The Lexical Approach: The State of ELT and a Way Forward*. Thomson Heinle, 1993. 197 p.
23. Moini J. *Anatomy and Physiology for Health Professionals*. USA: Jones & Bartlett Learning, 2020. 840 p.
24. Nesserhauf N. The use of collocations by advanced learners of English and some implications for teaching // *Applied Linguistics*. 2003. Vol. 24/2. P. 223-242. <https://doi.org/10.1093/applin/24.2.223>
25. Palmer H.E. *Second Interim Report on English Collocations*. Tokyo, Kaitakusha, 2000. 188 p.
26. Patiño P. Towards a Definition of Specialized Collocation // *LSP in Colombia: advances and challenges, Linguistic Insights – Studies in Language and Communication*. Bern: Peter Lang, 2013. P. 119-133.
27. Pohl A. *Test Your Professional English (Medical)*. Pearson Education Ltd., 2002. 103 p.
28. Sinclair J.M. *Corpus, concordance, collocation: Describing English Language*. Oxford: Oxford University Press, 1991. 179 p.
29. *The Facts on File Illustrated Guide to the Human Body*. The Diagram Group, 2005. 113 p.
30. Walker R. *Eyewitness. Human Body*. USA: DK Publishing, Dorling Kindersley Ltd., 2014. 72 p.

References

1. Borisova E.G. *Dictionary of collocations (set expressions) of the Russian language with an English – Russian dictionary of keywords*. Moscow: Filologiya Publ., 1995, 148 p.
2. Byalek E. Collocations as a unit of translation. *Cuadernos de Rusistica Espanola*, 2004, no. 1, pp. 223-231.
3. Varlamova E.V., Bashkirova K.A. The concept of collocation in foreign linguistics: semantic load. *Filologiya i kul'tura* [Philology and Culture], 2018, no. 1 (51), pp. 30-34.

4. Vinogradov V.V. *Grammar of the Russian Language. Vol. 2. P. 1. Syntax*. Moscow, AN SSSR Publ., 1960, 702 p.
5. Vlavatskaya M.V. The concepts of collocation and colligation in diachronic view]. *Aktual'nye problemy filologii i metodiki prepodavaniya inostrannykh yazykov: materialy mezhdunar. nauch.-prakt. konf* [Modern Problems of Philology and Teaching Foreign Languages: Materials of the Scientific Practical Conference]. Novosibirsk: NPGU Publ., 2011, pp. 19-26.
6. Dovger O.P., Lopata K.M., Chaplygina O.V., Kuznetsova A.A., Nikitina E.A. Nature of terminological collocations (in medical English discourse). *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta* [News of South-East State University], 2019, vol. 9, no. 1(30), pp. 95-102.
7. Nekrasova O.A. Linguistic collocations of the English language and factors influencing their formation. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta* [Bulletin of Moscow State Regional University], 2017, no. 5, pp. 120-132. <https://doi.org/10.18384/2310-712X-2017-5-120-132>
8. Orlova E.V. *English collocation under interfering conditions*. PhD dissertation. Ivanovo, 2010, 220 p.
9. Tyurina S.Yu. Foreign collocations in professional discourse of a technical university]. *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya* [Modern Problems of Science and Education], 2021, no. 1. <https://doi.org/10.17513/spno.30500>
10. Chernousova A.O. On collocations. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta* [Bulletin of Moscow State Regional University], 2019, no. 1, pp. 57-64. <https://doi.org/10.18384/2310-712X-2019-1-57-64>
11. Benson M., Benson E., Ilson R. *The BBI Combinatory Dictionary of English*. Moscow: Russkiy yazyk Publ., 1990, 286 p. [https://doi.org/10.1075/z.bbi2\(2nd\)](https://doi.org/10.1075/z.bbi2(2nd))
12. *Check Your English Vocabulary for Medicine*. 3rd ed. London: A&C Black Publishers Ltd, 2006, 64 p.
13. *Dictionary of Medical Terms*. 4th ed. London: A&C Black Publishers Ltd, 2005, 470 p.

-
14. *Dictionary of Nursing*. 2nd ed. London: A&C Black Publishers Ltd, 2007, 353 p.
 15. Firth J.R. *Modes of Meaning. Papers in Linguistics*. Oxford: Oxford University Press, 1957, 233 p.
 16. Glendinning E.H., Holmstrom B.A.S. *English in Medicine*. 3rd ed. Cambridge University Press, 2005, 148 p.
 17. Glendinning E.H., Howard R. *Professional English in Use*. Cambridge University Press, 2012, 167 p.
 18. Grice T. *Nursing 1*. Oxford University Press, 2008, 136 p.
 19. *How it Works Book of the Human Body*. Imagine Publ. Ltd., 180 p.
 20. *Illustrated Medical Dictionary*. A Dorling Kindersley Book. The British Medical Association, 609 p.
 21. Kjellmer G.A. Mint of Phrases. *Corpus Linguistics: Studies in Honour of Jan Svartvik*. London: Longman, 1991, pp. 27-111.
 22. Lewis M. *The Lexical Approach: The State of ELT and a Way Forward*. Thomson Heinle, 1993, 197 p.
 23. Moini J. *Anatomy and Physiology for Health Professionals*. USA: Jones & Bartlett Learning, 2020, 840 p.
 24. Nesserhauf N. The use of collocations by advanced learners of English and some implications for teaching. *Applied Linguistic*, 2003, vol. 24/2, pp. 223-242. <https://doi.org/10.1093/applin/24.2.223>
 25. Palmer H.E. *Second Interim Report on English Collocations*. Tokyo, Kaitakusha, 2000, 188 p.
 26. Patiño P. Towards a Definition of Specialized Collocation. *LSP in Colombia: advances and challenges, Linguistic Insights – Studies in Language and Communication*. Bern: Peter Lang, 2013, pp. 119-133.
 27. Pohl A. *Test Your Professional English (Medical)*. Pearson Education Ltd., 2002, 103 p.
 28. Sinclair J.M. *Corpus, concordance, collocation: Describing English Language*. Oxford: Oxford University Press, 1991, 179 p.
 29. *The Facts on File Illustrated Guide to the Human Body*. The Diagram Group, 2005, 113 p.
 30. Walker R. *Eyewitness. Human Body*. USA: DK Publ., Dorling Kindersley Ltd., 2014, 72 p.

ДАННЫЕ ОБ АВТОРЕ

Лямова Оксана Олеговна, кандидат педагогических наук, доцент
кафедры иностранных языков и медицинской терминологии
*ФГБОУ ВО «Пермский государственный медицинский уни-
верситет им. ак. Е.А. Вагнера» Минздрава РФ*
*ул. Петropавловская, 26, г. Пермь, 614990, Российская Феде-
рация*
psmu@psma.ru

DATA ABOUT THE AUTHOR

Oksana O. Lyamova, PhD in Pedagogics, Associate Professor of the
Department of Foreign Languages and Medical Terminology
*Perm State Medical University named after Academician E. A.
Wagner*
26, Petropavlovskaya Str., Perm, 614990, Russian Federation
psmu@psma.ru

Поступила 24.11.2024
После рецензирования 10.12.2024
Принята 19.12.2024

Received 24.11.2024
Revised 10.12.2024
Accepted 19.12.2024

DOI: 10.12731/2077-1770-2024-16-4-469

УДК 81'26

Научная статья | Языки народов зарубежных стран

РЕЧЕВАЯ РЕАЛИЗАЦИЯ МАНИПУЛЯТИВНЫХ ТАКТИК В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Т.П. Палий, И.Н. Потеряхина

Обоснование. Политический дискурс современного общества представляет собой сложное, многоаспектное и мультиуровневое образование, характеризующееся разнообразием целей и задач и функционирующее в рамках актуальных политических, экономических, геополитических, культурных и иных реалий. Лингвистический анализ современного политического дискурса и, в частности, выявление языковых средств реализации речевого манипулирования представляет сегодня особую актуальность и важен не столько для расширения теоретической научной базы, сколько в прикладном аспекте для формирования зрелой точки зрения и критического мышления при знакомстве с текстами политического дискурса.

Цель – анализ феномена манипулирования с психологической и языковой точек зрения, выделение основных прагматических стратегий манипулирования и выявление наиболее частотных языковых средств их реализации.

Материалы и методы. Эмпирическим материалом послужили интервью и отдельные высказывания ведущих российских и западных политиков, а также работы отечественных и зарубежных политологов и журналистов, представленные в современных СМИ. В ходе работы использовались такие методы исследования, как дискурсивный анализ, лингвистическое описание, контекстуальный и семантический анализ. Данное исследование опиралось на дескриптивный метод с целью интерпретации материала иссле-

дования, классификации выделенных коммуникативных сценариев и систематизации используемых языковых средств.

Результаты. Проанализировав эмпирический материал современного политического дискурса на русском и английском языках, авторы выделяют три основные прагматические манипулятивные стратегии, для каждой из которой приводят характерные тактики: стратегия на повышение (тактики, направленные на формирование положительного образа, нивелирования критического нарратива, скрытой презентации и презентации); стратегия понижения (тактики, нацеленные на формирование негативного образа, поругания и ущемления, вменение вины и разоблачения); стратегия нейтральности (тактики, обладающие потенциалом мотивирования, конструктивной совместной деятельности и полноценной осведомленности). К наиболее частотным языковым средствам, вербализующим перечисленные выше тактики, относятся: эпитеты, метафоры, лексические повторы, цитаты известных и выдающихся личностей, фразеологические обороты и эмоционально окрашенные лексемы.

Ключевые слова: политический дискурс; манипуляции; речевые стратегии; речевые тактики; речевые приемы

Для цитирования. Палий Т.П., Потеряхина И.Н. Речевая реализация манипулятивных тактик в политическом дискурсе // Современные исследования социальных проблем. 2024. Т. 16, № 4. С. 154-173. DOI: 10.12731/2077-1770-2024-16-4-469

Original article | Languages of Peoples of Foreign Countries

MANIPULATIVE TACTICS IMPLEMENTATION IN POLITICAL DISCOURSE

T.P. Paliy, I.N. Poteryakhina

Background. The political discourse of modern society is a complex, multi-faceted and multi-level entity characterized by a variety of goals

and objectives and functioning within the framework of current political, economic, geopolitical, cultural and other realities. Linguistic analysis of modern political discourse and, in particular, identification of the most frequent linguistic means of implementing manipulation in political discourse, is of particular relevance today and is important not just because it expands the theoretical scientific base, but for its practical value for the formation of a mature point of view and critical thinking when dealing with the texts of political discourse.

Purpose. *The analysis of manipulative techniques is of particular scientific interest. The purpose of this study is to analyze the phenomenon of manipulation from a psychological and linguistic point of view, to identify the main pragmatic strategies of manipulation and to identify the most frequent linguistic means of their implementation.*

Materials and methods. *The empirical material was interviews and individual statements of leading Russian and Western politicians, as well as the works of domestic and foreign political scientists and journalists presented in modern media. At certain stages of the study, in the course of the work, such research methods as discourse analysis, linguistic description, contextual and semantic analysis were used. This study relied on the descriptive method in order to interpret the research material, classify the identified communicative scenarios and systematize the language means used.*

Results. *Having analyzed in detail the empirical material of the modern political discourse in Russian and English, the authors identify three main pragmatic manipulative strategies, for each of which they provide characteristic tactics, supporting them with examples of statements by outstanding Russian and foreign political figures of our time: the strategy of promotion (tactics aimed at forming a positive image, leveling the critical narrative, hidden presentation and presentation); the strategy of demotion (tactics aimed at forming a negative image, abuse and infringement, imputation of guilt and exposure); the strategy of neutrality (tactics with the potential for motivation, constructive joint activity and full awareness). The analysis of the empirical material also made it possible to identify the most frequently used linguistic means verbalizing the*

tactics listed above. These include: the use of epithets and metaphors, lexical repetitions, quotations from famous and outstanding personalities, phraseological units and emotionally charged lexemes.

Keywords: *political discourse; manipulation; strategies; speech tactics; speech techniques*

For citation. *Paliy T.P., Poteryakhina I.N. Manipulative Tactics Implementation in Political Discourse. Sovremennye Issledovaniya Sotsialnykh Problem [Modern Studies of Social Issues], 2024, vol. 16, no. 4, pp. 154-173. DOI: 10.12731/2077-1770-2024-16-4-469*

Введение

По утверждению многих политиков, в данный момент мировое сообщество проходит сквозь чрезвычайно сложный этап разрушения общепринятой модели взаимоотношений между странами – «порядок, основанный на правилах», под управлением одного гегемона, и, как следствие, построение принципиально новой модели многополярного мира. «Многополярная система международных отношений активно формируется. Этот процесс необратим, он происходит на наших глазах и носит объективный характер», – заявил президент Российской Федерации В.В. Путин в интервью американскому журналисту Т. Карлсону [7]. Подобные процессы в мире не могут не вызывать живой интерес и горячий отклик публики, так как даже самый среднестатистический обыватель понимает, что все происходящее касается и его лично, какими бы далекими и непонятными эти трансформации не казались. Здесь на первый план выходит одна из важнейших целей политического дискурса – донести до широкой общественности анализ происходящих событий, предоставить полную картину текущей политической ситуации, а также поделиться мнениями и прогнозами специалистов.

В условиях постоянного противостояния мировых элит политический дискурс становится главным и, возможно, единственным проводником или «связующим звеном между обществом и властью» [1]. Политики разных уровней, политические партии и движения, и даже отдельные государства активно используют по-

литический дискурс не только с целью донести свою точку зрения до адресата, но и, таким образом, повлиять на оценку, выбор или суждения широкой публики. В рамках предвыборных кампаний и непрекращающихся военных конфликтов политический дискурс становится пространством не только для объективной информации, но и для различных приемов манипулирования общественным мнением. Р. Блакар в своей работе «Язык и моделирование социального взаимодействия» утверждает, что «Выразиться нейтрально невозможно. Всякое использование языка предполагает воздействующий эффект» [2]. Таким образом, современный политический дискурс представляется благоприятной средой для различных видов манипулирования широкими массами. Не секрет, что манипулирования общественным сознанием может таить в себе опасность для определенных целевых аудиторий. На данный момент манипуляции в лингвистике изучены не настолько досконально, чтобы можно было заявлять о едином общепринятом взгляде на данную проблематику и существовании универсального определения речевым манипуляциям. Однако многие ученые посвятили свои труды данной теме и попытались каждый по-своему объяснить суть данного явления. К.Л. Бове и У.Д. Арэнс рассматривают речевую манипуляцию как одно из средств достижения желаемого при помощи убеждения. Т.М. Николаева анализирует манипулятивные механизмы сквозь призму воспитания в ситуации «коммуникативного саботажа и лингвистической демагогии» [11]. И.В. Сентенберг и В.И. Карасик классифицируют речевую манипуляцию как псевдоаргументацию (т.е. нарушение аргументации). Мы полагаем, что следует начать с психологического базиса манипуляций и берем в качестве рабочего определение, данное известным психологом Е.Л. Доценко, что «манипуляция – вид психологического воздействия, искусное исполнение которого ведет к скрытому возбуждению у другого человека намерений, не совпадающих с его актуально существующими желаниями» [6, с. 59]. Переходя к речевому манипулированию, стоит отметить утверждение Е.В. Денисюк, которая классифицирует речевое манипулирование как «специфическое речевое поведение

в процессе общения, направленное на побуждение собеседника совершить невыгодное для него (но выгодное для побуждающего лица) действие. Отличительной чертой этого способа побуждения является его скрытый характер: и цель, и процесс побуждения намеренно скрываются от адресата» [5, с. 18]. О.Н. Быкова высказывает мнение, что «языковое манипулирование – вид языкового воздействия, используемый для скрытого внедрения в психику адресата целей, желаний, намерений, отношений или установок, не совпадающих с теми, которые имеются у адресата в данный момент» [3, с. 100]. Таким образом, приходим к выводу, что речевое манипулирование всегда характеризуется скрытым характером воздействия на адресата, посредством которого становится возможным заставить реципиента думать, принимать решения и действовать выгодным для манипулятора способом. К сожалению, следует отметить тот факт, что низкая политическая культура и слабые навыки критического мышления у широких масс делают задачу политиков, политологов и пропагандистов легче и проще. Средства массовой информации, пользуясь привилегированным положением «рупора правды», часто транслируют поток информации, нацеленный не на предоставление объективной картины реальности, а на достижение определенных целей, которые могут не иметь ничего общего с реальными запросами общества и не отвечать его потребностям.

Анализируя феномен речевой манипуляции, следует также отметить понятия персуазивности и суггетивности. Персуазивность (лат. *persuadere* – уговаривать) – тип речевого воздействия, построенного на открытом убеждении или переубеждении. Набором фактов или аргументов у адресата формируется то мнение, которое будет благотворно влиять на дальнейшую реализацию планов адресанта. Суггетивность – (лат. *suggere* – внушать) – воздействие, построенное на скрытом внушении. У адресата отсутствует осознание и контроль над полной перестройкой собственных суждений. Многие лингвисты придерживаются той точки зрения, что речевая манипуляция является собой отдельный, особый вид суггетивности, так как манипулирование сознанием адресата может происходить (и зача-

стью происходит) независимо от его целей, желаний и интересов. В большинстве случаев адресат даже не отдает себе отчета в том, что к нему были применены различные манипулятивные техники.

Е.И. Шейгал выделяет два основных вида манипулирования в политическом дискурсе, которые, в свою очередь, разделяются на подвиды:

1. Референциальное манипулирование – искажение образа денотата/ референта в процессе описания действительности:

а. фактологическое манипулирование (любые искажения реальных фактов: ложь, сокрытие, подтасовка, преуменьшение, преувеличение, и т.п.);

б. фокусирующее манипулирование (изменение фокуса освещения событий, высказываний, и т.д., связанного с денотатом, с целью расставления акцентов, выгодных манипулятору).

2. Аргументативное манипулирование – нарушение общепринятых норм и постулатов общения:

а. нарушение логики повествования текста или его цельности, выражающееся, как правило, в избегании прямого ответа, в уходе от темы, в пространных комментариях без каких-либо конкретных данных;

б. формулирование обвинений или оценочных высказываний в неопровержимой форме, уклонение от приведения доказательств путем намеренного неполного изложения фактов и данных;

в. маскировка логических ходов и заключений [15].

Анализируя такое явление, как языковая манипуляция, следует четко разделять три основополагающих понятия – речевые стратегии манипулирования, речевые тактики манипулирования и речевые приемы манипулирования. Стратегия – долгосрочный, качественно определенный набор различных ходов, провозглашающих приоритеты и направленных на достижение цели. В процессе реализации стратегии на помощь приходят различные тактики – конкретные речевые акты, в которых присутствует необходимость на том или ином этапе манипулирования. В свою очередь, любая тактика вербализуется набором определенных приемов – специаль-

ных лексических и грамматических конструкций, синтаксических формул, видов построения текста или отдельного высказывания.

Материалы и методы

Актуальные материалы исследования, представленные большим объемом различных текстов политического дискурса, позволяют проанализировать современные приемы и техники манипулирования, описанные в своих трудах как отечественными, так и зарубежными учеными-лингвистами. В процессе работы применялись такие методы исследования, как дискурсивный анализ, лингвистическое описание, контекстуальный и семантический анализ.

Результаты и обсуждение

В своем диссертационном исследовании О.Л. Михалева рассматривает данный вид дискурс как пространство, где разворачивается борьба и проявляется состязательность, и выделяет следующие три основные манипулятивные стратегии:

- на повышение;
- на понижение;
- нейтральности [9].

Каждая из этих стратегия реализуется определенным набором тактик. При анализе исследуемого материала нами были выделены наиболее частотные тактики, характерные для каждой из стратегий, а также выявили максимально часто используемые речевые приемы, нацеленные на их реализацию.

Стратегия на повышение:

а. тактика анализ-плюс (непрямое проявление положительного отношения к описываемому объекту). В процессе реализации данной тактики наблюдается частое использование различных эпитетов с позитивной, эмоционально-окрашенной коннотацией.

«Подлинная элита – это все те, кто служат России, труженики и войны, надежные, проверенные делом, доказавшие свою преданность России – достойные люди» [17]. В.В. Путин в послании к Федеральному собранию в 29 февраля 2024 г. многократно ис-

пользует эпитеты, обладающие образностью и экспрессивностью, апеллируя к россиянам, сражающимся на полях СВО и работникам многочисленных предприятий.

Для реализации тактики анализ-плюс политиками часто используется прием лексического повтора.

“I think that Elon puts the country long before his company,” Trump says. “He considers this to be his most important project, and he wanted to do it. And, you know, I think, I think he’s one of the very few people that would have the credibility to do it, but he puts the country before, and I’ve seen it, before he puts his company.” Вновь избранный президент США Д. Трамп в интервью журналу «Time» использует лексический повтор, говоря об И. Маске и его решимости работать на благо страны [21].

б. тактика отвода критики (предполагает объяснение и оправдание совершенных действий и поступков, подкрепленное убедительной аргументацией).

«Никогда не говори никогда. Многие люди, которые сегодня говорят «никогда», – те же, кто исключал отправку танков, самолетов и ракет большой дальности два года назад. Однако решение за каждой европейской страной. Каждая страна суверенна, ее вооруженные силы суверенны» [16]. Заявление президента Франции Э. Макрона об отправке иностранных военных на Украину в ходе саммита в Париже в феврале 2024 г. Также наблюдается использование лексических повторов, нацеленных на формирования единой консолидированной точки зрения у простых европейцев.

в. тактика неявной презентации (представление личных качеств говорящего в выгодном для него свете).

«I think since he called me brilliant, I’ll take that compliment, okay? I think I can get along with him» [21]. Исследования показали, что неявная, но обязательно положительная презентация часто реализуется через прием цитирования, когда приводятся слова какого-либо уважаемого деятеля, либо отрывок из речи или произведения. Д. Трамп на вопрос о перспективах сотрудничества с В.В. Путиным ответил, как бы процитировав последнего, однако в позитивном для себя ключе.

В.В. Путин также использовал данный прием в интервью российскому журналисту П. Зарубину в телевизионной передаче «Москва. Кремль. Путин.». На вопрос репортера, как он может прокомментировать последнее хамское высказывание Д. Байдена в свой адрес, Путин ответил:

«Он же не мог сказать: «Володя, молодец, спасибо, ты мне очень помог» [12]. Интересно, что Путин приводит реально несуществующее высказывание Д. Байдена, однако в общем контексте оно звучит крайне правдоподобно и представляет говорящего в выгодном свете. Следует отметить, что ссылка на чье-то мнение практически всегда срабатывает как мощный манипулятивный прием. Таким образом адресант как бы заявляет, что так думает не только он, подобной же точки зрения придерживаются и другие люди.

г. тактика презентации (описание и фокусировка на наиболее положительных сторонах или качествах объекта).

Для реализации данной тактики часто используются различные идиомы и фразеологические обороты, которые безусловно привлекают внимание, а также делают камерный политический текст более живым и ярким.

*«Проблемы у нас начались с тех пор, как США увидели, что **мы не берем под козырек** каждый раз, когда обсуждаем с ними какую-то международную проблему. Когда они увидели, что президент Путин восстанавливает самостоятельность нашей внешней политики строго в рамках международного права» [8]. Слова из интервью С. Лаврова, министра иностранных дел РФ.*

*«And that is why the days when America **dragged its feet** on this issue are over» [22]. Из выступления Б. Обамы перед Конгрессом США. Идиома «to drag one's feet» имеет значение «задерживать или откладывать выполнение чего-либо». Также она может обозначать человека, который намеренно задерживает прогресс чего-либо. Из эмоционального высказывания бывшего президента США мы узнаем, что дни, когда Америка вела себя подобным образом, давно прошли. Также здесь наблюдается некая персонификация – о государстве говорится как о живом существе.*

Основные тактики стратегии понижения следующие:

а. тактика анализ-минус (скрытое проявление негативного отношения к объекту). Как показал анализ эмпирического материала, политологи и политические журналисты нередко реализуют данную тактику, награждая оппонентов своеобразными прозвищами, которые не являются прямыми оскорблениями, однако формируют определенный образ в сознании широкой аудитории. По понятным причинам подобная реализация практически не встречается в высказываниях профессиональных политиков.

А. Шейнин, журналист, ведущий аналитической программы «Время покажет»: «домовенок Кузя» – о пресс-секретаре Белого Дома К. Жан-Пьер; «самоходный дед» – о президенте США Д. Байдене. Американские журналисты о Д. Трампе в ходе его первой предвыборной кампании: «*Putin's puppy*».

Авторские, индивидуально стилистические метафоры также используются для реализации данной тактики, в расчете привлечь как можно больше внимания и вызвать более яркую реакцию.

А. Гришин, политический обозреватель «Комсомольской правды», о визите премьер-министра Венгрии В. Орбана в Москву в июле 2024 г.

«Своим визитом в Москву премьер председательствующей в ЕС Венгрии Виктор Орбан не просто сунул палку в муравейник или кинул камень в болото, вызвав выступление хора местных лягушек. Весь европейский курятник всполошился так, что любо-дорого было смотреть на это со стороны» [14].

б. тактика оскорбления (нарочито грубое высказывание с целью нанести обиду). Хотя подобная тактика реализуется не так часто, как остальные, стоит отметить использование метафор и красочных эпитетов, которые придают высказыванию чрезмерную эмоциональность.

«*Killary Rotten Clinton*» – именно так называл Д. Трамп свою соперницу по президентской гонке Х. Клинтон, намекая на ее причастность к многочисленным военным конфликтам, где было убито огромное количество людей, а также награждая ее оскорбительным эпитетом «протухшая».

Журнал Der Spiegel привел высказывание бывшего посла Украины в Германии А. Мельника, где он сравнил Канцлера Германии О. Шольца с колбасным изделием, что очень оскорбило простых немцев.

«Разыгрывать обиженную ливерную колбасу – не очень по-государственному» [13].

в. тактика обвинения (явное перекалывание вины за те или иные слова, поступки или даже за личные качества адресата, при этом не предоставляя никаких конкретных доказательств или аргументов).

Здесь также широко используется лексические повторы, которые создают определенные образы в головах обывателей и заставляют их верить в реальность предложенных обвинений.

К. Харрис, кандидат в президенты США, о своём сопернике Д. Трампе: *«He is playing political games. He prefers to run on a **problem** instead of fixing a **problem**» [20].*

Наблюдается также широкое использование эпитетов и эмоционально-окрашенных лексем.

*«В связи с наводнением, происходящим на юго-западе Польши, мы имеем дело с **информационно-психологической операцией** Российской Федерации. Россия использует в киберпространстве технику селективного отбора информации и стремится вызвать у получателей эмоции **страха и беспомощности**» [4].* Заявление польских официальных лиц в связи с крупным наводнением в Польше в сентябре 2024 г. Никаких доказательств польской стороной предоставлено не было, однако негативное мнение было успешно сформировано.

г. тактика обличения (является более конкретной разновидностью тактики обвинения, так как предоставляются реальные факты, подтверждающие обвинение).

Помимо эмоционально окрашенной лексики, что вполне предсказуемо, нам удалось обнаружить, что, обличая соперников в неблагоприятных поступках, политики также склонны наделять их прозвищами или присваивать неблагозвучные эпитеты.

Экс-кандидат в президенты США Т. Габбард обвинила Д. Байдена, Х. Клинтон и всю демократическую партию в разжигании войн на планете и угрозе ядерной войны.

*«Great! Thank you, Hillary Clinton. You, **the queen of warmongers, embodiment of corruption, and personification of the rot that has sickened the Democratic Party for so long, have finally come out from behind the curtain**» [22].*

Стратегия нейтральности характеризуется самым большим количеством тактик. Отметим самые распространенные:

а. тактика побуждения (осуществление призыва к действию).

Среди речевых приемов, используемых для воплощения этой тактики, следует отметить особые синтаксические конструкции. Чаще всего это короткие, состоящие из нескольких слов повелительные предложения, характеризующиеся особой эмоциональной окраской. Здесь следует вспомнить и предвыборный слоган Д. Трампа *«Make America Great Again»*. Хотя следует отметить, что данный слоган уже использовался в ходе предвыборной кампании Р. Рейгана в 1980 г. Д. Трамп также использовал данный лозунг в ходе своей первой предвыборной кампании, сейчас же предпочитая говорить: *«Make America greater than ever before»*. Однако данный слоган не слишком прижился, возможно из-за большого количества слов, что существенно влияет на высказывание, делая его менее динамичным. Либо из-за того, что первый слоган прекрасно складывается в акроним *MAGA*, чего не скажешь про второй.

Также Трамп использовал еще два призыва для своих сторонников: *«Swamp the Vote USA»*, которым призывал сторонников «затопить» голосование, то есть голосовать всеми доступными способами. И лозунг *«To Big to Rig»*, который означал призыв к сторонникам Республиканской партии прийти на избирательные участки, и тогда их голосов будет слишком много, что не даст демократам шанс фальсифицировать результаты.

б. тактика кооперации (воззвание к нерушимым идеалам, фундаментальным ценностям того общества, которое находится в прицеле манипуляций).

Очень часто подобные тактики затрагивают религиозную тему, так как чувства верующих – очень тонкий инструмент манипулирования. Политики, упоминая Создателя в своих речах, стремятся показать, что они ничем не отличаются от их аудитории, простых верующих людей.

Трамп, рассказывая о покушении на его жизнь:

*«These are great people, at great risk I will tell you, and pounced on top of me so that I would be protected. There was blood pouring everywhere. And yet, in a certain way, I felt very safe because I had **God** on my side. I felt that»* [21].

Уверая аудиторию, что Бог на его стороне, Д. Трамп использует сильнейшую манипулятивную тактику, заставляющую простого обывателя думать: «Если Бог на его стороне, то кто я такой, чтобы быть против».

в. тактика информирования (констатация фактов без демонстрации какого-либо отношения к ним, безоценочное изложение).

Вполне предсказуемо, здесь мы не видим ярких метафор или фразеологических оборотов. Отсутствие оценочности суждения определяет выбор лексем: нейтральная лексика стандарта без эмоциональной окраски.

Министр иностранных дел С. Лавров о ситуации в Афганистане:

«Мы в Афганистане присутствуем, ни на секунду не теряли связь с происходящим и поддерживаем с руководством контакты. Это помогает нам работать, в том числе продвигать внешние форматы, позволяющие вырабатывать рекомендации для афганцев» [10].

Заключение

Нами были рассмотрены и проанализированы самые частотные виды манипулятивных тактик, а также языковые приемы их воплощения, которые попали в фокус нашего внимания при изучении и классификации эмпирического материала. Тема манипулятивного потенциала политического дискурса представляется крайне интересной и актуальной, так как при умелом использовании предложенных

тактик и стратегий широкая аудитория становится объектом манипулятивного воздействия с непредсказуемыми результатами. Большое число языковых приемов, а также их множественное использование свидетельствует об их высокой эффективности. Так, в данном исследовании были выделены три основные стратегии манипулирования, а также свойственные им тактики, широко используемые в современном политическом дискурсе: стратегия на повышение (тактики анализ-плюс, отвода критики, неявной презентации и презентации); стратегия понижения (тактики анализ-минус, оскорбления, обвинения и обличения); стратегия нейтральности (тактики побуждения, кооперации и информирования). Дальнейшее исследование манипулятивных приемов с точки зрения лингвистики, психологии и социологии представляется нам несомненно актуальным и перспективным. С точки зрения речевых приемов нам кажется заслуживающим внимания сфера использования эвфемизмов и дисфемизмов в политическом дискурсе, так как подобные лексемы обладают большим манипулятивным потенциалом.

Список литературы

1. Бабенкова Е.А. Инаугурационная речь в коммуникативном пространстве политического дискурса (на материале инаугурационной речи Б. Обамы) // Языковое бытие человека и этноса: когнитивный и психолингвистический аспекты материалы международной школы-семинара (V Березенские чтения). М.: Академия социального управления, 2009. С. 13-15.
2. Блакар Р. Язык как инструмент социальной власти // Язык и моделирование социального взаимодействия. М.: Прогресс, 1987. С. 88-125.
3. Быкова О.Н. Языковое манипулирование // Теоретические и прикладные аспекты речевого общения. 1999. Вып. 1. С. 99-103.
4. В Польше обвинили Россию в психологической операции в связи с наводнением // РИА Новости, 22.09.2024. URL: <https://ria.ru/20240922/poland-1974143742.html?ysclid=m4ooqwoq5o857422180> (дата обращения: 10.12.2024)

5. Денисюк Е. В. Манипулятивное речевое воздействие: коммуникативно-прагматический аспект: Дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. Урал. гос. ун-т им. А. М. Горького. Екатеринбург, 2003. 200 с.
6. Доценко Е.Л. Психология манипуляции: феномены, механизмы и защита. Москва: «ЧеРо»; Изд-во МГУ, 2000. 344 с.
7. Интервью ВВ. Путина Такеру. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=ncPW2pyOzJU> (дата обращения: 10.12.2024)
8. Лавров: России и США в любом случае придется договариваться // ТАСС. URL: <https://tass.ru/politika/3753919?ysclid=m4om8yr47w850217906> (дата обращения: 10.12.2024)
9. Михалева О.Л. Политический дискурс: Специфика манипулятивного воздействия. М.: ЛИБРОКОМ, 2009. 256 с.
10. «Не будите русского медведя». Лавров раскрыл планы России на Украину // Аргументы и Факты. URL: https://aif.ru/politics/world/ne_budite_russkogo_medvedya_lavrov_raskryl_plany_rossii_na_ukrainu?ysclid=m4oqhlrtfl256272304 (дата обращения: 10.12.2024)
11. Николаева Т.М. Лингвотекстологические особенности подачи информации в русскоязычных газетах // Встречи этнических культур в зеркале языка: (в сопоставительном лингвокультурном аспекте). М: Наука, 2002. С. 293-311.
12. Новости RT на русском. URL: https://vk.com/rt_russian (дата обращения: 10.12.2024)
13. «Обиженная ливерная колбаса». Украинский посол придумал прозвище канцлеру ФРГ Шольцу. URL: <https://www.kp.ru/daily/27387/4581786/> (дата обращения: 10.12.2024)
14. Приехав к Путину, Виктор Орбан вскрыл европейский гнойник: Правда про отношение Запада к Украине. URL: <https://www.kp.ru/daily/27604.5/4955380/> (дата обращения: 10.12.2024)
15. Шейгал Е.И. Семиотика политического дискурса. Волгоград: Перемена, 2000. 368 с.
16. Эммануэль Макрон допустил отправку войск на Украину: мнение политологов, реакция в России и мире – 27.02.2024. URL: <https://ren.tv/longread/1194616-emmanuel-napoleon-mozhet-li-frantsia-otpravit-voiska-na-ukrainu> (дата обращения: 10.12.2024).

17. Яркие цитаты Владимира Путина с послания Федеральному собранию 2024 года | Аргументы и Факты. URL: https://aif.ru/politics/gallery/yarkie_citaty_vladimira_putina_s_poslaniya_federalnomu_sobraniyu_2024_goda?ysclid=m4ojpf12dw486128087 (дата обращения: 10.12.2024).
18. Dijk T. Discourse Studies: A Multidisciplinary Introduction. SAGE Publications Ltd., 2011. 432 p.
19. Fairclough N. Media Discourse: Language and Globalization. London: Routledge, 2006. 200 p.
20. Harris accuses Trump of playing ‘political games’ during US border visit // The Guardian. URL: <https://www.theguardian.com/us-news/2024/sep/27/harris-immigration-border-visit> (дата обращения: 10.12.2024).
21. Person of the Year 2024: See the Shortlist // TIME. URL: <https://time.com/7200122/person-of-the-year-2024-shortlist/> (дата обращения: 10.12.2024).
22. Tulsi Gabbard calls Hillary Clinton “the queen of warmongers” // Vox. URL: <https://www.vox.com/policy-and-politics/2019/10/19/20922122/hillary-clinton-tulsi-gabbard-queen-warmongers-russia-2020-election> (дата обращения: 10.12.2024).

References

1. Babenkova E.A. Inaugural speech in the communicative space of political discourse (based on the inaugural speech of B. Obama). *Yazykovoye bytiye cheloveka i etnosa: kognitivnyy i psikholingvisticheskiy aspekty materialy mezhdunarodnoy shkoly-seminara (V Berezenskiye chteniya)* [Linguistic Existence of Man and Ethnicity: Cognitive and Psycholinguistic Aspects Materials of the International School-Seminar (V Berezensky Readings)]. Moscow: Academy of Social Management, 2009, pp. 13-15.
2. Blakar R. Language as an instrument of social power. *Yazyk i modelirovaniye sotsial'nogo vzaimodeystviya* [Language and Social Interaction Modeling]. Moscow: Progress Publ., 1987, pp. 88-125.
3. Bykova O.N. Language manipulation. *Teoreticheskiye i prikladnyye aspekty rechevogo obshcheniya* [Theoretical and Applied Aspects of Speech Communication], 1999, no 1, pp. 99-103.

4. Poland accused Russia of a psychological operation in connection with the flood. *RIA Novosti*, 09.22.2024. URL: <https://ria.ru/20240922/poland-1974143742.html?ysclid=m4ooqwoq5o857422180> (accessed December 10, 2024)
5. Denisjuk E.V. *Manipulative speech influence: communicative-pragmatic aspect: PhD dissertation*. Ekaterinburg, 2003, 200 p.
6. Dotsenko E.L. *Psychology of manipulation: phenomena, mechanisms and defense*. Moscow: CheRo Publ.; Moscow State University Publ., 2000, 344 p.
7. *Interview of V.V. Putin to T. Carlson*. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=ncPW2pyOzJU> (accessed December 10, 2024).
8. Lavrov: Russia and the USA will have to negotiate in any case. *TASS*. URL: <https://tass.ru/politika/3753919?ysclid=m4om8yr47w850217906> (accessed December 10, 24).
9. Mikhaleva O.L. *Political discourse: Specifics of manipulative influence*. Moscow: LIBROKOM Publ., 2009, 256 p.
10. “Don’t wake the Russian bear.” Lavrov revealed Russia’s plans for Ukraine. *Argumenty i Fakty* [Arguments and Facts]. URL: https://aif.ru/politics/world/ne_budite_russkogo_medvedya_lavrov_raskryl_plany_rossii_na_ukrainu?ysclid=m4oqhlrtfl256272304 (accessed December 10, 2024).
11. Nikolaeva T.M. Linguotextual features of information presentation in Russian-language newspapers. *Vstrechi etnicheskikh kul'tur v zerkale yazyka: (v sopostavitel'nom lingvokul'turnom aspekte)* [Meetings of Ethnic Cultures in the Mirror of Language: (in a comparative linguocultural aspect)]. Moscow: Nauka Publ., 2002, pp. 293-311.
12. *RT News in Russian*. URL: https://vk.com/rt_russian (accessed December 10, 2024).
13. “Offended liver sausage”. *Ukrainian Ambassador Comes Up with a Nickname for German Chancellor Scholz*. URL: <https://www.kp.ru/daily/27387/4581786/> (accessed December 10, 2024).
14. *Arriving to Putin, Viktor Orban lanced the European abscess: the truth about the West's attitude to Ukraine*. URL: <https://www.kp.ru/daily/27604.5/4955380/> (accessed December 10, 2024).

15. Sheygal E.I. *Semiotics of Political Discourse*. Volgograd: Peremena Publ., 2000, 368 p.
16. *Emmanuel Macron allowed sending troops to Ukraine: the opinion of political scientists, the reaction in Russia and the world*, 02/27/2024. URL: <https://ren.tv/longread/1194616-emmanuel-napoleon-mozhet-li-frantsiya-otpraviv-voiska-na-ukrainu> (accessed December 10, 2024).
17. Vladimir Putin's bright quotes from the address to the Federal Assembly in 2024. *Argumenty i Fakty* [Arguments and Facts]. URL: https://aif.ru/politics/gallery/yarkie_citaty_vladimira_putina_s_poslaniya_federalnomu_sobraniyu_2024_goda?ysclid=m4ojpf12dw486128087 (accessed December 10, 2024).
18. Dijk T. *Discourse Studies: A Multidisciplinary Introduction*. SAGE Publications Ltd., 2011, 432 p.
19. Fairclough N. *Media Discourse: Language and Globalization*. London: Routledge, 2006, 200 p.
20. Harris accuses Trump of playing 'political games' during US border visit. *The Guardian*. URL: <https://www.theguardian.com/us-news/2024/sep/27/harris-immigration-border-visit> (accessed December 10, 2024).
21. Person of the Year 2024: See the Shortlist. *TIME*. URL: <https://time.com/7200122/person-of-the-year-2024-shortlist/> (accessed December 10, 2024).
22. Tulsi Gabbard calls Hillary Clinton "the queen of warmongers". *Vox*. URL: <https://www.vox.com/policy-and-politics/2019/10/19/20922122/hillary-clinton-tulsi-gabbard-queen-warmongers-russia-2020-election> (accessed December 10, 2024).

ДАННЫЕ ОБ АВТОРАХ

Палий Татьяна Павловна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры английского языка и профессиональной коммуникации
Пятигорский государственный университет
пр. Калинина, 9, г. Пятигорск, 357532, Российская Федерация
paliy.tp@yandex.ru

Потеряхина Инна Николаевна, кандидат филологических наук,
доцент, доцент кафедры английского языка и профессиональ-
ной коммуникации
Пятигорский государственный университет
пр. Калинина, 9, г. Пятигорск, 357532, Российская Федерация
poteryakhinain@gmail.com

DATA ABOUT THE AUTHORS

Tatyana P. Paliy, PhD in Philology, Associate Professor, Associate Professor
of the English Language and Professional Communication Department
Pyatigorsk State University
9, Kalinin Str., Pyatigorsk, 357532, Russian Federation
paliy.tp@yandex.ru
SPIN-code: 2382-4201
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6334-1780>
ResearcherID: AAD-9439-2022
Academia.edu: <https://independent.academia.edu/TatianaPaliy>
ResearchGate: <https://www.researchgate.net/profile/Tatiana-Paliy>

Inna N. Poteryakhina, PhD in Philology, Associate Professor, Associ-
ate Professor of the English Language and Professional Commu-
nication Department
Pyatigorsk State University
9, Kalinin Str., Pyatigorsk, 357532, Russian Federation
poteryakhinain@gmail.com
SPIN-code: 8482-9916
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5390-8897>
ResearcherID: AAD-9440-2022
Academia.edu: <https://independent.academia.edu/InnaPoteryakhina>
ResearchGate: <https://www.researchgate.net/profile/Inna-Po-teryakhina>

Поступила 28.11.2024
После рецензирования 15.12.2024
Принята 22.12.2024

Received 28.11.2024
Revised 15.12.2024
Accepted 22.12.2024

DOI: 10.12731/2077-1770-2024-16-4-468

УДК 81'34

Научная статья | Языки народов зарубежных стран

ФОРМУЛАИЧНОСТЬ НЕПОЛНОЙ СИНТАКСИЧЕСКОЙ ФОРМЫ ПОВЕЛИТЕЛЬНОГО ВЫСКАЗЫВАНИЯ В ДИСКУРСЕ

Ю.А. Ненашева

Обоснование. *Функционирование языковых единиц в дискурсе в определенных дискурсивных условиях характеризуется процессами десемантизации и грамматикализации, что приводит к формированию новых дискурсивных единиц, выполняющих определенную функцию в дискурсе и передающих коммуникативные значения. В ряде случаев такие единицы характеризуются формулаичностью, обусловленной прагматическими факторами. Корпусный анализ дискурса позволяет выделить и описать такие единицы, выявить факторы, обеспечивающие появление таких единиц.*

Цель – анализ структуры и специфики неполной синтаксической формы повелительного высказывания в дискурсе.

Материалы и методы. *Исследование проведено с использованием методов корпусного анализа текстов, на основании которого построена специальная выборка повелительных высказываний, имеющих неполные синтаксические формы. Корпусы исследования составляют 22 драматургических текста, общий объем которых составляет более 2 миллионов слов. В работе производится количественная оценка представленности структур неполных синтаксических форм повелительных высказываний в дискурсе. Анализ формулаичного характера структур основан на ряде отечественных и зарубежных источников последних 10 лет, рассматривающих специфику таких структур в дискурсе.*

Результаты. *Результаты показывают наличие в выборке исследования групп неполных синтаксических структур повелитель-*

ных высказываний, характеризующихся формулаичностью разной степени. Выделенные группы неполных синтаксических структур повелительных высказываний представляют собой словосочетания, в которых функцию главного элемента выполняют существительное, прилагательное, наречие, местоимение, а также группы, представляющие собой предложные словосочетания, междометные формы и др. Степень формулаичности проявляется в разной степени стабильности словосочетаний, входящих в описанные группы. Основанием для формулаичности неполных синтаксических структур повелительных высказываний являются процессы десемантизации и грамматикализации в результате частого использования в дискурсе для выполнения определенных дискурсивных функций и передачи коммуникативных смыслов. Таким образом, неполные синтаксические структуры повелительных высказываний в дискурсе представляют собой самостоятельное дискурсивное средство, формирующееся в результате упомянутых дискурсивных процессов в соответствии с языковыми закономерностями.

Ключевые слова: дискурс; повелительное высказывание/императив; неполная синтаксическая форма; рекуррентные структуры; формулаичность

Для цитирования. Ненашева Ю.А. Формулаичность неполной синтаксической формы повелительного высказывания в дискурсе // Современные исследования социальных проблем. 2024. Т. 16, № 4. С. 174-192. DOI: 10.12731/2077-1770-2024-16-4-468

Original article | Languages of Peoples of Foreign Countries

FORMULATICITY OF THE INCOMPLETE SYNTACTIC FORM OF AN IMPERATIVE STATEMENT IN DISCOURSE

Iu.A. Nenasheva

Background. Language units functioning in specific discourse conditions undergo desemantization and grammaticalization, which results

in new discourse units forming. These units perform relevant discourse functions and carry communicative meanings. These units also possess formulaicity due to pragmatic factors. Corpus analysis provides proper techniques to identify and describe these units, classify factors conditioning the appearance of such units in discourse.

Purpose. *The aim of the research is to identify incomplete syntactic structures of imperatives in discourse, analyze them and categorize their features.*

Materials and methods. *The research employs corpus analysis methods to build the sample of imperatives with incomplete syntactic structures in discourse. Research corpora include 22 fiction texts containing more than 2 million words. The paper presents quantitative evaluation of representation in discourse of incomplete syntactic structures of imperatives. Analyzing the formulaic character of these structures is performed on the background of methodology described in Russian and foreign literature on formulaic structures in discourse in the last 10 years.*

Results. *The research shows that the sample comprises groups of incomplete syntactic structures of imperative utterances characterized by varying degrees of formulaicity. Identified groups of incomplete structures of imperative utterances include collocations with Noun, Adjective, Adverb, Pronoun as the primary init in the collocation. These groups also include Prepositional Phrases, Interjections. The degree of formulaicity demonstrates itself in the varying stability of the above-mentioned collocations. Formulaicity of these collocations arrives on the grounds of desemantization and grammaticalization which occur due to frequent usage in discourse, performance of specific discourse functions and possession of communicative meanings. It leads to incomplete syntactic structures of imperatives comporting themselves as autonomous discourse units, formed through described processes in accordance with linguistic laws.*

Keywords: *discourse; imperative; incomplete syntactic structure; recurrent structures; formulaic structures; formulaicity*

For citation. *Nenasheva Iu.A. Formulaticity of the Incomplete Syntactic Form of an Imperative Statement in Discourse. Sovremennye Issledovaniya Sotsialnykh Problem [Modern Studies of Social Issues], 2024, vol. 16, no. 4, pp. 174-192. DOI: 10.12731/2077-1770-2024-16-4-468*

Введение

Синтаксическая форма высказываний в дискурсе находится в фокусе современного лингвистического исследования, несмотря на относительно высокую степень изученности синтаксической структуры высказываний разных коммуникативных типов [2; 7; 13; 15; 17]. Однако применение когнитивно-дискурсивного подхода к функционированию высказываний разных коммуникативных типов в дискурсивной деятельности показывает, что когнитивные и дискурсивные факторы не только модифицируют семантическое содержание этих высказываний, но и определяют специфику синтаксических структур этих высказываний в соответствии с коммуникативным намерением говорящего [4, с. 100-101]. Такое влияние когнитивных и дискурсивных факторов обусловлено тем, что именно в дискурсивной деятельности происходит кодирование результатов когнитивной деятельности говорящего, характеризующихся определенной степенью осмысления сообщаемой информации, соответствием дискурсивному контексту и прагматическим аспектам коммуникации [1; 6; 11]. Категоризация и концептуализация обеспечивают внутреннюю и внешнюю системность языковых единиц в дискурсе, которые могут выражаться в рекуррентности этих единиц. И.Ю. Колесов определяет структуры таких единиц как «функционально значимые частотные и регулярно воспроизводимые структуры ... таких образований, которые появляются в результате комбинирующих и конструирующих механизмов языка и в своей основе опираются на результаты концептуализации и языковой категоризации описываемых ситуаций (референтных сцен)» [4, с. 103]. И.Ю. Колесов также отмечает, что изучение рекуррентных структур предполагает внимание ко всем содержательным структурам, вовлеченным в образование и функционирование этих структур в дискурсе.

Ни в коем случае не оспаривая вышесказанное, мы хотели бы уточнить, что в определенных дискурсивных условиях такая рекуррентность приводит к формулаизации этих структур [20, р. 16; 24]. Исследователи в разное время обращались к функционально зна-

чимым частотным и регулярно воспроизводимым структурам, обозначая их в зависимости от изучаемого аспекта «non-propositional speech», “chunks”, “fixed expressions”, “conversational routines”, “clichés”, “collocations”, “idioms” и т.д. Подробный анализ структуры, функций и значений формулаичных единиц представлен в работе Э. Рэй [24, р. 89, 96-97], мы только выделим ряд характеристик, позволяющих отнести те или иные конструкции к формулаичным единицам:

- 1) формулаичные единицы демонстрируют единство и законченность фонологической, грамматической и лексической структур;
- 2) формулаичные единицы характеризуются широкой узнаваемостью и использованием в языковом сообществе;
- 3) формулаичные единицы характеризуются относительной фиксированностью формы;
- 4) формулаичные единицы характеризуются определенной степенью грамматической сложности по сравнению со смежными единицами в дискурсе;
- 5) формулаичные единицы обладают специфичными функциями в соответствующих дискурсивных контекстах;
- 6) формулаичные единицы могут быть использованы в дискурсивном контексте неправильно [20, р. 16].

Таким образом, четыре взаимосвязанных аспекта формулаичных структур – это конечная форма, функция, значение и исходная конструкция.

В современном исследовании дискурса большое внимание уделяется функции и соотносимой с этой функцией форме. Однако нельзя отрицать, что все четыре аспекта взаимодействуют сообща в дискурсе: исходная форма обеспечивает узнавание участниками дискурсивной деятельности, которое обеспечивается первоначальной конструкцией, связанной с определенным семантическим содержанием и грамматической (морфологической/синтаксической) формой. В ходе регулярного использования в дискурсе для выполнения определенной функции первоначальная конструкция/ее части подвергается десемантизации и грамматикализации, в ре-

зультате чего закрепляется определенная легко узнаваемая и часто используемая форма (усеченная/полная), связанная с передачей определенного значения/выполнением определенной функции в дискурсе [16; 23].

Анализ синтаксической формы повелительных высказываний представлен в ряде фундаментальных работ (например, Quirk et al.; Leech, Svartvik [19; 21]). Согласно данным источникам в некоторых прагматических контекстах некоторая часть информации, содержащаяся в высказывании/части высказывания, становится избыточной и может быть «отсечена» от общей структуры, в результате чего образуются краткие, неполные (авторы называют их формулаичными) высказывания [19, p. 99, 128] или ‘adverbials’ [21, p. 842-843].

В современной литературе для обозначений форм повелительных высказываний в дискурсе также используются термины «канонический/неканонический». Термин «каноническое» по отношению к повелительным высказываниям в дискурсе может быть применен в соответствии с двумя критериями. Первый критерий относится к синтаксической структуре повелительных высказываний. В.С. Храковский и А.П. Володин, А. Айхенвальд и др. используют термин «канонический императив» применительно к синтаксической форме, точнее одной из форм наклонения [7; 13, p. 18-66, 428; 16, p. 93-94]. Второй критерий относится к семантическому содержанию повелительного высказывания в дискурсе: А.А. Кибрик, В.И. Подлеская используют термин «каноническая» применительно к элементарной дискурсивной единице (ЭДЕ), где каноничность определяется как соответствие ряду критериев: «Семантический объем канонической ЭДЕ – это описание одного события или состояния. С синтаксической точки зрения такая каноническая ЭДЕ представляет собой одну предикацию (клаузу). Наконец, просодически ЭДЕ организуется как одна произносительная конфигурация с точки зрения единого контура частоты основного тона, наличия основного акцентного центра, темпового паттерна (ускорение в начале – замедление в конце), громкостного паттерна (затухание к концу) и наличия пограничных пауз по краям». Они также отмеча-

ют, что неканонические ЭДЕ в виде нефинитных глагольных клауз в дискурсе встречаются реже, чем канонические и образуются «при особых когнитивных обстоятельствах» [3, с. 57, 61, 63]. А.А. Кибрик, В.И. Подлесская называют такие ЭДЕ «малыми» и отмечают, что малые неканонические ЭДЕ «представляют собой случаи расхождения между семантико-синтаксическим и просодическим аспектами локальной структуры дискурса. Фактически в этих случаях содержание одной ЭДЕ, выделяемой на просодических основаниях, оказывается меньше ... простой клаузы» [Там же, с. 62-64].

Таким образом, несмотря на то, что отечественные и зарубежные источники описывают синтаксическую структуру повелительных высказываний, существует пробел в описании типов синтаксических структур в дискурсе. Представляется необходимым изучить, описать и категоризировать неполные синтаксические структуры повелительных высказываний, что позволит понять, что лежит в основании языковых механизмов построения конструкций различных видов повелительных высказываний в дискурсе.

Материалы и методы

Материалом проведенного исследования послужил два корпуса произведений британских авторов, включающий в себя 22 драматургических произведения. Использование драматургических произведений для изучения поведения повелительных высказываний в дискурсе представляется релевантным по ряду причин [6, с. 128; 8; 22, р. 22-23]: 1) драматургическое произведение позволяет обеспечить достаточный объем корпуса, чтобы считать выборку высказываний репрезентативной, а сделанные выводы валидными и достоверными; 2) достаточное количество драматургических произведений, принадлежащих одному жанру позволяет нивелировать индивидуальные авторские стилистические особенности текста; 3) драматургические произведения разных жанров обеспечивают достаточное количество дискурсивных контекстов, в которых используются повелительные высказывания с разной синтаксической структурой; 4) диалоги в драматургических произведениях отра-

жают различные ситуативные контексты, социальные и коммуникативные роли участников дискурсивной деятельности и другие характеристики, способные оказать влияние на использование языковых единиц в дискурсе.

Два корпуса исследования включают в себя произведения, предназначенные для взрослой аудитории и принадлежащие жанру «британский детектив» (AImperative, 1764 повелительных выск.), и произведения, предназначенные для аудитории Young Adult и принадлежащие жанру «fantasy» (YAImpervative, 4382 повелительных выск.). Данные корпуса были подвергнуты корпусному анализу, в результате которого были выявлены: 1) наиболее частые синтаксические конструкции повелительных высказываний, 2) глаголы, обозначающие процесс порождения речевого сообщения, 3) квалификаторы [10; 11], сопровождающие повелительные высказывания в диалогических и монологических речевых сообщениях. На основании информации о глаголах и сопровождающих их квалификаторах повелительным высказываниям были присвоены следующие индексы эмотивной/экспрессивной нагрузки высказывания: N, N+, O, P. Индекс со значением N характеризует высказывания, эмотивная/экспрессивная нагрузка которых представлена как «нейтральная» или не имеющая эксплицитного выражения в виде синтаксических/лексических маркеров, как то восклицательный знак, лексическая единица, маркированная как пейоративная/амелиоративная. Индекс со значением N+ характеризует высказывания, эмотивная/экспрессивная нагрузка которых представлена как имеющая эксплицитное выражение в виде синтаксических/лексических маркеров, но характер этой эмотивной/экспрессивной нагрузки не определяется. Индекс со значением O характеризует высказывания, эмотивная/экспрессивная нагрузка которых представлена как имеющая эксплицитное выражение в виде синтаксических/лексических маркеров с четко определяемой отрицательной эмотивной/экспрессивной нагрузкой. Индекс со значением P характеризует высказывания, эмотивная/экспрессивная нагрузка которых представлена как имеющая эксплицитное выражение в виде синтаксических/лексиче-

ских маркеров с четко определяемой положительной эмотивной/экспрессивной нагрузкой.

Из двух корпусов исследования были сделаны выборки повелительных высказываний, для которых были определены синтаксические характеристики «полная синтаксическая структура» и «неполная синтаксическая структура». Высказывания с полной синтаксической структурой получили индекс «0» как немаркированные, высказывания с неполной синтаксической структурой получили индекс «1» как маркированные.

Результаты и обсуждение

Высказывания с неполной синтаксической структурой

Долевое соотношение высказываний с полной и неполной синтаксическими структурами показано на Диаграмме 1.

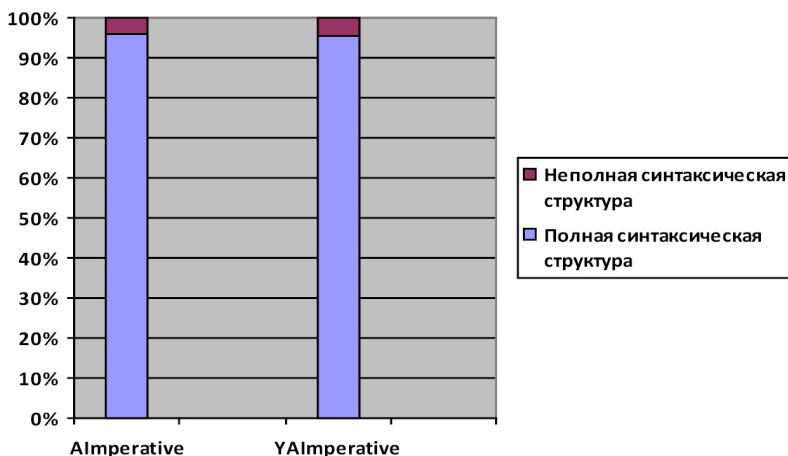

Диаграмма 1. Неполные и полные синтаксические структуры повелительных высказываний (выборки AImperative и YAImpertive)

Данные диаграммы показывают, что повелительные высказывания с неполной синтаксической структурой встречаются значительно реже, чем повелительные высказывания с полной синтаксической конструкцией. В то же время долевое соотношение повелительных высказываний с синтаксическими конструкциями

разной степени полноты имеет приблизительно равные значения в обеих выборках. Это показывает, что выбор той или иной конструкции повелительного высказывания обусловлен не индивидуальными стилевыми особенностями жанра или автора, но тем или иным дискурсивным контекстом.

Типы неполных синтаксических структур повелительных высказываний

Из корпусов AImperative и YAImperative была сделана выборка повелительных высказываний с неполной синтаксической структурой – 257 высказываний. В выборке были выделены следующие группы неполных синтаксических структур повелительных высказываний: предложные словосочетания (Prepositional Phrases), словосочетания, в которых главный элемент – прилагательное (Adjective Phrases), словосочетания, в которых главный элемент – наречие (Adverb Phrases), словосочетания, в которых главный элемент – существительное (Noun Phrases), междометные формы (Interjection), словосочетания, в которых главный элемент – местоимение (Pronoun Phrases), словосочетания, содержащие ‘please’ (‘Please’ Phrases). Распределение высказываний в группах показано на Диаграмме 2.

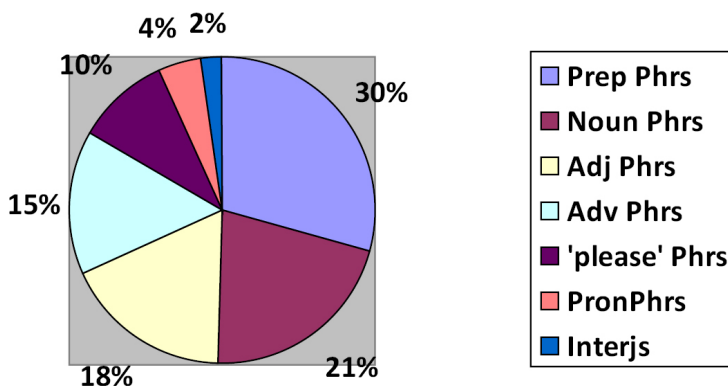

Диаграмма 2. Долевое соотношение типов неполных синтаксических структур повелительных высказываний в выборке

Таким образом, неполные синтаксические структуры представлены следующими типами:

- Самой многочисленной группой оказалась группа, представленная предложными словосочетаниями (30%).
- На втором месте по численности находится группа, представленная словосочетаниями с главным словом – существительным (21%).
- На третьем и четвертом местах с небольшим различием оказались адъективные и адвербиальные/наречные словосочетания (18% и 15%).
- На пятом месте оказалась группа словосочетаний, содержащих ‘please’ (10%).
- На двух последних местах оказались словосочетания, в которых главное слово – местоимение (4%), и междометные формы (2%).

Лексическое наполнение неполных синтаксических структур повелительных высказываний

Самым частотным элементом в группе, содержащей междометные формы, является элемент *here* – в 60% высказываний.

В группе словосочетаний с местоимением в качестве главного слова основной элемент представлен местоимением *you* (54%), *everyone* (36%), *all together* (9%). Второй элемент представлен наречиями, обозначающими порядок следования – *first/next* (54%), наречиями, обозначающими время действия – *now* (27%), предложными наречиями, обозначающими направление – *back/inside/out* (18%).

В группе адвербиальных словосочетаний самым частотным оказалось наречие, обозначающее время действия *now* (38%), на втором и третьем местах оказались наречия, обозначающие образ действия – *quietly/quickly* и др. (26%), а также предложные наречия, обозначающие направление действия – *forward/back/inside* и др. (27%).

В группе адъективных словосочетаний наиболее частотными оказались прилагательные, характеризующие действие: прилагательное *quick* – 28%, *steady* – 24%, *quiet* – 17%, *careful* – 11%, а также прилагательные в сравнительной степени – *some more/faster/further* (11%), другие прилагательные – 9%.

В группе номинальных словосочетаний были зарегистрированы единицы, содержащие *silence* – 21% (в 36% этих структур присутствует обращение/вокатив), *this way* – 11% (в 50% этих структур присутствует обращение/вокатив, в 33% – *please*), другие существительные – 68%. Несмотря на разнообразие лексического наполнения в этой группе, оказалось возможным выделить подтипы синтаксических конструкций внутри группы:

- на основе критерия позиции главного слова в словосочетании: главное слово – существительное – стоит в начале или в конце словосочетания.
- на основании критерия значения главного слова: существительное обозначает объект, на который направлено действие, существительное обозначает субъект, к которому направлено повелительное высказывание. В первом случае после существительного также может идти предлог, указывающий на направление действия, которое следует произвести с этим предметом – 28%. Такая структура может заканчиваться обращением/вокативом – 22% или *please* – 15%. Во втором случае существительное является обращением, за которым в 55% случаев следует *please*.

Самая широко представленная неполная структура повелительного высказывания – предложное словосочетание. Наиболее частотными предлогами, используемыми в этих словосочетаниях, являются:

- словосочетания с предлогом *out* – 18%, среди этих словосочетаний группа *out of the way* встречается в 60% структур, *out with* – в 26% структур.
- словосочетания с предлогом *in* – 18%, среди этих словосочетаний группа *in here* встречается в 50% структур.
- словосочетания с предлогом *over* – 14%, среди этих словосочетаний группа *over here* встречается в 91% структур.
- словосочетания с предлогом *off* – 13%, среди этих словосочетаний группа *off with* встречается в 50% структур.
- словосочетания с предлогом *back* встречается в 7%.

- словосочетания с предлогами *to/up/on/through* встречаются в 16%, словосочетания с предлогами *down/here/after/ beside* и др. встречается в 14%.

Обсуждение результатов

Как было отмечено К. Аймер, необходимо понимать, что грамматически дефективные формы (*prepositional phrases, non-sentences, fragments*) не образуются стихийно, они также следуют определенным правилам/моделям и генерируются в соответствии с правилами структуры дискурса [12]. Это подтверждается результатами корпусного исследования неполных синтаксических структур повелительных высказываний в дискурсе. Как было отмечено ранее, некоторые «прагматические контексты» [19, р. 99, 128] приводят к тому, что определенная часть синтаксической структуры высказывания может опознаваться говорящим как избыточная и «отсекаться» от общей структуры. Избыточной в нормативной структуре предложения традиционно считается тематическая часть высказывания. Новая информация, которую необходимо передать в рамках дискурсивной деятельности, относится к рематической части высказывания, которая в нормативном высказывании представлена субъектными и объектными квалификаторами [10; 11; 21, р. 842-843]. Это подтверждается тем, что адъективные, адвербиальные, предложные словосочетания, составляющие неполные синтаксические структуры повелительных высказываний как раз могут быть отнесены к таким квалификаторам и составляют 63% выборки.

В то же время, как было отмечено ранее, некоторые «особые когнитивные обстоятельства» [3, с. 63] приводят к тому, что значимой в контексте конкретной дискурсивной деятельности может считаться та часть структуры высказывания, которая в нормативном высказывании относится к тематической: например, подлежащее, представленное именем существительным/местоимением. В этом случае неполные синтаксические структуры будут представлены другими сочетаниями — номинальными или прономинальными словосочетаниями, а также междометийными формами и др. Такие неполные

структуры в выборке встречаются значительно реже и составляют 37% выборки. Самая многочисленная группа представлена номинальными словосочетаниями (21%), словосочетаниями с элементом *please* (10%) и прономинальными словосочетаниями (4%), что соответствует коммуникативной цели повелительного высказывания: в определенных когнитивных обстоятельствах становится важным обозначить субъекта, выполняющего действие или выразить побуждение максимально экономным способом. Междометийные формы занимают последнее по частотности место, что может объясняться размытостью их семантического содержания [5].

Кроме того, в ходе исследования в каждой группе неполных синтаксических структур повелительных высказываний были выявлены повторяющиеся конструкции. Это также свидетельствует о наличии процессов десемантизации и грамматикализации, в результате которых такая неполная синтаксическая форма повелительного высказывания становится легко узнаваемой в силу частотности использования, закрепляется за передачей определенного значения/выполнением определенной функции в дискурсе, характеризуется определенной стабильностью формы, то есть соответствует критериям формулаичных единиц, изложенным во введении в данной работе [20, р. 16].

Заключение

1. Результаты исследования показывают, что использование неполных синтаксических структур повелительных высказываний зависит не столько от индивидуального стиля автора речевого сообщения или жанра исследуемого текста, сколько от прагматических контекстов.

2. Неполные синтаксические структуры повелительных высказываний в дискурсе подвергаются процессам десемантизации и грамматикализации, в результате чего эти структуры становятся формулаичными или частично приобретают характеристики формулаичных конструкций.

3. В выборке исследования были зарегистрированы группы неполных синтаксических конструкций повелительных высказыва-

ний, характеризующиеся единообразием форм, функций, выполняемых в дискурсе и передаваемых значений.

4. Данные группы неполных синтаксических конструкций повелительных высказываний представляют результат «усечения» полной грамматической конструкции, происходящего при двух условиях: в нормативном высказывании «усечению» подвергается тематическая часть конструкции, а в особых когнитивных/прагматических контекстах – та часть, которая в нормативном высказывании считается рематической. Это отражается в синтаксической структуре словосочетаний, составляющих выявленные группы неполных синтаксических структур повелительных высказываний.

Список литературы

1. Болдырев Н.Н. Язык и система знаний. Когнитивная теория языка. М.: Издательский дом ЯСК, 2019. 480 с.
2. Гусев В.Ю. Типология императива. М.: Языки славянской культуры, 2013. 336 с.
3. Кибрик А.А., Подлесская В.И. Рассказы о сновидениях: Корпусное исследование устного русского дискурса. М.: Языки славянской культуры, 2009. 737 с.
4. Колесов И.Ю. Английские рекуррентные структуры как грамматические конструкции // Вопросы когнитивной лингвистики. 2023. № 1. С. 99-112. <https://doi.org/10.20916/1812-3228-2023-1-99-112>
5. Кручинина И.Н. Междометие // Русская грамматика. Фонетика, фонология, ударение, интонация, словообразование, морфология. Т. 1 М.: Наука, 1980. С. 731-735.
6. Кубрякова Е.С. В поисках сущности языка: Когнитивные исследования. М.: Знак, 2012. 208 с.
7. Храковский В.С., Володин А.П. Семантика и типология императива: Русский императив. М.: Едиториал УРСС, 2002. 272 с.
8. Чемодурова З.М. Символизм транскультурального художественного текста как механизм усиления когнитивной активности читателей // Вопросы когнитивной лингвистики. 2023. № 2. С. 24-37. <https://doi.org/10.20916/1812-3228-2023-2-24-37>

9. Шведова Н.Ю. Простое предложение: Основные понятия // Русская грамматика. Т. 2. М.: Наука, 1980. С. 83-91.
10. Шведова Н.Ю. Семантическая структура простого предложения // Русская грамматика. Т. 2. М.: Наука, 1980. С. 123-135.
11. Щирова И.А. Когнитивная активность читателя как условие успешной интерпретации // Известия ВПГУ. Филологические науки. 2019. № 1(134). С. 148-152.
12. Aijmer K. *Conversational Routines in English*. London and New York, NY: Routledge, 2014. 251 p.
13. Aikhenvald A.Y. *Imperatives and commands*. Oxford: Oxford University Press, 2010. 354 p.
14. Aikhenvald A.Y. *Imperatives and Commands: A crosslinguistic view* // *Commands: A crosslinguistic typology*. Oxford: Oxford University Press, 2017. P. 1-45.
15. Dobrushina N. *Imperative Deictic Reduction* // *International Symposium on Deictic Systems and Quantification in Languages Spoken in Europe and North and Central Asia. Collection of Papers*. Udmurt State University, Izhevsk, Russia. Max Planck Institute for Evolutionary Anthropology, Department of Linguistics, Leipzig, Germany, 2003. P. 66-83.
16. Jary M., Kissine R.M. *Imperatives*. Cambridge: Cambridge University Press, 2014. 326 p. <https://doi.org/10.1017/CBO9780511998126>
17. Kaufmann M. *Interpreting Imperatives*. Dordrecht, Heidelberg, London, New York: Springer, 2012. 269 p. <https://doi.org/10.1007/978-94-007-2269-9>
18. Kay P., Michaelis L.A. *Constructional meaning and compositionality* // *Semantics – Interfaces*. Berlin, Boston: De Gruyter, 2019. P. 293-324. <https://doi.org/10.1515/9783110589849-009>
19. Leech G.A., Svartvik J. *Communicative Grammar of English*. London: Pearson Education, 2003. 440 p.
20. Lin Phoebe M.S. *The Prosody of Formulaic Sequences. A Corpus and Discourse Approach*. London and New York, NY: Bloomsbury Academic, 2018. 248 p.
21. Quirk R., Greenbaum S., Leech G., Svartvik J. *A Comprehensive Grammar of the English Language* (2nd ed.). Pearson Longman, 1985. 1779 p.

22. Takahashi H. A Cognitive Linguistic Analysis of the English Imperative. With special reference to Japanese imperatives. Amsterdam / Philadelphia: John Benjamins Publishing, 2012. 242 p. <https://doi.org/10.1075/hcp.35>
23. Vieira M.M., Wiedemer M.L. Variationist Sociolinguistics and Construction Grammar: The Challenges and the Prospects of Compatibilization. *Dimensões e experiências em Sociolinguística*. São Paulo: Blucher, 2019. P. 21-28.
24. Wray A. Formulaic Language and the Lexicon. Cambridge: Cambridge University Press, 2002. 332 p.

References

1. Boldyrev N.N. *Language and Knowledge System. Cognitive Theory of Language*. Moscow: YaSK Publ., 2019, 480 p.
2. Gusev V. Yu. *Typology of the Imperative*. Moscow: YaSK Publ., 2013, 336 p.
3. Kibrik A.A., Podlesskaya V.I. *Dream Stories: A Corpus Study of Russian Oral Discourse*. Moscow: YaSK Publ., 2009, 737 p.
4. Kolesov I.Yu. Recurrent English Structures Viewed as Grammar Constructions. *Voprosy kognitivnoy lingvistiki* [Issues in Cognitive Linguistics], 2023, no. 1, pp. 99-112. <https://doi.org/10.20916/1812-3228-2023-1-99-112>
5. Kruchinina I.N. Interjection. *Russkaya grammatika* [Russian Grammar], 1980, vol. 1. Moscow: Nauka Publ., pp. 731-735.
6. Kubryakova E.S. *In Search of the Essence of Language: Cognitive Studies*. Moscow: Znak Publ., 2012, 208 p.
7. Khrakovskiy V.S., Volodin A.P. *Semantics and Typology of the Imperative: Russian Imperative*. Moscow: Editorial URSS Publ., 2002, 272 p.
8. Chemodurova Z.M. Symbolism of Transcultural Fiction as a Mechanism to Intensify Readers' Cognitive Activity. *Voprosy kognitivnoy lingvistiki* [Issues in Cognitive Linguistics], 2023, no. 2, pp. 24-37. <https://doi.org/10.20916/1812-3228-2023-2-24-37>
9. Shvedova N.Yu. Simple Sentence: Basic Notions. *Russkaya grammatika* [Russian Grammar], vol. 2. Moscow: Nauka Publ., 1980, pp. 83-91.

10. Shvedova N.Yu. Semantic Structure of a Simple Sentence. *Russkaya grammatika* [Russian Grammar], vol. 2. Moscow: Nauka Publ., 1980, pp. 123-135.
11. Shirova I.A. Cognitive Activity of the Reader as a Condition for Successful Interpretation. *Izvestia VPGU. Filologicheskie nauki* [VPSU Bulletin. Philological Sciences], 2019, no. 1(134), pp. 148-152.
12. Aijmer K. *Conversational Routines in English*. London and New York, NY: Routledge, 2014, 251 p.
13. Aikhenvald A.Y. *Imperatives and Commands*. Oxford: Oxford University Press, 2010, 354 p.
14. Aikhenvald A.Y. Imperatives and Commands: A Crosslinguistic View. *Commands: A crosslinguistic typology*. Oxford: Oxford University Press, 2017, pp. 1-45.
15. Dobrushina N. Imperative Deictic Reduction. *International Symposium on Deictic Systems and Quantification in Languages Spoken in Europe and North and Central Asia. Collection of Papers*. Udmurt State University, Izhevsk, Russia. Max Planck Institute for Evolutionary Anthropology, Department of Linguistics, Leipzig, Germany, 2003, pp. 66-83.
16. Jary M., Kissine R.M. *Imperatives*. Cambridge: Cambridge University Press, 2014, 326 p. <https://doi.org/10.1017/CBO9780511998126>
17. Kaufmann M. *Interpreting imperatives*. Dordrecht, Heidelberg, London, New York: Springer, 2012, 269 p. <https://doi.org/10.1007/978-94-007-2269-9>
18. Kay P., Michaelis L.A. Constructional Meaning and Compositionality. *Semantics – Interfaces*. Berlin, Boston: De Gruyter, 2019, pp. 293-324. <https://doi.org/10.1515/9783110589849-009>
19. Leech G.A., Svartvik J. *Communicative Grammar of English*. London: Pearson Education, 2003, 440 p.
20. Lin Phoebe M.S. *The Prosody of Formulaic Sequences. A Corpus and Discourse Approach*. London and New York, NY: Bloomsbury Academic, 2018, 248 p.
21. Quirk R., Greenbaum S., Leech G., Svartvik J. *A Comprehensive Grammar of the English Language* (2nd ed.). Pearson Longman, 1985, 1779 p.
22. Takahashi H. *A Cognitive Linguistic Analysis of the English Imperative. With special reference to Japanese imperatives*. Amsterdam / Philadel-

- phia: John Benjamins Publishing, 2012, 242 p. <https://doi.org/10.1075/hcp.35>
23. Vieira M.M., Wiedemer M.L. Variationist Sociolinguistics and Construction Grammar: The Challenges and the Prospects of Compatibilization. *Dimensões e experiências em Sociolinguística*. São Paulo: Blucher, 2019, pp. 21-28.
24. Wray A. *Formulaic Language and the Lexicon*. Cambridge: Cambridge University Press, 2002, 332 p.

ДАННЫЕ ОБ АВТОРЕ

Ненашева Юлия Александровна, кандидат филологических наук,
доцент, доцент кафедры английской филологии
Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет
ул. Ленина, 69, г. Челябинск, 454080, Российская Федерация
jnena@rambler.ru

DATA ABOUT THE AUTHOR

Iuliia A. Nenasheva, PhD in Philology, Associate Professor, Associate
Professor of English Philology Department
South Ural State Humanitarian Pedagogical University (SUSHPU)
69, Lenin Str., Chelyabinsk, 454080, Russian Federation
jnena@rambler.ru
SPIN-code: 5482-8994
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9474-6457>
ResearcherID: C-1444-2018
Academia.edu: <https://independent.academia.edu/JuliaNenasheva>
ResearchGate: <https://www.researchgate.net/profile/Yulia-Nenasheva>
jnena@rambler.ru

Поступила 30.11.2024

После рецензирования 15.12.2024

Принята 21.12.2024

Received 30.11.2024

Revised 15.12.2024

Accepted 21.12.2024

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

HISTORY STUDIES

DOI: 10.12731/2077-1770-2024-16-4-470

УДК 93/94

Научная статья | Отечественная история

ШКОЛЬНЫЕ УЧЕБНИКИ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ КАК ИНСТРУМЕНТ ПОЛИТИКИ ПАМЯТИ СОВЕТСКОГО ГОСУДАРСТВА

И.С. Огоновская

Обоснование. *Актуализируется проблема влияния государственной политики на развитие исторического образования в советской школе, а также содержание школьных учебников истории СССР. Рассмотрены причины трансформации школьного исторического образования в соответствии с изменениями политических установок, этапов развития советского общества, сменой лидеров страны, концептуальных подходов в исторической науке.*

Цель исследования – выявить факторы, позволяющие рассматривать советские школьные учебники отечественной истории как инструмент политики памяти.

Материалы и методы. *Источниковой базой исследования являются школьные учебники истории, издаваемые в Советской России и СССР в 1917-1989 гг., учебные программы, дневник историка С.А. Понотковского, оформленные в виде статьи воспоминания автора учебника истории СССР В.Д. Есакова, материалы периодической печати (журналы «Борьба классов», «Историк-марксист», «Преподавание истории школе»), а также постановления ЦК ВКП(б), СНК СССР, министерства просвещения / образования СССР, рассмотренные на основе историко-описательного (в качестве основного), историко-хронологического, историко-системного, историко-сравнительного, проблемного и других методов исторического исследования.*

Результаты. *Для достижения цели были изучены нормативно-правовые акты, определявшие целевые ориентиры и структу-*

ру системы образования, в том числе исторического; содержание школьных учебников отечественной истории, претерпевавшее многочисленные изменения в связи с поступавшими указаниями «сверху»; дискуссионные вопросы советской исторической науки, находившие отражение в содержании учебников; этапы развития исторического образования в стране, особенности которых были связаны с политическими изменениями; страницы биографий авторов учебников, позволяющие видеть их взаимоотношения с властью, отношение к происходившим в стране процессам.

Это позволило сделать выводы о том, что на каждом этапе развития советского общества школьные учебники истории использовались в качестве проводников государственной политики, как инструмент политики памяти и механизм взаимодействия власти и системы образования, как фактор влияния на умы подрастающего поколения и средство контроля за умонастроениями историков – авторов учебников, как массовая книга, субъективно оценивавшая прошлое и дающая ориентиры будущего.

Ключевые слова: историческое образование; политика памяти; учебники истории СССР; школа; Наркомат просвещения РСФСР; Министерство просвещения СССР; авторы школьных учебников истории СССР

Для цитирования. Огоновская И.С. Школьные учебники отечественной истории как инструмент политики памяти советского государства // Современные исследования социальных проблем. 2024. Т. 16, № 4. С. 193-223. DOI: 10.12731/2077-1770-2024-16-4-470

Original article | National History

SCHOOL TEXTBOOKS OF NATIONAL HISTORY AS AN INSTRUMENT OF THE MEMORY POLICY OF THE SOVIET STATE

I.S. Ogonovskaya

Background. The problem of the influence of state policy on the development of historical education in the Soviet school, as well as the

content of school textbooks on the history of the USSR, is updated. The reasons for the transformation of school historical education in accordance with changes in political attitudes, stages of development of Soviet society, the change of leaders of the country, conceptual approaches in historical science are considered.

The purpose of the study: *to identify factors that allow us to consider Soviet school textbooks on national history as an instrument of memory policy.*

Materials and methods. *The source base of the research is school history textbooks published in Soviet Russia and the USSR in 1917-1989, curricula, the diary of the historian S.A. Piontkovsky, memoirs of the author of the history textbook of the USSR V.D. Esakov, presented in the form of an article, materials of the periodical press (the magazines "The Struggle of Classes", "The Marxist Historian", "Teaching History to Schools"), as well as resolutions of the Central Committee of the All-Union Communist Party (Bolsheviks), the Council of People's Commissars of the USSR, the Ministry of Education / Education of the USSR, considered on the basis of historical-descriptive (as the main), historical-chronological, historical-systemic, historical-comparative, problematic and other methods of historical research.*

Results. *To achieve the goal, the following were studied: legal acts defining the target guidelines and structure of the education system, including history; the content of school textbooks on Russian history, which underwent numerous changes in connection with instructions received "from above"; controversial issues of Soviet historical science, reflected in the content of textbooks; stages of development of historical education in the country, the features of which were associated with political changes; pages of biographies of textbook authors, allowing us to see their relationships with the authorities, their attitude to the processes taking place in the country.*

This allowed us to draw conclusions that at each stage of development of Soviet society, school history textbooks were used as conductors of state policy, as an instrument of memory policy and a mechanism for interaction between the authorities and the education system, as a fac-

tor influencing the minds of the younger generation and a means of controlling the mentality of historians - authors of textbooks, as a mass book that subjectively assessed the past and provided guidelines for the future.

Keywords: *historical education; memory policy; history textbooks of the USSR; school; People's Commissariat of Education of the RSFSR; Ministry of Education of the USSR; authors of school history textbooks of the USSR*

For citation. *Ogonovskaya I.S. School Textbooks of National History as an Instrument of the Memory Policy of the Soviet State. Sovremennye Issledovaniya Sotsialnykh Problem [Modern Studies of Social Issues], 2024, vol. 16, no. 4, pp. 193-223. DOI: 10.12731/2077-1770-2024-16-4-470*

Введение

Актуальность выбранной темы связана с дискуссиями в современном российском обществе относительно учебников отечественной истории. Рассматривая их в качестве инструментов политики памяти, исторической памяти, «места памяти», мы отталкиваемся от работ известных авторов в области исследования памяти, истории и отношения людей к своему прошлому. Французский историк Марк Ферро писал о том, что господствующие структуры (государство, церковь, политические партии и др.) владеют средствами массовой информации и книгоизданием, финансируют выпуск школьных учебников, комиксов, кино, при этом «отпускают прошлое всем и каждому» [46, с. 8, 9]. Французский социолог Морис Хальбвакс отмечал, что события прошлого, прочитанные в книгах, изучаемые и заучиваемые в школе, «отбираются, сопоставляются и классифицируются, исходя из потребностей или правил, которые не были актуальными для тех кругов, которые долгое время хранили живую память о них» [48, с. 42]. Французский историк Пьер Нора считает, что «места памяти» – это то, что сохраняет память группы людей, поддерживает сообщество различными способами, что живет благодаря желанию помнить, благодаря пониманию того, что возможности человеческой памяти ограничены [30]. К местам памяти он

относил и книги, и в этом смысле школьные учебники истории как раз можно рассматривать как «места памяти», но при этом с определенным и утвержденным «сверху» содержанием.

Немецкий социолог Харальд Вельцер утверждает, что память «вообще связана не столько с прошлым, сколько с настоящим», и утверждает, что она «абсолютно оппортунистична: ... берет то, что ей полезно, и отбрасывает то, что представляется ей лишним или неприятным» [12, с. 60]. Это утверждение Вельцера можно экстраполировать на проблему политики памяти, которая связана с настоящим и, действительно, предполагает выборку необходимых для государственных целей исторических сюжетов, героев и антигероев.

Мы рассматриваем учебники истории в качестве инструмента политики памяти в условиях существовавшего в советское время государственного заказа на формирование у обучающимися марксистского понимания истории, воспитание детей и молодежи в русле задач социалистического и коммунистического строительства [29, с. 166; 28, с. 179].

Характеризуя учебные издания по истории как инструмент исторической памяти, мы исходим из их характеристики как своеобразной «копилки» представлений о социальном прошлом, накопленном на индивидуальном и массовом уровнях, включающих когнитивный, образный и эмоциональный компоненты [41, с. 69]. «Местом памяти» школьные учебники считаются нами на основании включенного в них целенаправленно отобранного исторического материала, отражающего определенные этапы развития коллективной памяти общества и служащего основой коллективного самоопределения [43, с. 263].

Новизна исследования заключается в комплексном историко-хронологическом подходе к изучению учебников истории СССР, изданных и использованных в учебном процессе в течение семи советских десятилетий, на основе принципов *объективности* (показана взаимосвязь государственной политики в сфере школьного исторического образования с концепциями исторической науки и содержанием школьных учебников), *системности* (рассмотрены

все вышедшие за указанный период учебные издания и их содержательные доминанты), *исторической динамики* (проанализированы изменения в содержании учебников в соответствии с задачами, поставленными ВКП(б) – КПСС и правительством, а также в соответствии с развитием исторической науки в стране).

К настоящему времени не вышло ни одной работы, охватывающей по хронологии все периоды советской истории и раскрывающей в полной мере проблему взаимосвязи государственной политики, исторической науки, исторического образования в школе и школьных учебников отечественной истории: в очерках Л.П. Бущика рассмотрены этапы школьного исторического образования в 1917 – 1950-е гг., но меньше уделено внимания конкретным учебникам [10]; в трудах А.М. Дубровского представлен период 1930-х – 1950-х гг. и особое внимание уделено первому советскому учебнику истории СССР под редакцией А.В. Шестакова [15; 16]; в диссертации А.Н. Фукса в качестве историографического феномена представлены учебники истории XVII в. – 1930-х гг. [47]; в диссертации Л.Е. Рудневой рассмотрены учебники 1940-х – 1980-х гг., включая и учебные издания по зарубежной истории, что не позволило автору более детально проанализировать учебники истории СССР [42]; в монографии В.Э. Багдасаряна и его соавторов дается общий обзор учебной литературы, выходившей в сталинский, хрущевский и горбачевский периоды [1]. Именно поэтому автор стремился проанализировать все вышедшие в советское время школьные учебники и сделать самостоятельные выводы относительно их содержания и вносимых в него изменений.

Цель исследования: выявить факторы, позволяющие рассматривать советские школьные учебники отечественной истории как инструмент политики памяти.

Материалы и методы

Государственная политика в отношении школьного исторического образования рассматривается нами на основе 15 постановлений ВЦИК, ЦК ВКП(б) – КПСС, СНК СССР, Наркомата просвещения РСФСР, Министерства просвещения / образования СССР, Верхов-

ного Совета СССР, принятых в 1918–1972 гг. Кроме того, источниковой базой исследования стали 22 школьных учебника истории, изданные в Советской России и СССР в 1917-1989 гг., учебные программы, а также материалы периодической печати: журналов «Большевик», «Борьба классов», «Историк-марксист», «Исторический журнал», «История СССР», «Преподавание истории в школе». В качестве источника в работе использован дневник историка С.А. Пионтковского, дающий представление о серьезности контроля партии за процессом создания первых советских учебников истории СССР [14], а также статья мемуарного характера одного из авторов учебника истории СССР 1980-х гг. В.Д. Есакова [17].

При анализе названных источников, в первую очередь, использован историко-описательный метод: собраны и проанализированы данные о всех школьных учебниках истории СССР, выдержавших наибольшее количество изданий; рассмотрены нормативно-правовые акты ВКП(б) – КПСС и советского правительства, касающиеся исторического образования; выделены доминанты исторического образования на различных этапах развития советского общества, изучены биографии авторов учебников и т.д.). Кроме этого в исследовании применялись историко-системный (анализируется система исторического образования на протяжении всего советского периода), историко-хронологический (выделены этапы исторического образования в советской школе), историко-сравнительный (сравнивалось содержание школьных учебников истории в различные периоды советской эпохи), проблемный (рассматривались проблемы, связанные с утверждением исторического образования в советской школе, изменением содержания и изданием учебных книг) и другие методы исторического исследования.

Результаты исследования

Приход к власти большевиков в октябре 1917 г. среди прочих поставил вопрос о новой системе образования, и практически сразу разгорелись дискуссии об историческом образовании. Даже нарком просвещения А.В. Луначарский не считал нужным преподавание

истории по причине того, что обращение к прошлому может быть «опасным», а прежние (дореволюционные) учителя не смогут освещать его объективно [27, с. 4]. Заместитель наркома просвещения, известный в то время историк, председатель созданного при Наркомпросе Государственного Ученого Совета (ГУС) М.Н. Покровский отстаивал тогда идею замены истории курсом обществоведения, аргументируя это тем, что новых, не буржуазных учебников, написанных на основе классового подхода через призму борьбы народных масс против эксплуататоров, пока не существует [36, с. 111].

Споры о преподавании истории в конечном итоге завершились включением отдельных исторических тем в курс обществоведения, хотя в школе II-й ступени некоторое время историю преподавали по учебникам дореволюционных авторов: М.М. Богословского, С.Ф. Платонова, Н.А. Рожкова, К.В. Сивкова и др. В течение 1920-х гг. обществоведение как предмет преподавалось на основе синтеза экономики, права, истории развития производительных сил, истории классовой борьбы и др. [40] При этом примеры из истории давались только в качестве иллюстрации того или иного явления или процесса. Вместе с тем, уже во второй половине 1920-х гг. стало очевидным, что исторические темы, данные бессистемно и в качестве «довеска» к обществоведению, не привели к видению учащимися «исторической перспективы». Об этом шла речь на одном из заседаний Общества историков-марксистов в конце 1927 г. Выступавший с докладом А.З. Иоаннисиани обратил внимание на то, что анализ реализации программ обществоведения 1923 и 1925 гг. показал нецелесообразность ограничения кругозора учащихся пределами современности и синтетического изучения истории и современности. Для иллюстрации он сослался на мнение М.Н. Покровского, который отмечал в одном из выступлений, что при таком подходе Октябрьская революция рассматривалась на занятиях как местное событие и «нередко отодвигалась на программные задворки». [19, с. 152, 153].

25 августа 1931 г. вышло постановление ЦК ВКП(б) «О начальной и средней школе», согласно которому Наркомпросам союзных республик предписывалось организовать научно-марксистскую

проработку учебных программ, обеспечив в них точно очерченный круг систематизированных знаний. Это касалось и предмета истории, который должен был возвращен в школу с 1 января 1932 г. [29, с. 156, 158]. Вместе с тем, через год ЦК ВКП(б) вновь вернулся к вопросу о программах. В постановлении «Об учебных программах и режиме в начальной и средней школе» от 25 августа 1932 г. отмечалось, что в программах по общественным предметам крайне слабо дано представление об историческом прошлом народов и стран, о развитии человеческого общества и т.д., поэтому признавалось необходимым в учебные программы по обществоведению, литературе, языкам, географии и истории ввести важнейшие знания, касающиеся национальных культур народов СССР, их литературы, искусства, исторического развития, а также элементы краеведения СССР [29, с. 161, 162].

На основании постановления ЦК ВКП(б) «Об учебниках для начальной школы» от 12 февраля 1933 г. с 1 сентября 1933 г. в школе должны были появиться стабильные учебники и устойчивые программы [29, с. 164, 165]. Программы по истории в 1933 г. появились, однако уже в 1934 г. были подвергнуты серьезной критике в журнале «Борьба классов» за то, что в теме «Революционное народничество» ни слова не говорится о внутренней политике Александра II, против которого боролись и народники, и народолюбцы; в теме «Экономическая политика и классовая борьба» дана голая экономика, и нет ни одного слова о внутренней политике, которая была при Александре III и Николае II; за то, что указаны деятели революционного движения, но не указаны представители старого строя, против которого боролись революционеры (к примеру, дана аракчеевщина, а самого Аракчеева нет); в разделе «Развитие капитализма в России во второй половине XIX столетия» не дана борьба крестьян за американский путь развития против помещичьего, прусского пути и т.д. [44, с. 25-27].

13 марта 1934 г. состоялось расширенное заседание Президиума Коммунистической академии с участием заведующего отделом культуры и пропаганды ЦК А.И. Стецкого, и уже 14 марта нарком

просвещения А.С. Бубнов направил на имя И.В. Сталина проект постановления, в котором предлагалось «ввести в качестве самостоятельных курсов курсы всеобщей истории и истории России и СССР» в школе с 1934/35 учебного года. 20 марта 1934 г. состоялось заседание Политбюро ЦК ВКП(б) по вопросу о преподавании истории, школьных учебниках истории и географии, на котором председательствовал В.М. Молотов. Как вспоминает историк С.А. Пионтовский, с докладом об учебниках выступил нарком просвещения РСФСР А.С. Бубнов. После его выступления И.В. Сталин несколько раз повторил, что существующие учебники «никуда не годятся» («все эпохи и нет фактов, нет событий, нет людей, нет конкретных сведений, ни имен, ни названий, ни самого содержания»; «Нужны учебники Древнего мира, средних веков, нового времени, истории СССР, истории колониальных и угнетенных народов») [14, с. 504]. При обсуждении вопроса о параллельных учебниках генеральный секретарь ЦК ВКП(б) сказал, что они не нужны, что «параллельные книги могут быть в высшей школе, а в средней и начальной должна быть одна» [14, с. 508]. Оценивая встречу в целом, С.А. Пионтовский записал в дневнике: «Смысл события, конечно, огромен. То, что беспартийных пригласили на политбюро, то, что беспартийным дали высказаться – это определенное политическое выступление, имеющее крупное общественное значение» [14, с. 509].

15 мая 1934 г. СНК СССР и ЦК ВКП(б) приняли постановление «О преподавании гражданской истории в школах СССР», в котором критиковалась практика преподавания истории в виде абстрактных определений общественно-экономических формаций, отвлеченных социологическим схем, то есть окончательно ставился вопрос о несостоятельности реализуемой ранее концепции включения истории в курс обществоведения «по остаточному принципу» [29, с. 166]. Как пишет американский историк Д.Л. Бранденбергер, возвращение истории в школу как самостоятельного предмета должно было «вернуть чувство гордости и сделать более живым преподавание истории с помощью увлекательных рассказов о легендарных героях и злодеях» [9, с. 109].

Постановление «О преподавании гражданской истории в школах СССР» предписывало подготовить к июню 1935 г. учебники истории по различным периодам. В авторский коллектив учебника истории СССР вошли историки во главе с заместителем директора Института истории Коммунистической академии Н.Н. Ванагом – профессора Б.Д. Греков, А.М. Панкратова, С.А. Пионтковский. До 15 июня 1934 г. коллектив историков должен был подготовить конспект нового учебника по истории народов СССР. Непосредственно учебник должен был быть готов к июню 1935 г., но только после утверждения его конспекта в ЦК ВКП(б) [31, с. 83].

В тот же день, 15 мая 1934 г., теми же органами власти было принято другое постановление – «О структуре начальной и средней школы в СССР», на основании которого советская общеобразовательная школа подразделялась на три типа: начальную (1-4 классы), неполную среднюю (1-7 классы), среднюю (1-10 классы) [29, с. 167]. На основании постановления ЦК ВКП(б) «О введении в начальной и неполной средней школе элементарного курса всеобщей истории и истории СССР» от 9 июня 1934 г. в 3-м и 4-м классах вводилась элементарная история СССР с краткими сведениями по всеобщей истории, в 5-6 классах – история древнего мира, в 6-7 классах – история средних веков [29, с. 168].

7 августа 1935 г. СНК СССР и ЦК ВКП(б) приняли постановление «Об издании и продаже учебников для начальной, неполной средней и средней школы», в котором говорилось о неудовлетворительном положении дел в обеспечении школ учебниками [29, с. 168]. Это касалось и учебников истории СССР, которые так и не были созданы к июню 1935 г. Объяснение этого связано с тем, что вопрос об учебниках истории СССР сопровождался одновременно и поиском концепции отечественной истории. В дореволюционной России для историков доминантной была русская / российская история, рассматриваемая с позиции российского государства и русского народа. Она нашла отражение и в школьных учебниках истории М.П. Погодина, Д. Иловайского, С.Ф. Платонова, С.В. Рождественского и др. В трудах советских историков в 1920-е гг. националь-

но-государственный акцент также присутствовал. Вместе с тем, вхождение в состав СССР не только русских, но и других народов бывшей Российской империи, политика коренизации, начавшаяся в этот период, развитие культуры советских республик поставили вопрос об истории народов СССР. Обращение к ней было важно прежде всего с позиции показа колониальной политики самодержавия и противопоставления ей созидательной политики советского государства в отношении бывших угнетенных народов.

В конце 1928 г. – начале 1929 г. состоялся I-й съезд историков-марксистов, и, как пишет в своем дневнике С.А. Пионтковский, «русской секции не было, вместо нее была секция народов СССР», а украинские историки «вышибли нас из наших торжественных великороссийских настроений» [14, с. 231]. В дневнике С.А. Пионтковского записано, что на заседании Политбюро 20 марта 1934 г. И.В. Сталин особо подчеркнул, что нужен не учебник истории народов России, а учебник истории СССР: «... русский народ в прошлом собирал другие народы, к такому же собирательству он приступил и сейчас» [14, с. 507].

Именно в этом ключе Сталина не устроил учебник коллектива под руководством профессора Н.Н. Ванага. Учебник создавался ускоренными темпами, и 7 июля 1934 г. И.В. Сталин получил от А.С. Бубнова конспект будущего учебника «История СССР». 8 августа И.В. Сталиным, С.М. Кировым и А.А. Ждановым были составлены «Замечания по поводу конспекта учебника по истории СССР», опубликованные в газете «Правда» только 27 января 1936 г. Авторы критиковали за то, что они представили конспект русской истории (истории Руси), а не истории народов, вошедших в состав СССР; не учли данные по истории Украины, Белоруссии, Финляндии и других прибалтийских народов, северокавказских и закавказских народов, народов Средней Азии и Дальнего Востока, а также волжских и северных народов – татар, башкир, мордвы, чувашей и т.д.

3 марта 1936 г. вышло постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) «Об организации конкурса на лучший учебник для начальной школы по элементарному курсу истории Союза ССР с краткими сведе-

ниями по всеобщей истории». Определялось, что это должен быть учебник для детей 10-12 лет, обучающихся в 3-4 классах [29, с. 172]. По итогам конкурса первая премия не была присуждена. Второй премии был удостоен коллектив авторов кафедры истории СССР Московского государственного педагогического института под руководством профессора А.В. Шестакова [38, с. 1-5]. Во введении к учебнику авторы писали: «Кто лучше знает историю, тот лучше поймет и теперешнюю жизнь, тот лучше будет бороться с врагами нашей страны и укреплять социализм» [26, с. 4]. Первый раздел учебника назывался «Наша Родина в прошлом» и рассказывал о жизни первобытных людей, древнейших государствах Закавказья и Средней Азии, народах Сибири, Восточной Европы и славянах. Последний раздел с названием «СССР – страна победившего социализма» знакомил детей с итогами социалистического строительства в экономике и культурной сфере, друзьями и врагами СССР, Конституцией 1936 г. Самыми упоминаемыми и цитируемыми персоналиями в этом учебнике были В.И. Ленин и И.В. Сталин.

Первое издание учебника под редакцией А.В. Шестакова вышло в 1937 г. тиражом 5 млн экз. Последующие издания редактировались в соответствии с происходившими политическими изменениями. К примеру, из учебника в разные годы «ушли» портреты А.И. Егорова, В.К. Блюхера, С.М. Буденного, В.В. Куйбышева, Г.К. Орджоникидзе. Упоминаний и цитирований И.В. Сталина со временем стало гораздо больше. Последнее издание 1955 г., тираж которого составлял 1,3 млн экз., заканчивалось небольшим разделом «СССР после войны», в центре которого была следующая информация: «5 марта 1953 года советский народ, трудящиеся всего мира понесли тяжёлую, невозвратимую утрату. На 74-м году жизни умер ученик и продолжатель дела Ленина великий Сталин. Смерть И. В. Сталина, отдавшего всю свою жизнь служению народу, явилась тяжчайшей утратой. Светлая память о И. В. Сталине будет вечно жить в сердцах трудящихся всего мира» [20, с. 282].

В 1955 г. на смену учебнику А.В. Шестакова «пришел» новый учебник для начальной школы – победитель конкурса, объявлен-

ного Министерством просвещения РСФСР еще в 1952 г. (авторы: историк и методист В.Г. Карцов, писатель С.П. Алексеев) [21]. Это учебное пособие выдержало 9 переизданий. После XX съезда КПСС и июньского пленума ЦК КПСС 1956 г. содержание учебника претерпело существенные изменения, имя И.В. Сталина упоминалось все реже, имя В.И. Ленина – все больше и больше, к началу 1960-х гг. со страниц учебника окончательно исчезли портреты И.В. Сталина [22].

Учебники для 8-10-х классов впервые появились в СССР в 1940 г. Их разработчиками выступил коллектив ученых под руководством А.М. Панкратовой, соавторами которой были работавшие вместе с ней в Институте истории АН СССР К.В. Базилевич, С.В. Бахрушин, а также и заведующая научным кабинетом истории Государственного научно-исследовательского института школ Наркомпроса РСФСР А.В. Фохт [2; 3; 4]. Сложности, с которыми сталкивались авторы при подготовке учебников, рассмотрены нами в отдельных публикациях [32; 33]. Учебник для 8 класса выдержал 15 изданий (1940-1956; в 1957 г. его сменил учебник Л.П. Бущика) [11], для 9 класса – 21 издание (1940-1962), учебник для 10 класса – 22 издания (1940-1963). Отметим самое главное: процесс разработки учебных изданий происходил в период выработки концепции отечественной истории и осуществлялся под пристальным контролем ВКП(б) и лично И.В. Сталина; на протяжении всего периода учебные книги подвергались постоянной переработке в соответствии с политической конъюнктурой, а также с учетом критики со стороны официальных властей и педагогического сообщества. К примеру, в 1944 г. учебники под редакцией А.М. Панкратовой критиковали за «норманнизм» [15, с. 472], в 1947 г. – за недостаточное раскрытие истории народов Советского Союза [50, с. 27, 28], во второй половине 1950-х гг. – за чрезмерное восхваление и цитирование И.В. Сталина [10, с. 274, 275].

25 декабря 1958 г. Верховный Совет СССР принял закон «Об укреплении связи школы с жизнью и о дальнейшем развитии системы народного образования в СССР» [29, с. 56], на основании которого вводилось обязательное восьмилетнее образование вместо

семилетнего, а средняя полная школа стала 11-летней. Это потребовало перестройки исторического образования. 8 октября 1959 г. было принято постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О некоторых изменениях в преподавании истории в школах» и введена концентрическая система обучения [29, с. 196]. 23 февраля 1960 г. ЦК КПСС и Совет Министров СССР приняли постановление о конкурсе учебников истории.

Ориентиром для авторов стали решения XXII съезда КПСС (1961 г.) и третья Программа партии. Учитель истории должен был при помощи учебника раскрыть учащимся «закономерный процесс движения человечества к коммунизму» [28, с. 417]. В статье научного сотрудника Института истории АН СССР Ю.С. Борисова, адресованной и учителям истории, и авторам учебников, были представлены основные содержательные доминанты курса истории: выделение двух этапов в развитии феодализма («восходящее движение» и разложение), рассмотрение генезиса капитализма в его борьбе с разлагающейся феодально-крепостнической системой, внимательное изучение революционной ситуации конца 1850-х – начала 1960-х гг., характеристика особенностей эпохи империализма и подведение учащихся к пониманию закономерности крушения капиталистического строя в России и победы Великой Октябрьской социалистической революции [8, с. 34-36]. Педагогам рекомендовалось: отказаться от сталинской характеристики России накануне Октября «как полуколонии западных держав» и вернуться к ленинской характеристике России как страны со средним уровнем капиталистического развития, зависимой от ведущих империалистических держав в финансово-экономическом отношении; не придерживаться приукрашенной Сталиным завышенной оценки первых итогов социалистического строительства, индустриализации и коллективизации; не допускать принижения роли Ленина, партии, народа; более объективно рассматривать роль отдельных фронтов в годы Гражданской войны; показывать ошибки Сталина в национальном вопросе; не идеализировать такие исторические личности, как Иван Грозный; и т.д. [8, с. 36-40].

В результате конкурса, объявленного в 1962 г., в школе появились новые учебники: «Рассказы по истории СССР» для 4 класса (авторы: Т.С. Голубева и Л.С. Геллерштейн), «История СССР» для 7 класса (авторы: М.В. Нечкина и А.В. Фадеев), «История СССР» для 8 класса (авторы: И. И. Минц и Д. С. Карев) [31, с. 93]. В старших классах с 1962 г. школьники начали учиться по учебникам И.Б. Берхина (9 класс; переходная эпоха от капитализма к социализму, 1917-1937) [5] и коллектива авторов в лице И.Б. Берхина, М.И. Беленького, М.П. Кима (10 класс; эпоха социализма) [6]. По воспоминаниям историка В.Д. Есакова, учебник для 10 класса несколько раз подвергался переработке в связи с политическими переменами в стране: сначала возмечивался Н.С. Хрущев и его реформы, затем, после его снятия с поста председателя Совета Министров и 1-го секретаря ЦК КПСС, критиковались его ошибки и волюнтаризм [18, с. 50].

Авторам учебников – «долгожителей» пришлось непросто: 10 августа 1964 г. ЦК КПСС и Совет Министров СССР приняли постановление «Об изменении срока обучения в средних общеобразовательных трудовых политехнических школах с производственным обучением», и в течение 1964–1966 гг. школа вернулась от 11-летнего к 10-летнему сроку обучения при сохранении 8-летнего образования как обязательного. 14 мая 1965 г. постановлением ЦК КПСС и Совета Министров СССР «Об изменении порядка преподавания истории в школах» было отменено элементарное изложение истории СССР в начальных классах и введено последовательное изучение истории страны с 7-го по 10-й класс на основе принципа линейности [29, с. 218-219]. Тот материал, который школьники ранее изучали по истории СССР в 9-11 классах, новым авторам приходилось «ужимать» до двухлетнего курса (9-10 класс). В 1967 г. был издан новый учебник истории СССР для 9 класса (автор: И.А. Федосов; эпоха империализма) [45], сменившийся в 1976 г. учебником И.Б. Берхина и А.И. Федосова [7]. В 1972 г. вместо учебника Берхина – Беленького – Кима учащиеся 10 класса стали обучаться по учебнику П.И. Потемкина, И.Б. Берхина, М.П. Кима, В.М. Балева (под редакцией М.П. Кима) [39].

В 1970-е гг. перед советской исторической наукой ставилась задача научно объяснить процесс создания новой исторической общности людей – советского народа, поэтому авторы школьных учебников должны были более подробно рассматривать такие темы, как образование СССР, формирование многонационального советского народа, братское сотрудничество народов СССР в построении социализма и коммунизма и др. [37, с. 183]. 10-12 ноября 1971 г. в Отделении истории АН СССР состоялось координационное совещание, посвященное теме «XXIV съезд КПСС и задачи советской исторической науки», на котором отмечалось, что «историки должны занять ведущее место в разработке «марксистско-ленинского положения о ведущей революционно-преобразующей роли рабочего класса и его авангарда – Коммунистической партии» [37, с. 179].

20 июня 1972 г. было принято постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О завершении перехода к всеобщему среднему образованию молодежи и дальнейшем развитии общеобразовательной школы». Наряду с другими в нем была поставлена задача создания новых стабильных учебников и комплектов учебно-методических пособий, «отражающих современный уровень достижений науки и производства» [29, с. 237]. Уже 25 февраля 1974 г. пленум Ученого методического совета (УМС) Министерства просвещения СССР утвердил рекомендации для новых учебников истории, разработанные комиссией УМС по истории (председатель – академик А.П. Нарочницкий, ученый секретарь – Г.М. Карпов). Перед авторами учебников ставились задачи более глубокого освещения «истории социалистического и коммунистического строительства с учетом развития марксистско-ленинской теории в материалах XXIV съезда КПСС, решениях Пленумов ЦК КПСС, документах международного коммунистического и рабочего движения», а также «введение в школьное изучение истории новейших результатов исследований советских историков и повышение тем самым научного уровня преподавания истории». Данные рекомендации сохранились в личном архиве одного из авторов учебника по истории СССР – В.Д. Есакова [18, с. 50-51]. 1 ноября 1974 г. на коллегии Министер-

ства просвещения СССР, Министерства высшего и среднего специального образования СССР, Президиума Академии наук СССР было принято постановление «О создании новых учебников по истории СССР, новой и новейшей истории для учащихся VII-X(XI) классов средней общеобразовательной школы. Редколлегия учебников по истории СССР возглавил академик-секретарь Отделения истории АН СССР Б.А. Рыбаков, по новой и новейшей истории – директор Института истории АН СССР А.П. Нарочницкий [18, с. 51]. В число авторов новых учебников по истории СССР вошли: Б.А. Рыбаков (8 класс), И.Б. Берхин, И.А. Федосов (9 класс), В.Д. Есаков, Ю.С. Кукушкин, А.П. Ненароков (10 класс).

Как и в предыдущие эпохи, процесс обсуждения новых учебников шел медленно. В.Д. Есаков вспоминал, что подготовленный им в соавторстве с Ю.С. Кукушкиным и А.П. Ненароковым учебник по истории СССР (период кануна Второй мировой войны – начало 1970-х гг.) вышел в свет после десятилетних мытарств (затягивание обсуждения, решение «дождаться» рекомендаций XXV съезда КПСС, длительное редактирование и согласование, обсуждение учебника в различных регионах РСФСР, на Украине, в Молдавии, Киргизии, республиках Прибалтики и др.) [18, с. 56-57].

В 1984 г. Министерством просвещения СССР был разработан и утвержден новый «Типовой учебный план общеобразовательной школы», согласно которому в средней школе вновь должен быть осуществлён переход на 11-летний срок обучения. Полная смена учебников ожидалась в 1989 г. Начавшаяся в СССР перестройка, вылившаяся в том числе и в критику советской исторической науки, серьезно повлияла на отношение к историческому образованию. Директор Института истории СССР АН СССР С.С. Хромов с тревогой писал, что историю как предмет исключили из подготовки будущих философов, юристов, экономистов, филологов, что даже абитуриенты некоторых гуманитарных вузов не сдают историю как вступительный экзамен, а это серьезно влияло на систему школьного исторического образования [49, с. 7]. Что касается содержания школьных учебников истории СССР, то в годы перестройки, даже

в условиях гласности – ограниченной свободы слова, появился огромный массив публикаций и документов, раскрывавших «белые» и «черные» страницы истории страны, требовавших осмысления и тщательной проработки. В этих условиях авторам учебников пришлось не просто: критиков оказалось невероятное количество. Выступая на пленуме Московского горкома КПСС в марте 1988 г., председатель Государственного комитета СССР по образованию Г.А. Ягодин сослался даже на мнение одного учителя, который сказал, что учебник истории в настоящее время «опасен» [18, с. 58].

В 1986 г. вышел первый «перестроечный» учебник для 9 класса под редакцией Ю.С. Кукушкина (период империализма – СССР в 1930-е гг.) [23], переизданный в 1988 г. В одной из бесед историка А.А. Данилова с Ю.И. Кораблевым по поводу этого учебника выяснилось, что авторский коллектив столкнулся с множеством проблем: «в пылу политических страстей и мировоззренческих перемен этой книге, как и ее авторам, немало досталось от тех, кто сумел быстрее других приспособиться к новой конъюнктуре», авторов сочли чуть ли не диссидентами, многие профессиональные историки с большой осторожностью относились к новым версиям и оценкам, многие документы еще были сокрыты в архивах, ускорение перестроечных процессов требовало ежегодного обновления учебников, издательства не могли быстро переиздавать их и перешли к «вкладышам» [13, с. 316]. Конечно, самые большие споры, даже среди авторов, были по поводу 1930-х гг. и оценки деятельности и личности И.В. Сталина. В 1989 г. авторский коллектив учебника наполовину изменился, и учебная книга вышла уже под редакцией Ю.И. Кораблева [25].

В 1989 г. было принято решение о создании так называемых «временных переходных учебников», предназначенных для использования в школе в течение двух лет. По итогам апробации в 1990/91 уч. году планировалась их переработка с учетом полученных отзывов, а также новых публикаций научного и общественного характера. Так, по крайней мере, написано в аннотации к учебнику ленинградских авторов В.П. Островского, В.И. Старцева, Б.А.

Старкова, Г.М. Смирнова (1990) [35]. Их «детище» стало последним советским учебником истории СССР. Сравнение двух учебников с участием Ю.И. Кораблева (1988 и 1989 гг.) позволяет сделать вывод о первых шагах к отказу от принятых ранее понятий, оценок процессов, событий и персоналий. Так, «Великая Октябрьская социалистическая революция» стала просто «социалистической революцией»; успехи колхозного строительства стали объясняться не их преимуществами перед единоличными хозяйствами, а наказаниями за нежелание вступить в колхоз: необходимая борьба с троцкистами, правыми капитулянтами, национал-уклонистами, отнявшая у партии «много сил и времени» и «закалившая партийные организации», уже трактовалась с позиции «фальсифицированных политических процессов и самоубийств видных деятелей партии, пришедших к последней черте в отношениях со сталинщиной»; репрессии, о которых не говорилось в предыдущем учебнике, были оценены в 40 млн чел. [24, с. 159, 279, 306; 25, с. 135, 323, 332, 333].

Заключение

1. Учебники отечественной истории в советский период рассматривались как инструмент политики памяти, средство воспитания подрастающих поколений в духе задач, стоящих перед государством; именно поэтому партия и государственные структуры осуществляли контроль за процессом их создания и содержанием. Школьные учебники истории выступали в роли посредников в отношениях государства и общества, до которого необходимо было доносить определенные идеи. Это осуществлялось через указания партии и правительства, выраженные в нормативно-правовых документах, а также посредством давления на академическую науку, постоянной корректировки содержания школьных учебников, административного влияния на конкретных авторов учебников.
2. Наука и образование в советский период являлись неоспоримыми авторитетами в процессе формирования исторической памяти поколений и при этом выступали инструментами го-

сударственной политики памяти. Авторы первых учебников истории СССР в определенной мере являлись первооткрывателями, так как многие страницы отечественной истории были дискуссионными и требовали своего изучения и серьезной научной оценки. Вместе с тем, они и их последователи серьезно зависели от «линии партии» и вынуждены были следовать указаниям и инструкциям свыше, что приводило к искажению страниц отечественной истории, субъективным оценкам событий и личностей, не соответствующим историческим реалиям.

3. Школьные учебники отечественной истории были массовой книгой, по которой обучались абсолютно все граждане страны. Именно поэтому велика их роль как проводников государственной политики памяти, выраженной в «отобранном прошлом»: субъективном выборе исторических событий и персоналий (героев и антигероев), оценок и мнений, в политике забвения «неудобных» страниц отечественной истории.
4. Школьные учебники отечественной истории были квинтэссенцией исторического знания для детей и молодежи. Несмотря на обозначенные в статье проблемы, связанные с содержанием учебников советского периода, они давали учащимся представления об основных исторических периодах, событиях, действующих лицах. В этом смысле совместные усилия академических ученых, преподавателей вузов, выступавших авторами учебников, учителей истории давали вполне предсказуемые результаты.
5. На протяжении 1930-х – 1960-х гг. учебники истории СССР создавались на конкурсной основе, что в определенной мере можно рассматривать как демократическую процедуру; одновременно с этим в течение всего советского периода в школьном курсе истории существовала одна «линейка» учебников, то есть параллельные или альтернативные учебные издания не допускались.
6. Историческое образование в советское время прошло несколько этапов в своем развитии, и каждый этап нашел свое отражение в содержании школьных учебников отечественной

истории: на первом этапе советской школы (1917-1923) сохранялись элементы «старой школы» в виде учебников истории дореволюционных авторов, рассматривавших историю России в русле национально-государственной концепции; на втором этапе (1923-1933) история была «поглощена» обществоведением и выступала при необходимости в качестве иллюстративного материала; третий этап (1934-1955) характеризовался усиленным вниманием власти к историческому образованию и появлением первых советских учебников отечественной истории с доминантой истории народов СССР; для четвертого этапа (вторая половина 1950-х гг. – первая половина 1960-х гг.) характерна серьезная корректировка содержания школьных учебников истории СССР в связи с развенчанием культа личности И.В. Сталина и новой задачей, поставленной партией, – строительством коммунистического общества; на пятом этапе (вторая половина 1960-х – первая половина 1980-х гг.) властные структуры не так жестко, как раньше, контролировали школьное историческое образование, но сами учебники, особенно для старших классов, стали более сухими, академическими, малопривлекательными для обучающихся в силу чрезмерного «теоретизирования» по поводу строительства коммунистического общества, новой исторической общности – советского народа и др.; шестой этап (перестройка 1985-1991 гг.), благодаря политике гласности, разрушил устойчивые конструкты государственной политики памяти, появившиеся в общественном пространстве неизвестные ранее документы позволили по-другому взглянуть на многие аксиоматичные оценки прошлого. Это нашло отражение и в школьных учебниках истории периода перестройки.

Список литературы

1. Багдасарян В.Э., Абдулаев Э.Н., Клычников В.М., Ларионов А.Э., Морозов А.Ю., Орлов И.Б., Строганова С.М. Школьный учебник

- истории и государственная политика. М.: Научный эксперт, 2009. 376 с.
2. Базилевич КВ., Бахрушин С.В., Панкратова А.М., Фохт А.В. История СССР. Часть 1 / под ред. проф. А.М. Панкратовой. 8 класс. М.: Учпедгиз, 1940. 224 с.
 3. Базилевич КВ., Бахрушин С.В., Панкратова А.М., Фохт А.В. Они же. История СССР. Часть 2 / под ред. проф. А.М. Панкратовой. 9 класс. М.: Учпедгиз, 1940. 272 с.
 4. Базилевич КВ., Бахрушин С.В., Панкратова А.М., Фохт А.В. История СССР. Часть 3 / под ред. проф. А.М. Панкратовой. 10 класс. М.: Учпедгиз, 1940. 368 с.
 5. Берхин И.Б. История СССР. Переходная эпоха от капитализма к социализму (1917-1937) / под ред. чл.-корр. АН СССР М.П. Кима: Учеб. пособие для 9 кл. М.: Просвещение, 1962. 240 с.
 6. Берхин И.Б., Беленький М.И., Ким М.П. История СССР: эпоха социализма / под ред. чл.-корр. АН СССР М.П. Кима. М.: Просвещение, 1964. 414 с.
 7. Берхин И.Б., Федосов И.А. История СССР: эпоха империализма. Учебник для 9 класса / под ред. чл.-кор. АН СССР М.П. Кима. М.: Просвещение, 1976. 383 с.
 8. Борисов Ю.С. XXII съезд КПСС и некоторые вопросы преподавания истории СССР // Преподавание истории в школе. 1962. № 3. С. 33-42.
 9. Брандербергер Д. Кризис сталинского агитпропа: пропаганда, политпросвещение и террор в СССР. 1927-1941 / авториз. пер. с англ. А.А. Пешкова, Е.С. Володиной. М.: Политическая энциклопедия, 2017. 367 с.
 10. Бущик Л. П. Очерк развития школьного исторического образования в СССР М.: Просвещение, 1961. 540 с.
 11. Бущик Л.П. История СССР: Учебная книга для 8 класса / под ред. акад. А.М. Панкратовой. Часть первая. М.: Учпедгиз, 1957. 200 с.
 12. Вельцер Х. История, память и современность прошлого. Память как арена политической борьбы // Память о войне 60 лет спустя: Россия, Германия, Европа. М., Новое литературное обозрение, 2005. С. 51-63.

13. Данилов А.А. Юрий Иванович Кораблев // История и историки: историографический вестник. М.: Наука, 2009. С. 315-320.
14. Дневник историка С.А. Пионтовского (1927-1934). Казань / Отв. ред. и вступ. статья А.Л. Литвина. Казань: Казан. гос. ун-т, 2009. 516 с.
15. Дубровский А.М. Историк и власть. Историческая наука в СССР и концепция истории феодальной России в контексте политики и идеологии (1930–1950-е гг.). Брянск: Изд-во Брян. гос. ун-та, 2005. 800 с.
16. Дубровский А. М. Власть и историческая мысль в СССР (1930-1950-е годы). М.: Политическая энциклопедия, 2017. 622 с.
17. Есаков В. Между социальным заказом и профессиональной историографией // Историки читают учебники истории: традиционные и новые концепции учебной литературы / Под ред. К. Аймермахера и Г. Бордюгова. М.: АИРО-XX, 2002. С. 47-60.
18. Есаков В.Д., Кукушкин Ю.С., Ненароков А.И. История СССР. Эпоха социализма / под ред. Ю.С. Кукушкина. М.: Просвещение, 1984. 287 с.
19. Иоаннисиани А. История в школе II ступени // Историк-марксист. 1927. Т. 3. С. 152.
20. История СССР. Краткий курс: Учебник для 4-го класса / Под ред. проф. А.В. Шестакова. М., 1955. 288 с.
21. Карцов В.Г., Алексеев С.П. История СССР: Учеб. книга для 4-го класса. М.: Учпедгиз, 1955. 149 с.
22. Карцов В.Г., Алексеев С.П. История СССР: Учеб. книга для 4-го класса. Шестое изд. М.: Учпедгиз, 1961. 160 с.
23. Кораблев Ю.И., Кукушкин Ю.С., Федосов И.А., Шерстобитов В.П. История СССР / под ред. Ю.С. Кукушкина. Учебник для 9 класса: от периода империализма до 1936 г. М.: Просвещение, 1986. 335 с.
24. Кораблев Ю.И., Кукушкин Ю.С., Федосов И.А., Шерстобитов В.П. История СССР / под ред. Ю.С. Кукушкина. Учебник для 9 класса: от периода империализма до 1936 г. М.: Просвещение, 1988. 335 с.
25. Кораблев Ю.И., Федосов И.А., Борисов Ю.С. История СССР (период империализма – 1930-е гг.): Учебник для 10 класса / Под ред. Ю.И. Кораблева. М.: Просвещение, 1989. 351 с.

-
26. Краткий курс истории СССР. Учебник для 3-го и 4-го классов / Под ред. проф. А.В. Шестакова. М., 1937. 224 с.
 27. Луначарский А.В. О преподавании истории в коммунистической школе. Птг., 1918. 20 с.
 28. Материалы XXII съезда КПСС. М.: Госполитиздат, 1961. С. 464 с.
 29. Народное образование в СССР. Общеобразовательная школа: Сб. документов. 1917-1973 гг. / Сост. А.А. Абакумов, Н.П. Кузин, Ф.И. Пузырев, Л.Ф. Литвинов. М.: Педагогика, 1974. 560 с.
 30. Нора П. Проблематика мест памяти // Франция — память. СПб, 1999. С. 17–50. URL: <http://ec-dejavu.ru/m-2/Memory-Nora.html> (дата обращения 20.11. 2024).
 31. О преподавании гражданской истории в школах СССР. Постановление СНК Союза ССР и ЦК ВКП(б) // Историк-марксист. 1934. № 3. С. 83-84.
 32. О результатах конкурса на составление учебников истории // Преподавание истории в школе. 1962. № 1. С. 93.
 33. Огоновская И.С. А.М. Панкратова – идеолог исторического образования в школе и автор школьных учебников истории 1930-х – начала 1960-х гг. // Преподавание истории в школе. 2024. № 7. С. 41-47. https://doi.org/10.51653/0132-0696_2024_7_41
 34. Огоновская И.С. Авторы школьных учебников русской истории / истории СССР: коллективный портрет на фоне исторических эпох (1918–1950-е гг.) // История и современное мировоззрение. 2023. Т. 5. № 3. С. 167-179. <https://doi.org/10.33693/2658-4654-2023-5-3-167-179>
 35. Островский В.П., Старцев В.И., Старков Б.А., Смирнов Г.М. История СССР. 11 класс: от начала Великой Отечественной войны до I-го съезда народных депутатов РСФСР. М.: Просвещение, 1990. 222 с.
 36. Покровский М. Н. История и современность. Доклад на курсах-конференции обществоведов Московской губернии, организованных МОНО в сентябре 1926 г. // На путях к новой школе. 1926. № 10. С. 94-111.
 37. Польский М.П. XXIV съезд КПСС и задачи советской исторической науки // История СССР. 1972. № 2. С. 178-183.
 38. Постановление жюри правительственной комиссии по конкурсу на лучший учебник для 3 и 4 классов средней школы по истории СССР // Исторический журнал. 1937. № 8. С. 1-5.

39. Потемкин П.И., Берхин И.Б., Ким М.П., Балев В.М. История СССР (1938-1981): Учебник для 10 класса / под ред. М.П. Кима. М.: Просвещение, 1972. 256 с.
40. Программы для I и II ступени семилетней Единой трудовой школы. М., 1921. 359 с.
41. Репина Л. П. Национальная история, историческая память и «история историков» // Вестник Российской нации. 2010. № 3. С. 65-77.
42. Руднева Л. Е. Эволюция школьного учебника истории в 40 - 80-е годы XX века: дис. ... канд. ист. наук. 07.00.02. Курск, 2005. 215 с.
43. Теория и методология исторической науки. Терминологический словарь / Отв. ред. А.О. Чубарьян. М.: Аквилон, 2014. 576 с.
44. Уник А. Программа по истории для средней школы // Борьба классов. 1934. № 4. С. 25-27.
45. Федосов И.А. История СССР: период империализма. Учебное пособие для 9 класса. М.: Просвещение, 1967. 134 с.
46. Ферро М. Как рассказывают историю детям в разных странах мира: Пер. с фр. М.: Высшая школа, 1992. 351 с.
47. Фукс А.Н. Школьные учебники по отечественной истории как историографический феномен: конец XVII в. - 1930-е гг.: дисс... докт. ист. наук. 07.00.09. М., 2011. 442 с.
48. Хальбвакс М. Коллективная историческая память // Память о войне 60 лет спустя: Россия, Германия, Европа. М.: Новое литературное обозрение, 2005. С. 16-50.
49. Хромов С.С. XXVII съезд КПСС и некоторые актуальные проблемы изучения отечественной истории // История СССР. 1986. № 6. С. 3-20.
50. Яковлев Н.Н. О преподавании отечественной истории // Большевик. 1947. № 22. С. 26-37.

References

1. Bagdasaryan V.E., Abdulaev E.N., Klychnikov V.M., Larionov A.E., Morozov A.Yu., Orlov I.B., Stroganova S.M. *School textbook of history and public policy*. Moscow: Scientific expert Publ., 2009, 376 p.
2. Bazilevich K.V., Bakhrushin S.V., Pankratova A.M., Fokht A.V. *History of the USSR*. Part 1 / Ed. by prof. A.M. Pankratova. 8th grade. Moscow: Uchpedgiz Publ., 1940, 224 p.

3. Bazilevich K.V., Bakhrushin S.V., Pankratova A.M., Fokht A.V. *History of the USSR*. Part 2 / Ed. by prof. A.M. Pankratova. 9th grade. Moscow: Uchpedgiz Publ., 1940, 272 p.
4. Bazilevich K.V., Bakhrushin S.V., Pankratova A.M., Fokht A.V. *History of the USSR*. Part 3 / Ed. prof. A.M. Pankratova. 10th grade. Moscow: Uchpedgiz Publ., 1940, 368 p.
5. Berkhin I.B. *History of the USSR. The transition era from capitalism to socialism (1917-1937)* / Ed. by A.M. of the USSR Academy of Sciences M.P. Kim: Textbook for 9th grade. Moscow, Education Publ., 1962, 240 p.
6. Berkhin I.B., Belenky M.I., Kim M.P. *History of the USSR: the era of socialism* / Ed. by A.M. of the USSR Academy of Sciences M.P. Kim. Moscow, Education Publ., 1964, 414 p.
7. Berkhin I.B., Fedosov I.A. *History of the USSR: the era of imperialism*. Textbook for 9th grade / Ed. A.M. of the USSR Academy of Sciences M.P. Kim. Moscow, Education Publ., 1976, 383 p.
8. Borisov Yu.S. XXII Congress of the CPSU and some issues of teaching the history of the USSR. *Prepodavaniye istorii v shkole* [Teaching history in school], 1962, no. 3, pp. 33-42.
9. Brandenberger D. *The crisis of Stalin's agitprop: propaganda, political education and terror in the USSR. 1927-1941* / authorized. trans. from English by A.A. Peshkov, E.S. Volodina. Moscow: Political Encyclopedia, 2017, 367 p.
10. Bushik L.P. *Essay on the development of school history education in the USSR*. Moscow, Education Publ., 1961, 540 p.
11. Bushik L.P. *History of the USSR: Textbook for the 8th grade* / Ed. by acad. A.M. Pankratova, part one. Moscow, Uchpedgiz Publ., 1957, 200 p.
12. Welzer H. History, Memory and Modernity of the Past. Memory as an Arena of Political Struggle. *Memory of the War 60 Years Later: Russia, Germany, Europe*. Moscow, New Literary Review, 2005, p. 51-63.
13. Danilov A.A. Yuri Ivanovich Korablyov. *Istoriya i istoriki: istoriograficheskiy vestnik* [History and historians: historiographic bulletin]. Moscow: Nauka Publ., 2009, pp. 315-320.
14. *Diary of historian S.A. Piontkovsky (1927-1934)*. Kazan / rep. ed. and entry article by A.L. Litvina. Kazan, Kazan. state Univ., 2009, 516 p.

15. Dubrovsky A.M. *Historian and power. Historical science in the USSR and the concept of the history of feudal Russia in the context of politics and ideology (1930-1950s)*. Bryansk: Publishing house of Bryansk state University, 2005, 800 p.
16. Dubrovsky A.M. *Power and Historical Thought in the USSR (1930-1950s)*. Moscow: Political Encyclopedia, 2017, 622 p.
17. Esakov V. Between social order and professional historiography. *Istoriki chitayut uchebniki istorii: traditsionnyye i novyye kontseptsii uchebnoy literatury* [Historians read history textbooks: traditional and new concepts of educational literature] / Ed. by K. Aymermacher and G. Bordyugov. Moscow: AIRO-XX Publ., 2002. pp. 47-60.
18. Esakov V.D., Kukushkin Yu.S., Nenarokov A.I. *History of the USSR. The Age of Socialism* / Ed. by Yu.S. Kukushkin. Moscow: Education Publ., 1984, 287 p.
19. Ioannisian A. History in the Second-Level School. *Istoriik-marksist* [Marxist Historian], 1927, vol. 3, p. 152.
20. *History of the USSR. Brief course: Textbook for the 4th grade* / Ed. by prof. A.V. Shestakov. Moscow: Uchpedgiz Publ., 1955, 288 p.
21. Kartsov V.G., Alekseev S.P. *History of the USSR: Textbook. book for 4th grade*. Moscow: Uchpedgiz Publ., 1955, 149 p.
22. Kartsov V.G., Alekseev S.P. *History of the USSR: Textbook. book for 4th grade*. Sixth ed. Moscow: Uchpedgiz Publ., 1961, 160 p.
23. Korablev Yu.I., Kukushkin Yu.S., Fedosov I.A., Sherstobitov V.P. *History of the USSR. Textbook for 9th grade: from the period of imperialism to 1936* / ed. by Yu.S. Kukushkin. Moscow: Education Publ., 1986, 335 p.
24. Korablev Yu.I., Kukushkin Yu.S., Fedosov I.A., Sherstobitov V.P. *History of the USSR. Textbook for 9th grade: from the period of imperialism to 1936* / Ed. by Yu.S. Kukushkin. Moscow: Education Publ., 1988, 335 p.
25. Korablyov Yu.I., Fedosov I.A., Borisov Yu.S. *History of the USSR (period of imperialism – 1930s): Textbook for 10th grade* / Ed. by Yu.I. Korablyov. Moscow: Education Publ., 1989, 351 p.
26. *A Brief Course in the History of the USSR. Textbook for 3rd and 4th grades* / Ed. by prof. A.V. Shestakov. Moscow, 1937, 224 p.
27. Lunacharsky A.V. *On the Teaching of History in a Communist School*. Petrograd, 1918, 20 p.

28. *Proceedings of the XXII Congress of the CPSU*. Moscow: Gospolitizdat Publ., 1961, P. 464 p.
29. *Public education in the USSR. Comprehensive school: Collection of documents. 1917-1973* / Comp. A.A. Abakumov, N.P. Kuzin, F.I. Puzyrev, L.F. Litvinov. Moscow: Pedagogy Publ., 1974, 560 p.
30. Nora P. Problematics of Places of Memory *France — Memory*. St. Petersburg, 1999, pp. 17–50. Access mode: <http://ec-dejavu.ru/m-2/Memory-Nora.html> (date of access 20.11. 2024).
31. On the teaching of civil history in schools of the USSR. Resolution of the Council of People's Commissars of the USSR and the Central Committee of the All-Union Communist Party (Bolsheviks). *Istoriik-marksist* [Marxist Historian], 1934, no. 3, pp. 83-84.
32. On the results of the competition for the compilation of history textbooks. *Prepodavaniye istorii v shkole* [Teaching history in school], 1962, no. 1, p. 93.
33. Ogonovskaya I.S. A.M. Pankratova – ideologist of historical education in school and author of school history textbooks of the 1930s – early 1960s. *Prepodavaniye istorii v shkole* [Teaching history at school], 2024, no. 7, pp. 41-47. https://doi.org/10.51653/0132-0696_2024_7_41
34. Ogonovskaya I.S. Authors of school textbooks on Russian history / history of the USSR: a collective portrait against the background of historical eras (1918-1950s). *Istoriya i sovremennoye mirovozzreniye* [History and modern worldview] 2023, vol. 5, no. 3, pp. 167-179. <https://doi.org/10.33693/2658-4654-2023-5-3-167-179>
35. Ostrovsky V.P., Startsev V.I., Starkov B.A., Smirnov G.M. *History of the USSR. 11th grade: from the beginning of the Great Patriotic War to the 1st Congress of People's Deputies of the RSFSR*. Moscow: Education Publ., 1990, 222 p.
36. Pokrovsky M.N. History and modernity. Report at the courses-conference of social scientists of the Moscow province, organized by the MONO in September 1926. *Na putyakh k novoy shkole* [On the way to a new school], 1926, no. 10, pp. 94-111.
37. Pol'skiy M.P. The XXIV Congress of the CPSU and the tasks of Soviet historical science. *Istoriya SSSR* [History of the USSR], 1972, no. 2, pp. 178-183.

-
38. Resolution of the jury of the government commission for the competition for the best textbook for grades 3 and 4 of secondary school on the history of the USSR. *Istoricheskiy zhurnal* // [Historical Journal], 1937, no. 8, pp. 1-5.
 39. Potemkin P.I., Berkhin I.B., Kim M.P., Balev V.M. *History of the USSR (1938-1981): Textbook for the 10th grade* / Ed. by M.P. Kim. Moscow: Education Publ., 1972, 256 p.
 40. *Programs for the 1st and 2nd stages of the seven-year Unified Labor School*. Moscow, 1921, 359 p.
 41. Repina L.P. National history, historical memory and the “history of historians”. *Vestnik Rossiyskoy natsii* [Bulletin of the Russian Nation], 2010, no. 3, pp. 65-77.
 42. Rudneva L.E. *Evolution of school history textbook in the 40-80s of the 20th century*. Abstract of PhD dissertation. Kursk, 2005, 215 p.
 43. *Theory and Methodology of Historical Science. Terminological Dictionary* / Ed. A.O. Chubaryan. Moscow: Akvilon Publ., 2014m 576 p.
 44. Unik A. History program for secondary school. *Bor'ba klassov* [Class struggle], 1934, no. 4, pp. 25-27.
 45. Fedosov I.A. *History of the USSR: the period of imperialism. Textbook for the 9th grade*. Moscow: Education Publ., 1967, 134 p.
 46. Ferro M. *How stories are told to children in different countries of the world: Trans. from French*. Moscow: Higher School, 1992, 351 p.
 47. Fuks A.N. *School textbooks on national history as a historiographic phenomenon: the end of the 17th century - 1930s*. Abstract of PhD dissertation. Moscow, 2011, 442 p.
 48. Halbwachs M. Collective Historical Memory. *Memory of the War 60 Years Later: Russia, Germany, Europe*. Moscow: New Literary Review, 2005, pp. 16-50.
 49. Khromov S.S. The 27th Congress of the CPSU and some current problems of studying national history. *Istoriya SSSR* [History of the USSR], 1986, no. 6, pp. 3-20.
 50. Yakovlev N.N. On teaching national history. *Bol'shevik* [Bolshevik], 1947, no. 22, pp. 26-37.

ДАННЫЕ ОБ АВТОРЕ

Огоновская Изабелла Станиславовна, кандидат исторических наук, доцент

*Специализированный учебно-научный центр федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина»
ул. Данилы Зверева, 30, г. Екатеринбург, Российская Федерация
izabella-irro@mail.ru*

DATA ABOUT THE AUTHOR

Isabella S. Ogonovskaya, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor

*Specialized Educational and Scientific Center (SESC), Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin
30, Danily Zverev Str., Ekaterinburg, Russian Federation
izabella-irro@mail.ru
SPIN-code: 4094-1108
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0834-6757>*

Поступила 29.11.2024

После рецензирования 15.12.2024

Принята 22.12.2024

Received 29.11.2024

Revised 15.12.2024

Accepted 22.12.2024

DOI: 10.12731/2077-1770-2024-16-4-471

УДК 93/94

Научная статья | Отечественная история

НАЧАЛЬНАЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ПОДГОТОВКА СОТРУДНИКОВ РАБОЧЕ-КРЕСТЬЯНСКОЙ МИЛИЦИИ ГУБЕРНИЙ РСФСР В 1920-Х ГГ. (НА МАТЕРИАЛАХ ДАЛЬНЕВОСТОЧНОГО РЕГИОНА)

Т.А. Орнацкая

Система образования сотрудников органов милиции Дальнего Востока эволюционировала вместе с общесоюзной государственной образовательной системой. Существенное влияние на ее развитие оказывал уровень образованности населения, а также политические и идеологические факторы.

Дальневосточные ведомственные школы и курсы до конца 1920-х гг. были ориентированы на ликвидацию общей и профессиональной неграмотности и малограмотности обучающихся, т. е. фактически являлись начальной профессиональной школой.

Цель – изучение специфики начального профессионального образования милиционеров Дальнего Востока России в 1920-х гг.

Материалы и методы. Основным методом исследования является историко-описательный. Источниковой базой статьи стали материалы центральных и региональных архивов, содержащие как нормативную правовую документацию, так и документы делопроизводства. Корпус вторичных источников в основном раскрывает состояние начального профессионального образования милиционеров в центральной части РСФСР в изучаемый период, что связано с не исследованностью темы на региональном, дальневосточном, материале.

Результаты. Изучение исторического опыта становления и развития профессионального образования сотрудников милиции на российском Дальнем Востоке в 1920-х гг. позволяет обосновать его значимость для современного образовательного пространства и осветить

направления его использования в перспективе. Сустановлением в России республиканской формы правления началась трансформация содержания правовых норм, а также перестройка сложившейся в Российской империи системы профессионального образования сотрудников правоохранительных органов. Она преобразовывалась в русле постепенно формировавшегося советского правового поля, выстраивалась в соответствии с общегосударственными, внутриведомственными, научно-педагогическими и образовательными тенденциями, развивавшимися в стране, но на Дальнем Востоке имела свои уникальные черты. Особенности были связаны с затяжным периодом гражданской войны, низким уровнем образования у населения, высоким уровнем преступности, слабой приверженности общества к революционным идеям. Все это обуславливало затяжной характер включения дальневосточных образовательных учреждений начального профессионального обучения милиционеров в общесоюзную систему.

Ключевые слова: начальная профессиональная подготовка; органы внутренних дел; РСФСР; Дальний Восток; милиция; образование; милицмейское образование

Для цитирования. Орнатская Т.А. Начальная профессиональная подготовка сотрудников рабоче-крестьянской милиции губерний РСФСР в 1920-х гг. (на материалах дальневосточного региона) // Современные исследования социальных проблем. 2024. Т. 16, № 4. С. 224-240. DOI: 10.12731/2077-1770-2024-16-4-471

Original article | National History

INITIAL PROFESSIONAL TRAINING OF WORKERS' AND PEASANTS' MILITIA OFFICERS OF THE RSFSR PROVINCES IN THE 1920S (BASED ON THE MATERIALS OF THE FAR EASTERN REGION)

T.A. Ornatskaya

The education system of the police officers of the Far East evolved together with the all-Union state educational system. Its development

was significantly influenced by the level of education of the population, as well as political and ideological factors.

Far Eastern departmental schools and courses until the end of the 1920s were focused on the elimination of general and professional illiteracy and low literacy of students, i.e., they were actually an initial vocational school.

Purpose: to study the specifics of initial vocational education of police officers of the Russian Far East in the 1920s.

Materials and methods. The main research method is historical and descriptive. The source base of the article was the materials of central and regional archives containing both normative legal documentation and office work documents. The corpus of secondary sources mainly reveals the state of the initial vocational education of police officers in the central part of the RSFSR during the period under study, which is due to the lack of research on the topic in the regional, Far Eastern, material.

Results. The study of the historical experience of the formation and development of professional education of police officers in the Russian Far East in the 1920s allows us to substantiate its significance for the modern educational space and highlight the directions of its use in the future.

With the establishment of the republican form of government in Russia, the transformation of the content of legal norms began, as well as the restructuring of the system of professional education of law enforcement officers that had developed in the Russian Empire. It was transformed in line with the gradually forming Soviet legal field, was built in accordance with the national, intradepartmental, scientific, pedagogical and educational trends developing in the country, but in the Far East it had its own unique features. The features were associated with the protracted period of the civil war, the low level of education among the population, the high level of crime, the weak commitment of society to revolutionary ideas. All this determined the protracted nature of the inclusion of Far Eastern educational institutions of initial vocational training of police officers in the all-Union system.

Keywords: initial vocational training; internal affairs agencies; RSFSR; Far East; police; education; police education

For citation. *Ornatskaya T.A. Initial Professional Training of Workers' and Peasants' Militia Officers of the RSFSR Provinces in the 1920s (based on the Materials of the Far Eastern Region). Sovremennye Issledovaniya Sotsialnykh Problem [Modern Studies of Social Issues], 2024, vol. 16, no. 4, pp. 224-240. DOI: 10.12731/2077-1770-2024-16-4-471*

Введение

Институт резерва в сфере профессиональной подготовки сотрудников органов внутренних дел зародился еще в 1860-е годы, т.е. еще в период существования Российской империи. Целевое назначение резерва – получение первоначальной профессиональной подготовки сотрудниками, впервые поступившими на службу. Важным условием образовательного процесса с резервистами всегда является его скоротечность.

Утверждение в нашей стране социалистической формы государства было сопряжено с декларированием отказа от любых параллелей с Российской империей, в том числе и в сфере профессионального образования. Однако уже к середине 1920-х годов некоторые элементы государственно-правовой организации, имевшие место в Российской империи, нашли свое место в стране Советов. Аналогичная ситуация сложилась и в сфере профессионального образования. В этой связи необходимо изучить исторический опыт построения системы первичного профессионального образования, сложившийся в 1920-х годах.

Историография проблемы профессионального обучения сотрудников правоохранительных органов РСФСР представлена немногочисленными работами. В 1920-х годах аналитических работ об обучении сотрудников органов советской милиции не было. Редкие публикации лишь констатировали появление образовательных учреждений. В 1930-е годы начали массово публиковаться и рассылаться в регионы положения, инструкции, правила и справочники, посвященные изучению юридических дисциплин [15; 16]. В контексте данного исследования актуально обратить внимание, что они отражали единые подходы к формированию обучаемого

контингента, процессу и содержанию обучения. Брошюры отчасти носили рекламный характер и были призваны вызвать интерес к получению профессионального образования [18].

С началом Великой Отечественной войны интерес исследователей к истории становления и развития профессионального образования угас. С одной стороны причинами такого явления стало закрытие большей части профессиональных милицейских образовательных учреждений, а с другой – переориентация исследовательского интереса ученых на проблемы сохранения советского права в условиях агрессии.

Период 1945-1991 гг. отмечен повышением интереса ученых к вопросам формирования и развития содержания профессионального образования в СССР. Исследователи также активно изучали процесс становления советского права. В своих работах авторы придерживались идеологических установок и связывали развитие норм советского права с решениями коммунистической партии [6; 7].

Формирование специального милицейского образования анализируется в ряде обобщающих работ. Проблему соотношения юридической науки и образования исследует А.Ф. Шебанов, процесс становления обучения младших милиционеров в масштабах РСФСР рассмотрел П.Ф. Николаев, а В.С. Гольдман, выделяя специфические черты милицейского образования в 1917-1925 гг., обратил внимание на отсутствие системности получения знаний и единого общероссийского подхода к ведению образовательного процесса [1; 22]. Однако для исследователей, публиковавших свои работы в 50-60-е гг. XX в., характерны идеологически обусловленные анализ и оценка процессов становления милицейского образования, происходивших в СССР в 1920-1930-е годы. Тем не менее, в этих работах сформулированы актуальные для того времени выводы о развитии юридического образования в СССР в период между двумя мировыми войнами.

Современный период историографии (1991 г. – настоящее время) определяется либерализацией государственной политики, выраженной в расширении доступа к архивным материалам, увеличении

диапазона изучаемых проблем, отказом исследователей от единых методологических установок, свободе толкования общественных явлений. Рассматриваемый период существенно превосходит числом исследователей и степенью научности предшествующее время. В новом тысячелетии продолжилось изучение направлений, связанных с темой юридического образования, начало которым было положено еще в советский период.

В общероссийском масштабе вопросами профессионального образования милиционеров в 1920-1930-е гг. интересовались И.И. Олейник, В.Н. Колемасов, В.В. Синиченко и другие исследователи [10; 12].

Внимательное изучение корпуса исследовательских работ позволило автору сделать вывод, что тема начального уровня профессионального милицейского образования практически не изучена исследователями как на общероссийском, так и на региональном уровнях.

В этой связи изучение организации профессионального образования милиционеров становится актуальным.

Целью настоящего исследования выступает изучение деятельности школ-резервов сотрудников милиции, действовавших на территории Дальневосточного региона в 1920-х годах.

Объектом исследования выступает рабоче-крестьянская милиция РСФСР, а предметом настоящей статьи является начальное профессиональное обучение милиционеров советского Дальнего Востока.

Материалы и методы

Источниковой основой исследования стали не введенные в научный оборот материалы федеральных архивов - Государственного архива Российской Федерации, Российского государственного исторического архива Дальнего Востока и регионального архива - Государственного архива Забайкальского края, выявленные автором.

Методология исследования базируется на формационном подходе. С точки зрения которого правовые институты, как и сама систе-

ма права, в советской Республике и СССР была пронизана классовым подходом. Выбор методологического подхода обусловлен как самим периодом исследования (1920-е годы), так и существованием классового подхода, применяемого в комплектовании органов советской милиции.

Подчеркнем, что неотъемлемыми теоретическими компонентами гуманитарных исследований являются научные принципы, прежде всего историзма, объективности и аксиологии. Данное исследование не стало исключением, и в нем применены вышеозначенные принципы.

В исследовании использовались и специальные методы исторического исследования [9], главным из которых выступил, описательный метод.

Результаты и их обсуждение

К началу рассматриваемого периода геополитическое положение Дальнего Востока определялось низкой плотностью населения при обширной территории, значительной протяженностью практически не охраняемой границы, огромными природными богатствами, интересовавшими иностранные государства [19, с. 42]. Регион характеризовался сложной криминогенной обстановкой, а пьянство населения приобретало громадные масштабы. Неустроенность быта дальневосточников в совокупности с суровым климатом способствовали распространению этого явления. Среди работников торгово-промышленных предприятий, по данным анкетирования 1914 г., 37,3% работников было признано алкоголиками, 50,6% – умеренно пьющими и только 12,2 % – непьющими [11, с. 21].

Подготовка сотрудников для милицеских структур Дальневосточного региона имеет в своей исторической ретроспективе различные эпизоды. Среди наиболее значимых уместно выделить подготовку милиционеров для небольшевиетских правоохранительных органов.

В Дальневосточной республике осуществлялось начальное профессиональное обучение сотрудников милиции, однако уже в мае 1921 г. учебно-инструкторские курсы для чинов милиции Примор-

ской области были реформированы [3, ф. Р-402, оп. 1, д. 64, л. 12]. Инструкторские курсы во Владивостоке стали именоваться школой резерва милиции.

Учебный план объемом 570 часов, предусматривал изучение юридических дисциплин в количестве 144 часов [4, ф. Р-393, оп. 44, д. 20, л. 5]. Оставшееся время в процентном соотношении распределялось как: 54% – на общеобразовательные предметы, около 8% – на военные и 37% на дисциплины милицейского цикла [13, с. 349-350]. Однако частое отвлечение резервов для постовой службы и оказания иной помощи милиции негативно сказывалось на уровне подготовленности выпускников [2, с. 88].

В пояснительной записке к проекту штатов Приморской областной милиции, составленной в феврале 1921 г., отмечалась необходимость создания аппарата, «который бы организовывал милицию и фактически начальствовал над резервными милицейскими частями». В документе подчеркивалось, что резервы являются «единственной реальной силой правительственной власти в пределах Приморской области». Для руководства резервами была учреждена должность начальника штаба милицейских резервных частей, в круг обязанностей которого входила разработка планов кадрового передвижения, оперативных действий, а также комплектование командного состава лицами, имеющими специальные познания и опыт [3, ф. Р-402, оп. 1, д. 6, л. 1-3].

Финансирование школ резерва осуществлялось за счет средств местных бюджетов. Краткосрочный период обучения, установленный в них, позволял за календарный год сделать несколько выпусков подготовленных к службе в милиции сотрудников. Однако существенными недостатками их деятельности являлось отсутствие материальной базы, нехватка квалифицированных преподавателей, отсутствие строгой системы обучения [21, с. 183].

Советизация Дальнего Востока началась лишь в конце 1922 г., что было обусловлено затяжным периодом Гражданской войны в регионе, нахождением значительного контингента иностранных войск на территории от оз. Байкал до Японского моря, существованием

Дальневосточной республики, как временного компромисса между РСФСР с одной стороны, и странами участниками интервенции с другой. Лишь с завершением иностранной интервенции 25 октября 1922 г., территория Дальневосточной республики на основании решения органов власти республики от 15 ноября 1922 г. вошла в состав РСФСР. Только после этого началось вхождение государственных структур региона в правовое поле Советской России. На период советизации региона руководство им было возложено на чрезвычайный орган власти – Дальневосточный революционный комитет.

Организация правоохранительных органов Дальневосточного региона требовала пристального внимания властей. Мгновенное распространение системы профессионального милицейского образования, действовавшей в РСФСР, было невозможно. В Советской России еще в конце 1921 г. был установлен принцип грамотности при рассмотрении кандидатов на занятие должностей сотрудников милиции [4, ф. Р-393, оп. 44, д. 20, л. 5]. Поэтому во многих российских губерниях неграмотность среди милиционеров была ликвидирована к 1923 г., что позволило 1 февраля 1923 г. установить запрет на привлечение к службе неграмотных лиц.

В РСФСР существовало несколько типов учебных заведений, осуществлявших подготовку сотрудников милиции. Рядовых милиционеров в течение 3 месяцев готовили школы резервов. Практика подготовки квалифицированных кадров через школы резерва законодательно была закреплена в РСФСР 16 декабря 1921 г. приказом Главного управления НКВД РСФСР. По решению советского милицейского руководства, обучение в школах резерва было двухуровневым: 6 недель – для демобилизованных военнослужащих и 8 недель – для лиц, не служивших в армии. При этом на правовые дисциплины отводилось всего 144 часа из 570 [4, ф. Р-393, оп. 44, д. 20, л. 5].

Школы резерва предназначались для прохождения общеобразовательной и первоначальной специальной подготовки лицами, впервые пришедшими на службу в милицию. Курсанты школ резерва обучались на освобожденной от службы основе. Однако частое отвлечение резервов для постовой службы и оказания иной помощи

милиции негативно сказывалось на уровне подготовленности выпускников [2, с. 88]. Все эти меры не дали существенного положительного результата. К концу первой половины 1920-х гг. еще около 96,9 % командного состава милиции РСФСР не имело профильного профессионального образования, а около 89,4% сотрудников милиции РСФСР имело начальное образование [8, с. 141].

Обучение старших милиционеров, сотрудников уголовного розыска и политруков проходило на 6-8-месячных курсах в губернских школах. Средний руководящий состав, т.е. начальников городских и районных отделов милиции, готовили на протяжении 2 лет школы среднего командного состава.

Профессиональные милицейские образовательные учреждения Дальневосточного региона действовали по иным образовательным планам, предусматривавшим более короткий период обучения. Да и применение классового принципа в комплектовании органов милиции отсутствовало. Результатом «чистки» по классовому принципу личного состава дальневосточных милиционеров большое количество вакансий. Обучение обязательным условием повышения квалификации [17, ф. Р-26-28, оп. 1, д. 6, л. 130].

Несмотря на сложившуюся в РСФСР к 1924 г. трехуровневую систему подготовки милицейских кадров, процент сотрудников дальневосточной милиции, прошедших профессиональную подготовку, был незначительным. Например, на Камчатке вообще отсутствовали сотрудники, имевшие милицейскую подготовку. Ни школы резерва, ни школы милиции на Камчатке также не было создано [14, с. 418]. В первую очередь это было связано со слабым финансированием милицейских структур и отсутствием возможности замены сотрудника на период обучения.

Проведенная в начале мая 1924 г. Дальневосточным революционным комитетом реорганизация школьно-курсового обучения сотрудников милиции затронула и школы резервов. На школы резерва дальневосточных губерний, в которых отсутствовали школы подготовки кадров среднего звена, была возложена задача по повышению квалификации участковых уполномоченных, волостных

и старших милиционеров. Подготовкой младших милиционеров стали заниматься школы резерва в тех губерниях, где школы подготовки среднего звена отсутствовали [20, с. 74].

В учебном плане Приморской школы резерва, располагавшейся во Владивостоке, помимо строевых и общемилицейских, преподавались юридические дисциплины: уголовное право, судостроительство и судопроизводство, государственное и административное право, а количество обучающихся весной 1924 г. достигло только 30 чел., хотя предполагалось обучить 50 курсантов [4, ф. Р-393, оп. 43, д. 390а, л. 8].

Школа, призванная обеспечивать подготовку личного состава из желающих служить в органах правопорядка, обучала и будущих участковых надзирателей. В ней в течение 6-8-недельного срока проводилось обучение курсантов. Набор составлял около 20 чел. [4, Р-393, оп. 44, д. 20, л. 5; оп. 48, д. 72, л. 14]. Планировалось открыть школы резерва милиции в Петропавловске и Охотске. Предполагалось, что учебный план должен был соответствовать программе, утвержденной приказом Главного управления милиции в декабре 1921 г. и включать изучение административного и уголовного права, технику расследования преступлений и т.д. [13, с. 352, 354]. Однако перевод финансирования милиции на местный бюджет не позволил реализовать задуманное.

Курсы начальной подготовки сотрудников милиции удалось открыть лишь на Камчатке. Разработанный 68-часовой учебный план предполагал изучение общеобразовательных и специальных юридических дисциплин. Курсанты слушали лекции по уголовному, гражданскому, административному и финансовому праву, а также по судопроизводству. Однако частые командировки лекторского состава не позволяли выполнить учебный план полностью [14, с. 423-426].

Учитывая криминальную обстановку в регионе, основной состав курсантов приморской школы резерва летом был занят борьбой с хунхузами. Занятия проводились с остатком резерва, находившимся во Владивостоке, да и то, если «курсанты, в нарушение приказа начальника рабоче-крестьянской милиции о запрете использования резервов в служебных целях», не привлекались к постовой службе или участию в облавах [3, ф. Р-27, оп. 1, д. 128, л. 19].

Весной 1924 г. школа перешла на 4-месячную подготовку младших милиционеров по утвержденному в Центральном административном управлении НКВД учебному плану [4, ф. Р-393, оп. 43а, д. 390, л. 55]. С учетом того, что на школы младшего командного состава возлагались задачи по обучению сотрудников для замещения должностей: участковых надзирателей, помощников начальников волостной милиции, старших милиционеров, а также сотрудников уголовного розыска – их учебный план был расширен. Приморская школа младшего командного состава с контингентом 50 чел. занималась 2-месячной подготовкой служащих наружной милиции. Значительное количество учебного времени отводилось на изучение уголовного права, преподавались такие предметы, как судостроительство и уголовное судопроизводство, гражданское и наследственное право, уголовный процесс, а также законодательство об актах гражданского состояния [4, ф. Р-393, оп. 43, д. 390а, л. 14-18]. Курс уголовного права предполагал рассмотрение основ теории права, статей общей и особенной частей уголовного кодекса. На практические занятия было отведено 6 недель, для проведения которых курсанты были прикреплены к городской милиции Владивостока. Ежемесячно осуществлялась проверка знаний обучавшихся путем проведения собеседований с преподавателями по изученным темам [4, ф. Р-393, оп. 58, д. 63, л. 2.].

Уже в декабре 1924 г., проводя новый набор, Приморская областная школа перешла на 8-месячную подготовку [4, ф. Р-393, оп. 58, д. 63, л. 29-30] и продолжила заниматься подготовкой специалистов для занятия должностей первичного руководящего состава милиции.

Весной 1925 г. Народный комиссариат внутренних дел разослал циркуляр об итогах деятельности областных (краевых) школ командного состава рабоче-крестьянской милиции РСФСР. В документе отмечалось, что перевод милиции на финансирование из местных бюджетов, расширение сети краткосрочных образовательных учреждений, не обеспеченных преподавательским составом, учебными пособиями и материальным имуществом оказало негативное влияние на всю систему подготовки милицейских кадров. Критиковалась

подготовка милиционеров через системы губернских школ-резервов. В резолютивной части указывалась необходимость расформирования губернских школ-резервов, а также создание школ подготовки командного состава по принципу районирования в крупных культурно-промышленных центрах страны [17, ф. Р-2422, оп. 1, д. 1425, л.143-146; д. 1429, л. 147-154]. В регионе обучением участковых уполномоченных, помощников и начальников волостной милиции, старших сотрудников милиции и работников уголовного розыска, в соответствии с инструкциями НКВД, стала заниматься Иркутская областная школа командного состава милиции. Таким образом, к середине 1920-х гг. на Дальнем Востоке система начального профессионального обучения сотрудников органов милиции была свернута. Профессиональные знания сотрудников, впервые приступивших к службе в милиции, ограничивались мероприятиями, проводившимися в рамках правового просвещения.

Заключение

1. Профессиональное образование сотрудников органов внутренних дел имеет глубокие исторические корни. Своеобразной точкой отсчета начального профессионального образования можно считать 1860-е годы, когда в Российской империи при резерве полиции Санкт – Петербурга появилась специализированная школа для первоначальной профессиональной подготовки городских и околоточных надзирателей.
2. Опыт существования школ резерва сотрудников правоохранительных структур сначала был использован небольшевистскими режимами. Советское руководство постепенно перенимало опыт строительства государственных структур, сложившийся в Российской империи. Поэтому к началу 1920-х годов в РСФСР сложилась система начального профессионального образования милиционеров посредством школ резерва.
3. На русском Дальнем Востоке процесс становления начального профессионального обучения сотрудников милиции носил иной характер. От общероссийского его отличали срок и со-

держание обучения. Унификация учебных планов была достигнута лишь к середине 1920-х гг., а в дальнейшем школы резерва были трансформированы в школы подготовки младшего начальствующего состава милиции.

Список литературы

1. Алексеев Н.С., Шилов Л.А. 50 лет советского высшего юридического образования // Правоведение. 1967. № 5. С. 7-17.
2. Гольдман В.С. Из истории организации школ и курсов милиции РСФСР в 1917-1925 годах // Труды Высшей школы МООП СССР. Москва, 1968. Вып. 20. С. 80-98.
3. Государственный архив Забайкальского края.
4. Государственный архив Российской Федерации.
5. Инструкция по организации самостоятельной учебной работы студентов-заочников. Москва, 1938.
6. Иоффе О.С. Развитие цивилистической мысли в СССР. Ленинград: Издательство Ленинградского университета, 1975. 160 с.
7. Исаев И.А. Становление хозяйственно-правовой мысли в СССР (20-е годы). Москва: Юридическая литература, 1986. 176 с.
8. История советской милиции: Советская милиция в период строительства социализма. Москва, 1977. 338 с.
9. Ковальченко И.Д. Методы исторического исследования. Москва: Наука, 2003. 485 с.
10. Крапивина И.С. Система подбора, расстановки, профессиональной подготовки и воспитания кадров советской милиции в 1930-е годы // Ученые записки Санкт-петербургского им. В.Б. Бобкова филиала Российской таможенной академии. 1997. № 2 (4). С. 220-237.
11. Кулинич Н.Г. Дальневосточные города в 1920-1930 гг.: «пережитки прошлого» в жизни населения // Новый исторический вестник. 2009. № 20. С. 20-36.
12. Макеев А. Формирование системы профессиональной подготовки кадров милиции в 1930-е гг., особенности кадровой политики в регионах (историко-правовой аспект) // Юридическая мысль. 2002. № 3 (9). С. 9-21.

13. Николаев П.Ф. Школы-резервы милиции СССР в 1921-1925 гг. // Научные труды. Научные труды Омской ВШМ МВД СССР. Омск, 1969. Вып. 5. С. 347-358.
14. Пасечник А.Ф. Профессиональное обучение и материальное обеспечение личного состава камчатской милиции в 1920-х гг. // Вопросы истории Камчатки. Вып. 6. Петропавловск-Камчатский, 2012. С. 416-447.
15. Положение о консультационных пунктах для заочной системы // Советская юстиция. 1932. № 8. С. 30-31.
16. Правила приема в правовые школы. Москва, 1938.
17. Российский государственный исторический архив Дальнего Востока.
18. Справочник для поступающих в юридические школы. Москва, 1939.
19. Цуканов С.С. Деятельность Дальневосточного революционного комитета и его роль в развитии региона 1922-1926 гг. Хабаровск, 2011. 178 с.
20. Шабельникова Н.А. Милиция Дальнего Востока России (1922-1930 гг.). Владивосток: Издательство ДВГУ, 2000. 300 с.
21. Шабельникова Н.А., Бакшуттов С.Н. Формирование системы профессионального обучения кадров милиции на Дальнем Востоке России в 1920-е гг. // Теория и практика общественного развития. 2015. № 21. С. 182-185.
22. Шебанов А.Ф. Правовая наука и юридическое образование // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 1958. № 4. С. 4-11.

References

1. Alekseev N.S., Shilov L.A. 50 years of Soviet higher legal education. *Pravovedenie* [Jurisprudence], 1967, no. 5, pp. 7-17.
2. Goldman V.S. From the history of the organization of schools and courses of the militia of the RSFSR in 1917-1925. *Trudy Vyshejshejshkoly MOOP SSSR* [Works of the Higher School of the MOOP USSR]. Moscow, 1968, issue 20, pp. 80-98.
3. *Instructions for organizing independent educational work of correspondence students*. Moscow, 1938.
4. State Archives of the Transbaikal Territory.
5. State Archives of the Russian Federation.

6. Ioffe O.S. *Development of civilistic thought in the USSR*. Leningrad: Publishing House of Leningrad University, 1975, 160 p.
7. Isaev I.A. *Formation of economic and legal thought in the USSR (1920s)*. Moscow: Legal Literature, 1986, 176 p.
8. *History of the Soviet Militia: Soviet Militia during the Period of Socialist Construction*. Moscow, 1977, 338 p.
9. Kovalchenko I.D. *Methods of Historical Research*. Moscow: Nauka, 2003, 485 p.
10. Krapivina I.S. The System of Selection, Placement, Professional Training and Education of Soviet Militia Personnel in the 1930s. *Uchenye zapiski Sankt-peterburgskogo im. V.B. Bobkova filiala Rossijskoj tamozhen-noj akademii* [Scientific Notes of the V.B. Bobkov St. Petersburg Branch of the Russian Customs Academy], 1997, no. 2 (4), pp. 220-237.
11. Kulinich N.G. Far Eastern Cities in the 1920-1930s: "Vestiges of the Past" in the Life of the Population. *Novyj istoricheskij vestnik* [New Historical Bulletin], 2009, no. 20, pp. 20-36.
12. Makeev A. Formation of the system of professional training of police personnel in the 1930s, features of personnel policy in the regions (historical and legal aspect). *Yuridicheskaya mysl'* [Legal Thought], 2002, no. 3 (9), pp. 9-21.
13. Nikolaev P.F. Police reserve schools of the USSR in 1921-1925. *Nauchnye trudy. Nauchnye trudy Omskoj VShM MVD SSSR* [Scientific works. Scientific works of the Omsk Higher School of Migration of the Ministry of Internal Affairs of the USSR]. Omsk, 1969, issue 5, pp. 347-358.
14. Pasechnik A.F. Professional training and material support of the personnel of the Kamchatka militia in the 1920s. *Voprosy istorii Kamchatki* [Questions of the history of Kamchatka], issue. 6. Petropavlovsk-Kamchatsky, 2012, pp. 416-447.
15. Regulation on consultation points for the correspondence system. *Sovetskaya yusticiya* [Soviet Justice], 1932, no. 8, pp. 30-31.
16. *Rules for admission to law schools*. Moscow, 1938.
17. Russian State Historical Archives of the Far East.
18. *Handbook for applicants to law schools*. Moscow, 1939.

19. Tsukanov S.S. *Activities of the Far Eastern Revolutionary Committee and its role in the development of the region in 1922-1926*. Khabarovsk, 2011, 178 p.
20. Shabelnikova N.A. *Militia of the Far East of Russia (1922-1930)*. Vladivostok: DVGU Publishing House, 2000, 300 p.
21. Shabelnikova N.A., Bakshutov S.N. Formation of the system of professional training of police personnel in the Russian Far East in the 1920s. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya* [Theory and practice of social development], 2015, no. 21, pp. 182-185.
22. Shebanov A.F. Legal science and legal education. *Izvestiya vysshih uchebnyh zavedenij. Pravovedenie* [News of higher educational institutions. Jurisprudence], 1958, no. 4, pp. 4-11.

ДАННЫЕ ОБ АВТОРЕ

Орнацкая Татьяна Александровна, доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры государственно-правовых дисциплин

Дальневосточный филиал Российского государственного университета правосудия

ул. Восточное шоссе, 49, г. Хабаровск, 680000, Российская Федерация

ota12@ya.ru

DATA ABOUT THE AUTHOR

Tatyana A. Ornatskaya, Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Professor of the Department of State and Legal Disciplines
Far Eastern Branch of the Russian State University of Justice
49, Vostochnoye Shosse St., Khabarovsk, 680000, Russian Federation
ota12@ya.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1381-6263>

SPIN-code: 9470-6422

Поступила 15.11.2024

После рецензирования 16.12.2024

Принята 26.12.2024

Received 15.11.2024

Revised 16.12.2024

Accepted 26.12.2024

DOI: 10.12731/2077-1770-2024-16-4-444

УДК 93/94

Научная статья | Отечественная история

НОРМАТИВНО-ПРАВОВАЯ БАЗА СИСТЕМЫ ПОПЕЧИТЕЛЬСТВА НАД НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИМИ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В XIX – НАЧАЛЕ XX ВВ. НА ПРИМЕРЕ УФИМСКОЙ ГУБЕРНИИ

Т.Т. Хасанов

Обоснование. *Статья посвящена детальному анализу нормативно-правовой базы, регулирующей систему попечительства над несовершеннолетними в Российской империи в XIX – начале XX вв., с акцентом на Уфимскую губернию. В работе рассматриваются ключевые этапы формирования правовых основ попечительства, включая принятие основных законодательных актов и их эволюцию в условиях изменения социально-экономической ситуации. Особое внимание уделяется роли государства, общественных и церковных организаций в развитии системы попечительства, а также механизмам взаимодействия между этими структурами. Анализируется влияние региональных факторов на реализацию попечительства, включая демографические особенности и социально-культурный контекст. Исследование позволяет выявить закономерности в развитии социальной помощи несовершеннолетним и определить значение государственной и общественной инициативы в формировании системы поддержки детей в условиях Российской империи.*

Цель – исследование нормативно-правовой базы и функционирования системы попечительства над несовершеннолетними в Уфимской губернии Российской империи в XIX – начале XX века

Материалы и методы. *Правовые, социально-экономические и организационные аспекты попечительства над несовершеннолетними в Уфимской губернии в контексте исторического разви-*

тия подобных систем на территории Российской империи в период 1865-1917 гг.

Результаты. Анализ правовой базы и архивных источников выявил, что в Российской империи XIX – начала XX века система попечительства над несовершеннолетними основывалась на взаимодействии государственных, церковных и общественных институтов. Государство регулировало деятельность сиротских учреждений и органов опеки через законы, такие как Свод законов Российской империи. Эти документы определяли базовые требования к управлению детскими приютами и организовывали механизм распределения государственных субсидий.

Региональные особенности, например, в Уфимской губернии, заключались в значительной роли местных благотворительных обществ, приходских попечительств и сельских общин. Архивные данные показывают, что в губернии существовали инициативы по созданию сиротских домов на средства меценатов, что обеспечивало их устойчивость в условиях недостаточного государственного финансирования. Указы губернаторов играли важную роль в адаптации общих правил к местным условиям.

Церковные структуры обеспечивали как материальную, так и духовную поддержку несовершеннолетних, что подтверждается данными из фондов приходов. Также выявлено, что участие женщин в благотворительных инициативах в регионах, таких как Уфа, способствовало повышению эффективности помощи. Этот результат указывает на необходимость дальнейшего изучения роли гендерных факторов в развитии социальной поддержки.

Ключевые слова: попечительство; несовершеннолетние; Российская империя; Уфимская губерния; благотворительность; церковные организации; меценатство; дети

Для цитирования. Хасанов Т.Т. Нормативно-правовая база системы попечительства над несовершеннолетними в Российской империи в XIX – начале XX вв. на примере Уфимской губернии // Современные исследования социальных проблем. 2024. Т. 16, № 4. С. 241-254. DOI: 10.12731/2077-1770-2024-16-4-444

Original article | National History

LEGAL FRAMEWORK OF THE MINOR GUARDIANSHIP SYSTEM IN THE RUSSIAN EMPIRE IN THE XIX – EARLY XX CENTURIES USING THE EXAMPLE OF UFA PROVINCE

T.T. Khasanov

Background. *The article is devoted to a detailed analysis of the legal framework governing the guardianship system over minors in the Russian Empire in the 19th – early 20th centuries, with an emphasis on the Ufa province. The work examines the key stages in the formation of the legal basis for guardianship, including the adoption of the main legislative acts and their evolution in the context of changing socio-economic situations. Particular attention is paid to the role of the state, public and church organizations in the development of the guardianship system, as well as the mechanisms of interaction between these structures. The influence of regional factors on the implementation of guardianship, including demographic characteristics and socio-cultural context, is analyzed. The study allows us to identify patterns in the development of social assistance to minors and determine the importance of state and public initiatives in the formation of a child support system in the Russian Empire.*

Purpose. *Study of the legal framework and functioning of the guardianship system for minors in the Ufa province of the Russian Empire in the 19th – early 20th centuries.*

Materials and methods. *Legal, socio-economic and organizational aspects of guardianship over minors in the Ufa province in the context of the historical development of similar systems on the territory of the Russian Empire in the period 1865-1917.*

Results. *An analysis of the legal framework and archival sources revealed that in the Russian Empire of the 19th and early 20th centuries, the guardianship system for minors was based on the interaction of state,*

church and public institutions. The state regulated the activities of orphanages and guardianship bodies through laws, such as the Code of Laws of the Russian Empire. These documents defined the basic requirements for the management of orphanages and organized the mechanism for distributing state subsidies.

Regional features, for example, in the Ufa province, consisted of a significant role of local charitable societies, parish guardianships and rural communities. Archival data show that in the province there were initiatives to create orphanages with funds from philanthropists, which ensured their sustainability in the context of insufficient state funding. Governors' decrees played an important role in adapting general rules to local conditions.

Church structures provided both material and spiritual support for minors, which is confirmed by data from parish funds. It was also found that women's participation in charitable initiatives in regions such as Ufa contributed to the effectiveness of aid. This result points to the need for further study of the role of gender factors in the development of social support.

Keywords: guardianship; minors; Russian Empire; Ufa province; charity; church organizations; patronage; children

For citation. Khasanov T.T. Legal Framework of the Minor Guardianship System in the Russian Empire in the XIX – Early XX Centuries Using the Example of Ufa Province. *Sovremennye Issledovaniya Sotsialnykh Problem [Modern Studies of Social Issues]*, 2024, vol. 16, no. 4, pp. 241-254. DOI: 10.12731/2077-1770-2024-16-4-444

Введение

В Российской империи XIX – начала XX вв. процесс формирования системы социальной защиты, включая попечительство над несовершеннолетними, проходил в условиях значительных социально-экономических и политических изменений. Важным элементом этой системы стали институты сиротских домов и приютов, деятельность которых регламентировалась государственными и церковными актами.

Использование архивных документов позволяет реконструировать структуру взаимодействия государственных и общественных институтов, направленных на создание и функционирование детских приютов в Уфимской губернии (до 1917 года), показывает, что к началу XX века в губернии работали 22 учреждения, предоставляющие помощь детям-сиротам и детям, оставшимся без попечения родителей. Эти приюты находились под управлением различных благотворительных организаций, как государственных, так и частных.

Наиболее значимую роль играло Ведомство учреждений императрицы Марии, которому подчинялись 10 таких учреждений. Кроме того, в оказании помощи детям участвовали Императорское Человоколюбивое общество, Мусульманское Дамское благотворительное общество, Общество попечения о бедных детях города Златоуста, Общество повсеместной помощи пострадавшим на войне солдатам и их семьям, а также губернские и уездные административные органы. В их распоряжении находились ещё шесть приютов.

Отличительной чертой последних организаций была многопрофильность их благотворительной деятельности, где забота о детях-сиротах являлась лишь одной из задач.

По численности воспитанников приюты в городе Уфе занимали лидирующие позиции, обеспечивая заботу для 60–80 детей ежегодно. В уездных и сельских учреждениях этот показатель варьировался от 10 до 30 детей.

К 1917 году структура Ведомства учреждений императрицы Марии в Уфимской губернии включала шесть различных Попечительств: одно губернское, четыре уездных и одно сельское [1, с. 16].

Основой правового регулирования выступал Свод законов Российской империи, который закреплял нормы об опеке и попечительстве над детьми, оставшимися без родительского попечения. Так, том X Свода Законов «О правах и обязанностях семейных» содержал ключевые положения о правах несовершеннолетних и обязанностях опекунов.

Развитие попечительства также связано с активной деятельностью общественных организаций. Например, Императорское че-

лювеколюбивое общество и его филиалы в губерниях играли значительную роль в организации помощи детям. Государственная политика в области попечительства адаптировалась под влияние региональных факторов, таких как демографическая специфика, религиозный состав и экономическое положение, что подтверждается архивными данными из отчетов губернских управлений.

Особый интерес представляет Уфимская губерния, где взаимодействие государственных структур, церкви и общественных объединений способствовало развитию уникальной модели попечительства. По данным Центрального государственного архива Республики Башкортостан, ключевыми элементами местной системы были приходские попечительства и инициативы меценатов, финансировавших создание приютов для сирот. Эти процессы не только способствовали социальной интеграции несовершеннолетних, но и демонстрировали значимость государственной и общественной инициативы.

Материалы и методы

Исследование нормативно-правовой базы попечительства над несовершеннолетними в Уфимской губернии в XIX – начале XX века основывается на анализе обширного корпуса законодательных актов Российской империи, архивных материалов, статистических данных и документов церковных и общественных организаций. Ключевыми источниками служат Свод законов Российской империи, отчеты Министерства внутренних дел и Министерства народного просвещения, а также региональная документация, хранящаяся в Центральном государственном архиве Республики Башкортостан.

Для оценки правового аспекта использовались следующие группы документов:

Губернские распоряжения, регулирующие организацию сиротских приютов и функции попечительских советов.

Приказы и циркуляры Министерства внутренних дел, описывающие распределение финансовой помощи учреждениям попечительства.

Церковная документация, включая отчеты о деятельности приходских попечительств.

Методологической основой исследования стал исторический метод, позволивший проследить последовательность формирования и изменения правовой базы попечительства. Применение сравнительного анализа обеспечило выявление различий в функционировании систем попечительства между центральными и периферийными регионами Российской империи. Особое внимание уделено социально-экономическому подходу, что позволило рассмотреть попечительство как часть системы социальной защиты, адаптированной к специфике Уфимской губернии.

Использование архивных документов позволяет реконструировать структуру взаимодействия государственных и общественных институтов.

Кроме того, анализ материалов печатной прессы, таких как «Уфимские губернские ведомости», позволил выявить общественные настроения и инициативы, связанные с организацией попечительства, в том числе участие меценатов, среди которых выделялись купцы Стахеевы и Базилевский, личное дело которого хранится в фондах ЦГИА РБ [2].

Результаты и обсуждение

На основании материалов Российского государственного исторического архива (РГИА) проанализированы документы фонда Императорского человеколюбивого общества (Ф. 768) [3]. Данный фонд охватывает период с 1816 по 1918 годы и включает материалы, характеризующие деятельность различных заведений, находившихся под управлением общества. Среди них отчеты о работе благотворительных и образовательных учреждений, документы о создании медицинских учреждений и пожертвованиях, а также сведения о кадровом составе общества. Особое внимание привлекает дело № 338, посвященное 50-летию Уфимского попечительного о бедных комитета, где представлены рукопись В. Новикова и опубликованный в 1871 году «Очерк основания и 50-летней деятельности Уфимского попечительного о бедных комитета Императорского человеколюбивого общества» группы архивных данных сосредоточены в Центральном архи-

ве Республики Башкортостан (ЦГИА РБ). Ключевое значение имеют документы фондов И-1 «Оренбургское губернское правление», И-9 «Губернское правление», и И-11 «Канцелярия гражданского губернатора» [4; 5; 6]. Эти фонды содержат переписки органов с различными учреждениями, включая казённые палаты и ведомства общественного призрения, в основном касающуюся финансовых операций и отчетности. Например, ежегодные отчеты о деятельности благотворительных обществ направлялись в Уфимскую губернскую управу.

Наиболее содержательным является фонд И-385 «Оренбургский приказ общественного призрения» [7]. В нем хранятся протоколы заседаний, финансовые росписи и отчеты о строительстве богоугодных заведений. Эти документы предоставляют ценные сведения о функционировании и организации социальных и благотворительных событий в регионе.

Анализ нормативно-правовой базы, архивных материалов и данных из источников XIX – начала XX века позволяет выделить шесть ключевых аспекта, которые характеризуют систему попечительства над несовершеннолетними в Уфимской губернии.

1. Государственное регулирование и его специфика.

Законодательство Российской империи формировало рамки для организации попечительства над несовершеннолетними, в том числе через Свод законов Российской империи (издания 1857, 1876 гг.), регламентировавший функции органов опеки и попечительства [8]. Важнейшим документом, объединившим правовые нормы, касающиеся учреждения, финансирования благотворительной деятельности стали Уставы об общественном призрении 1857, 1892 годов издания [9]. Законодательная база предусматривала создание губернских попечительских советов, ответственных за распределение субсидий и контроль за приютами. В Уфимской губернии эти советы были сформированы при непосредственном участии губернатора и высокопоставленных чиновников.

2. Роль общественных и церковных организаций.

Значительная часть попечительских функций в регионе реализовывалась через церковные структуры и благотворительные обще-

ства. Церковь обеспечивала не только материальную, но и духовно-нравственную поддержку, что было особенно важно в условиях сельских общин, где роль православных традиций была велика.

Также значительный вклад внесли благотворительные общества, такие как Общество попечения о бедных детях г. Уфы, основанное в 1878 году. На средства местных купцов Стахеевых были построены три сиротских дома, включая крупное учреждение в Белебее.

3. Региональные особенности и их влияние на реализацию попечительства.

Уфимская губерния, как многонациональный и преимущественно аграрный регион, имела свои специфические черты в организации системы попечительства. Например, в башкирских и татарских селах значительную роль играли традиционные общинные структуры. Архивные данные свидетельствуют о том, что в ряде случаев сельские сходы принимали решения о коллективной помощи детям-сиротам, включая предоставление земли для возделывания и материальную поддержку.

Отдельно стоит отметить участие женщин в организации попечительских учреждений. Их деятельность включала организацию ремесленных курсов, что способствовало социализации и интеграции девушек в общество.

4. Организация системы финансирования и учет ресурсов.

Финансирование попечительских учреждений в Уфимской губернии в XIX – начале XX века было многоуровневым, сочетая государственные субсидии, частные пожертвования и помощь от общественных структур. Государство выделяло значительные суммы из казны для поддержки приютов и детских домов. Однако для покрытия дефицита бюджета активно привлекались меценаты. Например, купцы Стахеевы и Батыревы жертвовали ежегодно до 3 000 рублей на развитие инфраструктуры приютов, что вносило значительный вклад в улучшение условий содержания детей.

Существенное внимание уделялось обеспечению материальных нужд сиротских домов, включая их продовольственное и медицинское обслуживание. В губернских отчетах за 1907 год указано, что 80% продовольственных нужд сиротских учреждений покрывалось

за счет пожертвований местных землевладельцев и крестьянских общин. Такая практика являлась уникальной для Уфимской губернии, подчеркивая высокую степень вовлеченности местного населения.

5. Влияние социально-культурных факторов на развитие системы попечительства.

Социальные и культурные особенности региона существенно влияли на формирование системы попечительства. Многонациональный состав населения обуславливал необходимость учета этноконфессиональных различий. Например, в татарских и башкирских общинах активно функционировали мектебы и медресе, где сироты получали образование, ориентированное на исламские ценности. По данным архивов, в 1898 году в Уфимской губернии действовало около 50 медресе, которые предоставляли бесплатное обучение и проживание для детей-сирот.

Культурный контекст также определял содержание воспитательной работы. Так, при церковных попечительских структурах часто организовывались ремесленные школы, где обучали практическим навыкам, востребованным в аграрном обществе. Например, в сиротском доме Белебея было создано производство плетеной мебели, которое не только обеспечивало воспитанников работой, но и частично финансировало учреждение.

6. Проблемы и противоречия в системе попечительства.

Несмотря на успехи, система попечительства сталкивалась с рядом проблем, среди которых особенно выделялись недостаточное финансирование и нехватка квалифицированных кадров. В отчетах губернских попечительских советов упоминается, что на одного воспитателя в сиротских домах приходилось до 25 детей, что затрудняло полноценное воспитание и обучение. Также отмечались трудности с внедрением единых стандартов ухода за сиротами.

Кроме того, архивные источники фиксируют случаи злоупотреблений при распределении средств, что стало причиной многочисленных проверок со стороны центральных властей. В 1911 году губернатор Уфы издал указ о создании комиссии по контролю за финансированием сиротских учреждений, что улучшило прозрачность использования средств.

Заключение

Система попечительства над несовершеннолетними в Уфимской губернии в XIX – начале XX века представляла собой сложный и многогранный социальный институт, формирование и функционирование которого основывалось на взаимодействии государственных, общественных и церковных структур. Её развитие отражало общие закономерности социальной политики Российской империи, адаптированные к региональным особенностям. Нормативно-правовая база регулирования системы попечительства включала положения Свода законов Российской империи, касающиеся прав и обязанностей опекунов, а также постановления местных властей, в том числе губернаторские указы и распоряжения, которые учитывали специфику Уфимской губернии.

Государство играло основополагающую роль в создании правовых рамок и частичном финансировании системы попечительства. Ведомства, такие как Министерство внутренних дел и Ведомство учреждений императрицы Марии, осуществляли надзор за сиротскими домами и благотворительными учреждениями, разрабатывали стандарты ухода за детьми и организовывали распределение государственных субсидий. Однако этих ресурсов зачастую оказывалось недостаточно, и восполнение возникших пробелов становилось задачей общественных организаций и частных благотворителей. Региональные благотворительные общества, такие как Уфимский комитет Императорского человеколюбивого общества, играли важную роль в обеспечении финансовой и организационной поддержки детских учреждений.

Особое место в системе занимали церковные структуры, которые обеспечивали не только материальную, но и духовно-воспитательную поддержку. Церкви организовывали приюты для сирот, предлагали детям начальное образование и наставничество, способствовали социальной адаптации. Роль приходских попечительств была особенно заметной в сельских районах, где именно церковь часто становилась центром социальной помощи.

Этноконфессиональные особенности региона оказывали значительное влияние на характер и направления социальной поддержки. Уфимская губерния, с её многонациональным и многоконфессио-

нальным населением, требовала адаптации стандартных механизмов попечительства к локальным условиям. Например, мусульманские благотворительные общества, такие как Мусульманское дамское благотворительное общество, активно занимались созданием приютов и поддержкой детей, что обеспечивало гармоничное сосуществование различных традиций помощи.

Несмотря на успехи, система попечительства сталкивалась с рядом проблем. Одной из главных была нехватка финансирования, что особенно остро ощущалось в годы экономических кризисов. Кадровая проблема также играла важную роль: нехватка подготовленных специалистов ограничивала эффективность работы сиротских домов и приютов. Кроме того, отсутствовали единые стандарты для оценки качества оказываемой помощи и ведения статистики.

Не менее важным аспектом исследования является анализ роли женщин в развитии системы попечительства. Женщины, особенно представительницы дворянского сословия, активно участвовали в благотворительной деятельности, организовывали сборы средств, курировали работу приютов и оказывали непосредственную помощь детям. Гендерный фактор, таким образом, играл важную роль в формировании социальной политики региона.

Изучение системы попечительства над несовершеннолетними в Уфимской губернии позволяет сделать вывод о том, что её развитие было результатом сложного взаимодействия государственных, общественных и церковных структур, адаптации общегосударственных механизмов социальной поддержки к региональным условиям. Полученные выводы не только углубляют наше понимание социальной политики Российской империи, но и предлагают ценную перспективу для современных исследований в области истории и социальной политики.

Список литературы

1. Сиренко Ю.В. Развитие системы призрения и воспитания детей-сирот Уфимской губернии XIX - начала XX веков: Автореф. дис. ... канд. пед. наук. Оренбург, 2009. 16 с.
2. ЦГИА РБ. Ф. И — 114. Оп. 1. Д. 419.

3. РГИА. Ф. 768. Императорское человеколюбивое общество. Оп. 2. Д. 338. О 50-летнем юбилее Уфимского попечительного о бедных комитета. 160 л.
4. ЦГИА РБ. Ф. И-1. Оренбургское губернское правление. Оп. 1. Д. 2151. Переписка с Оренбургской казённой палатой, Приказом общественного призрения, Палатой гражданского суда и другими учреждениями. 1845–1846 гг. 549 л.
5. ЦГИА РБ. Ф. И-9. Уфимское губернское правление. Оп. 1. Д. 893. Отчеты благотворительных и иных обществ за 1913 год. 296 л.
6. ЦГИА РБ. Ф. И-11. Канцелярия Уфимского гражданского губернатора. Оп. 1. Д. 1024. Переписка о введении в действие Положения о земских учреждениях. 1864–1875 гг. 198 л.
7. ЦГИА РБ. Ф. И-385. Оренбургский приказ общественного призрения. Оп. 1. Д. 1; Д. 2; Д. 8; Д. 12; Д. 19; Д. 21; Д. 22; Д. 25; Д. 27; Д. 28; Д. 34; Д. 36.
8. Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. Т. 3, 4, 5, 6, 7, 15, 19, 20, 21, 24, 27, 37. Собрание второе. Т. 1, 3, 35, 39, 40, 49.
9. Свод законов Российской империи. Кп. 5. Г. XIII. Уставы о народном продовольствии, об общественном призрении и врачебные. СПб.: Кодификационный отдел при Государственном Совете, 1892.

References

1. Sirenko Yu. V. Development of the System of Guardianship and Upbringing of Orphans in the Ufa Province of the 19th - Early 20th Centuries: Abstract of the Dissertation for the Degree of Candidate of Pedagogical Sciences. Orenburg, 2009, 16 p.
2. Central State Historical Archive of the Republic of Bashkortostan (CSHA RB). F. I-114, Op. 1, D. 419.
3. Russian State Historical Archive (RSHA). F. 768, Imperial Philanthropic Society. Op. 2, D. 338. On the 50th Anniversary of the Ufa Committee for the Care of the Poor. 160 p.
4. CSHA RB. F. I-1, Orenburg Provincial Administration. Op. 1, D. 2151. Correspondence with the Orenburg Treasury Chamber, the Public Guardianship Office, the Chamber of Civil Court, and Other Institutions. 1845–1846. 549 p.

5. CSHA RB. F. I-9, Ufa Provincial Administration. Op. 1, D. 893. Reports of Charitable and Other Societies for 1913. 296 p.
6. CSHA RB. F. I-11, Office of the Ufa Civil Governor. Op. 1, D. 1024. Correspondence on the Implementation of the Zemstvo Institutions Statute. 1864–1875. 198 p.
7. CSHA RB. F. I-385, Orenburg Office of Public Guardianship. Op. 1, D. 1; D. 2; D. 8; D. 12; D. 19; D. 21; D. 22; D. 25; D. 27; D. 28; D. 34; D. 36.
8. The Complete Collection of Laws of the Russian Empire. First Collection. Vols. 3, 4, 5, 6, 7, 15, 19, 20, 21, 24, 27, 37. Second Collection. Vols. 1, 3, 35, 39, 40, 49.
9. The Digest of Laws of the Russian Empire. Book 5, Chapter XIII: Statutes on Public Welfare, Public Guardianship, and Medical Affairs. St. Petersburg: Codification Department under the State Council, 1892.

ДАННЫЕ ОБ АВТОРЕ

Хасанов Тимур Тагирович, аспирант кафедры «Международные отношения, история и востоковедение»

Уфимский государственный нефтяной технический университет

ул. Космонавтов, 1, г. Уфа, 450064, Российская Федерация
timur.hasanov13@yandex.ru

DATA ABOUT THE AUTHOR

Timur T. Khasanov, Graduate Student of the Department of International Relations, History and Oriental Studies

Ufa State Petroleum Technical University

1, Kosmonavtov Str., Ufa, 450064, Russian Federation
timur.hasanov13@yandex.ru

Поступила 05.12.2024

После рецензирования 15.12.2024

Принята 22.12.2024

Received 05.12.2024

Revised 15.12.2024

Accepted 22.12.2024

DOI: 10.12731/2077-1770-2024-16-4-472

УДК 94(569.4)»70/638»

Научная статья |

Историография, источниковедение, методы исторического исследования

О СПЕЦИФИКЕ ПРЕПОДАВАНИЯ, ШКОЛАХ И ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫХ ЦЕНТРАХ ПАЛЕСТИНЫ ЭПОХИ ПОЗДНЕЙ АНТИЧНОСТИ

Ж.М. Сухова, И.Ю. Ващева

Обоснование. Эпоха Поздней античности, активно исследуемая в последние десятилетия, является специфичным и уникальным историческим периодом, отдельные аспекты которого до сих пор требуют детального рассмотрения. Воспитание и образование, претерпевающие определенные трансформации в эпоху перемен, по-прежнему оставались важной частью культурного и духовного развития личности. Среди образовательных центров Римской и Византийской империи особое место занимают города Палестины, в которой столкнулись и переплелись классическая, иудейская и христианская традиции.

Цель данной статьи – обобщить результаты исследований о палестинских образовательных и интеллектуальных центрах и выделить региональные особенности их развития, что до настоящего времени не было предметом специального исследования.

Материалы и методы. Данное исследование опирается на концепцию Поздней античности, которая задает определенные рамки при изучении событий, процессов и явлений III-VII вв. Она рассматривает их как изменения, требуемые временем, которому невозможно дать только одностороннюю негативную оценку и подчеркивает важность изучения культурных аспектов эпохи.

Результаты. Перед нами предстает яркий образ интеллектуальных и образовательных центров Палестины, споры и дискуссии

в которых не утихали практически вплоть до конца эпохи Поздней античности. Они сочетали в себе античное наследие, христианские традиции и местные культурные особенности. Этот образ достаточно далек от тех сведений, которые встречаются нам в житиях и поучениях подвижников Святой земли. Жители Палестины могли отдать предпочтение разным методам и стилям преподавания. Популярность школ с риторическим уклоном в Палестине обусловлена несколькими причинами: целью обучающегося, общекультурной традицией (практикой устного обучения, которая применялась в эллинистическом, греко-римском образовании и в раввинистических ученых кругах), необходимостью обладать умением и навыком публичного выступления, произношения речей и проповедей.

Хотя богословские традиции часто присутствовали с самого начала в школах Палестины, в ней не сложилось крупной и сильной богословской школы в отличие от соседних Сирии и Египта. Не имея собственной твердой опоры, Палестина испытывала влияние религиозных и интеллектуальных идей соседних богословских школ и часто оказывалась в центре религиозных дискуссий.

При этом образовательные и интеллектуальные центры представляли собой одну из самых гармоничных традиций сочетания, симбиоза христианского и античного; в острых интеллектуальных спорах о христианстве могла применяться и «мягкая сила» убеждения, которая заключалась в использовании понятных оппоненту терминов и авторитетов.

Наконец, возможность вести интеллектуальные споры требовала наличия библиотек: одна из самых известных и крупных в Палестине библиотек – Кесарийская – появилась в исторически важный и сложный момент – в эпоху гонений.

Ключевые слова: преподавание; образование; школа; интеллектуальные центры; Палестина; Поздняя античность

Для цитирования. Сухова Ж.М., Ващева И.Ю. О специфике преподавания, школах и интеллектуальных центрах Палестины эпохи Поздней античности // Современные исследования социальных проблем. 2024. Т. 16, № 4. С. 255-276. DOI: 10.12731/2077-1770-2024-16-4-472

Original article | Historiography, Source Studies, Methods of Historical Research

IMAGINATIVECOMPONENENGLISH

Zh.M. Sukhova, I.Yu. Vashcheva

Background. *Late Antiquity is a specific and unique historical period that has been actively studied in recent decades, with certain topics that still require detailed researches. The educational system of this period had many transformations and remained an important part of the cultural and spiritual development of an individual. The cities of Palestine took a special place among the educational and intellectual centers of the Roman and Byzantine empires, where classical, Jewish, and Christian traditions intertwined.*

Purpose. *The purpose of this article is to summarize the results of many researches on Palestinian educational and intellectual centers and to highlight regional characteristics of their development that have not been subject of any specific study yet.*

Materials and methods. *This study is based on the concept of Late Antiquity, which sets boundaries for researching events, processes, and phenomena of the 3rd – 7th centuries. This concept reviews those events and processes as changes required by the time, which cannot be assessed in a one-sided negative way, and emphasizes the importance of studying the cultural aspects of the era.*

Results. *The image of the intellectual and educational centers of Palestine is vivid, where debates and discussions continued almost until the end of the era of Late Antiquity. These centers combined the legacy of antiquity, Christian traditions, and local cultural peculiarities. This image is quite different from the information that could be found in biographies and teachings of the ascetics of the Holy Land. The people of Palestine could choose different methods and teaching styles. The popularity of rhetorical schools in Palestine was driven by several factors: the goal of the student was to acquire various skills and abilities that could be useful in a time of change; the general cultural reason – the practice of*

oral instruction was applied in Hellenistic, Greco-Roman education, and in rabbinic scholarly circles; and in the era of Christological disputes and the spread of different religious teachings, an important skill was the ability to speak in public, deliver speeches, and preach.

Although theological traditions were often present from the beginning in the schools of Palestine, there was not a separate and strong theological school, unlike neighboring Syria and Egypt. Lacking its own firm foundation, Palestine was influenced by the religious and intellectual ideas of neighboring theological schools and often found itself at the center of religious debates.

At the same time, the educational and intellectual centers represented one of the most harmonious traditions of combining and symbiosis of Christianity and antiquity. In the sharp intellectual disputes about Christianity, «soft power» of persuasion could be applied, which involved using terms and authority figures familiar to the opponent.

Finally, the ability to engage in intellectual debates required the presence of libraries: one of the most famous and largest libraries in Palestine – the Caesarean library, which appeared at a historically important and complex moment, i.e. during the era of persecutions.

Keywords: *teaching; education; school; intellectual centers; city; Palestine; Late Antiquity*

For citation. *Sukhova Zh.M., Vashcheva I.Yu. On the Specifics of Teaching, Schools and Intellectual Centers of Palestine of Late Antiquity. Sovremennye Issledovaniya Sotsialnykh Problem [Modern Studies of Social Issues], 2024, vol. 16, no. 4, pp. 255-276. DOI: 10.12731/2077-1770-2024-16-4-472*

Введение

Эпоха Поздней античности, активно исследуемая в последние десятилетия учеными разных стран, является специфичным и уникальным историческим периодом [26], который, по меткому выражению исследовательницы Н.А. Селунской, представляет собой яркое закатное сияние всей Античности, ведь «созревание и сбор плодов осенней поры цивилизации происходит одновременно с за-

рождением начатков иного образа жизни и образа культуры» [22, с. 234]. Воспитание и образование, претерпевающие определенные трансформации в эпоху перемен, по-прежнему оставались важной частью культурного и духовного развития личности. Среди образовательных центров Римской и Византийской империи особое место занимают города Палестины, к которым исследовательское внимание приковано в особенности. В отечественной исторической науке особый вклад в изучение школ Восточного Средиземноморья внесли белгородские ученые А.М. Болгова, Н.Н. Болгов и их ученики и коллеги [1-8; 18-21], в некоторых работах авторы приводят самостоятельный и современный перевод исторических источников на русский язык, на который мы также ссылаемся. Среди зарубежных ученых выделяются монография А. Каррикера о комплексном изучении Кесарийской библиотеки [27], труды Х. Лапина, К. Хецер, Р. Хидари, Л. Александер и других авторов, посвященные изучению еврейской системы образования и сравнению знакомых классическому миру ролей ораторов, учителей, юристов и риторов с деятельностью талмудических раввинов, и в целом интеллектуальному климату, ступеням образования, культуре грамотности городского населения, переплетению античных и христианских традиций, преподавателям и интеллектуалам палестинских городов [23-25; 30-31].

Цель данной статьи – обобщить результаты исследований о палестинских образовательных и интеллектуальных центрах (греко-римских, иудейских, христианских) и выделить региональные особенности их развития, что до настоящего времени не было предметом специального исследования.

Материалы и методы

Данное исследование опирается на концепцию Поздней античности, которая задает определенные рамки при изучении событий, процессов и явлений III-VII вв. Во-первых, она рассматривает их как изменения, требуемые временем, которому невозможно дать только одностороннюю негативную оценку. Во-вторых, она подчерки-

важает важность изучения культурных аспектов эпохи, нормализует многослойность культурных процессов, накладывающихся друг на друга в эпоху трансформаций и изменений [22; 26].

Результаты и обсуждение

Важнейшую роль в образовательном процессе играла риторика, формировавшая «универсальные компетенции», необходимые в эпоху перемен: она играла важную роль не только в искусстве убеждения, но и непосредственно в подготовке юристов, историков, ученых, политиков и судей [28, р. 225-228]. Наиболее известными были риторские образовательные центры Кесарии Палестинской и Газы [2, с. 715], но именно в Газе такой тип школы получил наиболее выразительное развитие. Ее расцвет пришелся на V-VI вв., хотя уже в свое время Либаний отмечал, что Газа была «мастерской красноречия» [33, р. 113], которая вполне могла соперничать со школами Антиохии и Александрии [32, р. 40-41]. Письма и труды таких представителей риторической школы города, как Эней Газский (ок. 445-534 гг.) и Хорикий Газский (ок. 500-590 гг.), были образцом аттического диалекта древнегреческого языка и изобиловали отсылками на античные литературные произведения, хотя оба ритора были христианами. Это неудивительно, поскольку в городе была распространена эллинская культура и христианизация Газы затянулась официально до закрытия последнего и главного языческого святилища города в 402 г., однако представители языческих культов еще долгое время оставались здесь [11, с. 23, 27]. Языческую часть населения было трудно вовлечь в христианскую общину закрытием святилищ или назидательными проповедями. Но этот процесс можно было ускорить, найдя нужные инструменты убеждения. Так, Эней Газский, обличая неоплатонизм, в диалоге «Феофраст» находит способ переубеждения своего слушателя или, по крайней мере, способен заставить его засомневаться: для убеждения неоплатоника в правильности и истинности христианства ритор использует не цитаты из Священного Писания или ссылки на мудрость Отцов церкви, а понятные именно неоплатонику термины и авторитеты, с

которыми он знаком в рамках своей картины мира, старой культуры и образования [21, с. 31]. Такая «мягкая сила» убеждения давала возможность понять новый, стремительно меняющийся мир. Также в школе времен Энея и Прокопия Газского (465-528 гг.) сочетались классическая и христианская традиции: именно там будущие епископы и священники обучались красноречию на примерах из античной мифологии [5, с. 101-107]. Продолжателем и непосредственным преемником Прокопия стал его ученик ритор Хорикий Газский, который оставил после себя корпус речей и декламаций, посвященных античным сюжетам и даже языческим традициям [7, с. 65-71]. Хорикий также написал речь «В защиту мимов», в которой защищал осуждаемое церковью искусство, ссылаясь на «мимесис», характерный и для деятельности христианской церкви [6, с. 50]. В VI столетии в Газе творил поэт Иоанн Газский – первый в ранневизантийской литературе представитель христианского символизма, аллегорически толковавший античные символы [2, с. 719]. Все упомянутые ритторы и авторы сочинений не слепо подражали или копировали своих классических предшественников, но считали себя их прямым продолжением. В их рассуждениях о классическом наследии есть рациональное зерно: мимы, античные мифология и литература сами по себе не наносят вреда разуму и душе человека, поскольку они верили, что человек способен самостоятельно рассудить об их пользе и вреде, отделить веру от интеллектуальной деятельности. Примечательно, что в философских, риторических школах империи христиане, как правило, с конца V в. осуществляли руководство над ними, но содержание образования было по преимуществу классическим. Лишь с сер. VI в. философско-богословские исследования и преподавание начинают проникать в Александрийскую философскую классическую высшую школу. На этом фоне Палестина – особенно Кесарийская и Газская школы – представляют собой некоторое исключение, так как в них изначально и в значительной мере было представлено также и богословие [20, с. 6-7].

Представители газской школы находились в тесном контакте с другими соседними школами и со многими монашескими общинами

Газы, оказывая на них сильное влияние. Известно, что в городских монастырях Газы, монахи тщательно изучали Священное Писание, а впоследствии и науки, велись интеллектуальные споры о христианских учениях [15, с. 170-186]. Последнее, впрочем, характерно для целого ряда монашеских общин Палестины, хотя авторы житий и поучений стараются представить нам иную картину. Так, в житиях Кирилла Скифопольского можно заметить стремление противопоставить монашескую жизнь мирской. Между тем, позднеантичная эпоха была насыщена значимыми политическими и религиозными событиями, в города регулярно приезжали философы, учителя и студенты из разных уголков империи, проповедники и ораторы произносили речи [16; 17, с. 179-180], а оригенистский спор VI столетия вызвал практически повсеместную борьбу в монастырях Палестины. Монахи были увлечены эсхатологической стороной учения Оригена (ок. 185-253 гг.), а центром споров стала Новая Лавра, располагавшаяся близ Иерусалима [12, с. 329-336; 14, с. 174-190]. Интеллектуальные поиски и развитие эсхатологических идей Оригена продолжались долгое время и ряд исследователей подчеркивают, что его последователи интересовались не только идеями апокатастасиса и предсуществования души, но и самим подходом Оригена, «...готовностью допускать и уважать размышления на эти темы как достойные времяпрепровождения монаха, интеллектуальным любопытством, светским, преимущественно философским контекстом их некоторых теоретических построений и интересом к свободному богословскому исследованию...» [29, р. 14-15]. Это вызывало беспокойство со стороны православных епископов и настоятелей монастырей: так, в 530-531 году известный палестинский подвижник авва Савва (439-532 гг.) был вынужден обратиться к императору Юстиниану с просьбой выслать оригенистов из Палестины [14, с. 408-416]. В 543 году на поместном соборе развитие идей Оригена и дискуссии были осуждены, а в 553 году был созван Пятый Вселенский собор, одним из решений которого было анафематствование всех аспектов оригенизма. Только после этих событий оригенистские споры в Палестине прекращаются, по крайней мере, они перестают упоминаться в источниках.

В другом городе – Кесарии Палестинской – тем же Оригеном была основана школа, обучение в которой строилось на знакомстве с трудами и идеями античных мыслителей и ученых. Но принципиальное отличие его школы состояло в том, что Ориген избрал основным способом изучения христианства для язычников философию и, наоборот, он также знакомил христиан с классической культурой [4, с. 475]. Другое важное отличие состояло в изучении предметов и трудов в определенной последовательности: так, например, занятия Григория Чудотворца начались с диалектики и продвинулись к естественным наукам, особенно геометрии и астрономии, после к этике, а затем Ориген приступил к ознакомлению Григория с интерпретацией изображений и все это было подготовительной ступенью к изучению христианства. Среди слушателей кесарийской школы впоследствии выделились такие выдающиеся фигуры как пресвитер Памфил, «отец церковной истории» Евсевий Кесарийский, ритор Феспесий, епископ Кесарии Акакий, а также один из крупнейших отцов церкви Григорий Богослов, писавший о кесарийской школе как о месте, где христианская истина венчает античную мудрость [10, с. 73]. Влияние Оригена в кесарийской школе и заложенные им традиции сохранялись вплоть до ранее упомянутого оригенистского спора VI столетия и, вероятно, последующее за спором осуждение учения Оригена повлияло на оценки значения этой школы в самой византийской традиции [там же, с. 79]. Примечательно, что в отличие от газской школы, у кесарийской школы сложилась конкуренция с иудейской (в Кесарии проживало намного больше иудеев, чем в Газе); обе функционировали на протяжении всего ранневизантийского времени [4, с. 478]. Несмотря на относительную малочисленность источников V – начала VII вв., исследователи полагают, что кесарийская школа продолжала сохранять свой авторитет до конца эпохи Поздней античности [там же, с. 477].

Начиная с III столетия раввины (законоучители) продвигали специфический еврейский тип начального и высшего образования как альтернативу греко-римским школам [23, с. 23]. Предписание уметь читать на древнееврейском языке было нацелено именно

на способность учеников мужского пола читать и толковать Тору; такие умения и навыки, как элементарное письмо, счет и чтение других небиблейских литературных текстов практически ни разу не упоминаются в талмудической литературе. Целью такого образования было приобщение еврейской части населения к знанию Торы, специалистами в которой они являлись, повышение интереса к знанию Торы среди современников, а также создание для законоучителей опоры в обществе. Вопрос о получении альтернативного – греко-римского – образования евреями в позднеантичной Палестине рассматривался не часто [там же, с. 24], но примечательно, что многие евреи все же знали греческий язык [24, с. 76]. Специфически еврейский тип высшего образования заключался в обучении с рабби и посещении так называемых домов учения – «бэйт мидраш» (בֵּית מִדְּרָשׁ), это наиболее близкий греко-римский аналог scholasterion. Такой дом учения мог быть частным домом, комнатой рабби или общественным зданием, или комнатой в здании, которое один или несколько богатых горожан могли построить в качестве благотворительности [там же, с. 81]. К этой ступени обучения приходили немногие, так как оно было доступно не для всех и не простым, но оно позволяло повысить свой социальный статус [там же, с. 73]. В отличие от начального образования, раввинистическая учеба, по-видимому, уже не была сфокусирована на чтении текста Торы. Она скорее состояла из повторения вслух и запоминания учениками выраженных устно их учителями доктрин и мнений [там же]. Те евреи, которые все же получили начальное образование на греческом или латинском языке от частных наставников, могли приступить к следующей ступени образования с помощью риторов и философов. Овладение греческой ученостью, было значимым, по крайней мере для определенных кругов еврейского населения Палестины [там же, с. 72-73, 86-88].

Х. Лапин провел анализ и сравнил раввинистическое высшее образование с высшим образованием в христианских школах и обратил внимание на определенное различие между двумя типами продвинутого обучения в отношении книгоцентричности или ее

отсутствия [31, p. 505]. Он отметил, что тексты, созданные Оригеном и Евсевием, демонстрируют своего рода ученую книжность, что было чуждо раввинистическим трудам, хотя к VI столетию все же после записи Устного Торы оформляется талмудический иудаизм – наиболее авторитетная запись и толкование Устной Торы. В то же время, часть греко-римского высшего образования, особенно изучение риторики и философии, проходила в устной форме, без помощи текстов или необходимости фиксировать доводы в письменной форме. Л. Александер показала, что законоучители не были одиноки в своем скептицизме в отношении письменного слова: хотя и руководства по риторике и записанные речи существовали, само искусство произнесения речи изучалось главным образом устно, посредством выслушивания риторов и через собственные выступления [25, p. 238, 241, 244]. Риторика продолжала сохранять не только обычаи устного дискурса, но также убеждение, что речь должна быть произнесена лично, и, во всяком случае, произвести впечатление. При этом исследовательница справедливо отмечает, что необходимо различать идеологически мотивированный отказ от письма (который находит свое выражение в понятии «Устная Тора» и в «Седьмом письме» Платона) и практику устного обучения, которая имела долгую традицию в эллинистическом и греко-римском образовании и также применялась в раввинистических ученых кругах. Учитывая это, распространение и высокое развитие именно риторских школ в городах Палестины может быть объяснено их универсальностью для населения и понятностью методов работы, а также общекультурными причинами, уходящими в традиции преподавания разных народов.

Помимо перечисленных стилей образования, постепенно складывался мощный пласт образования христианского. Собственной, крупной богословской школы в Палестине не было и в этом отношении христианские школы Палестины испытывали влияние соседних и сильных богословских школ. Пока в Антиохии и Александрии формировались свои богословские традиции, города Палестины как образовательные и интеллектуальные центры сталкивались с

трудностями: из-за еврейских погромов и восстания Бар-Кохбы во II веке крупный религиозный центр Иерусалим был разрушен, а на его месте основалась языческая колония Элия Капитолина; столица региона Кесария и крупные центры Газа, Скифополь не могли похвастаться библейскими корнями, святынями или апостольским преемством [13, с. 65, 236, 364]. В Антиохии христианская традиция была очень сильна в виде буквального толкования и заучивание текстов Священного Писания, а Александрия – в виде аллегорического толкования библейских текстов [2, с. 717], к тому же оба эти города имели апостольское происхождение своих епископских кафедр. Считается, что Кирилл Иерусалимский и Акакий Кесарийский в отношении толкования священных текстов больше тяготели к Антиохийской богословской школе, однако влияние Александрийской школы среди интеллектуалов Палестины также имело место в той же Кесарии, Газе или среди монахов, не в последнюю очередь благодаря Оригену. В целом какого-либо единства в этом отношении не наблюдается и допускались оба метода толкования текстов.

Для преподавания в соответствии с определенными принципами и задачами, для изучения большого пласта литературы и ведения интеллектуальных споров, а также для поддержания определенной автономии школ и уровня городского развития, были необходимы библиотеки: в них важно было наличие не только христианских текстов, но и греческих философских текстов, других нехристианских произведений. В соседних с Палестиной регионах библиотеки появились за несколько столетий до распространения в них христианства: библиотеки в Александрии и Антиохии были основаны еще в III веке до н.э. и считались крупнейшими. В случае с Палестиной история сложилась иначе: библиотека в Кесарии появилась примерно шесть столетий спустя – в III веке н.э. во время христианских гонений; совсем немного известно и о наличии библиотеки в Газе. Однако они могли конкурировать с библиотеками таких центров образовательной деятельности Поздней античности, как Бейрут, Константинополь [32, р. 40-41, 81-88]. Известно, что в коллекцию Кесарийской библиотеки входили литературные, фило-

софские и христианские сочинения [27, р. 2-3]. Основатель библиотеки Ориген и Памфил, учитель Евсевия Кесарийского, усердно приобретали книги для библиотеки [там же, р. 13]: страстное коллекционирование книг должно было обойтись дорого, но даже во время гонений коллекционирование не прекращалась. В библиотеке содержались труды Александра Полигистора, Ариостоула, Херемона, Хрисиппа, Гераклеона, Гермаса, Игнатия Антиохийского, Иосифа Флавия, Мелитона Сардийского, Нумения, Энума, Филона Александрийского, Филона Библоса, Платона, Плутарха и, возможно, Зенона, псевдоэпиграфы Ветхого Завета и апокрифы Нового Завета, а также философские словари и др. [там же, р. 8-9]. Сам Памфил занимался исправлением книг даже находясь в заключении, а при самой библиотеке, вероятно, находился скрипторий [там же, р. 14-15]. Кесарийская библиотека была уничтожена в начале VII в. в результате пожара [9, с. 25] и, вероятно, такая же участь постигла и библиотеку Газы.

Заключение

Перед нами предстает яркий образ интеллектуальных и образовательных центров Палестины, споры и дискуссии в которых не утихали практически вплоть до конца эпохи Поздней античности. Они сочетали в себе античное наследие, христианские традиции и местные культурные особенности. Этот образ достаточно далек от тех сведений, которые встречаются нам в житиях и поучениях подвижников Святой земли. Жители Палестины могли отдать предпочтение разным методам и стилям преподавания – это определялось целями и будущим родом деятельности обучавшегося. Обучение в риторических школах позволяло овладеть самыми разными умениями и навыками, которые могли пригодиться в эпоху изменений. Популярность школ с риторским уклоном может быть объяснена и общекультурными причинами, уходящими в традиции преподавания народов этого региона: практика устного обучения применялась в эллинистическом, греко-римском образовании и в раввинистических ученых кругах. Наконец, в эпоху христологических споров и

распространения разных религиозных учений чрезвычайно важным умением было умение выступать на публике, произносить речи и проповеди.

Хотя богословские традиции часто присутствовали с самого начала в школах Палестины, в ней не сложилось отдельной, крупной, сильной богословской школы в отличие от соседних Сирии и Египта, которые имели собственные богословские школы. В эпоху христологических споров это имело серьезное влияние на ее центры: не имея собственной твердой опоры, Палестина испытывала влияние религиозных и интеллектуальных идей соседних богословских школ и часто оказывалась в центре религиозных дискуссий.

При этом образовательные и интеллектуальные центры представляли собой одну из самых гармоничных традиций сочетания, симбиоза христианского и античного, в острых интеллектуальных спорах о христианстве могла применяться и «мягкая сила» убеждения, которая давала возможность понять новый, стремительно меняющийся мир той части населения, что была готова услышать аргументы и доказательства со ссылкой на понятных им классиков. Это требовало знакомства с огромным пластом литературы, наличия умений и навыков убеждения, что отражает дошедший до нас диалог «Феофраст» Энея Газского. Некоторые отчаянно сопротивлялись происходящим изменениям, крепко держась за языческие, старые традиции, но в конечном итоге часть из них сумела подстроиться под новые социокультурные реалии, в особенности те, кто мыслил шире, искренне верил в христианство или понимал неизбежность изменений. Представители Газской и Кесарийской школ не просто ценили классическую мысль, представленную в произведения античных авторов, и античную культуру в целом, продолжателями которой они себя считали. Они призывали пользоваться тем из античного наследия, что могло украсить и преумножить христианское учение, что являлось значимым символом диалога, континуитета эпох, а не полного разрыва связей с прошлым. В их рассуждениях мы видим «рациональное зерно»: мимы, чтение классиков и античная мифология сами по себе не вредят, но чело-

век может быть знаком с ними и волен самостоятельно рассуждать об их пользе или вреде.

Наконец, возможность вести интеллектуальные споры требовала наличия библиотек: одна из самых известных и крупных в Палестине библиотек – Кесарийская, появилась в исторически важный и сложный момент – в эпоху гонений.

Список литературы

1. Богомаз Е.Е., Болгов Н.Н. Письма Прокопия Газского // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология. 2017. № 8 (257). С. 46-48.
2. Болгов Н.Н., Болгова А.М., Денисова И.В., Бузанаков Ю.В. Образованность, школы, книжная культура в Восточном Средиземноморье в IV-VII вв. (Антиохия, Берит, Кесария, Газа) // *Via in tempore*. История. Политология. 2020. № 47 (4). С. 714-726. <https://doi.org/10.18413/2687-0967-2020-47-4-714-726>
3. Болгов Н.Н., Лопатина М.Ю. Письма Энея Газского // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология. 2017. № 15 (264). С. 39-46.
4. Болгова А.М. Кесарийская христианская школа III – начала VII вв. // *Россия в глобальном мире*. 2016. № 9 (32). С. 473-479.
5. Болгова А.М. Прокопий Газский: ритор и богослов // *Проблемы истории, филологии, культуры*. 2014. № 2. С. 101-107.
6. Болгова А.М. Хорикий из Газы: античная риторика как форма для византийской школы // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология. Экономика. Информатика. 2011. № 1 (96). С. 48-53.
7. Болгова А.М., Болгов Н.Н. Ритор Хорикий и Газская школа // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология. Экономика. Информатика. 2011. № 7 (102). С. 65-71.
8. Болгова А.М., Болгов Н.Н., Липич В.В., Шилов В.Н. Изучение Газской школы риторики в последние годы // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология. Экономика. Информатика. 2014. № 21 (192). С. 43-46.

9. Ващева И.Ю. Кесария Палестинская в III – первой половине VII вв. // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия История. 2005. № 1 (4). С. 13-25.
10. Ващева И.Ю. Образование в Кесарии Палестинской в III – первой половине VII вв. // Актуальные проблемы исторической науки и творческое наследие С.И. Архангельского. Нижний Новгород. 2005. С. 72-80.
11. Дауни Г. Газа в начале VI века / Мир Поздней античности. Документы и материалы. Выпуск 1 / пер. с англ. и сост. А.М. Болговой, Н.Н. Болгова. Белгород, 2014. 112 с.
12. Евагрий Схоластик. Церковная история. Книги I-VI / пер. с греч., вступ. ст., комм., приложения и указатели И.В. Кривушина. Санкт-Петербург: Издательство Олега Абышко, 2010. 669 с.
13. Евсевий Кесарийский. Церковная история / ввод. ст., коммент., библиогр. список и указатели И.В. Кривушина. Санкт-Петербург: Издательство Олега Абышко, 2013. 544 с.
14. Житие св. Савы Освященного, составленное св. Кириллом Скифопольским в древне-русском переводе / изд. И. Помяловский. Санкт-Петербург: Тип. Имп. Акад. наук, 1890. 588 с.
15. Игум. Кирилл (Илюхин). История христианского образования // Православный собеседник. 2007. № 2 (15). С. 170-186.
16. Кирилл Скифопольский. Житие иже во святых отца нашего Евфимия Великого [Электронный ресурс] // Палестинский патерик. 1892. Вып. 2. С. 1-98. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Kirill_Skifopolskij/zhitie-izhe-vo-svjatyh-ottsa-nashego-evfimija-velikogo/#source (дата обращения: 01.10.2024).
17. Кирилл Скифопольский. Житие св. Иоанна, епископа и молчалика Лавры аввы Саввы. Памятники византийской литературы IV-IX веков : [Сборник переводов] / отв. ред. Л.А. Фрейберг. Москва: Наука, 1968. 350 с.
18. Курбанов А.В. Межконфессиональные отношения в Газской области VI века (по материалам «Переписки Иоанна и Варсануфия Газских») // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология. Экономика. Информатика. 2014. № 8 (179). С. 52-56.

19. Лопатина М.Ю. Иоанн Газский: классические мотивы ранневизантийской поэзии // Византийское содружество: традиции и смена парадигм: тезисы докладов XXII Всероссийской научной сессии византинистов РФ, Екатеринбург, 24-28 сентября 2019 г. 2019. С. 98-100.
20. Манохин Я.В. Ранневизантийская Газа – христианский интеллектуальный центр в Палестине: дис. ... кан. ист. наук. Белгород, 2018. 254 с.
21. Манохин Я.В. «Феофраст» и «Аммоний». Отражение ранневизантийской полемики между христианством и античным язычеством в литературном наследии риторской школы Газы // *Via in tempore. История. Политология*. 2018. № 45 (1). С. 29-34. <https://doi.org/10.18413/2075-4458-2018-45-1-29-34>
22. Селунская Н.А. Осень средневековья и поздняя античность: как антиковеды с медиевистами историю делили // *Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории*. 2004. №13. С. 232-246.
23. Хецер К. Образование в римской Палестине. Часть 1. Еврейские начальные школы и учителя // *Вестник ПСТГУ. Серия IV: Педагогика. Психология*. 2019. № 52. С. 22-58. <https://doi.org/10.15382/sturIV201952.22-58>
24. Хецер К. Образование в римской Палестине. Часть 4. Высшее образование среди евреев в Палестине // *Вестник ПСТГУ. Серия IV: Педагогика. Психология*. 2019. № 55. С. 72-93. <https://doi.org/10.15382/sturIV201955.72-93>
25. Alexander L. The Living Voice: Scepticism Towards the Written Word in Early Christian and in Graeco-Roman Texts // *The Bible in Three Dimensions: Essays in Celebration of Forty Years of Biblical Studies in the University of Sheffield*. 1990. P. 221-247.
26. Brown P. The world of Late Antiquity: from Marcus Aurelius to Muhammad. London, 1971. 216 p.
27. Carriker A. The library of Eusebius of Caesarea. Leiden-Boston, 2003. 360 p. <https://doi.org/10.1017/S0022046904210806>
28. Cribiore R. The school of Libanius in Late Antique Antioch. Princeton and Oxford: Princeton University Press, 2007. 384 p. <https://doi.org/10.1017/S0009840X08000516>

29. Daley B.E. *Leontius of Byzantium. Complete Works*. Oxford: Oxford University Press (Oxford Early Christian Texts), 2017. 616 p. <https://doi.org/10.1017/S002204691900246X>
30. Hidary R. *Rabbis and classical rhetoric: sophistic education and oratory in the Talmud and Midrash*. Cambridge: Cambridge University Press, 2018. 335 p. <https://doi.org/10.1017/9781316822722>
31. Lapin H. *Jewish and Christian Academies in Roman Palestine: Some Preliminary Observations // Caesarea Maritima. A Retrospective After Two Millennia*. 1996. Vol. XXI. P. 500-505. <https://doi.org/10.1017/9781316822722>
32. Masalha N. *Palestine: a four-thousand-year history*. London, 2018. 448 p. <https://doi.org/10.5040/9781350221666>
33. Penella R.J. *The rhetorical works of the school of Gaza // Byzantinische Zeitschrift*. 2020. Vol. 113 (1). P. 111-174. <https://doi.org/10.1515/bz-2020-0007>

Reference

1. Bogomaz E.E., Bolgov N.N. Letters by Procopius of Gaza. *Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya. Politologiya* [Belgorod State University. Scientific Bulletin. Series: History. Political Science], 2017, no. 8 (257), pp. 46-48.
2. Bolgov N.N., Bolgova A.M., Denisova I.V., Buzanakov Ju.V. Education, schools, book culture in the East Mediterranean in the 4th-7th cent. A. D. (Antioch, Berit, Caesaria, Gaza). *Via in tempore. Istoriya. Politologiya* [Via in tempore. History and political science], 2020, no. 47 (4), pp. 714-726. <https://doi.org/10.18413/2687-0967-2020-47-4-714-726>
3. Bolgov N.N., Lopatina M.Ju. Letters by Aeneas of Gaza. *Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya. Politologiya*. [Belgorod State University. Scientific Bulletin. Series: History. Political Science], 2017, no. 15 (264), pp. 39-46.
4. Bolgova A.M. *Caesarean Christian school at III – early VII cent. A. D. Rossiya v global'nom mire* [Russia in the global world], 2016, no. 9 (32), pp. 473-479.
5. Bolgova A.M. Procopius of Gaza: rhetorician and theologian. *Problemy istorii, filologii, kul'tury* [Journal of Historical, Philological and Cultural Studies], 2014, no. 2, pp. 101-107.

6. Bolgova A.M. Choricus from Gaza: ancient rhetoric as a form for Byzantine school. *Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya. Politologiya. Ekonomika. Informatika* [Belgorod State University. Scientific Bulletin. Series: History. Political Science. Economics. Information technologies], 2011, no. 1 (96), pp. 48-53.
7. Bolgova A.M., Bolgov N.N. Choricus and Gaza school. *Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya. Politologiya. Ekonomika. Informatika* [Belgorod State University. Scientific Bulletin. Series: History. Political Science. Economics. Information technologies], 2011, no. 7 (102), pp. 65-71.
8. Bolgova A.M., Bolgov N.N., Lipich V.V., Shilov V.N. Study of Gaza school of rhetoric in recent years. *Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya. Politologiya. Ekonomika. Informatika* [Belgorod State University. Scientific Bulletin. Series: History. Political Science. Economics. Information technologies], 2014, no. 21 (192), pp. 43-46.
9. Vashcheva I.Yu. Caesarea Palestinian in III – the first half of the VII centuries. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo. Seriya Istoriya* [Bulletin of the Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod. History Series], 2005, no. 1 (4), pp. 13-25.
10. Vashcheva I.Yu. Education in Caesarea Palestine in the III – first half of the VII centuries. *Aktual'nye problemy istoricheskoy nauki i tvorcheskoe nasledie S.I. Arkhangel'skogo* [Actual problems of historical science and the creative heritage of S.I. Arkhangel'sky], Nizhniy Novgorod, 2005, pp. 72-80.
11. Dauni G. Gaza at Early Sixth Century. *Mir Pozdney antichnosti. Dokumenty i materialy* [The world of Late Antiquity. Documents and sources]. Ed. by A.M. Bolgova, N.N. Bolgov. Vol. 1, Belgorod, 2014, 112 p.
12. *Evagriy Skholastik. Church History. Books I-VI. Ed. by I.V. Krivushin. Saint Petersburg: Izdatel'stvo Olega Abyshko, 2010, 669 p.*
13. *Evseviy Kesariyskiy. Church History. Ed. by I.V. Krivushin. Saint Petersburg: Izdatel'stvo Olega Abyshko, 2013, 544 p.*
14. *The Life of St. The Sava of the Consecrated, compiled by St. Cyril of Scythopolis in ancient Russian translation. Ed. by I. Pomyalovskiy. Saint Petersburg: Tip. Imp. Akad. nauk, 1890, 588 p.*

15. Igum. Kirill (Ilyukhin). History of Christian Education. *Pravoslavnyy sobesednik* [Orthodox interlocutor], 2007, no. 2 (15), pp. 170-186.
16. Kirill Skifopol'skiy. The Life of our Holy Father Euthymius the Great [Electronic resource]. *Palestinskiy paterik* [Palestinian Pateric], 1892, Is. 2, pp. 1-98. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Kirill_Skifopolskiy/zhitie-izhe-vo-svyatyh-ottsa-nashego-evfimija-velikogo/#source (дата обращения: 01.10.2024).
17. Kirill Skifopol'skiy. The Life of St. John, bishop and silent of the Monastery of Abba Sava. *Monuments of Byzantine literature of the IV-IX centuries* : [Collection of translations]. Ed. by L.A. Freyberg. Moscow: Nauka, 1968, 350 p.
18. Kurbanov A.V. Interfaith relations in Gaza region in 6th century A.D. (based on the letters of Barsanuphius and John of Gaza). *Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya. Politologiya. Ekonomika. Informatika* [Belgorod State University. Scientific Bulletin. Series: History. Political Science. Economics. Information technologies], 2014, no. 8 (179), pp. 52-56.
19. Lopatina M.Yu. John of Gaza: Classical Motives of Early Byzantine Poetry. *Vizantiyskoe sodruzhestvo: traditsii i smena paradigm: tezisy dokladov XXII Vserossiyskoy nauchnoy sessii vizantinistov RF, Ekaterinburg, 24-28 sentyabrya 2019 g.* [The Byzantine Commonwealth: Traditions and Paradigm Shift: Abstracts of the XXIIth All-Russian Scientific Session of the Byzantinists of the Russian Federation, Yekaterinburg, September 24–28, 2019], 2019, pp. 98-100.
20. Manokhin Ya.V. *Early Byzantine Gaza – Christian intellectual center in Palestine*. Belgorod, 2018, 254 p.
21. Manokhin Ya.V. «Theophrastus» and «Ammonius». Reflection of early Byzantine polemics between the christianity and ancient paganism in the literary heritage of the rhetoric schools of Gaza. *Via in tempore. Istoriya. Politologiya* [Via in tempore. History and political science], 2018, no. 45 (1), pp. 29-34. <https://doi.org/10.18413/2075-4458-2018-45-1-29-34>
22. Selunskaya N.A. The Autumn of the Middle Ages and Late Antiquity: how the Antiquarians Shared History with the Medievalists. *Dialog so vremenem. Al'manakh intellektual'noy istorii* [Dialogue with time. Intellectual history review], 2004, no. 13, pp. 232-246.

23. Khetser K. Education in Roman Palestine. Part 1. Jewish elementary teachers and schools. *Vestnik PSTGU. Seriya IV: Pedagogika. Psikhologiya* [St. Tikhon's University Review. Series IV: Pedagogy. Psychology], 2019, no. 52, pp. 22-58. <https://doi.org/10.15382/sturIV201952.22-58>
24. Khetser K. Education in Roman Palestine. Part 4. Higher education among jews in Palestine. *Vestnik PSTGU. Seriya IV: Pedagogika. Psikhologiya* [St. Tikhon's University Review. Series IV: Pedagogy. Psychology], 2019, no. 55, pp. 72-93. <https://doi.org/10.15382/sturIV201955.72-93>
25. Alexander L. The Living Voice: Scepticism Towards the Written Word in Early Christian and in Graeco-Roman Texts. *The Bible in Three Dimensions: Essays in Celebration of Forty Years of Biblical Studies in the University of Sheffield*, 1990, pp. 221-247.
26. Brown P. *The world of Late Antiquity: from Marcus Aurelius to Muhammad*. London, 1971, 216 p.
27. Carriker A. *The library of Eusebius of Caesarea*. Leiden-Boston, 2003, 360 p. <https://doi.org/10.1017/S0022046904210806>
28. Cribiore R. *The school of Libanius in Late Antique Antioch*. Princeton and Oxford: Princeton University Press, 2007, 384 p. <https://doi.org/10.1017/S0009840X08000516>
29. Daley B.E. *Leontius of Byzantium. Complete Works*. Oxford: Oxford University Press (Oxford Early Christian Texts), 2017, 616 p. <https://doi.org/10.1017/S002204691900246X>
30. Hidary R. *Rabbis and classical rhetoric: sophistic education and oratory in the Talmud and Midrash*. Cambridge: Cambridge University Press, 2018, 335 p. <https://doi.org/10.1017/9781316822722>
31. Lapin H. Jewish and Christian Academies in Roman Palestine: Some Preliminary Observations. *Caesarea Maritima. A Retrospective After Two Millenia*, 1996, vol. XXI, pp. 500-505. <https://doi.org/10.1017/9781316822722>
32. Masalha N. *Palestine: a four-thousand-year history*. London, 2018, 448 p. <https://doi.org/10.5040/9781350221666>
33. Penella R.J. The rhetorical works of the school of Gaza. *Byzantinische Zeitschrift*, 2020, vol. 113 (1), pp. 111-174. <https://doi.org/10.1515/bz-2020-0007>

ДАННЫЕ ОБ АВТОРАХ

Сухова Жанна Михайловна, аспирант кафедры философии, истории и теории социальной коммуникации
Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова
ул. Минина, 31а, г. Нижний Новгород, 603155, Российская Федерация
zhanna-suhova@mail.ru

Вашева Ирина Юрьевна, доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры истории Древнего мира и Средних веков
Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского
ул. Ульянова, 2, г. Нижний Новгород, 603005, Российская Федерация
vasheva@mail.ru

DATA ABOUT THE AUTHORS

Zhanna M. Sukhova, Postgraduate Student
Nizhny Novgorod Dobrolyubov State Linguistic University
31a, Minina Str., Nizhny Novgorod, 603155, Russian Federation
zhanna-suhova@mail.ru
ORCID: <https://orcid.org/0009-0002-6807-6549>
Academia.edu: <https://independent.academia.edu/ЖаннаСухова>

Irina Yu. Vashcheva, Doctor of Sciences in History, Professor, Professor of the Department of History of the Ancient World and the Middle Ages
National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod
2, Ulyanova Str., Nizhny Novgorod, 603005, Russian Federation
vasheva@mail.ru

Поступила 30.11.2024
После рецензирования 14.12.2024
Принята 20.12.2024

Received 30.11.2024
Revised 14.12.2024
Accepted 20.12.2024

ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ
PHILOSOPHICAL STUDIES

DOI: 10.12731/2077-1770-2024-16-4-443

УДК 7.011;008

Научная статья | Социальная и политическая философия

**ИДЕАЛИЗАЦИЯ РЕАЛЬНОСТИ ЧЕРЕЗ ФОТОГРАФИИ
В СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЯХ**

С.М. Мальцева, Н.А. Никитина, Е.С. Суровегина

С появлением социальных сетей произошли значительные изменения в восприятии людьми окружающего их мира. Идеализация реальности через фотографии в социальных сетях является актуальной исследовательской проблемой, которая привлекает внимание широкой общественности. С развитием информационных технологий самопрезентация стала производиться не только в реальном, но и в виртуальном мире, через социальные сети. При этом, одной из сторон данной самопрезентации является демонстрация своей жизни в виде эстетичных фотографий в профилях. В основе исследования лежат такие методы как сравнение, анализ, синтез и интерпретация философских идей гуманистов, теоретиков психоанализа и постмодернизма с опорой на факты современности. Авторы предполагают, что иллюзия «идеальной жизни» разрушает естественное представление современного общества об окружающей реальности и красоте. Авторы делают вывод, что эстетизация реальности с помощью фотографий в социальных сетях стала распространенной практикой, которая существенно влияет на то, как люди воспринимают и позиционируют себя в интернете. Фото перестало быть личным, конфиденциальным, а перешло в публичную сферу, которая напрямую связана с навязыванием стандартов и клише. Произошли изменения в восприятии

мира людьми. Цель человека – показать свою жизнь с точки зрения идеализации реальности, а не с точки зрения ее реалистичности. Поскольку мы продолжаем ориентироваться в цифровом пространстве, важно помнить о том, как мы взаимодействуем с визуальным контентом и интерпретируем его, стремясь к балансу между художественным самовыражением и подлинной репрезентацией.

Ключевые слова: эстетизация реальности; фотография; социальные сети; самопрезентация; подлинная реальность; красота

Для цитирования. Мальцева С.М., Никитина Н.А., Суровегина Е.С. Идеализация реальности через фотографии в социальных сетях // Современные исследования социальных проблем. 2024. Т. 16, № 4. С. 277-292. DOI: 10.12731/2077-1770-2024-16-4-443

Original article | Social and Political Philosophy

IDEALIZATION OF REALITY THROUGH PHOTOS IN SOCIAL NETWORKS

S.M. Maltseva, N.A. Nikitina, E.S. Surovegina

With the advent of social media, there have been significant changes in people's perception of the world around them. The idealization of reality through photographs on social networks is an urgent research problem that attracts the attention of the general public. With the development of information technology, self-presentation began to be made not only in the real world, but also in the virtual world, through social networks. At the same time, one of the sides of this self-presentation is to demonstrate your life in the form of aesthetic profile photos. The research is based on such methods as comparison, analysis, synthesis and interpretation of philosophical ideas of humanists, theorists of psychoanalysis and postmodernism based on the facts of modernity. The authors suggest that the illusion of an "ideal life" destroys the natural perception of modern society about the surrounding reality and beauty. The authors conclude that the aestheticization of reality using photos on

social networks has become a common practice that significantly affects how people perceive and position themselves on the Internet. The photo has ceased to be personal, confidential, and has moved into the public sphere, which is directly related to the imposition of standards and clichés. There have been changes in people's perception of the world. The goal of a person is to show his life from the point of view of idealizing reality, and not from the point of view of its realism. As we continue to navigate the digital space, it is important to keep in mind how we interact with and interpret visual content, striving for a balance between artistic expression and authentic representation.

Keywords: *aestheticization of reality; photography; social media; self-presentation; authentic reality; beauty*

For citation. Maltseva S.M., Nikitina N.A., Surovegina E.S. *Idealization of Reality through Photos in Social Networks. Sovremennyye Issledovaniya Sotsialnykh Problem [Modern Studies of Social Issues]*, 2024, vol. 16, no. 4, pp. 277-292. DOI: 10.12731/2077-1770-2024-16-4-443

Введение

С появлением социальных сетей произошли изменения в восприятии людьми окружающего их мира. На данный момент активно развивается тенденция ведения профиля в социальных сетях: многие люди стали активно выкладывать фотографии, стремясь с их помощью создать эстетичный и идеализированный образ своей жизни. Они используют современные цифровые средства обработки данных – фильтры, ретуширование и другие инструменты фоторедакторов, – чтобы придать своим фотографиям более привлекательный вид, проводят тщательную работу над созданием гармоничного «визуала» своего контента в соцсетях.

Последствием этого стало искажение реальности в сознании современного общества и создание неестественных стандартов красоты, которые навязываются «диванными экспертами» социальных сетей [9].

«Стандарты “кукольной” красоты, которые нам навязывают, скорее, нереалистичные, перфекционистские: идеальная кожа, загар,

абсолютно симметричные черты лица, накаченные мускулы, отсутствие какой-либо жировой прослойки. Каждый день нам повторяют это с экранов телевизоров, в различных СМИ, социальных сетях, кино и сериалах, литературе – везде», – отмечает Е. Шабалина, профессиональный психолог [1]. Визуальная коммуникация (текст, цвет, размер, графика) стала трендом, которым активно пользуются как создатели личных блогов, так и коммерческих [2; 4]. Исследователи все чаще отмечают: «Самопрезентация посредством визуализации является неповторимым способом реакции на окружающий мир, способом идентификации, стремлением быть понятым и принятым определенным сообществом» [10, с. 9]. Также стоит отметить, что этот процесс не только оказывает воздействие на восприятие человеком мира, окружающего его, но и оказывает воздействие на самооценку и взаимодействие людей в социальных сетях, на их базовые ценности [11; 12]. Тем самым, обыкновенное ведение блога в соответствии с трендовыми тенденциями оформления эстетически идеализированного профиля оказывает определенное воздействие на психологическое и эмоциональное благополучие человека и конструирует представления о красоте и норме. Способность переживать и создавать прекрасное сущностна для человека. Обостряется фундаментальная экзистенциальная проблема, хорошо описанная Э.Фроммом в работе «Быть или иметь», связанная с подлинным и неподлинным существованием личности, вовлечением эстетики из подлинного существования в неподлинное [14]. Анализируя контент блогеров, стремящихся к созданию как можно более привлекательно-го «визуала», мы видим попытки идеализации жизни, публикуемой в рамках соцсетей; это способствует росту потенциальной аудитории, но замещает реальность вымыслом, симулирует ее.

Методология

В основе исследования лежат такие методы как сравнение, анализ, синтез и интерпретация философских идей гуманистов, теоретиков психоанализа и постмодернизма с опорой на факты современности.

Результаты исследования

Обращаясь к идее Е. Джонса и Т. Питтмана, отметим, что самопрезентация человека происходит благодаря пяти стратегиям, суть которых заключается в присвоении человеку кого-либо вида власти. Одна из таких стратегий заключается в попытке создать для окружающих хорошее впечатление, чтобы показаться привлекательным [5]. С развитием социальных сетей самопрезентация стала возможна не только в реальном мире через непосредственное представление, но и через определенные каналы, одними из которых являются аватар профиля страницы в социальной сети, представляющий собой фотоизображение для визуального выражения пользователя, фото- и видеопубликации на странице профиля, размещенные пользователем той или иной социальной сети.

При проведении опроса студентов-пользователей соцсетей «ВКонтакте» и «Инстаграмм»¹ Астраханской области был подтвержден факт того, что именно фотографии соцстраниц позволяют создать полноценный желаемый «образ мечты», позволяющий раскрыть себя для окружающих с интересной стороны. Однако, говоря о том, что социальные сети – инструмент для виртуальной коммуникации, следует учитывать, что внешний образ человека и то, как он его презентует на публику даже в виртуальной реальности, часто оценивается людьми как стоящий на первом месте. Идеализация прослеживается и в понимании и принятии своего внешнего облика. Так, в ходе опроса было выяснено, что для 90% опрошенных студентов важны фотографии собеседника в его профиле, так как прежде, чем принять решение, стоит ли общаться с данным человеком, студенты внимательно рассматривают его фотографии [7].

Проблема, возникающая при самопрезентации, заключается в довольно ограниченных творческих возможностях для оригинального представления себя в соцсетях. Это привело к переходу к негласным стандартам и клише оформления публикуемого материала. Так сегодня необыкновенно распространены фото в зеркальном отражении (рис. 1). Зеркало – место, где мы можем увидеть себя

¹ Принадлежит запрещенной в России организации Meta

реальным, привычным, естественным. Позируя таким образом, блогер как бы заявляет, что вот здесь он настоящий, не на показ, однако интерьер, детали образа, позы выдают внимательному зрителю противоположное. Более того, это может привести к искаженному восприятию красоты и в реальном мире, когда одни черты лица или типы телосложения имеют преимущество над другими, укореняя стереотипы внешности человека. В свою очередь, это негативно сказывается на самооценке людей, поскольку они стремятся соответствовать этим недостижимым стандартам и чувствуют себя не комфортно, если им не удалось этого сделать.

Рис. 1. Популярный тренд на фото в зеркале в социальной сети Pinterest

О.А. Гримов объясняет стремление людей копировать модель идеальной жизни блогеров наличием зеркальных нейронов в мозге человека. Итальянский учёный Д.Риццолатти посвятил один из своих трудов описанию феномена зеркальных нейронов, в ходе которого было установлено, что определенные нейроны в мозгу, которые отвечают за моторные команды, приходят в состояние активности не только в момент выполнения действия испытуемым объектом, но и во время наблюдения за выполнением какого-либо действия другим объектом [6]. Именно поэтому, наблюдая за часто обновляющимися фото-трендами на картинках с идеальной жизнью, люди «под властью» зеркальных нейронов стараются скопировать увиденное и воплотить в реальность в своем виртуальном мире.

Под идеализацией реальности стоит понимать процесс восприятия реального мира через иную призму, в более привлекательной форме, нежели есть в реальности. Основываясь на концепции психоаналитической эстетики, эстетизация и идеализация представляют собой некий механизм, обеспечивающий защиту человеческого сознания от травмирующих факторов [8], иными словами, эстетизация происходит по причине необходимости дотраивания реальности в нечто идеальное для того, чтобы обеспечить себе безопасность в реальных условиях существования. Следовательно, человеческое сознание не способно обойтись без идеализации реальности.

Однако чрезмерная идеализация приводит к искажению восприятия современной реальности. Так, пользователи социальных сетей зачастую демонстрируют только самые лучшие моменты своей жизни, создавая иллюзию «идеальности». Наблюдая за виртуальной жизнью инстаграм-блогеров, может возникнуть разочарование: люди начинают верить, что жизнь «по ту сторону экрана» гораздо интереснее и лучше, чем их собственная. Это может привести к так называемому «страху упустить что-то» (FOMO) выявленному маркетинговым стратегом доктором Дэном Херманом. В этом случае, человек испытывает чувство сожаления о том, что не сделал ничего для того, чтобы идеализировать свою жизнь [10]. Именно поэтому идеализированный образ – защитный механизм, который спасает человека от критики и осуждения, пагубно сказывающихся на общей самооценке человека.

Р.Барт в своем исследовании отмечает, что при фотографировании человек меняет свою модель поведения и неосознанно ведёт себя неестественно. В этом и заключается суть позирования, то есть человек «играет» со своим образом, изменяет его. Тем самым, тот образ, который мы видим, глядя на фото, это тот образ, который человек самостоятельно намеренно выстраивает [3].

Основная проблема, вытекающая из этой ситуации – чрезмерная «романтизация» реальности, приводящая к ощущению «двоемрия»: сравнение своей реалистичной жизни с совершенными и

безупречными отфильтрованными фотографиями инстаграмм-блогеров. Отсюда возникают стремление к подражанию «идеальной жизни» и попытки отзеркаливания Интернет-постов не в социальных сетях, а в реальном мире. При этом, сравнивая профили в соцсетях прослеживается массовое замыкание на псевдообразах. Для продвижения своих аккаунтов, пользователи обязаны следовать одному алгоритму и подчиняться логике квадратного снимка и наложения на реалистичную фотографию слоя фильтров и эффектов. При этом отхождение от «инстаграммных» канонов не является индикатором креативности пользователя [17].

Так, один из популярных «инстаграм-трендов» - публикация своего идеального утра (рис. 2). При этом, стоит отметить, что публикации на данную тему очень похожи между собой: одинаковые фильтры, коллажи, ракурсы, фото своего завтрака и т.д.

Рис. 2. Посты в Инстаграм с тематикой утра

После просмотра такого рода публикаций складывается ощущение, что все то, что так идеально запечатлено на снимках, ровно так же выглядит и в реальной жизни. А количество просмотров и реак-

ций на «утренние посты» мотивируют все больше пользователей не отставать от заданного тренда. При этом из-за изменения восприятия реальности, к которому привели социальные сети, начинается зарождение стереотипного мышления, то есть, многие пользователи соцсети стали машинально воспринимать идеальное утро именно так, как оно показано на постах Инстаграм.

Стоит помнить и о том, что идеализация, несмотря на свои негативные черты, является прекрасным средством намеренного манипулирования сознанием современного общества. Социальные сети давно стали хорошей платформой для рекламы и продвижения. Так, многие бренды и крупные компании, стремясь к маркетинговому продвижению товаров, ведут социальные сети с рекламой своей продукции. При этом такой способ очень выгоден для брендов, так как является бесплатным, например, публикация фото продаваемых товаров на страницах брендов, рассылка через электронную почту, личные сообщения и т.д. [13; 16]. Более того, для привлечения большего внимания и увеличения потенциальных клиентов над созданием визуала страниц социальных сетей брендов работают SMM-специалисты, которые корректируют публикуемый контент в соответствии с текущими тенденциями. Это может включать использование визуально привлекательной графики, цветовых схем и макетов, чтобы привлечь внимание пользователей и передать определенный имидж бренда. Поэтому реальная картинка перестаёт быть «реальной»: она изменяется, скрываясь за слоем ретуши, популярных фильтров и масок.

Например, бренды одежды и обуви зачастую публикуют идеально стилизованные и наряды с использованием визуально привлекательной графики, цветовых схем и макетов, чтобы привлечь внимание пользователей и передать определенный имидж бренда. Наравне с этим, туристические агентства могут публиковать потрясающие изображения экзотических мест, роскошных отелей и вкусной кухни, чтобы побудить подписчиков забронировать следующий отпуск. При этом, разглядывая идеально подобранные карты, нельзя быть абсолютно уверенным в том, что реальный образ объекта

на фото абсолютно идентичен заявленному внешнему виду в посте социальной сети. В целом, эстетизация реальности в аккаунтах брендов может создать ощущение совершенства и желательности вокруг их предложений, формируя потребительское восприятие и влияя на решения о покупке.

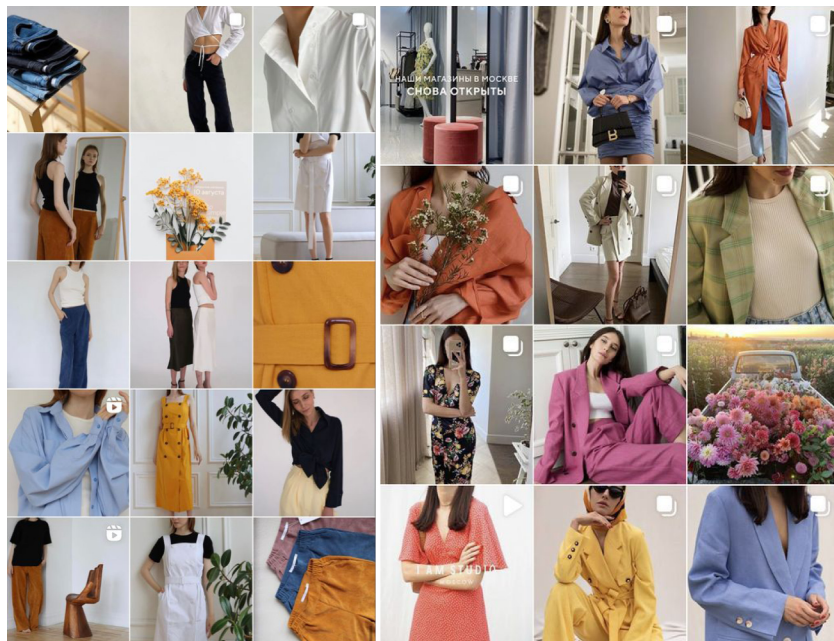

Рис. 3. Визуал брендов одежды в Инстаграм

Эффектное оформление профиля в разы увеличивает аудиторию (рис. 3). При этом стоит заметить, что основная задача размещения товара в соцсетях – интерпретировать изделие таким образом, чтобы привлечь внимание клиента. Зачастую, многие бренды фотографируют товар на моделях, которые принимают не реальные позы, которые чаще всего использует человек в течении дня. Позы, в которые встают модели, должны подчеркнуть все достоинства и скрыть все недостатки товара. Также, во многом играет большую роль задний фон, внешность и фигура модели. Если на фотогра-

фии получается составить привлекательный эстетичный образ, то такой товар, с большей вероятностью, будет популярен среди интернет-покупателей. Такое отвлечение внимания во время презентации товара, безусловно, можно отнести к идеализации реальности.

В современной реальности соцсети не останавливаются в прогрессе и постоянно расширяют свой функционал, изменяя вектор тенденций. Именно поэтому компании всё больше получают возможностей для своего роста среди конкурентов, а также получают новые способы самопродвижения и рекламы среди потенциальных клиентов. Именно поэтому компании не могут прекратить заниматься продвижением через социальные сети, так как это лишит их механизма рекламы. А потребителям важно знать об этой тактике и критически оценивать контент, который они видят в социальных сетях, чтобы сделать осознанный выбор.

Выводы

Тщательно подбирая образы в соответствии с определенными идеалами и стандартами красоты, люди часто создают сильно идеализированную версию реальности, которая может не совсем точно отражать их истинную сущность. Эта тенденция поднимает важные вопросы об аутентичности, самооценке и влиянии социальных сетей на наше восприятие реальности.

Идеализация реальности с помощью фотографий в социальных сетях стала распространенной практикой, которая существенно влияет на то, как люди воспринимают и позиционируют себя в интернете. Фото перестало быть личным, конфиденциальным, а перешло в публичную сферу, которая напрямую связана с навязыванием стандартов и клише. Произошли изменения в восприятии мира людьми. Цель человека – показать свою жизнь с точки зрения идеала реальности, а не с точки зрения ее реалистичности [15].

Поскольку мы продолжаем существовать в цифровом пространстве, важно помнить о том, как мы взаимодействуем с визуальным контентом и интерпретируем его, стремясь к балансу между художественным самовыражением и подлинной репрезентацией.

Список литературы

1. Барбитизация: как не поддаваться навязанным стандартам красоты. <https://asi.org.ru/2023/09/01/trendy-krasoty-kak-ne-poddavatsya-na-veyaniya-mody/> (дата обращения: 15.11.2024).
2. Барина О.И. Влияние визуального контента в социальных сетях на восприятие информации // Молодой ученый. 2022. № 7 (402). С. 261-263. URL: <https://moluch.ru/archive/402/88832/> (дата обращения: 15.11.2024).
3. Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика: пер. с фр. М.: Прогресс, 1989. 616 с.
4. Бочарникова И.С. Фотография как способ самопрезентации молодежи в социальных сетях // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. 2019. №3 (244). С. 49-57.
5. Бушов Ю.В., Ушаков В.Л., Светлик М.В., Карташов С.И., Орлов В.А. Роль зеркальных нейронов в интерпретации действий и намерений // Вестник Томского гос. ун-та. Биология. 2021. №56. С. 86-107. <https://doi.org/10.17223/19988591/56/4>
6. Гримов О.А. Самопрезентация личности в социальных сетях // Социология. 2013. №2. С. 59-66.
7. Добронравов К.О., Красноярова Н.Г. Фотография в социальных сетях: эстетизация реальности // Общественные и экономические науки: Материалы XXX студенческой международной заочной научно-практической конференции, Москва, январь 2016 года. Москва: Изд. «МЦНО», 2016. С. 48- 51.
8. Ильичева М.В. Новые медиа в цифровой реальности // Социально-политические науки. 2021. №1. С.19-25. <https://doi.org/10.33693/2223-0092-2021-11-1-19-26>
9. Каспаров И.В., Мальцева С.М., Строганов Д.А. Место эстетики в культуре цифрового общества // Современные исследования социальных проблем. 2023. Т. 15. № 3-2. С. 39-44.
10. Менякина М.А. Картинка социальных сетей: эстетизация реальности // Word in science. 2022. №6. С. 9-12.

11. Рязанова Т.А., Крейк А.И., Саломатова Д.Ф., Бердова Е.А. Влияние социальных сетей на эмоциональные переживания пользователей: социологический аспект // Общество: социология, психология, педагогика. 2023. № 5. С. 16-25. <https://doi.org/10.24158/spp.2023.5.1>
12. Свадьбина Т. В., Немова О. А. Российская семья как хранитель и транслятор традиционных национальных ценностей // Вестник Мининского университета. 2023. Т. 11, № 4. С. 14. <https://doi.org/10.26795/2307-1281-2023-11-4-14>
13. Соломина А.В. Роль социальной сети «Instagram» в жизни современного общества // Скиф. 2021. №5 (57). С. 400-404.
14. Фромм, Э. Забытый язык. Иметь или быть? / Пер. с нем. и англ. М.: АСТ: АСТ-МОСКВА, 2009. 442 с.
15. Юргенева А.Л. Фотография, социальные сети и современные ритуалы // Художественная культура. 2022. №1 (40). С. 340-367. <https://doi.org/10.51678/2226-0072-2022-1-340-367>
16. Юргенева А.Л. Спортивная фотография XIX века: социум и концепт движения // Художественная культура. 2019. №3. С. 170-211. <https://doi.org/10.24411/2226-0072-2019-00031>
17. Яргина А. В. Проблема FOMO в современном обществе // Россия в многовекторном мире: национальная безопасность, вызовы и ответы: материалы международной междисциплинарной научной конференции: в 2 частях, Йошкар-Ола, 08–09 декабря 2016 года. Йошкар-Ола: Поволжский государственный технологический университет, 2017. С. 138-140.

References

1. Barbitization: how not to succumb to imposed beauty standards. <https://asi.org.ru/2023/09/01/trendy-krasoty-kak-ne-poddavatsya-na-veyaniya-mody/>
2. Barinova O.I. Influence of visual content in social networks on the perception of information. *Young Scientist*, 2022, no. 7 (402), pp. 261-263. URL: <https://moluch.ru/archive/402/88832/>
3. Barthes R. *Selected Works: Semiotics. Poetics*: per. from Fr. M.: Progress, 1989, 616 p.

4. Bocharnikova I.S. Photography as a way of self-presentation of youth in social networks. *Bulletin of Adygeya State University. Series: Regional Studies: philosophy, history, sociology, jurisprudence, political science, culturology*, 2019, no. 3 (244), pp. 49-57.
5. Bushov Yu.V., Ushakov V.L., Svetlik M.V., Kartashov S.I., Orlov V.A. Role of mirror neurons in the interpretation of actions and intentions. *Bulletin of Tomsk State University. Biology*, 2021, no. 56, pp. 86-107. <https://doi.org/10.17223/19988591/56/4>
6. Grimov O.A. Self-presentation of personality in social networks. *Sociology*, 2013, no. 2, pp. 59-66.
7. Dobronravov K.O., Krasnoyarova N.G. Photography in social networks: aestheticization of reality. *Social and Economic Sciences: Proceedings of the XXX student international extramural scientific-practical conference, Moscow, January 2016*. Moscow: ICNO Publ., 2016, pp. 48- 51.
8. Ilyicheva M.V. New media in digital reality. *Socio-political sciences*, 2021, no. 1, pp. 19-25. <https://doi.org/10.33693/2223-0092-2021-11-1-19-26>
9. Kasparov I.V., Maltseva S.M., Stroganov D.A. Place of aesthetics in the culture of digital society. *Modern Studies of Social Problems*, 2023, vol. 15, no. 3-2, pp. 39-44.
10. Menyakina M.A. Picture of social networks: aestheticization of reality. *Word in science*, 2022, no. 6, pp. 9-12.
11. Ryazanova T.A., Kreik A.I., Salomatova D.F., Berdova E.A. Influence of social networks on the emotional experiences of users: sociological aspect. *Society: sociology, psychology, pedagogy*, 2023, no. 5, pp. 16-25. <https://doi.org/10.24158/spp.2023.5.1>
12. Svadbina T. V., Nemova O. A. Russian family as a keeper and translator of traditional national values. *Vestnik of Minin University*, 2023, vol. 11, no. 4, p. 14. <https://doi.org/10.26795/2307-1281-2023-11-4-14>
13. Solomina A.V. The role of the social network “Instagram” in the life of modern society. *Skif*, 2021, no. 5 (57), pp. 400-404.
14. Fromm, E. *The Forgotten Language. To have or to be?* / Per. from German and English. M.: AST: AST-MOSKVA, 2009, 442 p.
15. Yurgeneva A.L. Photography, social networks and modern rituals. *Artistic Culture*, 2022, no. 1 (40), pp. 340-367. <https://doi.org/10.51678/2226-0072-2022-1-340-367>

16. Yurgeneva A.L. Sports photography of the XIX century: socium and the concept of movement. *Artistic Culture*, 2019, no. 3, pp. 170-211. <https://doi.org/10.24411/2226-0072-2019-00031>
17. Yargina A. V. The problem of FOMO in modern society. *Russia in a multi-vector world: national security, challenges and answers: proceedings of the international interdisciplinary scientific conference: in 2 parts, Yoshkar-Ola, December 08-09, 2016*. Yoshkar-Ola: Volga State Technological University, 2017, pp. 138-140.

ДАННЫЕ ОБ АВТОРАХ

Мальцева Светлана Михайловна, доцент, кандидат философских наук, доцент кафедры философии и теологии; доцент кафедры общеобразовательных и профессиональных дисциплин

Мининский университет; НИПС-филиал ПривГУПС

ул. Ульянова, 1, г. Нижний Новгород, 603950, Российская Федерация

пл. Комсомольская, 3, г. Нижний Новгород, 603011, Российская Федерация

maltsewasvetlana@yandex.ru

Никитина Наталья Алексеевна, студент

Мининский университет

ул. Ульянова, 1, г. Нижний Новгород, 603950, Российская Федерация

natalienikalex@gmail.com

Суровегина Екатерина Сергеевна, старший преподаватель кафедры истории России и вспомогательных исторических дисциплин

Мининский университет

ул. Ульянова, 1, г. Нижний Новгород, 603950, Российская Федерация

ekaterina.surovegina@mail.ru

DATA ABOUT THE AUTHORS

Svetlana M. Maltseva, Associate Professor, Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor of the Department of Philosophy and Theology; Associate Professor of the Department of General and Professional Disciplines

*Kozma Minin Nizhny Novgorod State Pedagogical University;
Nizhny Novgorod Institute of Railway Engineering - branch of
the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher
Education "Volga State University of Railway Engineering"*

*1, Ulyanov Str., Nizhniy Novgorod, 603950, Russian Federation;
3, Komsomolskaya Sq., Nizhny Novgorod, 603011, Russian Federation*

maltsewasvetlana@yandex.ru

Nikitina Natalia Alekseevna, Student

*Kozma Minin Nizhny Novgorod State Pedagogical University
1, Ulyanov Str., Nizhniy Novgorod, 603950, Russian Federation
pisareva.viktoriyaaa05@mail.ru*

Ekaterina S. Surovegina, Senior Lecturer at the Department of Russian History and Auxiliary Historical Disciplines

*Kozma Minin Nizhny Novgorod State Pedagogical University
1, Ulyanov Str., Nizhniy Novgorod, 603950, Russian Federation
ekaterina.surovegina@mail.ru*

Поступила 20.11.2024

После рецензирования 30.11.2024

Принята 03.12.2024

Received 20.11.2024

Revised 30.11.2024

Accepted 03.12.2024

DOI: 10.12731/2077-1770-2024-16-4-457

УДК 140.8

Научная статья | Социальная и политическая философия

НЕПРЕРЫВНОЕ ПОЖИЗНЕННОЕ ОБУЧЕНИЕ КАК ПРАКТИКА «ЗАБОТЫ О СЕБЕ»

Н.Н. Балашова, Е.А. Кленина, А.Е. Песков

Обоснование. Актуальность представленной темы необходимо связывать с экзистенциальной ситуацией, характеризующейся активным развитием информационного общества и его переходом к обществу знания, в котором превалируют ценности, связанные с самообразованием и саморазвитием личности. Поэтому востребованной оказывается стратегия непрерывного обучения «через всю жизнь», позволяющая удовлетворить потребности личности в саморазвитии и самосовершенствовании.

Предметом данного исследования выступает концепция непрерывного пожизненного обучения, выступающая как практика «заботы о себе».

Основная цель статьи – эксплицировать аксиологический потенциал непрерывного пожизненного обучения и показать, что такое обучение выступает, прежде всего, как «забота о себе», позволяющая личности развиваться и совершенствоваться.

Материалы и методы. Для логики развития и решения исследовательских задач важное значение имели такие методы, как понятийное моделирование, интерпретация, метод контекстуального анализа. Основные положения статьи способствуют формированию общего концептуального представления о потенциале непрерывного пожизненного обучения как для саморазвития и совершенствования личности, так и для понимания существования личности в обществе знания.

Результаты. В статье ставится вопрос: как или с помощью чего можно реализовывать стратегию непрерывного пожизнен-

ного обучения? Констатируется, что удовлетворение запроса в непрерывном пожизненном обучении большого количества людей можно осуществить только с помощью электронного обучения и дистанционных образовательных технологий. И онлайн-курсы, в частности массовые открытые онлайн-курсы (МООК), оказываются наиболее востребованными и перспективными.

Утверждается, что благодаря онлайн-курсам каждая личность потенциально способна сформировать пространство для (само)образования, и при ситуации личностной готовности к непрерывному обучению МООК, как частный случай онлайн-курсов, предстают феноменом, способствующим реализации практики «заботы о себе».

Ключевые слова: непрерывное обучение; забота о себе; информационное общество; общество знания; самообразование и саморазвитие; онлайн-курсы; массовые открытые онлайн-курсы

Для цитирования. Балашова Н.Н., Кленина Е.А., Песков А.Е. Непрерывное пожизненное обучение как практика «заботы о себе» // Современные исследования социальных проблем. 2024. Т. 16, № 4. С. 293-308. DOI: 10.12731/2077-1770-2024-16-4-457

Original article | Social and Political Philosophy

CONTINUOUS LIFELONG LEARNING AS A PRACTICE OF «SELF-CARE»

N.N. Balashova, E.A. Klenina, A.E. Peskov

Background. The relevance of the presented topic should be associated with the existential situation characterized by the active development of the information society and its transition to a knowledge society, in which the values associated with self-education and self-development of the individual prevail. Therefore, the strategy of continuous learning «throughout life» is in demand, allowing to satisfy the needs of the individual for self-development and self-improvement.

The subject of this study is the concept of continuous lifelong learning, which acts as a practice of «self-care».

Purpose. *The main goal of the article is to explicate the axiological potential of continuous lifelong learning and to show that such learning acts primarily as «self-care», allowing the individual to develop and improve.*

Materials and methods. *For the logic of development and solution of research problems, such methods as conceptual modeling, interpretation, and the method of contextual analysis were of great importance. The main provisions of the article contribute to the formation of a general conceptual idea of the potential of continuous lifelong learning both for self-development and improvement of the individual, and for understanding the existence of the individual in the knowledge society.*

Results. *The article raises the question: how or with the help of what can the strategy of continuous lifelong learning be implemented? It is stated that the demand for continuous lifelong learning of a large number of people can be satisfied only with the help of e-learning and distance learning technologies. And online courses, in particular massive open online courses (MOOCs), are the most popular and promising. It is argued that thanks to online courses, each person is potentially capable of creating a space for (self) education, and in a situation of personal readiness for continuous learning, MOOCs as a special case of online courses appear to be a phenomenon that contributes to the implementation of the practice of «self-care».*

Keywords: *Lifelong Learning; self-care; information society; knowledge society; self-education and self-development; online courses; massive open online courses*

For citation. *Balashova N.N., Klenina E.A., Peskov A.E. Continuous Lifelong Learning as a Practice of «Self-Care». Sovremennye Issledovaniya Sotsialnykh Problem [Modern Studies of Social Issues], 2024, vol. 16, no. 4, pp. 293-308. DOI: 10.12731/2077-1770-2024-16-4-457*

Введение

В связи с развитием информационных технологий и быстро меняющимися требованиями к современному профессионалу встает

вопрос о количестве и качестве компетенций; соответственно актуализируется концепция пожизненного непрерывного обучения (*англ. – Lifelong Learning, сокр. LLL*), которая запускает механизм цифровой трансформации, а электронное обучение как новая парадигма образования становится эффективным инструментом, обеспечивающим непрерывное пожизненное образование.

Заметим, что концепция непрерывного обучения или «обучения через всю жизнь» предстает как приоритетная стратегия общества знания. И это связано, главным образом, с теми экзистенциальными вызовами, которые детерминируются активным развитием информационного общества и его переходом к обществу знания. В обществе знания реализация стратегии LLL невозможна без привлечения потенциала ИКТ (*информационно-коммуникационные технологии – примеч. наше*), и в частности электронного обучения (*e-learning*) [3].

Если говорить об анализе имеющихся на сегодняшний день условий и возникающих перспектив современной системы образования, то стоит отметить, что они все больше направляют образование в сторону технологического и прагматического векторов развития. Более того, образование уже не мыслится вне контекста парадигм глобализации и универсализации.

Определяя категорию «непрерывное образование», необходимо сказать, что семантически данная категория включает в себя не только преемственность отдельных уровней образования (общего среднего, среднего профессионального, высшего образования), но и саму деятельность субъекта, направленную на постоянное образование и самообразование на протяжении всей жизни, которая становится доступной благодаря ИКТ и дистанционным образовательным технологиям. При этом необходимо рассматривать образование не только в контексте объективного процесса глобализации, с одной стороны, но и верности определенной культурной традиции, с другой [1, с. 3].

Результаты и обсуждение

Концепция LLL начинает свое становление во второй половине XX века. Но еще в античности формируется понятие «пайдейя» [9],

которое имманентно предполагает пожизненное телесное и духовное совершенствование (Платон, Аристотель, Эпикур). В Новое время непрерывность образования трактуется как возможность (само)образования и воспитания, в том числе других, и базируется на идеях универсальности, разумности, прогресса и «всеобщего блага» (Р. Декарт, Б. Спиноза, Дж. Локк, И. Кант, Ж.-Ж. Руссо). Постклассическая философия (Ф. Ницше, М. Хайдеггер, Ж.-П. Сартр, К. Ясперс, Х. Ортега-и-Гассет, Н. А. Бердяев) усматривает смысл непрерывного образования в защите «уникального жизненного опыта» перед обезличенностью массового образования, которое ориентируется сугубо на идеи прагматизма. А постмодерн рассматривает образование как «заботу о себе» в обществе социальной неопределенности, возможность перформанса и перевода языка в игру смыслов (Ж. Бодрийар, Ж.-Ф. Лиотар) [2].

Последние десятилетия демонстрируют, что противоречия между *hard skills* и *soft skills* (*hard skills* – профессиональные компетенции, *soft skills* – «мышленческие», коммуникативные, командные компетенции, востребованные в повседневной жизнедеятельности) нивелируются *self skills* – техниками построения себя или «заботой о себе». Несмотря на то, что очень близкое по семантики понятие – *self-competence* – было введено еще в 1982 году, но все пока предпочитают говорить, прежде всего, о важности формирования *hard skills* и *soft skills*, оставляя без особого внимания *self skills* [6].

Понятия «культура себя», «заботе о себе» мы встречаем еще у М. Фуко [7]. В принципе, можно сконструировать несколько определений «техник себя», исходя из прочтения книги философа «Забота о себе»:

1) это действия индивида, которые он сам совершает над собой (телом, мыслями, поступками) для того, чтобы изменить себя с целью достижения состояния совершенства;

2) это экспликация внутреннего мира и мыслей, предполагающая, что источник истины об индивиде, которую он открывает в себе самом через самоанализ, находится вне его, во внешнем Другом;

3) это набор практик, посредством которых индивид воздействует на себя и включается в систему социальных отношений;

4) это социально детерминированная модель самоидентификации;
5) это процесс обретения идентичности через самосознание и самопознание [7, с. 9-17].

В любом случае все перечисленные определения указывают на то, что «техники себя» находятся на пересечении индивидуально-го и социального, и они конституируют субъекта как отдельную личность.

«Забота о себе» – это не только размышления наедине с собой, забота о своей душе, «работа над собой», но и особая социальная практика, способствующая укреплению межличностных отношений.

Практики «заботы о себе» («культура себя», искусство существования в различных формах), по мнению Фуко, предстают как «технологии себя»: сам индивид осуществляет их над собой с целью трансформации. Они – необходимая и важная часть жизни, начиная с греко-римской эпохи.

Смысловой контекст понятия «забота о себе», с точки зрения Фуко, включает следующее:

- 1) установки по отношению к себе, к другим и ко всему окружающему миру, модели поведения;
- 2) взгляд на самого себя с целью экспликации того, что происходит в собственной душе и мыслях;
- 3) действия над самим собой с целью очищения, изменения и преобразования себя.

Отсюда следует целый набор действий и упражнений – медитация, «досмотр сознания», обращение с прошлым, констатация новых представлений и др. [7].

Забота о себе у Фуко, на наш взгляд, предстает в нескольких аспектах:

- 1) личностный аспект: забота о душе в отличие от техник себя предполагает движение к истине без нужды в другом: субъект, находясь в определенном социокультурном контексте, конституирует себя через определенную позицию и поиск, он приходит к истине (которая не задана изначально) через анализ совершенных поступков и соотнесения их с определенными образцами. Непредзадан-

ность истины в этом случае детерминирует потенцию формирования своей самости. Забота о себе – это всегда процесс постепенного самосовершенствования, процесс движения к истине без ситуации «разрыва с собой» и самоотрешения. Это практика самоформирования субъекта, напрямую связанная с тезисом «познай самого себя». Но «делая себя сам», индивид, по Фуко, не становится более свободным;

2) социальный аспект: забота о себе предполагает не только упражнения наедине с собой, но и работу над собой посредством общения с другими. Эта общественная практика заботы о себе включала появление наставников, учителей мудрости и специализированных кружков, общин, школ, которые детерминировали взаимные обязательства и посредством которых происходил одновременный взаимовыгодный процесс заботы о себе и помощи другого. Забота о себе, таким образом, обогащалась совместным опытом трансформации и тем самым способствовала интенсификации социальных отношений;

3) медицинский аспект: расстройства плоти принимают форму заболевания, которая приводит к нарушению равновесия души. Поэтому необходимо исправлять не только тело, но и мысли, суждения, пороки.

По Фуко, христианская практика исповеди вскрывала знание о себе – тайное в индивиде – и именно это тайное являлось «истинной» сущностью индивида. Греко-римская практика – это забота о себе, ориентирующаяся на знание себя. Христианская практика предполагала изучение собственных помыслов, желаний для выявления, например, склонностей к добру или злу. Античная практика нацеливалась на воспитание достойного и этически автономного индивида. Именно эти практики, особенно христианская, с точки зрения Фуко, определили образ современного человека.

Так как же осуществить реализацию практики заботы о себе?

Заметим, что информационное общество, эволюционирующее в общество знания, предстает как детерминанта цифровой образовательной среды, которая, в свою очередь, создает условия для всех,

кто желает учиться, доучиваться и переучиваться, а электронное обучение как эффективный инструмент обеспечивает непрерывное пожизненное обучение. Это и есть, по сути, глобальный процесс, определяющий цифровую трансформацию образования.

Развитие ИКТ в современном мире оказывает большое влияние на изменение образовательных практик. В настоящее время ведущими направлениями в развитии электронного обучения являются иммерсивные технологии, микрообучение, социальное и нативное обучение, MOOK, мобильные и облачные технологии, геймификация, набирающий популярность формат смешанного обучения (blended learning) и др. [4, с. 11-12].

Онлайн-образование в настоящее время не только современная образовательная технология, но и перспективный тренд. Одним из видов онлайн-образования являются онлайн-курсы, которые предлагают обучающемуся построение индивидуальных образовательных траекторий и дополнительную многоуровневую профессиональную подготовку, формируя у него навыки к самоорганизации и самообразованию – ключевые компетенции, необходимые для реализации концепции непрерывного образования. Разновидностью онлайн-курсов являются массовые открытые онлайн-курсы (MOOK). Англоязычный термин Massive Open Online Course (MOOCs) впервые был внедрен в лексикон в 2008 году [16]. Его автором считается канадский аналитик образования и специалист по Интернет-коммуникациям из Университета острова принца Эдуарда Дейв Кормье, который определил MOOK как открытое, коллективное, распределенное, непрерывное сетевое обучение [12].

В чем актуальность MOOK?

MOOK – это феномен современной цифровой образовательной среды, который включает все основные элементы образовательной программы, и особенность которого (в отличие от дистанционных курсов) заключается в том, что он может осуществляться без непосредственного участия преподавателя. Поэтому MOOK – это, прежде всего, альтернатива или дополнение для всех и для каждого в контексте традиционного обучения. Они принципиально меняют

доступ к учебным материалам, способ их презентации, процесс контроля и оценивания.

Но MOOK, как и любой процесс обучения, направлены на экспликацию личностной мотивации и активизацию волевых усилий каждого вовлеченного в этот процесс. И это изначально по определению не может быть легко и просто: здесь присутствует и интеллектуальное, и эмоциональное, и физическое напряжение.

Заметим, что несмотря на повсеместное внедрение «умных» технологий, открытым остается вопрос о творческих интенциях, присущих определенным профессиям. И здесь вполне очевидным оказывается невозможность аннигиляции человеческого фактора. В связи с этим объяснимым становится общемировая тенденция переоценки результатов обучения: если раньше ценностью были только знания и умения, полученные в ходе образования, то теперь превалируют ценности, связанные с самообразованием и саморазвитием личности. И здесь формат MOOK оказывается тоже востребованным.

Соответственно, MOOK рассматривается нами не как феномен неизбежный или вынужденно необходимый, а именно как полностью аутентичный в контексте эволюции информационного общества и его перехода к обществу знания.

Более того, MOOK в системе онлайн-обучения предлагают выстраивание персональных стратегий обучения, смещая фокус с традиционного обучения на личностно-ориентированный подход, апеллируют к компетенциям вида *soft skills* (система надпрофессиональных компетенций, включающая «гибкость мышления», креативность, умение адаптироваться в коллективе для совместной работы и др.), открывающим для каждого возможности познания, (само)образования и саморазвития [8; 11].

Информационное пространство третьего тысячелетия вариативно и многообразно, что позволяет любому человеку при наличии желания и волевых усилий учиться, переучиваться, повышать квалификацию, в том числе и самостоятельно пополнять знания. Благодаря ИКТ каждый потенциально способен формировать вокруг себя пространство необходимое для (само)образования.

Согласимся, что информационное общество предлагает такую ситуацию, когда профессионализация уже становится не узкой и выходит за стандартной рамки образования: она теперь предопределяется практикой и зависит от общих колебаний и трансформаций на рынке труда. Можно отучиться в университете и на выходе обнаружить, что полученная профессия уже не является востребованной социально-экономической системой. И такой экзистенциальный вызов требует постоянной готовности к быстрым изменениям, к самотрансформации [10, с. 5].

Рассматривая МООК как пространство для образования и самообразования, зададимся вопросом: что конструктивного, значимого несут в себе МООК?

Дискуссии по данному вопросу мы находим в зарубежных исследованиях, где основная риторика строится вокруг когнитивного и прагматического аспектов рассмотрения онлайн-курсов и МООК в системе высшего образования. Одним из аспектов рассмотрения является когнитивный. Здесь наблюдается следующая ситуация: если современные российские исследователи рассматривают МООК как определенный эффективный тренд в контексте образовательного процесса в вузах России, то зарубежные исследователи задаются уже вопросами степени эффективности МООК, активно обсуждают вопрос о возможной неэффективности МООК для системы качественного высшего образования. Второй аспект рассмотрения онлайн-курсов и МООК – прагматический. Здесь ситуация детерминирована тем фактором, что МООК за рубежом появились несколько раньше, чем в России, и основная дискуссия строится вокруг следующих вопросов: есть ли реальная польза (выгода) от МООК для вузов, преподавателей, студентов, слушателей или это не так выгодно, в частности, для вузов, которые тратятся на МООК, а МООК позиционируют как бесплатные? А для студентов эта полезность или не полезность заключается в уровне получения конкретных знаний посредством МООК? И если полезность онлайн-курсов и МООК все-таки признается, то констатируется тот факт, что необходим отбор лучших проектов МООК и лучших прак-

тик их внедрения в образовательные программы, а также разработка критериев экспертной оценки таких курсов (J. Gerber, D. Kassabian, S. Kellogg, R. Moe, J. C. Outland, A. S. Schulze, N. M. Stefanic) [13].

И здесь для нас актуализируется принципиальный вопрос: способствует ли процесс обучения на MOOK переходу полученной информации в знания?

Интересные модели соотношения информации и знания мы находим в зарубежных исследованиях [14; 15], но в данном вопросе нам близок подход М. Полани, который демонстрирует знание как результат познания субъектом объекта, но результат этого познания зависит от актуализации способностей субъекта и от особенностей его интеллектуальной деятельности [5].

Базируясь на вышесказанном, заметим, что успешное завершение обучения на онлайн-курсах, и в частности на MOOK, предполагает (и даже часто «требует») от участников образовательного процесса целого ряда компетенций и способностей, которые не заложены изначально и которые необходимо культивировать, «воспитывать» в себе. И речь, в данном случае, идет не только о профессиональных компетенциях, но и о «гибких навыках», которые позволят быстро адаптироваться и быть мобильным в ответ на вызовы цифровой трансформации.

Стратегическая идея MOOK заложена, на наш взгляд, в следующем принципе – возможность получить образование и знания, обучаясь на протяжении всей жизни. И несмотря на существующий скепсис и опасения по отношению к MOOK, это пока одна из немногих альтернатив по приобретению качественного образования и знаний.

Нам представляется важным заметить, что ни одно явление бытия не может рассматриваться в контексте абсолютного блага. В данной связи актуализируется тот факт, что и MOOK не только могут, но и должны критически оцениваться. Возможность активной и конструктивной критики делает их более живыми, эффективными и необходимыми для расширения персональных траекторий обучения.

Заключение

1. Непрерывное пожизненное обучение – это феномен, детерминированный переходом информационного общества к следующему уровню его развития – к обществу знания.

2. В обществе знания преобладают ценности, связанные с самообразованием и саморазвитием личности. Поэтому востребованной оказывается стратегия непрерывного обучения «через всю жизнь», позволяющая удовлетворить потребности личности в саморазвитии и самосовершенствовании.

3. LLL предстает как феномен, который позволяет эксплицировать потенциал участников образовательного процесса, открывая возможности для самообразования и саморазвития личности.

4. Удовлетворение запроса в непрерывном пожизненном обучении большого количества людей можно осуществить только с помощью электронного обучения и дистанционных образовательных технологий. И онлайн-курсы, в частности массовые открытые онлайн-курсы, оказываются наиболее востребованными и перспективными.

5. Благодаря онлайн-курсам каждая личность потенциально способна сформировать пространство для (само)образования: при ситуации личностной готовности к непрерывному обучению MOOK, как частный случай онлайн-курсов, предстают феноменом, способствующим реализации практики «заботы о себе».

6. Стратегия непрерывного пожизненного обучения (LLL) в основе своей имеет ценностный потенциал, поскольку посредством онлайн-курсов реализовывает практику «заботы о себе», актуализируя, тем самым, переход к обществу знания.

Список литературы

1. Беляева Л. А. Философия образования в поисках новой парадигмы // Вестник Челябинского государственного университета. 2010. № 20 (201). Философия. Социология. Культурология. Вып. 18. С. 38–42.
2. Ермакова Л. И. Непрерывное образование: социальная практика дополнительного профессионального образования: автореф. дис.

- ...д-ра филос. наук. Ростов-на-Дону, 2005. 51 с. <https://search.rsl.ru/ru/record/01003256135>
3. Каракозов С. Д. Массовые Открытые Онлайн-курсы в зарубежном и российском образовании // Вестник Российского университета Дружбы народов. Серия: Информатизация образования. 2014. №3. С. 24-30.
 4. Краснова Г. А., Можаяева Г. В. Электронное образование в эпоху цифровой трансформации. Томск: Издательский Дом Томского государственного университета, 2019. 200 с.
 5. Полани Майк. Личностное знание. <https://baguzin.ru/wp/majkl-polani-lichnostnoe-znanie/>
 6. Селф-компетенции как «философский камень». http://www.tsu.ru/university/rector_page/self-kompetentsii-kak-filosofskiy-kamen/
 7. Фуко М. История сексуальности-III: Забота о себе. <https://www.litmir.me/br/?b=116389&p=1>
 8. Шипилов В. Перечень навыков soft-skills и способы их развития. https://www.cfin.ru/management/people/dev_val/soft-skills.shtml
 9. Шичалин Ю. А. Пайдейя // Словари и энциклопедии на Академике. https://antique_philosophy.academic.ru/261/ПАЙДЕЙЯ
 10. Щеглова Л. В. Культурные причины кризиса интегративного знания // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2014. № 8 (93). С. 4-8.
 11. Soft-skills – навыки успеха. <http://express-externat.spb.ru/2009-12-04-19-1904/39-2009-12-04-19-05-08/1173-soft-skills-navyki-uspekha>
 12. Cormier Dave. What is a MOOC? <https://www.youtube.com/watch?v=eW3gMGqcZQc>
 13. Dissertations on MOOCs published in 2014. <https://www.veletsianos.com/2015/01/27/dissertations-moocs-published-2014/>
 14. Nonaka Ikujiro. The Knowledge-Creating Company: How Japanese Companies Create the Dynamics of Innovation. Oxford University Press, Oxford, 1995. 304 p.
 15. Rowley J. The wisdom hierarchy: representations of the DIKW hierarchy // Journal of Information Science. 2007. №33 (2). P. 163-180. <https://doi.org/10.1177/0165551506070706>

16. The CCK08 MOOC – Connectivism course, 1/4 way [Dave's Educational Blog]. <http://davecormier.com/edblog/2008/10/02/the-cck08-mooc-connectivism-course-14-way/>

References

1. Belyaeva L. A. Philosophy of education in search of a new paradigm. *Bulletin of Chelyabinsk State University*, 2010, no. 20 (201). Philosophy. Sociology. Cultural studies. Issue 18, pp. 38-42.
2. Ermakova L. I. *Continuous education: social practice of additional professional education*. Rostov-on-Don, 2005, 51 p. <https://search.rsl.ru/ru/record/01003256135>.
3. Karakozov S. D. Mass Open Online Courses in Foreign and Russian Education. *Bulletin of Peoples' Friendship University of Russia. Series: Informatization of Education*, 2014, no. 3, pp. 24-30.
4. Krasnova G. A., Mozhaeva G. V. *E-education in the era of digital transformation*. Tomsk: Tomsk State University, 2019, 200 p.
5. Polanyi Mike. Personal knowledge. <https://baguzin.ru/wp/majkl-polanyi-lichnostnoe-znanie/>
6. Self-competence as a “philosopher’s stone”. http://www.tsu.ru/university/rector_page/self-kompetentsii-kak-filosofskiy-kamen/
7. Foucault M. History of Sexuality-III: Caring for the Self. <https://www.litmir.me/br/?b=116389&p=1>
8. Shipilov V. List of soft-skills and ways to develop them. https://www.cfn.ru/management/people/dev_val/soft-skills.shtml
9. Shichalin Y. A. Paideia // Dictionaries and Encyclopedias on Academia. https://antique_philosophy.academic.ru/261/ПАЙДЕЙЯ
10. Shcheglova L. V. Cultural reasons for the crisis of integrative knowledge. *Izvestia Volgograd State Pedagogical University*, 2014, no. 8 (93), pp. 4-8.
11. Soft-skills - skills for success. <http://express-externat.spb.ru/2009-12-04-19-1904/39-2009-12-04-19-05-08/1173-soft-skills-navyki-uspekha>
12. Cormier Dave. What is a MOOC? <https://www.youtube.com/watch?v=eW3gMGqcZQc>
13. Dissertations on MOOCs published in 2014. <https://www.veletsianos.com/2015/01/27/dissertations-moocs-published-2014/>

14. Nonaka Ikujiro. The Knowledge-Creating Company: How Japanese Companies Create the Dynamics of Innovation. Oxford University Press, Oxford, 1995, 304 p.
15. Rowley J. The wisdom hierarchy: representations of the DIKW hierarchy. *Journal of Information Science*, 2007, no. 33 (2), pp. 163-180. <https://doi.org/10.1177/0165551506070706>
16. The CCK08 MOOC - Connectivism course, 1/4 way [Dave's Educational Blog]. <http://davecormier.com/edblog/2008/10/02/the-cck08-mooc-connectivism-course-14-way/>

ДАННЫЕ ОБ АВТОРАХ

Балашова Наталья Николаевна, доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры «Учетно-информационные технологии и аудит»

*Волгоградский государственный аграрный университет
пр. Университетский, 26, г. Волгоград, 400002, Российская
Федерация
balashova_nat@mail.ru*

Кленина Елена Анатольевна, кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры «Право и социально-гуманитарные дисциплины»

*Волгоградский государственный аграрный университет
пр. Университетский, 26, г. Волгоград, 400002, Российская
Федерация
klenina.el@yandex.ru*

Песков Аркадий Евгеньевич, кандидат политических наук, доцент, доцент кафедры «Пожарная и техносферная безопасность»

*Волгоградский государственный аграрный университет
пр. Университетский, 26, г. Волгоград, 400002, Российская
Федерация
peskov.arck@yandex.ru*

DATA ABOUT THE AUTHORS

Natalia N. Balashova, Doctor of Economics, Professor, Professor of the Department of Accounting and Information Technologies and Audit

Volgograd State Agricultural University

26, University Ave., Volgograd, 400002, Russian Federation

balashova_nat@mail.ru

SPIN-code: 3842-6410

ORCID: <https://orcid.org/0009-0004-5448-9937>

Scopus Author ID: 56469251800

Elena A. Klenina, PhD in Philosophy, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Law and Social and Humanitarian Disciplines

Volgograd State Agricultural University

26, University Ave., Volgograd, 400002, Russian Federation

klenina.el@yandex.ru

SPIN-code: 9167-3413

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0441-7212>

Arkady E. Peskov, PhD in Political Science, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Fire and Technosphere Safety

Volgograd State Agricultural University

26, University Ave., Volgograd, 400002, Russian Federation

peskov.arck@yandex.ru

SPIN-code: 1816-5260

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0416-4101>

Поступила 24.11.2024

После рецензирования 15.12.2024

Принята 20.12.2024

Received 24.11.2024

Revised 15.12.2024

Accepted 20.12.2024

DOI: 10.12731/2077-1770-2024-16-4-473

УДК 304.2

Научная статья | Междисциплинарные исследования

ОСОБЕННОСТИ САМОИДЕНТИФИКАЦИИ ЛИЧНОСТИ СТУДЕНТА В ЭПОХУ ПОСЛЕ «ТЕРАПЕВТИЧЕСКОГО ПОВОРОТА»

Е.С. Балашова, А.В. Богачева, А.В. Хижная

Обоснование. Статья посвящена особенностям современного процесса личностной самоидентификации студентов высших учебных заведений под влиянием популяризации и последствий «терапевтического поворота». Актуальность статьи обусловлена ростом популярности так называемой «терапии», внедряемой в том числе на институциональном уровне в деятельность высших учебных заведений. К новизне следует отнести обобщение некоторых специфических новых подходов к личностной самоидентификации студентов. Их анализ и систематизация представляют собой перспективное направление исследований.

Цель исследования – выявление и анализ особенностей личностной самоидентификации, возникших под влиянием «терапевтического поворота» и вошедших в повседневные практики студентов.

Материалы и методы. В ходе исследования были использованы материалы фундаментальных трудов и современных статей по различным аспектам самоидентификации личности. Для достижения цели используются методы сравнительного анализа, метод обобщения, метод понятийного анализа, метод экспертных оценок, метод абстрагирования и социологические методы исследования.

Результаты. Результатом данного исследования стало выявление и систематизация специфических особенностей процесса личностной самоидентификации студентов с точки зрения так называемого «терапевтического поворота». Одним из последствий

«терапевтической» самоидентификации студентов можно считать разобщение студенческого сообщества.

Область применения результатов. Результаты исследования можно использовать в процессе совершенствования управления образовательными организациями, в педагогической деятельности, в ходе руководства студенческими объединениями, а также в практике преподавания учебных дисциплин: психологии, социологии и др.

Ключевые слова: образование; самоидентификация; самоопределение; рефлексирование; терапевтический поворот; гендерные роли; идентичность; терапия

Для цитирования. Балашова Е.С., Богачева А.В., Хижная А.В. Особенности самоидентификации личности студента в эпоху после «терапевтического поворота» // Современные исследования социальных проблем. 2024. Т. 16, № 4. С. 309-324. DOI: 10.12731/2077-1770-2024-16-4-473

Original article | Interdisciplinary Research

FEATURES OF STUDENT SELF-IDENTIFICATION IN THE ERA AFTER THE “THERAPEUTIC TURN”

E.S. Balashova, K.R. Gorokhova, A.N. Peshekhonova

Background. The article is devoted to the peculiarities of the modern process of personal self-identification of students of higher educational institutions under the influence of popularization and consequences of the “therapeutic turn”. The relevance of the article is due to the growing popularity of the so-called “therapy”, which is being implemented, including at the institutional level, in the activities of higher educational institutions. The novelty should include the generalization of some specific new approaches to personal self-identification of students. Their analysis and systematization represent a promising direction of research.

The purpose of the study is to identify and analyze personal self-identification that arose under the influence of the “therapeutic turn” and entered into the everyday practices of students.

Materials and methods. *The study used materials from fundamental works and modern articles on various aspects of personal self-identification. To achieve the goal, comparative analysis methods, generalization method, conceptual analysis method, expert assessment method, abstraction method and sociological research methods were used.*

Results. *The result of this study is the identification and systematization of the features of the process of personal self-identification of students from the point of view of the so-called “therapeutic turn”. One of the consequences of the “therapeutic” self-identification of students can be considered the disunity of the student community. Scope of application of the results. The results of the study can be used in the process of managing educational organizations, in pedagogical activities and in conducting the management of student associations, as well as in the practice of teaching disciplines such as psychology, sociology, etc.*

Keywords: *education; self-identification; self-determination; reflection; therapeutic turn; wooden rollers; identity; therapy*

For citation. *Balashova E.S., Gorokhova K.R., Peshekhonova A.N. Features of Student Self-Identification in the Era after the “Therapeutic Turn”. Sovremennye Issledovaniya Sotsialnykh Problem [Modern Studies of Social Issues], 2024, vol. 16, no. 4, pp. 309-324. DOI: 10.12731/2077-1770-2024-16-4-473*

Введение

Самоидентификация личности современного студента – это неотъемлемая часть адаптации к новому этапу взросления и обучения, инкультурации в традиции и систему ценностей университета, в который поступил, и самоактуализации как части студенческого сообщества. В основе процесса самоидентификации личности студента лежат рефлексивное мышление, самооценка, понимание собственной роли или социальных ролей, социальной и иной принадлежности. Различные аспекты самоидентификации в современном мире

исследовали Георг Зиммель [5], Поль Рикер [13], Мишель Фуко [17; 18]. С философской точки зрения вопросы личностной самоидентификации в своих исследованиях раскрывали Мерам Мамардашвили [8], современные исследователи как А.В. Неронов, М.Ю. Неронова [10], Г.И. Петрова [11] и др.

Современная специфика самоидентификации личности студента, на наш взгляд, в наибольшей степени определяется так называемым «терапевтическим поворотом» – глобальным процессом внедрения взглядов, терминологии, методов и подходов популярной психологии в общественную жизнь и формирования ролевой модели личности [14]. Процесс личностной самоидентификации предполагает большую работу над собой, и популяризация психологической «терапии» как феномена сегодня предлагает доступную, понятную, или кажущуюся понятной и, главное, модную модель осуществления этой работы. Так называемое «прорабатывание» «триггеров», впечатлений, воспоминаний и пр. благодаря популяризации в социальных медиа и массовой культуре может казаться если не единственным, то наиболее предпочтительным и одобряемым обществом способом саморефлексии. Однако при этом заметно смещаются цели процесса. Если изначально личностная самоидентификация студентов в процессе учебной и внеучебной деятельности носила скорее социальный характер, то теперь к ее целям относятся в первую очередь поиск неких внутренних, «непроработанных» эмоций, забытых воспоминаний, скрытой агрессии, тайных желаний и т.д.

Популяризация термина «терапевтический поворот» начинается с исследований современного американского философа Френсиса Фукуямы [19-22]. В его трудах «терапевтический поворот» представлен как свойственное новым ценностям культуры индивидуализма психотерапевтическое сопровождение взросления и развития человеческой личности в западной цивилизации [4].

Начавшаяся в конце 2019 года пандемия коронавирусной инфекции SARS-CoV-2 и последовавший за этим период самоизоляции во многих странах, в том числе в Российской Федерации, во многом

способствовали проникновению идей «терапевтического поворота» во все сферы личной и общественной жизни [27].

Материалы и методы

В данной статье мы исследуем особенности самоидентификации личности студентов высших учебных заведений в ситуации массового распространения и внедрения в повседневные практики элементов популярной психологии. Для достижения поставленной цели здесь используются методы сравнительного анализа, обобщения, понятийного анализа, экспертных оценок, абстрагирования и социологические методы исследования.

Метод абстрагирования используется при выделении сущностных аспектов личностной самоидентификации современных студентов. Метод сравнительного анализа для поиска значимых различий в подходах к самоидентификации личности до и после «терапевтического поворота». Метод понятийного анализа необходим здесь для формулировки ключевых понятий современного способа личностной самоидентификации студентов, служащих своего рода точками бифуркации в процессе самоактуализации личности студента. Метод обобщения используется при сведении полученных выводов. Метод экспертных оценок используется на всех этапах работы над статьей, включая постановку цели исследования и определение наиболее эффективных направлений практического применения результатов. И к социологическим методам относятся методы наблюдения и элементы контент-анализа, необходимого при анализе данных предшествующих исследований.

Результаты и обсуждение

Под влиянием «терапевтического поворота» самоидентификация личности студентов как процесс и повседневная рутинизированная практика значительно изменилась, приобретая специфические современные черты. К числу ее обновленных элементов следует отнести в том числе:

– во-первых, новые, гораздо более оценочные представления об итогах самоидентификации. Успешная, правильная личностная са-

моидентификация теперь, теоретически, должна автоматически порождать позитивно мыслящую, жизнерадостную личность. Отличные от этого результаты же рассматриваются как ошибки процесса личностной самоидентификации. Это само по себе ведет к популяризации терапевтического подхода в силу социальной обусловленности процессов личностной самоидентификации студентов [1];

– во-вторых, следующие из этого представления о своего рода ранжировании членов студенческого сообщества по степени успешности личностной самоидентификации и самоактуализации. Причем, как удачный исход самоактуализации может рассматриваться в отдельных случаях даже результаты, приводящие к отчислению из университета – если это решение принято на должном позитивном настрое;

– в-третьих, все более популярным становится своего рода литературизованное отношение к собственным поступкам и собственному творчеству, также как к высказываниям и источникам, далеким от литературы: для понимания подлинного смысла высказывания либо нормативно-правового акта, либо значения поступка личности ведется поиск эмоций и переживаний, побудивших к поступку, высказыванию, либо созданию нормативно-правового акта.

Традиционно, наиболее яркими проявлениями личностной самоидентификация студента являются ответы на вопрос «Кто я?» Студент определенного высшего учебного заведения, определенных группы и факультета, будущий представитель определенной профессии, представитель определенного пола, член семьи, рода, гражданин своего государства. «Терапевтический поворот», на наш взгляд, трансформирует не только этапы личностной самоидентификации студентов, но и способ воспринимать ее результаты. Так, например, национальная, расовая, зачастую и религиозная принадлежность студентов часто теряет прежнее значение, уступая место самоидентификации по гендерным признакам или самоидентификации как субъекта рыночных отношений.

Стоит отметить, что вопрос гендерной или поло-ролевой самоидентификации в процессе личностной самоидентификации не

возник сравнительно недавно как одно из последствий «терапевтического поворота», а скорее является результатом длительных социальных и культурных преобразований в нашей стране и за рубежом [7]. Именно «терапевтический поворот» выставил этот параметр самоидентификации как особенно значимый. В то же время сегодня уже вполне серьезно рассматриваются вопросы отличий представителей различных полов и гендеров, проявляемые в ходе изучения различных учебных дисциплин в вузе, а также принадлежность к определенному гендеру как фактор снижения либо повышения успеваемости студента в вузе [15]. Отдельные исследователи также связывают гендерный подход в личностной самоидентификации и с успешностью в обществе [25; 27].

Причины, по которым последствия «терапевтического поворота» приобретают большую значимость в процессе самоидентификации студентов – можно разделить на три основные группы, связанные – во-первых, с особенностями организации учебного процесса в современном высшем учебном заведении и психологической поддержки студентов;

– во-вторых, с глобальной популяризацией так называемой «терапии», необходимость которой пропагандируется в фильмах, сериалах, популярных блогах, социальных сетях, где позиционируется как одно из неотъемлемых прав личности наряду с правом доступа к информации и социальным медиа [23] и т.д.;

– и в-третьих, на личностном уровне, с тем значительным стрессом, которому подвергается психика и в целом личность студентов в процессе адаптации к новым условиям жизни и общения, усвоения огромного количества новой информации, подготовки к сессии, широко распространенным попыткам совмещения работы и учебы, подготовки к защите диплома, и наконец с попытками не заработать эмоциональное выгорание [2].

К внешним факторам популяризации «терапевтического поворота» следует отнести последствия пандемии коронавирусной инфекции SARS-CoV-2 и того огромного стресса, который пережили отдельные личности и все общество в период самоизоляции в целом.

Отчасти, вторичным фактором популяризации новых «терапевтических» подходов к личностной самоидентификации служат новации административного законодательства Российской Федерации, в частности запрещающие пропаганду чайлдфри, деятельность международного общественного движения ЛГБТ и др. [3; 16], привлекая внимание протестно настроенной части студенчества.

Заключение

Социальные основы самоидентификации, связанные с понятиями нации, гражданства, семьи, рода, профессиональной принадлежности, постепенно теряют значимость для современных студентов, уступая самоидентификации через поиск «подлинной самоидентичности». Фокус внимания при этом смещается от объективных, социальных параметров к субъективным, эмоциональным. Таким образом, самоидентификация личности студента в первой четверти двадцать первого века в Российской Федерации неизбежно проходит через следующие уровни, работающие как точки бифуркации:

Во-первых, самоидентификация по степени «проработанности» и потребности в дальнейшей «терапии». При этом терапия может пониматься не только в популярно-психологическом русле в случае, например, студентов с ОВЗ;

Во-вторых, самоидентификация по характеру предпочитаемых «отношений», или фамилистическая самоидентификация, но при этом подразумевающая не принадлежность к семье, роду, а скорее то, в каких личных отношениях студент видит свое будущее;

В-третьих, в тесной связи с предыдущим пунктом, это приобретающая все большую популярность гендерная самоидентификация [3];

В-четвертых, это самоидентификация студента как гуманитария либо «технаря», либо, отличная от первых двух, самоидентификация студента как будущего педагога, вне зависимости от специальности и второго профиля обучения;

В-пятых, стоит указать немаловажный уровень самоидентификации по способу взаимодействия с миром цифровых технологий:

простой пользователь, или опытный пользователь, специалист, «айтишник» – это один из более чем значимых параметров самоидентификации студента в эпоху цифровой трансформации сферы образования в русле реализации национального проекта «Образование» в том числе [9; 12];

В-шестых, следует указать самоидентификацию студента как субъекта рыночных отношений: планирует ли студент совмещать работу и учебу, имеет ли пассивные источники дохода, обеспечивается родителями либо сам зарабатывает на учебу и жизнь, а если зарабатывает, то работая «на дядю» либо как индивидуальный предприниматель, фрилансер и т.д. Ответ на этот вопрос зачастую имеет решающее значения для формирования личностной самоидентификации и самооценки современных студентов;

С этим уровнем личностной самоидентификации студентов связан, в-седьмых, уровень социальной самоидентификации;

И в-восьмых, следует назвать идеологическую самоидентификацию, зачастую объединяющую в современном мире параметры политические и религиозные.

С нашей точки зрения, с возрастанием уровней личностной самоидентификации студентов возрастает также значимость ответов на эти вопросы для разделения студенческого сообщества на ин-группы, а также развитие групповой динамики. Это, прежде всего, касается изменения способа восприятия культурных различий, способное привести к формированию основы для дальнейших конфликтов [24].

Осмысление последствий «терапевтического поворота» как фактора личностной самоидентификации студентов тесно связано с пониманием политических и социальных трансформаций современного общества, и того системного кризиса, в котором находится сегодня система высшего образования в Российской Федерации [6]. Насколько цели «терапевтического поворота» в принципе соответствуют и не входят в противоречие с целями и принципами получения высшего академического образования или образования вообще, это вопрос, который достоин отдельного исследования.

Список литературы

1. Абдуллина Т.С. Роль авторитетных персон в социализации российских студентов // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2023. С. 15-20. <https://doi.org/10.23672/SAE.2023.51.43.001>
2. Балашова Е.С., Чуркина Н.С., Пантелеев В.Д. К вопросу о дефинициях и эмпирических основаниях «синдрома менеджера» в современной педагогике // Russian Journal of Education and Psychology. 2024. Т.15, №1-2. С. 464-470
3. Балашова Е.С., Богачева А.В., Кочеганова П.П. К вопросу о гендерной самоидентификации студентов в контексте современного правозащитного дискурса в Российской Федерации // Азимут научных исследований: педагогика и психология. 2018. Т. 7. № 2 (23). С. 339-342.
4. Дмитриев Т.А. «Желание быть видимым»: Френсис Фукуяма в поисках объяснения новых тенденций мировой политики // Перспективы. 2020. № 1. С. 133–144. <https://doi.org/10.32726/2411-3417-2020-1-133-144>
5. Зиммель Г. Созерцание жизни. Четыре метафизических главы. Гл. I: Трансценденция жизни // Зиммель Г. Избранное. Т. II: Созерцание жизни. Москва, Юрист, 1996.
6. Карпункова В.В. Идея «терапевтического поворота» Ф. Фукуямы в контексте осмысления трансформации современного общества // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2023, №1. С. 36-45 <https://doi.org/10.24866/1997-2857/2023-1/36-45>
7. Малимонов И.В., Король Л.Г., Синьковская И.Г. Рахинский Д.В., Шепелева Ю.С. Историко-философская репрезентация мужского гендерного режима в процессе трансформации социального статуса женщины // Современные исследования социальных проблем. 2023. Том 15, №2. С. 44-63. <https://doi.org/10.12731/2077-1770-2023-15-2-44-63>
8. Мамардашвили М.К. Возможный человек. Москва, Рипол Классик, 2019. 495 с.
9. Национальный проект «Образование». URL: <https://edu.gov.ru/national-project?ysclid=m4l7ja7o92301227196> (дата обращения: 08.12.2024).

10. Неронов А.В., Неронова М.Ю. Особенности и проблемы идентификации личности в современном мире // Современные исследования социальных проблем. 2022. Том 14, №3. С. 74-91. <https://doi.org/10.12731/2077-1770-2022-14-3-74-91>
11. Петрова Г.И. Самоопределение человека в высшем образовании: возможности антропологического и технологического решения проблемы // Вестник Мининского университета. 2023. Т. 11, No 1. С. 2. <https://doi.org/10.26795/2307-1281-2023-11-1-2>
12. Разбеголова Т.П. Цифровизация образовательной среды и судьбы гуманистической культуры в XXI веке // Архонт, 2022, №6 (33). С. 60-70.
13. Рикер П. Я-сам как другой. Москва, Издательство гуманитарной литературы, 2008. 416 с.
14. Рифф П. Триумф терапевтического: как используют веру после Фрейда. набросок теории культуры // Логос. 2007. №5 (62). С. 256-280.
15. Семенова Л.Э., Семенова В.Э., Карпушкина Н.В., Шешукова Н.Н. Гендерные аспекты научной деятельности и специфика восприятия науки и ученых современными девушками и юношами – студентами и старшеклассниками // Вестник Мининского университета. 2024. Т. 12, №3. С. 11. <https://doi.org/10.26795/2307-1281-2024-12-3-11>
16. Федеральный закон от 23.11.2024 N 401-ФЗ «О внесении изменений в статью 6.21 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях». URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202411230022?ysclid=m4ob36w5wx689039454> (дата обращения: 08.12.2024).
17. Фуко М. Герменевтика субъекта. Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1981-1982 учебном году. Москва, Наука, 2007. 677 с.
18. Фуко М. Рождение клиники. Москва, Академический проект, 2014. 263 с.
19. Фукуяма Ф. Государственный порядок. Москва, АСТ, 2015. 688 с.
20. Фукуяма Ф. Доверие: социальные добродетели и путь к процветанию. Москва, АСТ, 2004. 736 с.
21. Фукуяма Ф. Идентичность: стремление к признанию и политика неприятия. Москва, Альпина Паблишер, 2019. 256 с.
22. Фукуяма Ф. Наше постчеловеческое будущее: последствия биотехнологической революции. Москва, АСТ, 2004. 352 с.

23. Jones B. Ch. Is social media a human right? Exploring the scope of Internet rights // International journal of constitutional law blog. Oxford, 2014. December. P. 1-7. [http://works. Bepress. Com/brian_jones/27](http://works.bepress.com/brian_jones/27)
24. Mccruddenn Ch. Transnational culture wars // International journal of constitutional law. Oxford, 2015. Vol. 13, No. 2. P. 434-462. <https://doi.org/10.1093/icon/mov018>
25. McIntosh Sundstrom L., Sperling V., Sayoglu M. Courting gender justice: Russia, Turkey, and the European Court of human rights. New York: Oxford University Press, 2019. 296 p. <https://doi.org/10.1093/oso/9780190932831.001.0001>
26. Mills S. Gender and politeness. Cambridge: Cambridge University Press, 2003. 270 p. <https://doi.org/10.1017/CBO9780511615238>
27. Žižek S. Pandemic! COVID-19 Shakes the World. New York; London: OR Books, 2020.

References

1. Abdullina T.S. The role of authoritative persons in the socialization of Russian students. *Gumanitarnye, social'no-ekonomicheskie i obshchestvennye nauki* [Humanities, socio-economic and social sciences], 2023, pp. 15-20. <https://doi.org/10.23672/SAE.2023.51.43.001>
2. Balashova E.S., Churkina N.S., Panteleev V.D. On the issue of definitions and empirical foundations of the “manager syndrome” in modern pedagogy. *Russian Journal of Education and Psychology*, 2024, vol. 15, no. 1-2, pp. 464-470.
3. Balashova E.S., Bogacheva A.V., Kocheganova P.P. On the issue of gender self-identification of students in the context of modern human rights discourse in the Russian Federation. *Azimut nauchnyh issledovanij: pedagogika i psihologiya* [Azimuth of scientific research: pedagogy and psychology], 2018, vol. 7, no. 2 (23), pp. 339-342.
4. Dmitriev T.A. “The Desire to Be Visible”: Francis Fukuyama in Search of an Explanation of New Trends in World Politics. *Perspektivy* [Perspectives], 2020, no. 1, pp. 133-144. <https://doi.org/10.32726/2411-3417-2020-1-133-144>
5. Simmel G. *Contemplation of Life. Four Metaphysical Chapters*. Ch. I: Transcendence of Life. Simmel G. Selected. Vol. II: Contemplation of Life. Moscow, Jurist, 1996.

6. Karpunkova V.V. The idea of F. Fukuyama's "therapeutic turn" in the context of understanding the transformation of modern society. *Gumanitarnye issledovaniya v Vostochnoj Sibiri i na Dal'nem Vostoke* [Humanitarian studies in Eastern Siberia and the Far East], 2023, no. 1, pp. 36-45. <https://doi.org/10.24866/1997-2857/2023-1/36-45>
7. Malimonov I.V., Korol L.G., Sinkovskaya I.G. Rakhinsky D.V., Shepeleva Yu.S. Historical and philosophical representation of the male gender regime in the process of transformation of the social status of women. *Sovremennye Issledovaniya Sotsialnykh Problem* [Modern Studies of Social Issues], 2023, vol. 15, no. 2, pp. 44-63. <https://doi.org/10.12731/2077-1770-2023-15-2-44-63>
8. Mamardashvili M.K. *Possible Man*. Moscow, Ripol Classic, 2019, 495 p.
9. National Project "Education". URL: <https://edu.gov.ru/national-project?ysclid=m4l7ja7o92301227196>
10. Neronov A.V., Neronova M.Yu. Features and problems of personal identification in the modern world. *Sovremennye Issledovaniya Sotsialnykh Problem* [Modern Studies of Social Issues], 2022, vol. 14, no. 3, pp. 74-91. <https://doi.org/10.12731/2077-1770-2022-14-3-74-91>
11. Petrova G.I. Human self-determination in higher education: possibilities of anthropological and technological solution of the problem. *Vestnik Mininskogo universiteta* [Bulletin of Minin University], 2023, vol. 11, no. 1, pp. 2. <https://doi.org/10.26795/2307-1281-2023-11-1-2>
12. Razbeglova T.P. Digitalization of the educational environment and the fate of humanistic culture in the 21st century. *Arhont* [Arkhost], 2022, no. 6 (33), pp. 60-70.
13. Ricoeur P. *I am like another*. Moscow, Publishing house of humanitarian literature, 2008, 416 p.
14. Riff P. The Triumph of the Therapeutic: How Faith is Used after Freud. Sketch of a Theory of Culture. *Logos* [Logos], 2007, no. 5 (62), pp. 256-280.
15. Semenova L.E., Semenova V.E., Karpushkina N.V., Sheshukova N.N. Gender aspects of scientific activity and the specifics of perception of science and scientists by modern girls and boys - students and high school students. *Vestnik Mininskogo universiteta* [Bulletin of Minin University], 2024, vol. 12, no. 3, p. 11. <https://doi.org/10.26795/2307-1281-2024-12-3-11>

16. Federal Law of 23.11.2024 N 401-FZ “On Amendments to Article 6.21 of the Code of the Russian Federation on Administrative Offenses”. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202411230022?y-sclid=m4ob36w5wx689039454>
17. Foucault M. *Hermeneutics of the Subject. Course of lectures delivered at the Collège de France in the 1981-1982 academic year*. Moscow, Nauka, 2007, 677 p.
18. Foucault M. *The Birth of the Clinic*. Moscow, Academic Project, 2014, 263 p.
19. Fukuyama F. *State Order*. Moscow, AST, 2015, 688 p.
20. Fukuyama F. *Trust: Social Virtues and the Path to Prosperity*. Moscow, AST, 2004, 736 p.
21. Fukuyama F. *Identity: The Striving for Recognition and the Politics of Rejection*. Moscow, Alpina Publisher, 2019, 256 p.
22. Fukuyama F. *Our Posthuman Future: Consequences of the Biotechnological Revolution*. Moscow, AST, 2004, 352 p.
23. Jones B.Ch. Is Social Media a Human Right? Exploring the Scope of Internet Rights. *International journal of constitutional law blog*. Oxford, 2014. December, pp. 1-7. http://works.bepress.Com/brian_jones/27
24. Mccruddenn Ch. *Transnational cultural wars*. [International journal of constitutional law]. Oxford, 2015, vol. 13, no. 2, pp. 434-462. <https://doi.org/10.1093/icon/mov018>
25. McIntosh Sundstrom L., Sperling V., Sayoglu M. *Courting gender justice: Russia, Turkey, and the European Court of human rights*. New York: Oxford University Press, 2019, 296 p. <https://doi.org/10.1093/oso/9780190932831.001.0001>
26. Mills S. *Gender and politeness*. Cambridge: Cambridge University Press, 2003, 270 p. <https://doi.org/10.1017/CBO9780511615238>
27. Žižek S. *Pandemic! COVID-19 Shakes the World*. New York; London: OR Books, 2020.

ДАННЫЕ ОБ АВТОРАХ

Балашова Елена Сергеевна, доцент кафедры всеобщей истории, классических дисциплин и права, кандидат философских наук
Нижегородский государственный педагогический университет им. К. Минина

ул. Ульянова, 1, г. Нижний Новгород, Нижегородская область, 603000, Российская Федерация
balashova.l.s@gmail.com

Богачева Анна Владимировна, доцент кафедры иностранного языка, кандидат педагогических наук
Нанькайский университет
Вейжун роуд, 94, Нанькайский район, 300071, Китай
bogachova_a_v@mail.ru

Хижная Анна Владимировна, доцент кафедры профессионального образования и управления образовательными системами, кандидат педагогических наук
Нижегородский государственный педагогический университет им. К. Минина
ул. Ульянова, 1, г. Нижний Новгород, Нижегородская область, 603000, Российская Федерация
xannannn@yandex.ru

DATA ABOUT THE AUTHORS

Elena S. Balashova, Associate Professor of the Department of General History, Classical Disciplines and Law, Ph. D. in Philosophy
Kozma Minin Nizhny Novgorod State Pedagogical University
1, Ulyanova Str., Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod Region, 603000, Russian Federation
balashova.l.s@gmail.com
SPIN-code: 8259-9492
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5900-0951>
ResearcherID: B-5818-2015
Scopus Author ID: 57201131652

Anna V. Bogacheva, Associate Professor of the Department of Foreign Languages, Ph. D. in Pedagogical Sciences
Nankai University

94 Weijin Rd, Nankai District, 300071, China
bogachova_a_v@mail.ru
SPIN-code: 7176-1526
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6973-7372>
ResearcherID: AHB-8904-2022

Anna V. Khizhnaya, Associate Professor of the Department of Professional Education and Management of Educational Systems, Ph. D. in Pedagogical Sciences
Kozma Minin Nizhny Novgorod State Pedagogical University
1, Ulyanova Str., Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod Region, 603000, Russian Federation
xannann@yandex.ru
SPIN-code: 2891-9107
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0034-2353>
ResearcherID: K-2793-2017
Scopus Author ID: 57190960652

Поступила 01.12.2024
После рецензирования 15.12.2024
Принята 26.12.2024

Received 01.12.2024
Revised 15.12.2024
Accepted 26.12.2024

DOI: 10.12731/2077-1770-2024-16-4-474

УДК 101.1:316

Научная статья | Социальная и политическая философия

ТЕКТОЛОГИЯ КОЛЛАПСА И СОВРЕМЕННОСТЬ

Е.В. Суханова, Н.С. Шиловская, Д.А. Скородумов

Современная эпоха характеризуется системным обострением кризисных явлений в человеческом обществе. Усугубление мирового кризиса и многочисленные проблемы современной цивилизации, требуют новых теоретических подходов, которые могли бы помочь в поиске адекватных ответов на вызовы современности. В статье осуществляется поиск и конкретизация науки, способной стать теоретической базой для исследования современных сценариев коллапса. Науку о катастрофах, угрожающих цивилизации, называют коллапсологией. В нашей статье обосновывается, что более общим теоретическим фундаментом коллапсологии может стать тектология А. Богданова.

Целью работы является выяснение связи коллапсологии и тектологии и их применимости к исследованию развития современного общества.

Методология исследования включает в себя герменевтический метод интерпретации текстов; аналитический метод; междисциплинарный метод; компаративистский анализ, позволяющий сравнивать различные типы дискурсов катастрофизма.

В ходе исследования было установлено, что просвещенческая вера в постоянный и экспоненциальный рост общества – это миф. Современность сталкивается с многочисленными проблемами: увеличение издержек самосодержания человека, старение населения и сокращение его численности по мере роста научно-технического развития стран мира. Подвергнут критике миф К. Циолковского о постоянном увеличении радости в разумной материи благодаря

прогрессивному развитию мира – количество разумной материи увеличилось, но общая доля «страдания» возросла. Составлен список катастроф и дезорганизационных процессов в мире, связывающий тектологию и коллапсологию. Установлено, что тектология, наука о всеобщих организационных процессах, может быть применена к исследованию конфликтов и кризисов современности: оптика тектологии позволяет смотреть на цивилизационные кризисы и катастрофы как на сталкивающиеся организационные процессы, что делает коллапсологию частным случаем тектологии.

Ключевые слова: тектология; коллапсология; А. Богданов; Д. Даймонд; катастрофы; организационный процесс; кризис

Для цитирования. Суханова Е.В., Шиловская Н.С., Skorodumov Д.А. Тектология коллапса и современность // Современные исследования социальных проблем. 2024. Т. 16, № 4. С. 325-342. DOI: 10.12731/2077-1770-2024-16-4-474

Original article | Social and Political Philosophy

COLLAPSE TECTOLOGY AND MODERNITY

E.V. Sukhanova, D.A. Skorodumov, N.S. Shilovskaya

The modern era is characterized by a systemic exacerbation of crisis phenomena in human society. The aggravation of the global crisis and the numerous problems of modern civilization require new theoretical approaches that could help in finding adequate answers to the challenges of our time. The article searches for and concretizes science that can become a theoretical basis for the study of modern collapse scenarios. The science of catastrophes threatening civilization is called collapseology. Our article substantiates that A. Bogdanov's tectology can become a more general theoretical foundation of collapseology.

The aim of the work is to clarify the relationship between collapseology and tectology and their applicability to the study of the development of modern society.

The research methodology includes a hermeneutical method of interpreting texts; an analytical method; an interdisciplinary method; a comparative analysis that allows comparing different types of discourses of catastrophism.

The study found that the Enlightenment belief in the constant and exponential growth of society is a myth. Modernity is faced with numerous problems: an increase in the costs of human self-maintenance, an aging population and a decrease in its number as the scientific and technological development of the countries of the world grows. K. Tsiolkovsky's myth about the constant increase of joy in intelligent matter due to the progressive development of the world has been criticized - the amount of intelligent matter has increased, but the overall share of "suffering" has increased. A list of catastrophes and disorganization processes in the world has been compiled, linking tectology and collapsology. It is established that tectology, the science of universal organizational processes, can be applied to the study of conflicts and crises of our time: the optics of tectology allows us to look at civilizational crises and catastrophes as colliding organizational processes, which makes collapsology a special case of tectology.

Keywords: tectology; collapsology; A. Bogdanov; D. Diamond; catastrophes; organizational process; crisis

For citation. Sukhanova E.V., Skorodumov D.A., Shilovskaya N.S. Collapse Tectology and Modernity. *Sovremennye Issledovaniya Sotsialnykh Problem [Modern Studies of Social Issues]*, 2024, vol. 16, no. 4, pp. 325-342. DOI: 10.12731/2077-1770-2024-16-4-474

Введение

Коллапсология – это наука, непосредственно изучающая феномены катастроф прошлого, настоящего и будущего. Она является междисциплинарной сферой исследований и нечасто рассматривается как отдельная область знания – в том числе и из-за относительно недавнего её выделения в отдельное поле. Наиболее фундаментальные исследования, затрагивающие проблемы коллапсологии, можно найти в работах зарубежных исследователей Джареда Даймонда [4], Нассима Талеба [8], Ника Бострома [14] и других.

Понятие же *тектологии* было введено русским философом-космистом А.А. Богдановым с целью создания единой науки, изучающей способы организации и дезорганизации различных систем. Это был один из первых концептов междисциплинарной сферы знания, призванной решить ряд проблем, относящихся к цивилизационно-технологическому развитию общества, а также иначе взглянуть на катастрофические события человеческой истории.

Известным учёным, исследующим катастрофические процессы в обществе и заложившим основы коллапсологии, является Даймонд Джаред. Среди его работ отечественному читателю, вероятно, знакома книга «Ружья, микробы и сталь» (1997), в которой автор исследует причины превосходства евразийских народов над другими культурами. Даймонд изучает коллапс южноамериканского общества после его контакта с евразийским миром: индейцы не смогли противостоять оружию и микробам, привезённым европейцами с собой из-за Атлантического океана. Другим его сочинением является *«Коллапс: почему одни общества выживают, а другие умирают»* (2005), в котором он анализирует понятие коллапса и определяет его как *«значительное сокращение численности человеческой популяции и/или её политического/культурного/общественного разнообразия на значительной территории и на продолжительный промежуток времени»* [3, с. 16]. Даймонд обращает внимание на то, что к коллапсу современной мировой цивилизации могут привести многочисленные риски – глобальные проблемы человечества. Таким образом, он расширяет масштаб футурологического исследования с отдельного народа или цивилизации до всего человеческого общества. В этом его идеи оказываются близки к идеям русского космизма – в том, как они описаны Н. Ф. Фёдоровым, В. И. Вернадским и А. А. Богдановым. Именно космисты предлагали изучать человечество в масштабах всей планеты и далее – Вселенной. Кроме того, представители данного философского течения говорили о необходимости объединения всего человечества в «общем деле» [5, с. 98] для решения глобальных проблем, которые в XIX веке большинством людей ещё только смутно предчувствовались, а сегодня явились во всей отчетливости и неотвратимости [2].

Целью статьи является выяснение связи коллапсологии и тектологии и их применимости к исследованию динамики кризисов современного общества. Для достижения поставленной цели в первой части статьи будет осуществлён анализ непосредственных причин и истоков многих вызовов современности, и выявлена их междисциплинарная природа. Во второй части работы будет диалектически раскрыта «тёмная» сторона прогресса в работах русских космистов, а также осуществлена связь сценариев коллапса с идеей А. А. Богданова о тектологии как всеобщей организационной науке, способной изучать в полной мере многие современные процессы.

Глобальные проблемы современности в контексте идеи прогресса

Для начала следует рассмотреть события периода промышленной революции. В это время произошли радикальные изменения в инструментах и методах производства. Использование паровой энергии и сельскохозяйственной техники резко увеличило эффективность земледелия, фабричное производство обусловило появление товаров массового потребления, международная торговля стимулировала зарождение мировой экономики, а резкий рост благосостояния и образованности населения привел к появлению многочисленных прогрессистских мыслей: возникло множество крупных политических движений – от леволиберального социализма, до ультраправых реакционеров. Впервые в истории научно-технический прогресс воодушевил многих на размышления о преодолении войн, голода и бедности. В частности, именно из-за начала процессов глобализации и усиливающейся взаимной интеграции национальных экономик появились утверждения о том, что война как средство достижения целей полностью потеряла актуальность, будучи катастрофически невыгодной. Все эти предположения были основаны на одном ключевом элементе, которым являлась вера в *постоянный и экспоненциальный рост* экономических, социальных и научно-технических возможностей развивающихся обществ. Концепт цикличного экономического развития с периодами роста,

упадка и стагнации был ещё недостаточно проанализирован и изучен из-за недостатка эмпирического материала: государства впервые испытали переход из аграрной экономики в индустриальную и все сопутствующие этому социально-политические явления.

Так, ограниченная ранее недостаточно развитой медициной продолжительность жизни резко возросла, что, с одной стороны, позволило значительно увеличить потенциальный срок работы большинства людей, а с другой – привело к появлению первых пенсионеров, находящихся на социальном обеспечении у государства. Благодаря развитию медицины была снижена детская смертность, значительно возросли темпы роста населения: иными словами, доля трудоспособного населения стала увеличиваться. Кроме того, рабочий, производивший ранее условную единицу товара, теперь благодаря техническим новшествам мог производить гораздо больше, притом, что мгновенного роста в качестве жизненных условий ещё не было: электрическим и транспортным сетям ещё только предстояло появиться, как это было и со многими другими элементами повседневной жизни от коммунальных услуг до выплат пособий [13]. Таким образом, при растущем доходе начало появляться всё больше самых разных затрат в виде налогов, страховок, кредитов, инфляции и других, обычных для современности расходов – и расти они стали значительно быстрее, чем продуктивность труда, национальные экономики и заработные платы. В жизни любого современного человека появляется всё больше издержек самосодержания, что вынуждает многих людей работать на нескольких работах одновременно, жертвуя свободным временем, физическим и психическим благосостоянием при росте ежедневного стресса – и эта тенденция является общемировой.

Глобальное старение населения – проблема также всеобщая. Если предыдущие проекции роста будущего населения Земли приводили, в основном, к выводу об опасности потенциального перенаселения планеты, сегодня основную угрозу представляет собой совершенно противоположное явление: стагнация роста численности человеческой популяции и постепенное её сокращение. Осно-

вания для такого вывода достаточно прямолинейны и обусловлены демографическим переходом в постиндустриальных экономиках: в развитых государствах устойчиво падает коэффициент рождаемости при постоянном росте числа пожилых граждан, что при определенных стечениях обстоятельств может приводить к значительным макроэкономическим проблемам. Одним из самых ярких примеров тому является современное состояние экономики Японии, где за демографическим взрывом и бурным ростом валового продукта 1950-1980 годов (*т.н. «Японское экономическое чудо»*) последовал период длительного отсутствия значимого роста с 1990-х и по сей день, что привело к целому ряду отрицательных последствий [17, р. 15]. Один из них – потеря привлекательности для иностранных инвестиций, поскольку страны со стагнирующей экономикой являются, выражаясь иными терминами, банком с нулевой или отрицательной ставкой по вкладам: в лучшем случае, вкладчик через какое-то время получит обратно столько же, сколько вложил, а в худшем – значительно меньше. В отсутствии инвестиций государство вынуждено искать международные займы, из-за чего все больше бюджетных средств выделяется на обслуживание государственного долга вместо обеспечения различных социальных нужд. Стареющее население требует всё больших расходов на социальную сферу, в то время как число работающих граждан неуклонно падает в условиях стагнирующей неопределенности: люди не создают семьи ввиду отсутствия свободного времени и неуверенности в будущем, стараются максимально сократить потребительские расходы или искать дополнительный заработок. Все это приводит к росту социальной напряженности, чрезмерному переутомлению и сопутствующему стрессу, что в случае Японии выражается в антирекордных показателях по числу самоубийств. Утрируя, можно сказать, что население восточных островов работает не для достижения каких-либо личных целей, а для предотвращения коллапса национальной экономики. И именно эта тенденция в современном мире касается всё большего числа стран, многие из которых на текущий момент обеспечивают более половины всего мирового производства.

Коллапсологические идеи русских космистов

Именно после заострения внимания на этом феномене современной экономики нам следует вновь обратиться к трудам К.Э. Циолковского и исследовать коллапсологический потенциал русского космизма. Русская культура начала XX века в целом тяготела к катастрофическим и «апокалиптическим» настроениям [6]. Хотя космизм можно отнести к «оптимистической» философии, однако, как будет показано далее, даже футурологические прогнозы космистов приводят в своём логическом завершении к констатации катастрофических тенденций развития человечества.

Исследование трудов К. Э. Циолковского следует начать с его наиболее обобщающей работы – *«Монизм вселенной»* (1925). Автор в ней излагает панпсихическое видение мира, говоря, что *отзывчива и чувствительна «всякая частица вселенной»*, отмечая при этом, что *«из известных нам животных чувствительнее всех человек»* [10, с. 7]. Для Циолковского *чувствительность* – условная мера способности той или иной материи чувствовать счастье и несчастье, а *отзывчивость* – мера реакции частиц на внешние изменения, какой является, например, реакция расширения ртути в градуснике в ответ на увеличение температуры. Способность чувствовать обуславливается преемственностью материи: некая молекула углерода, появившаяся в результате термоядерных реакций в ядре звезды, с течением времени становится частью атомов одного человека или многих людей на протяжении поколений и от того *«живет их жизнью и чувствует радость сознательного и безоблачного бытия»* [10, с. 7]. Роль же самого человека во Вселенной сводится Циолковским к постепенному приведению всей существующей материи к *«развитому»* и *«счастливому»* состоянию: *«Земному усовершенствованному потоку жизни предназначено пополнить убыль регрессирующих пород космоса»*. В частности, именно этой цели служит создание на Земле и других планетах искусственных сред обитания, проведение евгенических практик в отношении людей и других живых организмов, истребление враждебных форм жизни и иные гипотетические практики, выглядящие этически неоднознач-

ными с позиции современного гуманизма. Так, например, для того чтобы «и Землю, и другие планеты ... привести к порядку, чтобы они не были источником мучения для атомов, живущих в несовершенных существах» [9], необходимо, со слов автора, прибегнуть к «гуманнейшему способу уничтожения» [11], которым Циолковский называет насильственную стерилизацию «несовершенных» существ. Распространить эту практику мыслитель предлагает и на «несовершенных членов общества», говоря о том, что «жены их не рожают» [12]. Эти предположения были сделаны именно с позиции убежденности автора в устойчивости линии экспоненциального развития и опирались, во многом, на предположение о неограниченном росте технических возможностей человечества, способном в отдаленном будущем напрямую влиять на процессы естественного отбора, полностью заместив его искусственной селекцией. Однако с учетом числа и многообразия социальных и экономических вызовов в современном мире, технически значительно опережающем даже самые смелые предположения мыслителей прошлого, мы можем говорить о том, что за прошедшее столетие количество «разумной» материи увеличилось, но общая мера её «страданий» значительно возросла – как в виде стагнирующего роста благосостояния при «потерянных десятилетиях», так и в виде случившихся и потенциальных экологических, гуманитарных и иных катастроф. Виной тому служит поглощение природного техническим [7]. При этом говорить о скором решении всего массива проблем не представляется возможным – во всяком случае, с точки зрения существующих и прогнозируемых технических средств.

Именно в свете этого, безусловно, пессимистичного предположения нам и следует обратиться к размышлениям А. А. Богданова о концепте *тектологии*, как *всеобщей организационной науки*, который излагается на страницах одноименной работы. Идея автора о подобной междисциплинарной науке интересует нас, прежде всего, тем, что в этом аспекте она созвучна с предлагаемой Д. Даймондом *коллапсологией*, будучи по охвату значительно шире. Ключевая для А. Богданова категория в предмете тектологии – *организация*, как

некий деятельный и свойственный человеку на всех уровнях процесс. Он отмечает связь этой процессуальности с самим феноменом труда и говорит о том, что *«весь процесс борьбы человека с природой, подчинения и эксплуатации стихийных ее сил есть не что иное, как процесс организации мира для человека, в интересах его жизни и развития»* [1, с. 95]. Отмечает Богданов и возможность конфликта, называя возможную дезорганизацию явлением, свойственным для *«столкновения разных организационных процессов»* [1, с. 95] – как естественных, так и антропогенных. Важно также отметить особую роль, отводимую природе: Богданов называет её *«великим первым организатором»*, а человека – непосредственным продуктом природного организационного процесса, по сравнению с которым человеческая деятельность относительно примитивна: *«Он – ученик природы, и пока еще очень слабый»*. По аналогии, вследствие того же единого процесса появились и другие вещи: от первых атомов, до планетарных систем. В этом смысле Богданов, как и Циолковский, монист, о чем пишет напрямую, говоря о *«монистическом понимании вселенной»* [1, с. 95].

Постепенное разделение труда и становление современной ему экономики вписывается автором в линию организационного процесса, объединяющего всю письменную и дописьменную историю человечества: как древние люди однажды разделились на охотников-собирателей и земледельцев, так в государствах XIX века фабричные рабочие разделились на ткачей, сапожников, виноделов, токарей. Для Богданова постепенное усложнение цепочек производства и рост разнообразия профессий – явный признак усложнения системы и перехода её на качественно новый уровень, где элементы, несостоятельные по отдельности, вынуждены кооперироваться и работать в направлении некой единой цели, будь то выпуск какого-либо продукта или постройка социалистического государства. Возникает вопрос о том, действительно ли цель единая и нет ли между элементами дезорганизующих противоречий. Автор ответом на этот вопрос закрепляет сомнения, говоря о том, что *«рано или поздно дезорганизационный момент нарастает и*

приводит к различным кризисам, реформирующим или разрушающим целое» [1, с. 96], определяя само понятие *кризиса* как *смену организационной формы*. Так, например, плавление металла под действием высоких температур – это кризис, смена «твердой» организационной формы молекул на «жидкую». Кризисом Богданов называет также рождение и смерть человека, появление и исчезновение государств – словом, распространяет тектологию кризиса на все формы взаимодействия материи. До и после кризиса, в свою очередь, существует определенное равновесие, из тенденций и элементов которых становится возможным предсказать будущие, посткризисные формы равновесия.

В современности мы, вероятно, повсеместно можем видеть самые разные примеры кризисов организационных форм, но интересуют нас, прежде всего, именно глобальные, иначе именуемые экзистенциальными рисками или сценариями коллапса, как это описано в работах Д. Даймонда, Н. Талеба и Н. Бострома. Они представляют собой, в сущности, наиболее масштабную форму борьбы двух организационных процессов – природного и антропогенного. Человечество, организуя себя во всем множестве проявлений, подчиняет всё больше естественных феноменов и дезорганизует природное, выводя его из равновесия и приводя к кризису. В рамках глобального потепления кризисом для природного может оказаться смена углеродного цикла – становление новой организационной и равновесной формы, что в корне изменит планетарные условия существования и приведет к кризису во многих других системах, непосредственно связанных с биосферой: то есть, фактически, во всех сферах жизнедеятельности человека. Крах высокоорганизованной международной системы разделения труда, мировой торговли и сельского хозяйства, в свою очередь, способны привести к необратимым социально-политическим последствиям и коллапсу современной цивилизации. Таким образом, новое равновесное состояние антропогенной системы в случае осуществления экзистенциального риска достижимо только после значительных человеческих, материальных, культурных и иных потерь. Однако, сам

вопрос риска также не столь однозначен. Вопрос о предотвращении глобального потепления и смягчения его последствий, в частности, осложнен необходимостью колоссальных затрат на осуществление любого из «безуглеродных» сценариев, что заставляет многих исследователей ставить вопрос о целесообразности борьбы в целом. Так, даже умеренные экономические мероприятия, направленные на достижение «зеленого» производства, по разным оценкам, могут стоить мировой экономике нескольких единиц от глобального валового продукта – при том, что его рост уже сталкивается со значительными трудностями в подавляющем большинстве развитых стран. Кроме того, высокая стоимость безуглеродных технологий способна значительно ограничить потенциал роста многих развивающихся стран Африки и Южной Америки, что вызывает вопрос о целесообразности и этической корректности установления экономических ограничений в отношении стран, не способных в силу финансовых трудностей обеспечить выполнение экологических требований мировых торговых организаций. Таким образом, сценарии действия и бездействия оказываются в равной степени негативными – действие умышленно ограничивает рост благосостояния, а бездействие способно привести к его резкому падению.

Значительную угрозу представляют собой и локальные кризисы, вызванные борьбой политических точек организационного процесса. К примеру, даже ограниченная ядерная война между Индией и Пакистаном способна привести к глобальному загрязнению атмосферы тяжелыми частицами, что ограничит количество солнечного света, поступающего на поверхность планеты и спровоцирует всеобщее падение температур. Охлаждения на 2-3 градуса Цельсия достаточно для того, чтобы мировое сельское хозяйство потерпело крах и тем самым спровоцировало голод в наиболее развитых странах мира без возможности компенсировать убытки импортом пищевой продукции [15]. Опасность представляют собой открытые границы в глобализованном мире, как это демонстрирует пандемия коронавирусной инфекции. Даже увеличивающаяся продолжительность жизни представляет собой значительный вызов, что

было рассмотрено на примере Японии – представители пожилого поколения требуют содержания от работающих слоёв населения, а рост эффективности труда значительно более низок и неравномерен, чем экономические пожелания. Людей, занятых в экономике, в перспективе будет становиться всё меньше, а полноценной замены им ещё не найдено.

Таким образом, мы вновь видим значительный контраст современных реалий с идеями К. Э. Циолковского: технический прогресс в современности не ведёт, выражаясь терминологией мыслителя, к «счастью» материи – наоборот, он многократно увеличивает её «страдания» во всех возможных плоскостях без предоставления очевидного способа решения возникших проблем. Индустриальная и постиндустриальная современность в свете этого представляется совсем иным образом – это более не эпоха человека, ведущего все формы жизни к «светлому будущему», а эпоха прогресса, создающего всё большее число страданий для всё более «чувственной» материи, что способно проявиться в наибольшей степени при осуществлении многочисленных сценариев коллапса современной цивилизации. Как мы можем убедиться на основе изложенного выше перечня немногих из числа потенциальных катастроф, *коллапсология* может по праву считаться современной тектологией, изучающей причины и ход *дезорганизирующих* процессов.

Заключение

В ходе исследования было показано, что научно-технический прогресс не смог сделать жизнь человечества беспроблемной. Наоборот, он породил новые вызовы: старение населения и стагнация рождаемости по мере роста благополучия стран, новые эпидемиологические опасности, истощение мировых запасов полезных ископаемых, изменение углеродного цикла, дезорганизация природы в результате деятельности человека. Современная цивилизация стоит перед необходимостью осознавать и прогнозировать глобальные риски для предотвращения катастрофических сценариев развития человечества. Данные проблемы невозможно рассматривать в рам-

ках какой-то одной известной предметной области, так как они имеют междисциплинарный характер, что было продемонстрировано в статье. В связи с этим, в качестве науки, способной решать глобальные междисциплинарные вопросы, была предложена коллапсология. Был исследован коллапсологический потенциал русского космизма на примере работ К. Э. Циолковского и А. А. Богданова. Было установлено, что не только текущее состояние дел, но и футурологические прогнозы космистов указывают на катастрофическое направление развития человеческой цивилизации, ведущее её к коллапсу. Одной из ключевых характеристик коллапсологии является её масштабность. Она исследует современные риски и вызовы в комплексной глобальной перспективе, охватывая весь земной шар. Именно через эту характеристику была установлена связь коллапсологии с идеями космистов. Более того, было доказано, что коллапсология представляет собой частный случай тектологии – науки об организационных процессах А. Богданова, рассматривающей катастрофы как результат конфликта двух и более организационных процессов. Несмотря на то, что результаты исследования имеют преимущественно теоретическое значение, они так же способствуют обоснованию важности дальнейшего развития тектологии как научной дисциплины в современном обществе, что может найти применение в вопросах менеджмента, государственном управлении и разработке научных и образовательных программ.

Список литературы

1. Богданов А.А. Тектология: Всеобщая организационная наука. М.: ЛЕНАНД, 2019. 680 с.
2. Витязева О. В. Глобальные проблемы современной экологии человека // Проблемы региональной экологии. 2022. №2. С. 30-37. <https://doi.org/10.24412/1728-323X-2022-2-30-37>
3. Даймонд Д. М. Коллапс. Почему одни общества выживают, а другие умирают. М.: ООО «АСТ», 2008. 768 с.
4. Даймонд Д. Ружья, микробы и сталь: Судьбы человеческих обществ. М.: АСТ, 2010. 604 с.

-
5. Комарова А. Н. Философия общего дела Н. Ф. Фёдорова // Инновационная наука. 2018. №6. С. 97-98.
 6. Симонов А. И. Критика прогресса и его этическая оценка с позиций отечественной «апокалиптики культуры» рубежа XIX-XX вв. // Вестник Мининского университета. 2017. №4 (21). С. 15. <https://doi.org/10.26795/2307-1281-2017-4-15>
 7. Суханова Е. В., Бурков А.Д. Дуализм технического прогресса и опасная практика антропоцена // Цифровой ученый: лаборатория философа. 2022. Т. 5, № 2. С. 97-114. <https://doi.org/10.32326/2618-9267-2022-5-2-97-114>
 8. Талей Н. Н. Чёрный лебедь. Под знаком непредсказуемости. М.: КоЛибри, Азбука-Аттикус, 2012. 736 с.
 9. Циолковский К. Э. Будущее земли и человечества. Калуга: Гублит, 1928. С. 3-28.
 10. Циолковский К. Э. Монизм Вселенной. Калуга: Гублит, 1925. 112 с.
 11. Циолковский К. Э. Нирвана // Д. Н. Попов. Космическая философия. Сборник. М.: ИДЛи, 2004. С. 157-179.
 12. Циолковский К. Э. Причина Космоса // Д. Н. Попов. Космическая философия. Сборник. М.: ИДЛи, 2004. С. 93-104.
 13. Bloom D. E., Canning D., Fink G. The Graying of Global Population and Its Macroeconomic Consequences // Department of Global Health and Population, Harvard School of Public Health. URL: <https://core.ac.uk/download/pdf/6617061.pdf> (дата обращения: 11.04.2024)
 14. Bostrom N. Existential Risk Prevention as Global Priority // Global Policy. 2013. Vol. 4, Issue 1. P. 15-31. <https://doi.org/10.1111/1758-5899.12002>
 15. Krajick K. Even a Limited India-Pakistan Nuclear War Would Bring Global Famine, Says Study // Columbia Climate School. 2020. URL: <https://news.climate.columbia.edu/2020/03/16/even-limited-india-pakistan-nuclear-war-would-bring-global-famine/> (дата обращения: 11.04.2024)
 16. Stern N. Review on the Economics of Climate Change. UK: HM Treasury, 2006. P. 662. <https://doi.org/10.1017/CBO9780511817434>
 17. Takeo H., Kashyap A. K. Japan's Financial Crisis and Economic Stagnation // Journal of Economic Perspectives. 2004. Vol. 18 (1). P. 3-26. <https://doi.org/10.1257/089533004773563412>

References

1. Bogdanov A. A. *Tektologiya: Vseobshchaya organizatsionnaya nauka* [Tectology: Universal Organizational Science]. Moscow: LENAND, 2019, 680 p.
2. Vityazeva O. V. Global Problems of Modern Human Ecology. *Problemy regional'noy ekologii* [Problems of Regional Ecology], 2022, no. 2, pp. 30-37. <https://doi.org/10.24412/1728-323X-2022-2-30-37>
3. Diamond J. *Collapse: How Societies Choose to Fail or Succeed*. Moscow: AST, 2008, 768 p.
4. Diamond J. *Guns, Germs, and Steel: The Fates of Human Societies*. Moscow: AST, 2010, 604 p.
5. Komarova A. N. The Philosophy of the Common Cause by N. F. Fyodorov. *Innovatsionnaya nauka* [Innovative Science], 2018, no. 6, pp. 97-98.
6. Simonov A. I. Critique of Progress and Its Ethical Evaluation from the Positions of Domestic «Cultural Apocalypse» of the Late 19th-Early 20th Centuries. *Vestnik Mininskogo universiteta* [Bulletin of Minin's University], 2017, no. 4 (21), p. 15. <https://doi.org/10.26795/2307-1281-2017-4-15>
7. Sukhanova E. V., Burkov A. D. Dualism of Technical Progress and Dangerous Practice of Anthropocene. *Tsifrovoy uchenyy: laboratoriya filosofo* [Digital Scholar: Philosopher's Laboratory], 2022, vol. 5, no. 2, pp. 97-114. <https://doi.org/10.32326/2618-9267-2022-5-2-97-114>
8. Taleb N. N. *The Black Swan: The Impact of the Highly Improbable*. Moscow: Kolibri, Azbuka-Attikus, 2012, 736 p.
9. Tsiolkovsky K. E. *Budushchee zemli i chelovechestva* [The Future of Earth and Humanity]. Kaluga: Gublits, 1928, pp. 3-28.
10. Tsiolkovsky K. E. *Monizm Vselennoj* [Monism of the Universe]. Kaluga: Gublits, 1925, 112 p.
11. Tsiolkovsky K. E. *Nirvana*. Moscow: IDLi, 2004, pp. 157-179.
12. Tsiolkovsky K. E. *Prichina Kosmosa* [The Reason of the Cosmos]. Moscow: IDLi, 2004, pp. 93-104.
13. Bloom D. E., Canning D., Fink G. Implications of population ageing for economic growth. *Oxford Review of Economic Policy*, 2010, 26(4), pp. 583–612.

14. Bostrom N. Existential Risk Prevention as a Global Priority. *Global Policy*, vol. 4, issue 1, 2013, pp. 15-31. <https://doi.org/10.1111/1758-5899.12002>
15. Krajick K. Even a Limited India-Pakistan Nuclear War Would Bring Glo-bal Famine, Says Study. Columbia Climate School, 2020. <https://news.climate.columbia.edu/2020/03/16/even-limited-india-pakistan-nuclear-war-would-bring-global-famine/> (accessed April 11, 2024).
16. Stern, N. *Review on the Economics of Climate Change*. London: HM Treasury, 2006, p. 662. <https://doi.org/10.1017/CBO9780511817434>
17. Takeo H., Kashyap A. K. Japan's Financial Crisis and Economic Stag-nation. *Journal of Economic Perspectives*, 2004, vol. 18, no., pp. 3-26. <https://doi.org/10.1257/089533004773563412>

ДАННЫЕ ОБ АВТОРАХ

Суханова Елена Вадимовна, кандидат философских наук, препода-
ватель кафедры продюссерства и музыкального образования
*Нижегородский государственный педагогический универси-
тет имени Козьмы Минина*
ул. Луначарского, 23, г. Нижний Новгород, Нижегородская
область, 603950, Российская Федерация
elena_stupishina@mail.ru

Шиловская Наталья Станиславовна, кандидат философских
наук, доцент кафедры продюссерства и музыкального обра-
зования
*Нижегородский государственный педагогический универси-
тет имени Козьмы Минина*
ул. Луначарского, 23, г. Нижний Новгород, Нижегородская
область, 603950, Российская Федерация
shilovskaya-nata@mail.ru

Скородумов Дмитрий Анатольевич, кандидат философских наук,
старший преподаватель кафедры продюссерства и музыкаль-
ного образования

*Нижегородский государственный педагогический университет имени Козьмы Минина
ул. Луначарского, 23, г. Нижний Новгород, Нижегородская область, 603950, Российская Федерация
daskorod@gmail.com*

DATA ABOUT THE AUTHORS

Elena V. Sukhanova, PhD, Lecturer at the Department of Production and Music Education

*Kozma Minin Nizhny Novgorod State Pedagogical University
23, Lunacharsky Str., Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod region,
603950, Russian Federation
elena_stupishina@mail.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5807-9925>*

Natalia S. Shilovskaya, PhD, Associate Professor of the Department of Production and Music Education

*Kozma Minin Nizhny Novgorod State Pedagogical University
23, Lunacharsky Str., Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod region,
603950, Russian Federation
shilovskaya-nata@mail.ru*

Dmitry A. Skorodumov, PhD, Senior Lecturer at the Department of Production and Music Education

*Kozma Minin Nizhny Novgorod State Pedagogical University
23, Lunacharsky Str., Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod region,
603950, Russian Federation
daskorod@gmail.com*

Поступила 28.11.2024

После рецензирования 11.12.2024

Принята 19.12.2024

Received 24.11.2024

Revised 11.12.2024

Accepted 19.12.2024

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

(<http://soc-journal.ru/>)

В журнале публикуются оригинальные статьи на русском и английском языках, содержащие результаты фундаментальных и теоретико-прикладных исследований в области филологии, истории и философии, а также обзорные статьи ведущих специалистов по тематике журнала.

Требования к оформлению статей

Объем рукописи	7–24 страницы формата А4, включая таблицы, иллюстрации, список литературы; для аспирантов и соискателей ученой степени кандидата наук – 7–10.
Поля	все поля – по 20 мм
Шрифт основного текста	Times New Roman
Размер шрифта основного текста	14 пт
Межстрочный интервал	полуторный
Отступ первой строки абзаца	1,25 см
Выравнивание текста	по ширине
Автоматическая расстановка переносов	включена
Нумерация страниц	не ведется
Формулы	в редакторе формул MS Equation 3.0
Рисунки	по тексту
Ссылки на формулу	(1)
Ссылки на литературу	[2, с. 5], цитируемая литература приводится общим списком в конце статьи в порядке упоминания

**ЗАПРЕЩАЕТСЯ ИСПОЛЬЗОВАТЬ
ССЫЛКИ-СНОСКИ ДЛЯ УКАЗА-
НИЯ ИСТОЧНИКОВ**

Обязательная структура статьи

УДК

ЗАГЛАВИЕ (на русском языке)

Автор(ы): фамилия и инициалы (на русском языке)

Аннотация (на русском языке)

Ключевые слова: отделяются друг от друга точкой с запятой
(на русском языке)

ЗАГЛАВИЕ (на английском языке)

Автор(ы): фамилия и инициалы (на английском языке)

Аннотация (на английском языке)

Ключевые слова: отделяются друг от друга точкой с запятой
(на английском языке)

Текст статьи (на русском языке)

1. Введение.

2. Цель работы.

3. Материалы и методы исследования.

4. Результаты исследования и их обсуждение.

5. Заключение.

6. Информация о конфликте интересов.

7. Информация о спонсорстве.

8. Благодарности.

Список литературы

Библиографический список по ГОСТ Р 7.05-2008

References

Библиографическое описание согласно требованиям журнала

ДАННЫЕ ОБ АВТОРАХ

Фамилия, имя, отчество полностью, должность, ученая степень, ученое звание

Полное название организации – место работы (учебы) в именительном падеже без составных частей названий организаций, полный юридический адрес организации в следующей последовательности: улица, дом, город, индекс, страна (на русском языке)

Электронный адрес

SPIN-код в SCIENCE INDEX:

DATA ABOUT THE AUTHORS

Фамилия, имя, отчество полностью, должность, ученая степень, ученое звание

Полное название организации – место работы (учебы) в именительном падеже без составных частей названий организаций, полный юридический адрес организации в следующей последовательности: дом, улица, город, индекс, страна (на английском языке)

Электронный адрес

AUTHOR GUIDELINES

(<http://soc-journal.ru/>)

The journal publishes original articles in Russian and English, containing the results of fundamental and theoretical and applied research in the field of philology, history and philosophy, as well as review articles by leading experts on the subject of the journal.

Requirements for the articles to be published

Volume of the manuscript	7–24 pages A4 format, including tables, figures, references; for post-graduates pursuing degrees of candidate and doctor of sciences – 7–10.
Margins	all margins –20 mm each
Main text font	Times New Roman
Main text size	14 pt
Line spacing	1.5 interval
First line indent	1,25 cm
Text align	justify
Automatic hyphenation	turned on
Page numbering	turned off
Formulas	in formula processor MS Equation 3.0
Figures	in the text
References to a formula	(1)
References to the sources	[2, p. 5], references are given in a single list at the end of the manuscript in the order in which they appear in the text

**DO NOT USE FOOTNOTES
AS REFERENCES**

Article structure requirements

TITLE (in English)

Author(s): surname and initials (in English)

Abstract (in English)

Keywords: separated with semicolon (in English)

Text of the article (in English)

1. Introduction.

2. Objective.

3. Materials and methods.

4. Results of the research and Discussion.

5. Conclusion.

6. Conflict of interest information.

7. Sponsorship information.

8. Acknowledgments.

References

References text type should be Chicago Manual of Style

DATA ABOUT THE AUTHORS

Surname, first name (and patronymic) in full, job title, academic degree, academic title

Full name of the organization – place of employment (or study) without compound parts of the organizations' names, full registered address of the organization in the following sequence: street, building, city, postcode, country

E-mail address

SPIN-code in SCIENCE INDEX:

СОДЕРЖАНИЕ

ЯЗЫКОЗНАНИЕ И ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

ЯЗЫКОВОЕ ПРОСТРАНСТВО НЕЙРОСЕТЕЙ: ОСОБЕННОСТИ И ОТЛИЧИЯ ОТ ЕСТЕСТВЕННОГО ЯЗЫКА Н.Б. Егорченкова, О.В. Коробова	10
СПЕЦИФИКА ПЕРЕВОДА ВЫМЫШЛЕННОГО ЯЗЫКА «НАДСАТ» НА ФРАНЦУЗСКИЙ ЯЗЫК М.Н. Садовникова	27
ЛИНГВОСТИЛИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ СОЦИАЛЬНОЙ РЕКЛАМЫ В ОБЛАСТИ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ КАК ОТРАЖЕНИЕ ОБЩЕСТВЕННЫХ ИЗМЕНЕНИЙ Н.П. Чикунова, Л.К. Халитова	49
СЛОВО <i>СООТВЕТСТВЕННО</i> В УСТНОМ ДИСКУРСЕ: СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ, ДИСКУРСИВНЫЕ ФУНКЦИИ, ПРОСОДИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ А.А. Айсанова, Д.Д. Марченяк	64
ЖИВОТНЫЕ В РЕКЛАМЕ (ОБЗОР ЛИТЕРАТУРЫ) Ю.В. Массальская, А.В. Николаева	85
РАДИОПЬЕСЫ КАК ОСОБЫЙ ЖАНР В ТВОРЧЕСТВЕ Э. ЕЛИНЕК Т.В. Акашева, А.Д. Жаркова	97
ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ВВОДНЫХ КОНСТРУКЦИЙ В СТРУКТУРЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ С.Н. Михалёва, И.Н. Костина	113

АУДИОВИЗУАЛЬНЫЙ ТЕКСТ
И ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА УСТОЙЧИВЫХ
ВЫРАЖЕНИЙ

О.А. Кудинова, В.И. Кудинова 124

ТИПЫ ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКИХ КОЛЛОКАЦИЙ
В МЕДИЦИНСКОМ ДИСКУРСЕ
АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА

О.О. Лямова 139

РЕЧЕВАЯ РЕАЛИЗАЦИЯ МАНИПУЛЯТИВНЫХ ТАКТИК
В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Т.П. Палий, И.Н. Потеряхина 154

ФОРМУЛАИЧНОСТЬ НЕПОЛНОЙ СИНТАКСИЧЕСКОЙ ФОРМЫ
ПОВЕЛИТЕЛЬНОГО ВЫСКАЗЫВАНИЯ В ДИСКУРСЕ

Ю.А. Ненашева 174

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

ШКОЛЬНЫЕ УЧЕБНИКИ
ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ КАК ИНСТРУМЕНТ ПОЛИТИКИ
ПАМЯТИ СОВЕТСКОГО ГОСУДАРСТВА

И.С.OGOновская 193

НАЧАЛЬНАЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ПОДГОТОВКА
СОТРУДНИКОВ РАБОЧЕ-КРЕСТЬЯНСКОЙ МИЛИЦИИ
ГУБЕРНИЙ РСФСР В 1920-Х ГГ. (НА МАТЕРИАЛАХ
ДАЛЬНЕВОСТОЧНОГО РЕГИОНА)

Т.А. Орнацкая 224

НОРМАТИВНО-ПРАВОВАЯ БАЗА СИСТЕМЫ
ПОПЕЧИТЕЛЬСТВА НАД НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИМИ
В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В XIX – НАЧАЛЕ XX ВВ.
НА ПРИМЕРЕ УФИМСКОЙ ГУБЕРНИИ

Т.Т. Хасанов 241

О СПЕЦИФИКЕ ПРЕПОДАВАНИЯ, ШКОЛАХ И
ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫХ ЦЕНТРАХ ПАЛЕСТИНЫ ЭПОХИ
ПОЗДНЕЙ АНТИЧНОСТИ

Ж.М. Сухова, И.Ю. Ващева 255

ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ

ИДЕАЛИЗАЦИЯ РЕАЛЬНОСТИ ЧЕРЕЗ ФОТОГРАФИИ
В СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЯХ

С.М. Мальцева, Н.А. Никитина, Е.С. Суровегина 277

НЕПРЕРЫВНОЕ ПОЖИЗНЕННОЕ ОБУЧЕНИЕ КАК ПРАКТИКА
«ЗАБОТЫ О СЕБЕ»

Н.Н. Балашова, Е.А. Кленина, А.Е. Песков 293

ОСОБЕННОСТИ САМОИДЕНТИФИКАЦИИ ЛИЧНОСТИ СТУДЕНТА
В ЭПОХУ ПОСЛЕ «ТЕРАПЕВТИЧЕСКОГО ПОВОРОТА»

Е.С. Балашова, А.В. Богачева, А.В. Хижная 309

ТЕКТОЛОГИЯ КОЛЛАПСА И СОВРЕМЕННОСТЬ

Е.В. Суханова, Н.С. Шиловская, Д.А. Скородумов 325

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ 343

CONTENTS

LANGUAGE AND LITERATURE STUDIES

LANGUAGE SPACE OF NEURAL NETWORKS: FEATURES AND DIFFERENCES FROM NATURAL LANGUAGE N.B. Egorchenkova, O.V. Korobova	10
THE SPECIFICS OF TRANSLATING THE FICTIONAL LANGUAGE “NADSAT” INTO FRENCH M.N. Sadovnikova	27
PUBLIC SERVICE ANNOUNCEMENT IN HEALTHCARE: LINGUISTIC AND STYLISTIC FEATURES AS A REFLECTION OF SOCIETAL CHANGE N.P. Chikunova, L.K. Khalitova	49
THE WORD <i>SOOTVETSTVENNO</i> IN ORAL DISCOURSE: SEMANTIC FEATURES, DISCOURSE FUNCTIONS, AND PROSODIC CHARACTERISTICS A.A. Aisanova, D.D. Marchenyak	64
ANIMALS IN ADVERTISING (LITERATURE REVIEW) Yu.V. Massalskaya, A.V. Nikolaeva	85
RADIO PLAYS AS A SPECIAL GENRE IN THE WORK OF E. JELINEK T.V. Akasheva, A.D. Zharkova	97
FEATURES OF INTRODUCTORY CONSTRUCTION FUNCTIONING IN SENTENCE STRUCTURE S.N. Mihaleva, I.N. Kostina	113

AUDIO-VISUAL TEXT AND FEATURES OF IDIOMATIC
EXPRESSIONS TRANSLATION**O.A. Kudinova, V.I. Kudinova** 124TYPES OF TERMINOLOGICAL COLLOCATIONS
IN MEDICAL ENGLISH DISCOURSE**O.O. Lyamova** 139MANIPULATIVE TACTICS IMPLEMENTATION IN POLITICAL
DISCOURSE**T.P. Paliy, I.N. Poteryakhina** 154FORMULATICITY OF THE INCOMPLETE SYNTACTIC
FORM OF AN IMPERATIVE STATEMENT IN DISCOURSE**Iu.A. Nenasheva** 174**HISTORY STUDIES**SCHOOL TEXTBOOKS OF NATIONAL HISTORY
AS AN INSTRUMENT OF THE MEMORY POLICY
OF THE SOVIET STATE**I.S. Ogonovskaya** 193INITIAL PROFESSIONAL TRAINING OF WORKERS' AND PEASANTS'
MILITIA OFFICERS OF THE RSFSR PROVINCES IN THE 1920S
(BASED ON THE MATERIALS OF THE FAR EASTERN REGION)**T.A. Ornatskaya** 224LEGAL FRAMEWORK OF THE MINOR GUARDIANSHIP SYSTEM
IN THE RUSSIAN EMPIRE IN THE XIX – EARLY XX CENTURIES
USING THE EXAMPLE OF UFA PROVINCE**T.T. Khasanov** 241ON THE SPECIFICS OF TEACHING, SCHOOLS AND INTELLECTUAL
CENTERS OF PALESTINE OF LATE ANTIQUITY**Zh.M. Sukhova, I.Yu. Vashcheva** 255

PHILOSOPHICAL STUDIES

IDEALIZATION OF REALITY THROUGH PHOTOS IN SOCIAL NETWORKS

S.M. Maltseva, N.A. Nikitina, E.S. Surovegina277

CONTINUOUS LIFELONG LEARNING AS A PRACTICE OF «SELF-CARE»

N.N. Balashova, E.A. Klenina, A.E. Peskov293

FEATURES OF STUDENT SELF-IDENTIFICATION IN THE ERA AFTER THE “THERAPEUTIC TURN”

E.S. Balashova, K.R. Gorokhova, A.N. Peshekhonova309

COLLAPSE TECTOLOGY AND MODERNITY

E.V. Sukhanova, D.A. Skorodumov, N.S. Shilovskaya325

RULES FOR AUTHORS343

Подписано в печать 30.12.2024. Дата выхода в свет 30.12.2024. Формат 60х84/16. Усл. печ. л. 25,22. Тираж 5000 экз. Свободная цена. Заказ SISP164/024. Отпечатано с готового оригинал-макета в типографии «Издательство «Авторская Мастерская» (ИП Давгуненко А.А. ИНН 344210747590). Адрес типографии: ул. Проезд Добролюбова 3 стр. 2, г. Москва, 127254, Россия.